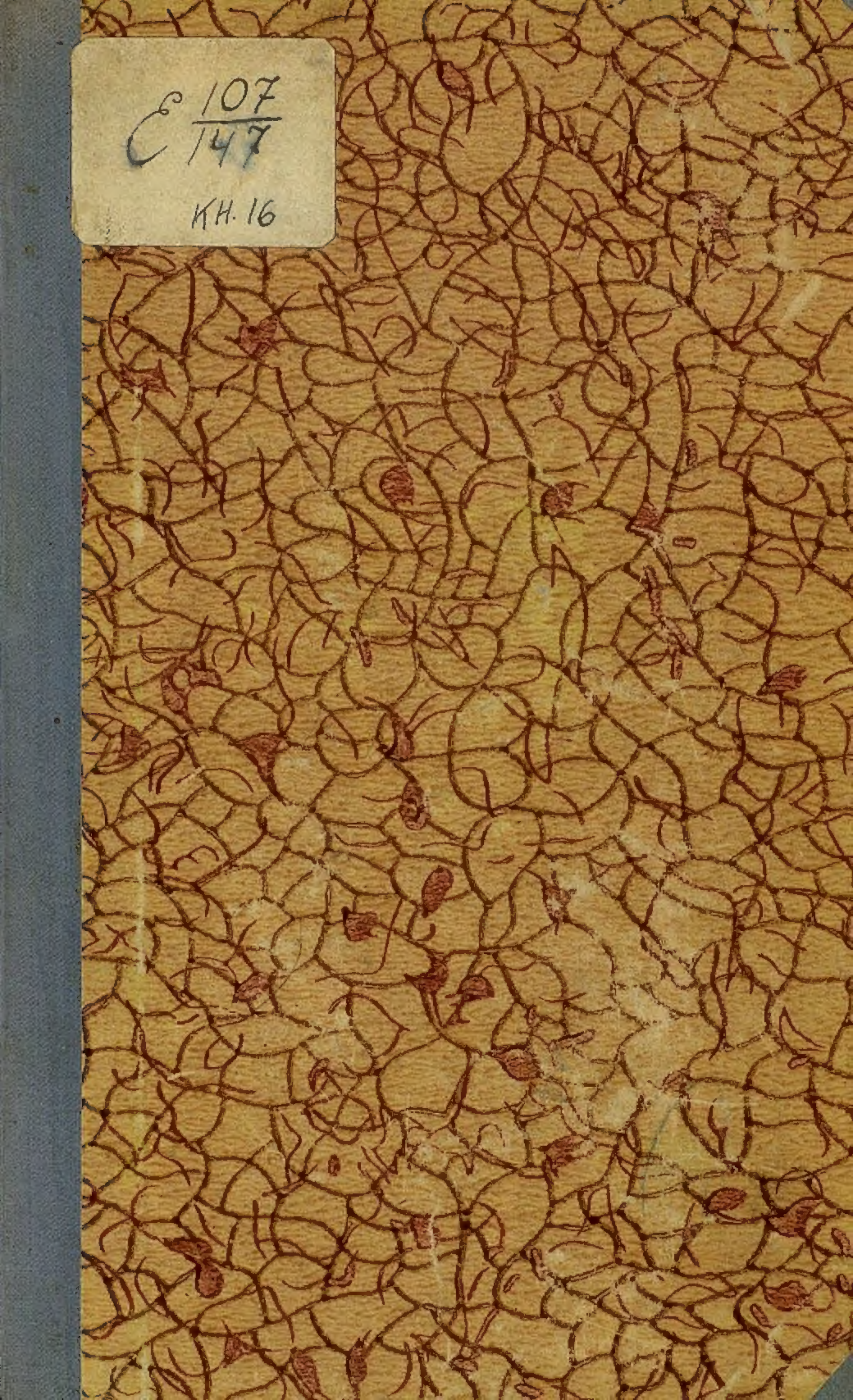

Е 107/147
кн. 16

Е 10 г.
801-05
1670
147 г.

ARCHIVES DU PRINCE WORONZOW.

АРХИВЪ

КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

XVI

КНИГА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

МОСКВА.

1880.

АРХИВЪ КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

КНИГА ПЕРВАЯ. Личныя бумаги императрицы Елисаветы Петровны.— Дневная записка Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ 1742 г.— Письма князя Кантемира къ графу М. Л. Воронцову.—Письма принцессы Цербской Іоанны Елисаветы къ графу М. Л. Воронцову.—Дѣло о маркизѣ Шетарди и объ его высылкѣ изъ Россіи 1744 года. (Перлюстрація депешъ и писемъ съ ремарками графа А. П. Бестужева-Рюмина). Со снимками.

КНИГА ВТОРАЯ. Переписка графа А. П. Бестужева-Рюмина съ графомъ М. Л. Воронцовымъ.—Перлюстрація писемъ о заговорѣ маркиза Ботты.— Письма Миниха.—Письма гр. М. Л. Воронцова къ императрицѣ Елисаветѣ.—Бумага о побѣгѣ въ чужіе края Д. В. Волкова.

КНИГА ТРЕТЬЯ. Собственноручный служебный журналъ графа М. Л. Воронцова.—Письма Ѳ. Д. Бехтѣева къ графу М. Л. Воронцову.—Коржавины—вольнодумцы XVIII столѣтія.—Объ арестѣ Лестока.—Переписка гр. М. Л. Воронцова съ гр. А. Г. Головкинымъ.—Бумаги о покушеніи на жизнь императрицы Елисаветы.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ. Дѣло о студентѣ Маріамскомъ и его политическихъ похожденіяхъ 1751 г.—Секретная посылка Веймарна и Ширингера 1752.— Переписка канцлера гр. Бестужева съ фельдмаршаломъ Апраксинымъ.— Записка графа М. Л. Воронцова о Семилѣтней войнѣ 1759.—Дневникъ докладовъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ съ отзывами императрицы Елисаветы.—Изъ писемъ гр. М. Л. Воронцова и его супруги къ дочери ихъ баронессѣ Строгановой.—Письма Ломоносова къ гр. М. Л. и Р. Л. Воронцовымъ.—Письмо герцога Голштинскаго Карла Фридриха къ Елисаветѣ Петровнѣ.

КНИГА ПЯТАЯ. Автобіографическая записка гр. А. Р. Воронцова.— Письма гр. М. Л. Воронцова къ гр. А. Р. Воронцову.—Письма княгини Дашковой, Радищева и Вольтера къ гр. А. Р. Воронцову.

КНИГА ШЕСТАЯ. Доклады Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ.—Переписка гр. М. Л. Воронцова съ Ѳ. Д. Бехтѣевымъ, И. И. Шуваловымъ и съ главнокомандующими въ Семилѣтнюю войну.—Политическія записки.— Донесенія о взятіи Берлина Русскими войсками.—Письмо о Русскомъ войскѣ въ 1757 году. Съ планомъ взятія Берлина Русскими войсками.

АРХИВЪ
КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

XVI.

АРХИВЪ
КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

КНИГА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

МОСКВА.
Типографія П. Лебедева, Газетный пер., д. Корзинкина.
1880.

БУМАГИ

ГРАФА СЕМЕНА РОМАНОВИЧА ВОРОНЦОВА.

Письма графа С. Р. Воронцова къ разнымъ лицамъ.

(1759—1815).

МОСКВА.
Типографія П. Лебедева, Газетный пер., д. Корзинкина.
1880.

2007089556

*

Въ настоящую книгу собраны письма графа С. Р. Воронцова, съ его 15-ти лѣтняго возраста до глубокой старости. Всѣ они, кромѣ писемъ къ отцу, сохранились въ черновыхъ подлинникахъ, и, можетъ быть нѣкоторыя изъ нихъ были только написаны, а не посланы; но содержаніе ихъ въ большинствѣ случаевъ не только служитъ къ біографіи того, кто ихъ писалъ, но и касается предметовъ государственнаго и общественнаго значенія. Въ нихъ разсѣяно множество болѣе или менѣе важныхъ историческихъ и бытовыхъ указаній за цѣлые полвѣка Русской жизни, и потому они представляютъ собою драгоцѣнное достояніе нашей исторіографіи.

Петръ Бартеневъ.

*

СОДЕРЖАНІЕ

ШЕСТНАДЦАТОЙ КНИГИ АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА

А. Письма графа Семена Романовича къ отцу его графу Роману Ларіоновичу Воронцову.

*) Номера 81—88 по ошибкѣ пропущены.

Г. Переписка Екатерины Великой съ графомъ С. Р. Воронцовымъ, для предотвращенія войны съ Англіею.

1788—1789.

ПИСЬМА ГРАФА СЕМЕНА РОМАНОВИЧА

КЪ ОТЦУ ЕГО

ГРАФУ РОМАНУ ЛАРІОНОВИЧУ

ВОРОНЦОВУ.

Письма эти, важныя для біографіи писавшаго ихъ и содержащія въ себѣ многія живыя черты старинняго быта, начинаются еще въ Елисаветинское время, когда графы Воронцовы получили отъ Государыни нѣсколько горныхъ Сибирскихъ заводовъ. Графъ Романъ Ларіоновичъ отправилъ туда втораго пятнадцати-лѣтняго своего сына познакомиться съ новымъ владѣніемъ. Между тѣмъ какъ старшій братъ, графъ Александръ учился въ Парижѣ и путешествовалъ по Испаніи, молодой графъ Семенъ Романовичъ объѣзжалъ безмѣрныя пространства Россіи и набирался родныхъ впечатлѣній, которыя навсегда оставили прочный слѣдъ въ его воспріимчивой душѣ. Мальчику камеръ-пажу, записанному въ Преображенскій полкъ, пошло въ прокъ это путешествіе. Много онъ насмотрѣлся Русской жизни, многому научился, объѣзжая съ приказчиками отцовскія имѣнія. Это было своего рода наглядное обученіе, и оттого-то, между прочимъ, въ своей дальнѣйшей дѣятельности онъ является такимъ кореннымъ Русскимъ человѣкомъ, хотя ему и суждено было большую часть долгаго вѣка провести въ чужихъ краяхъ.

Для лучшаго пониманія послѣдующихъ писемъ, писанныхъ уже въ царствованіе Екатерины II-й, надо знать, что графъ Семенъ Романовичъ въ раннемъ младенчествѣ лишился матери своей, Мареы Ивановны (урожденной Сурминой, въ первомъ бракѣ княгини Долгоруковой). Ея богатыя имѣнія остались въ распоряженіи графа Романа Ларіоновича, къ характеристикѣ котораго можетъ служить то, что ему порученъ былъ, по воцареніи Елисаветы Петровны, надзоръ за Брауншвейгскою фамиліею: онъ отвозилъ младенца-императора Іоанна Антоновича въ Ригу. Молодость графа Семена Романовича протекла въ сиротствѣ и въ лишеніяхъ, которыя воспитывали его душу, такъ что онъ съ раннихъ поръ пріучился къ самостоятельной внутренней жизни. П. Б.

1.

Въ Москвѣ, 23 Октября 1759 года.

Милостивый государь батюшка!

Письмо отъ васъ я имѣлъ честь получить и крайне сожалѣю, что не могъ еще избрать матеріи писать къ вамъ пространно въ семъ краткомъ вояжѣ, а особливо къ Ивану Ивановичу [1]). Однако, милостивый государь, слѣдуя вашимъ повелѣніямъ, писалъ нынѣ къ его высокопревосходительству, что̀ могъ только вздумать и пакетъ на оное письмо не запечаталъ, за тѣмъ, чтобъ прочитать оное изволили. Что-жъ вы изволите писать о Андріанѣ Ларіоновичѣ [2]), то я о худыхъ его поступкахъ неизвѣстенъ. Онъ живетъ у отца своего и бываетъ у меня всякое утро трезвъ, а въ прочемъ усмотрѣть мнѣ не можно. Что̀ касается до нашего отъѣзду, то все у васъ готово, и мы Божіею милостію 27-го числа отправимся. Я бы хотѣлъ прежде онаго выѣхать, но Ѳедору Борисовичу есть нѣкая нужда, которая его не допускаетъ прежде онаго времени отправиться. Впрочемъ, препоручая себя въ вашу ко мнѣ родительскую милость, остаюсь вашъ, милостивый государь батюшка,

всенижайшій рабъ Семенъ Воронцовъ [3]).

---

2) Шувалову, представителю образованности и письменности при дворѣ Елисаветы Петровны.

2) Вѣроятно о Дубровскомъ, который сопровождалъ графа Семена Романовича въ этомъ путешествіи.

3) Такъ подписывался 15-ти лѣтній графъ Семенъ Романовичъ; въ слѣдующемъ году, въ письмахъ изъ чужихъ краевъ, эта подпись нѣсколько измѣнилась. Въ дальнѣйшихъ письмахъ, для краткости, опускаются обычныя начала и окончанія.

2.

Въ Москвѣ, 8 Декабря 1759 года.

Всеподданнѣйше вамъ доношу, что прибыли мы вчерась, то есть седмого числа нынѣшняго мѣсяца въ десятомъ часу утра, въ Москву, прямо къ дядюшкѣ Ивану Ларіоновичу [1]) на дворъ, который вмѣстѣ съ тетушкою насъ чрезмѣрно ласково приняли. Того же числа, послѣ обѣда, былъ я у матушки князя Михаила Ивановича, гдѣ съ великою радостію видѣлъ, какъ оная любитъ сестру Екатерину Романовну. Сегодня я поѣду съ дядюшкою къ графинѣ Екатеринѣ Ивановнѣ [2]). Бекмана я еще не видалъ, но онъ хотѣлъ завтра ко мнѣ пріѣхать. Дядюшка Иванъ Ларіоновичъ чрезъ два дни въ Петербургъ отправится. Дорога отъ Петербурга до Москвы такъ дурна была, что возокъ нашъ и крытыя сани совсѣмъ изломало. При семъ осмѣлюсь вамъ представить, милостивый государь батюшка, что Воронцовы, которые въ университетѣ учатся, лучше, ежели-бъ вы съ ними милость сдѣлали, чтобъ взять ихъ въ Петербургъ и отдать куда нибудь въ пансіонъ или въ кадетской корпусъ, за тѣмъ, что учитель дядюшкинъ, который весьма знающій есть человѣкъ, ихъ экзаменовалъ и сказалъ, что они со-

---

1) Младшій братъ государственнаго канцлера, президентъ Вотчинной Коллегіи, находившейся въ Москвѣ, род. 31 Окт. 1720, ум. 15 Генваря 1789, женатый на дочери знаменитаго Волынскаго Марьѣ Артемьевнѣ, род. 19 Марта 1725, ум. 17 Ноября 1792, какъ означено на ихъ надгробныхъ каменьяхъ въ церкви села Воронова (впослѣдствіи Ростопчинскаго). Это предки нынѣшнихъ графовъ Воронцовыхъ-Дашковыхъ.

2) Головкиной, урожд. княжнѣ Ромодановской (1701—1791), жившей въ Москвѣ по возвращеніи изъ Сибирской ссылки, куда она послѣдовала, по воцареніи Елисаветы Петровны, за своимъ мужемъ графомъ Михаиломъ Гавриловичемъ, скончавшимся въ Ноябрѣ 1755 года.

всѣмъ ничего не знаютъ. Нечему и дивиться, когда учители пьяницы, а ученики самые подлыя поступки имѣютъ. Человѣкъ самаго лучшаго воспитанія тамъ испортиться можетъ, не токмо чтобъ научиться. Я меньшаго у дядюшки видѣлъ и думаю, что ежели въ хорошихъ рукахъ будетъ, то добраго плода ожидать можно, ибо въ остротѣ разума у него нѣтъ недостатка. Ежели я теперь дурно написалъ, то всеподданнѣйше прошу на меня не гнѣваться; ибо причина тому безпокойство въ дорогѣ и безсонница, отъ которой у меня вся голова въ кругъ идетъ и рука дрожитъ.

3.

(Москва), 10 Декабря 1759 г.

Всеподданнѣйше вамъ доношу, что видѣлся я съ Петромъ Петровичемъ Бекманомъ, который къ крайнему моему удовольствію согласенъ съ желаніемъ вашимъ, милостивый государь батюшка. Чтò касается до нашего отъѣзда, то въ скоромъ времени сдѣлать его не можно: ибо князь Михайло Ивановичъ Шаховской мнѣ сказалъ, что указы изъ Сената, касающіеся до моего отправленія, еще имъ не посланы въ разные тѣ уѣзды, мимо которыхъ намъ ѣхать будетъ и что когда ихъ пошлетъ на первой почтѣ, то тамъ еще лошадей собрать вдругъ не можно.

4.

(Москва), 13-го Декабря 1759 года.

Письмо ваше имѣлъ я честь получить вчерашняго дня къ великой моей радости; только то мнѣ прискорбно, что я услышалъ о братцовой болѣзни, но тѣмъ успокоился, что онъ выздоравливаетъ уже. Ѳедоръ Борисовичъ вчерась пріѣхалъ въ Москву и всенижайше васъ благодаритъ за кафтанъ, что ему прислать изволили, а завтра въ Матренино опять возвратится, гдѣ меня ожидать станетъ. Правда, что по дядюшкиномъ отъѣздѣ чувствую нѣкоторой недостатокъ въ Москвѣ удовольствія и долго пребывать не хотѣлъ-бы въ Москвѣ, но ожидаю вашего повелѣнія, которое я исполнять тѣмъ больше буду стараться, чѣмъ меньше вы имѣете надежды на мою младость. Повѣрьте, милостивый государь батюшка, что я сколько вояжъ мой буду продолжать для собственной моей пользы, а больше того стараться стану о вашемъ удовольствіи.

5.

20-го Декабря 1759 года.

Письмо, посланное отъ васъ 13-го Декабря, я имѣлъ честь получить. Прошу, милостивый государь, меня извинить, что я по нынѣ живу въ Москвѣ, однако сіе сдѣлалъ не по своей волѣ, но по дядюшкину повелѣнію: онъ хотѣлъ съ вами нѣчто говорить и ѣхать не приказалъ до тѣхъ поръ, пока я не получу его писемъ и вашихъ повелѣніевъ,

которыхъ я ожидаю съ крайнею нетерпѣливостію. Повѣрьте, милостивый государь батюшка, что мнѣ Москва уже наскучила, и я хотѣлъ-бы тѣмъ скорѣе выѣхать, чѣмъ больше желаю оказать мое повиновеніе и удовольствовать ваше желаніе, какъ новыми извѣстіями, такъ и прочею исправностію.

6.

27-го Декабря 1759 года.

Имѣлъ я честь получить ваше письмо отъ двадцатаго числа нынѣшняго мѣсяца, въ которомъ приказываете мнѣ описать мои знакомства и весело ли мнѣ въ Москвѣ, на что вамъ всепокорнѣйше доношу, что мнѣ въ Москвѣ нѣсколько и скучно, а ѣзжу я только съ тетушкою къ Василію Васильевичу Нарышкину, къ князю Михайлѣ Ивановичу Шаховскому, къ сестрѣ Екатеринѣ Романовнѣ, а всѣхъ чаще къ графинѣ Екатеринѣ Ивановнѣ *), которая по своей милости меня жалуетъ.

*) Отъ этой славной страдалицы XVIII вѣка графъ Семенъ Романовичъ могъ наслушаться многихъ историческихъ преданій Русской жизни еще и XVII вѣка: она хорошо помнила время Петра Великаго, при которомъ видное мѣсто занималъ ея отецъ князь Иванъ Юрьевичъ Ромодановскій.

7.

5-го Января 1760 года

Третьягоднись ночью пріѣхали мы въ Матренино *): вчерась ѣздили по всѣмъ деревнямъ, которыя окружаютъ Андреевское и видѣли также кирпичные заводы, и могу вамъ объявить, что этакого кирпича ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ не видано. Петръ Петровичъ, который многіе заводы видѣлъ, сказалъ, что подобнаго оному не видалъ, ибо оной великъ и хорошо обожженъ, такъ что никоимъ образомъ разбить его молотомъ не можно; а печи, гдѣ его обжигаютъ, не такъ сдѣланы, какъ у насъ въ Петербургѣ. Впрочемъ мужики весьма довольны Кузьмою Кирилычемъ, и можно сказать, что онъ всячески старается, чтобъ угодить вамъ, милостивый государь батюшка. Вчерась были у меня изъ Володиміра ассесоръ Верещагинъ и секретарь изъ тамошней канцеляріи, которые обѣщали мнѣ дать Володимірской Лѣтописецъ. Завтра мы изъ Матренина выѣдемъ и продолжать свой путь будемъ на Володиміръ, Муромъ, Арзамасъ и Саранскъ, гдѣ поживемъ дни два на Исѣ, а оттуда прямо на винной заводъ, откуда въ Казань проѣдемъ. Я оною дорогою за тѣмъ въ Казань поѣду, что вы мнѣ къ Жемчужникову заѣхать приказали; что̀ касается до Сибири, то по выкладкѣ, мы десять дней прежде Ирбитской ярмонки туда пріѣдемъ.

---

*) Матренинская или Андреевская волость, въ 40 верстахъ не доѣзжая отъ Москвы до города Владиміра—старинная вотчина Воронцовыхъ.

8.

8-го Генваря 1760 года

Доношу вамъ, милостивый государь, что пріѣхали мы вчерась въ полночь въ Володиміръ и стали въ домѣ у Ивана Львовича, тамошняго писаря, которой неоставленіемъ вашимъ нахвалиться не можетъ. Что̀ касается до здѣшняго секретаря Ѳедора Василіевича Ховрина, то представляю вамъ его какъ честнаго человѣка; но про воеводу этого сказать не можно: хотя я его и не видалъ, однако тѣмъ смѣлѣе о немъ говорю, что всѣ обыватели мнѣ его описали какъ превеликаго плута. Правду сказать, что я имъ не очень доволенъ, ибо онъ вашей Матренинской волости сержанта не взлюбилъ и бѣднаго человѣка гонятъ понапрасну, для чего я къ нему посылалъ унтеръ-офицера, котораго онъ весьма худо принялъ. Передъ тѣмъ чтобъ выѣхать изъ Матренина, я смотрѣлъ столярную работу, которою вы конечно довольны будете. И подлинно, что рачительной искусной столяръ; только за лѣсомъ есть великая остановка. Осталось мнѣ доложить вамъ, милостивый государь, что оной столяръ просилъ меня, чтобъ я къ вамъ отписалъ о прибавкѣ жалованья старыхъ двухъ столярей: имъ идетъ только по два рубли, а новымъ ученикамъ, которые хуже работаютъ, какъ онъ объ томъ засвидѣтельствуетъ, идетъ по десяти, что̀ много куражу отъ первыхъ отнимаетъ. Ежелибъ приказали по восьми имъ давать, то думаю, что немало придастъ имъ ободренія. Что̀ касается до пути, тотчасъ послѣ обѣда изъ города выѣдемъ. Хотя мы изъ Матренина до Володиміра невеликой путь сдѣлали, однако довольно мы всѣ почувствовали, что Ѳедоръ Борисовичъ сокровище наше будетъ въ дорогѣ; ибо у насъ никто попроворить такъ не умѣетъ.

9.

Арзамасъ, 11-го Генваря 1760 года.

Пріѣхали мы вчерашняго числа, т. е. 10-го числа нынѣшняго мѣсяца, въ Арзамасъ и стали на дворѣ Михайла Ивановича Языкова, сего города воеводы. Онъ насъ чрезмѣрно хорошо принялъ, милостивый государь; также и товарищъ воеводской Григорій Осипычъ Лопатинъ, который служилъ съ вами вмѣстѣ въ Измайловскомъ полку и милостію вашею обязанъ, старался ему соотвѣтствовать. Первое, что я сдѣлалъ въ семъ городѣ, было то, чтобъ послать въ слободу Сергѣя Васильича Салтыкова за выборнымъ, у котораго спросилъ, нѣтъ ли имъ какихъ обидъ и, узнавши, что ихъ рекрутскіе постои безпокоятъ, то тотчасъ выпросилъ у воеводы, который всячески старается вамъ угодить, милостивый государь батюшка, чтобъ освободить ихъ отъ оныхъ. Видѣлся я также въ семъ городѣ съ Алексѣемъ Андреичемъ Мосоловымъ, который также милостію вашею обязанъ; онъ мнѣ сказалъ, что у него есть деревня въ Шатску подлѣ вашей, и что онъ изъ этой деревни перевелъ всѣхъ мужиковъ въ другой уѣздъ. Оную его оставшую землю торгуетъ Пановъ, маіоръ кадетскаго корпуса; но онъ ее хочетъ продать вамъ за тѣмъ, что она смежна съ вашею вышесказанною деревнею и въ которой земли очень мало. Въ семъ городѣ за тѣмъ мы ночевали, что вчерась, какъ мы пріѣхали, то было очень поздно, а сегодня закупали мы людямъ все, что ихъ отъ холоду защитить можетъ. Досталъ я также въ семъ городѣ нѣкоторое изъясненіе о происхожденіи онаго.

P. S. Позабылъ я вамъ донести, милостивый государь, что въ Володимірѣ я Матренинскаго дьячка въ попы выпросилъ, да также выходилъ атестатъ у воеводы для сержанта того, который изъ мужиковъ Матренинскихъ, и хоть воевода его не любитъ, одно не смѣлъ мнѣ того отказать. Онъ поѣдетъ съ атестатомъ въ Петербургъ въ Военную Коллегію для награжденія чина и отставки; и когда онъ тамъ будетъ, то представляю вамъ, милостивый государь, его какъ исправнаго человѣка и который тѣмъ только былъ въ несчастіи, что, будучи при Володимірской канцеляріи, ослушался воеводу въ нѣкоторыхъ его непристойныхъ повелѣніяхъ; впрочемъ онъ честный человѣкъ, и мнѣ объ немъ засвидѣтельствовалъ тамъ Володимірскаго воеводы товарищъ.

10.

Съ винного завода, 19-го Генваря 1760 года.

Не могу вамъ довольно описать мое крайнее сожалѣніе, милостивый государь батюшка, что такъ непоспѣшно ѣдемъ. Истинно я не виноватъ въ томъ, за тѣмъ что ужасныя бури между Арзамасомъ и Саранскомъ насъ въ степи принуждали цѣлыя ночи въ деревушкахъ останавливаться, такъ что разъ выѣхали мы въ сумеркахъ изъ одной деревни и лишь отъѣхали мы версты двѣ, то поднялась такая жестокая погода, что мы тотчасъ съ дороги сбились и въ оврагъ попадали; ежели-бъ по нашему счастію мужикъ одинъ въ деревню не проводилъ назадъ, то люди-бы наши околѣли.

Пріѣхавши въ Саранскъ и отобѣдавши у Алексѣя Ильича Шувалова, который тутъ воеводою и который насъ хорошо принялъ, отправились тотчасъ на Ису, куда пріѣхали мы 14-го числа нынѣшняго мѣсяца. Первое, что мы тутъ сдѣлали, то было, чтобъ осмотрѣть конный заводъ. Тутъ мы нашли добрыхъ кобылъ, нехудыхъ жеребятъ и дурныхъ жеребцовъ, а наипаче всего скверное смотрѣніе и неумѣнье тамошняго конюшаго, который всегда пьянствуетъ и своего дѣла не знаетъ, такъ что Жемчужниковъ его учитъ, когда жеребятъ отъ кобылъ отнимать. Не жаль, милостивый государь батюшка, восьмидесяти рублей, которыя оному конюшему изволите жаловать, но жаль того, что заводъ онъ перепортитъ. Также въ крайнюю жалость привели меня Исенскіе мужики, которые до основанія было разорились стараніемъ Алексѣя Иваныча Бахметьева, который для лучшаго способу, чтобъ пустить крестьянъ богатыхъ по міру, вздумалъ, чтобъ въ одномъ тяглѣ одинъ бы братъ былъ на пашнѣ, а другой на оброкѣ, что сдѣлало междусобное несогласіе во всѣхъ семьяхъ и всѣ на разныя части раздѣлились и пришли въ крайнее обѣдненіе; а также заставляетъ Исенскихъ мужиковъ ихъ же лѣсъ рубить и возить къ нему на строеніе мыльной фабрики, и вмѣсто платы плетьми сѣчетъ, для чего непоспѣшно работаютъ. Вчерась, т. е. 18 числа, пріѣхали мы на винный заводъ, а сегодня въ Казань отправимся. Здѣсь на заводѣ видѣлъ я, съ крайнею радостію, чрезмѣрное раченіе Жемчужникова къ вашему интересу, милостивый государь; можно сказать, что этотъ человѣкъ объ томъ только и думаетъ, чтобъ вамъ угодить. Пріѣхавши изъ Петербурга, построилъ онъ четыре анбара, свѣтлицы, скотный дворъ, также прекратилъ непорядки Алексѣя Иваныча на Исѣ, умножилъ ваши дачи съ Татарской стороны, вино отправилъ въ Москву и Шую до шестнадцати тысячъ ведеръ, да еще заготовлено восемь

тысячъ и пятьсотъ ведръ. Онъ крайне боится воровъ, милостивый государь батюшка, за тѣмъ что они въ государствѣ чрезмѣрно умножились и за тѣмъ, что сыскныя команды вмѣсто того, чтобы защищать сами воруютъ, и прошлымъ годомъ въ шести верстахъ отъ этого завода маіора Ергакова разбойники сожгли до смерти, и многіе бѣглые рекруты изъ Сурмина и на него грозятся. Онъ проситъ, милостивый государь, чтобъ пожаловали прислали солдатъ отставныхъ человѣкъ восемь, которые-бъ его защищали, а хлѣбъ имъ будетъ.

II.

Изъ Казани, 1760 года 24-го Генваря.

Вчерашняго числа, то есть 23-го нынѣшняго мѣсяца, пріѣхали мы подъ вечеръ въ Казань, прямо на дворъ къ Ивану Ивановичу Блохину, что мнѣ приказано было отъ дядюшки Ивана Ларіоновича. Онъ насъ чрезмѣрно ласково принялъ и благодарилъ за то, что нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не стали. Сегодня поѣду къ здѣшнему архіерею, а потомъ къ вицъ-губернатору. Сегодня также имѣлъ честь получить ваши четыре письма отъ 30-го Декабря и отъ 2-го, 3-го и 4-го чиселъ нынѣшняго мѣсяца; въ оныхъ вы изволите негодовать за мое медленіе въ Москвѣ. Повѣрьте, милостивый государь батюшка, что не для веселья я тамъ долго прожилъ, за тѣмъ что я его не имѣлъ, да ежели бы и имѣлъ его, то повѣрьте, что ничто едакое не заставило-бы меня поступить не по вашему желанію. Истинно, милости-

вый государь, я тамъ мѣшкалъ за тѣмъ, что большіе морозы могли-бы причинить крайній вредъ нашей свитѣ; ибо мы видѣли печальный примѣръ надъ одной госпожей, которая ѣхала изъ своихъ деревень въ Москву и отъ большихъ морозовъ, которые ее застали въ степи, замерзла и всѣ ея люди, кромѣ двухъ извощиковъ, которые насилу могли довезти сихъ несчастныхъ людей. Насъ между Муромомъ и Арзамасомъ гораздо меньше прежнихъ морозы застали, да еще и лѣсомъ; но и тутъ людей нашихъ перепятнало; однако теперь морозы насъ оставили, и мы завтра изъ Казани выѣдемъ. Только насъ награждаютъ жестокія бури, которыя намъ опасны были только въ степи, а какъ мы оныя ужъ миновали и поѣдемъ все лѣсомъ, то путь нашъ ничѣмъ одержимъ не будетъ. Я обстоятельно освѣдомился, что Ирбитская ярмонка начинается 12-го Февраля, и такъ мы до начатія оной туда пріѣдемъ. Въ послѣднемъ письмѣ вы изволите гнѣваться на меня, для чего я не писалъ, съ кѣмъ знакомство свелъ въ Москвѣ и куда ѣздилъ? Я уже изъ Москвы вамъ доносилъ, развѣ оное письмо до васъ не дошло, что я ѣздилъ только къ Василію Васильевичу Нарышкину, къ князю Михайлѣ Ивановичу Шаховскому, къ Николаю Григорьичу Строгонову, къ сестрѣ Катеринѣ Романовнѣ, а всего чаще къ графинѣ Екатеринѣ Ивановнѣ, и во всѣхъ оныхъ домахъ принятъ былъ съ великою ласкою, а паипаче въ послѣднемъ. Впрочемъ я никакихъ весельевъ или знакомствъ не имѣлъ, былъ дважды въ оперѣ, первый разъ для куріезности, и увидѣлъ такой скверный театръ, какого вообразить не вдругъ можно, объ чемъ я и говорилъ Михайлѣ Михайловичу, и вдругорядь бы туда не заѣхалъ, ежели-бъ графиня Екатерина Ивановна меня съ собою не взяла. Былъ также въ одномъ маскарадѣ; объ немъ вамъ скажетъ Ѳедоръ Иванычъ Мамоновъ, что кто въ карты не играетъ, тому конечно скучно было, за тѣмъ

что холодно было въ залѣ. Музыканты подпили, и тѣхъ только пять человѣкъ, играютъ да перестанутъ. И такъ я принужденъ былъ сидѣть у комелька съ Григорьемъ Григорьичемъ, который при графинѣ и котораго вы знать изволите. Виноватъ, милостивый государь батюшка, позабылъ вамъ объявить еще о двухъ моихъ знакомцахъ: первый есть учитель дядюшки Ивана Ларіоновича, мужикъ преумный и отъ котораго я много профитиривалъ, за тѣмъ что жилъ въ Москвѣ съ нимъ въ одной горницѣ; а другой есть докторъ графа Кирилы Григорьича. Онымъ я чрезмѣрно одолженъ: онъ меня такъ полюбилъ, что самыя лучшія нравоучительныя книги мнѣ уступилъ, между которыми одна есть, которая въ многихъ государствахъ запрещена. Титулъ ея „Esprit des loix". Тутъ всѣ натуральныя правы изъяснены. Эта книга всякаго человѣка сдѣлаетъ просвѣщеннымъ и обо всемъ генерально дастъ понятіе; въ Петербургѣ ее достать не можно, развѣ есть у дядюшки Михаила Ларіоновича, да у Ивана Иваныча *). Я бы очень желалъ, чтобъ она была переведена на нашъ языкъ и чтобъ вы могли ее прочесть. Какъ она ни велика, однако-бы я ее перевелъ въ Петербургѣ, ежели-бъ былъ сильнѣе въ Русскомъ языкѣ, ибо она самаго высокаго штиля. Также далъ онъ мнѣ письменное наставленіе отъ всякихъ болѣзней и многія лекарства. Все сіе онъ сдѣлалъ для того, что дядюшка Михайло Ларіоновичъ его жалуетъ, и я видѣлъ у него многія дядюшкины письма. Впрочемъ онъ очень уменъ, что доказываютъ двѣ его печатныя книжки, и онъ нынѣ сдѣлалъ новую книгу, которую послалъ къ дядюшкѣ; тутъ онъ пишетъ о разныхъ болѣзняхъ, въ разныхъ климатахъ случающихся, что въ которыхъ климатахъ какія есть болѣзни, въ тѣхъ же климатахъ есть натуральныя всѣ лекарства, напримѣръ: фрукты и коренья.

---

*) Шувалова.

12.

Съ Верхъ-Исецкаго завода, 1760 г., 7-го Февраля.

Всенижайше вамъ доношу, что пріѣхали мы на Верхъ-Исецкой заводъ, куда тотчасъ пріѣхали всѣ Екатеринбургскіе судьи ко мнѣ, для поздравленія съ счастливымъ моимъ пріѣздомъ. На другой день былъ я въ городѣ у Егора Михайлыча Арцыбашева, гдѣ обѣдалъ, а на Ирбитскую ярмонку отправлюсь послѣ завтра, т. е. 9-го числа нынѣшняго мѣсяца, за тѣмъ что у насъ въ деньгахъ была остановка; ибо на заводѣ все мѣдныя деньги, и намъ-бы для пяти тысячъ рублей должно нанимать двѣ особливыя подводы, что̀ принудило меня подать доношеніе въ канцелярію Екатеринбургскую, чтобъ обмѣнили мнѣ три тысячи рублей серебряныхъ на мѣдныя, что̀ мнѣ и обѣщано, а прочія двѣ тысячи обѣщалъ мнѣ обмѣнять Григорія Демидова прикащикъ, что̀ въ здѣшней сторонѣ за крайнее одолженіе почитается, за тѣмъ что здѣсь есть такіе люди, которые два года какъ серебряныхъ денегъ не видали. Да и сверхъ того на Ирбитѣ лучшій торгъ 12-го числа начинается. Будучи на Егошихѣ, съ крайнимъ неудовольствіемъ видѣлъ, какъ оной заводъ разграбленъ; лучшіе его рудники Сонниковъ разграбилъ и нашимъ не даетъ въ немъ работать, также когда оной заводъ былъ въ казенномъ содержаніи, то семьдесятъ наилучшихъ мастеровъ взяты были къ Ивану Григорьевичу [1]) и Александру Ивановичу Глѣбову, и оные тамъ по нынѣ насильно содержатся, что̀ дѣлаетъ на Егошихѣ крайнюю остановку. Видѣлъ я, милостивый государь, всѣ желѣзные заводы, которые на дорогѣ случалися, какъ напри-

[1]) Графу Чернышову.

мѣръ: Маріи Артемьевны Строгановой, Александра Сергѣича, Никиты Демидова и не нашелъ хуже Билимбаевскаго завода, которой принадлежитъ Александру Сергѣевичу [1]): первое, что плотина ветха и ненадежна, а рѣка хотя и мала, только весьма быстра; другое, что управители не имѣютъ полной власти и должны репортовать и дѣлать представленія Пермскому управителю, которой долженъ также представленія дѣлать Московскому, и Московской ужъ Петербургскому, что̀ дѣлаетъ великое медленіе и безпорядокъ; третье, что управителей часто смѣняютъ, и такъ ни которой не можетъ совершенно выучиться заводскимъ дѣламъ. А Верхъ-Исецкой наилучшимъ послѣ Благодатскаго назвать можно: первое, что плотина очень хороша; другое, что воды довольно, не такъ какъ у Сергѣя Павлыча [2]), что за неимѣніемъ оной всѣ фабрики отъ самой осени остановлены, да и генерально на всѣхъ заводахъ въ оную пору всѣ молоты не въ дѣйствіи; да что всего болѣ то, что Ѳедоръ Артаболевской и Андрей Аѳанасьевичъ всѣмъ заводскимъ дѣламъ научились, а особливо первой, которой своимъ умомъ и проворствомъ сдѣлалъ то, что всѣ судьи его боятся.

---

1) Строганову.
2) Ягужинскаго.

13.

Городъ Тобольскъ, 1760 года, 27-го (Февраля).

Имѣю честь вамъ донести, что мы двадцать третьяго числа сего мѣсяца прибыли благополучно въ Тобольскъ, гдѣ я принятъ былъ отъ господина губернатора и митрополита весьма ласково, а особливо первымъ, которой по письменному прошенію дядюшки Михаила Ларіоновича далъ мнѣ наставленія и изъясненія о Сибирскихъ дѣлахъ, также о Китайскихъ пограничныхъ. Впрочемъ товару здѣсь никакого нѣтъ, а особливо чаю и прочихъ Китайскихъ товаровъ, за тѣмъ что три ваши купеческія судна потонули, идучи по Байкалу съ Китайскими товарами; но господинъ губернаторъ мнѣ чаю прислалъ фунтовъ съ десять самаго лучшаго, что изъ Китая привозятъ и котораго жемчужнымъ называютъ и которой къ вамъ и къ дядюшкѣ Михайлѣ Ларіоновичу перешлю при первой оказіи.

14.

Егошиха, 15-го Марта 1760 года.

Доношу вамъ, милостивый государь, что 2-го числа Марта обратно возвратились на Верхъ-Исецкой заводъ, гдѣ съ крайнимъ удивленіемъ услышалъ, что Екатеринбургскіе судьи сдѣлали совсѣмъ опредѣленіе, чтобъ отнять у насъ Бѣлоярскую слободу (а она у насъ наилучшая) и хотѣли ее отдать Александру Григорьевичу Гурьеву, и оное опредѣленіе конечнобъ было исправлено, ежелибъ Евдокимъ Яковличъ тому не противился. Теперь донесу вамъ причины, которыя побудили господъ судей сдѣлать сіе опредѣленіе. Я посылалъ Федора Борисовича къ Егору Михайловичу Арцыбашеву спросить у него причину, которая велѣла ему поступить такъ несправедливо; онъ отвѣтствовалъ, что Иванъ Иванычъ *) писалъ къ нему съ выговоромъ, для чего Гурьеву не приписали крестьянъ съ поспѣшностію, а къ другимъ тотчасъ приписали не только на настоящія молотовыя фабрики, но и на тѣ, которыя впредь обѣщали построить, хотя еще ничего не построили, да и видно, что еще и въ три года не построятъ. Вотъ точныя слова Ивана Иваныча, какъ сказываетъ самъ Арцыбашевъ; и какъ одинъ Верхъ-Исецкой заводъ удовольствованъ крестьянами, то конечно насъ въ томъ письмѣ и разумѣли. Я думаю, что Иванъ Иванычъ того не писалъ-бы, но можетъ, что онъ, не прочитавъ, подписалъ, что̀ ему подали. А не въ хвастовство сказать, никто изъ заводчиковъ столько не сдѣлалъ, какъ ваши повѣренные, милостивый государь: ибо

*) Шуваловъ, покровитель Гурьева. Сынъ сего послѣдняго—министръ финансовъ при Александрѣ Павловичѣ.

какъ они пріѣхали, то не было ни мѣховой, ни фурной, ни слесарной, ни якорной; это они все неусыпными своими трудами завели въ скоромъ времени. Артаболевской рачителенъ въ приказныхъ дѣлахъ, которыя по городу бываютъ. Андрей Аѳанасьевичъ такъ рачителенъ и искусенъ въ заводскихъ дѣлахъ, что почти невѣроятно, какъ онъ въ толь краткое время толь трудному дѣлу обучился съ основаніемъ, ибо онъ и денно и нощно съ фабрикъ не сходитъ. Также построена ими новая фабрика съ тремя молотами, которая въ прошломъ году 18 числа Ноября и въ дѣйство пущена. Да и въ нашу бытность и еще фабрика съ тремя молотами заложена, и уповательно, что въ концѣ Іюля въ дѣйство пущена будетъ. Третьяго числа Марта получилъ я ваши письма чрезъ Милевскаго, которыя меня весьма обрадовали; ибо ужъ слишкомъ мѣсяцъ, какъ не имѣлъ счастія ихъ получать. Но распечатавъ ихъ столько-жъ опечаленъ былъ, какъ прежде обрадованъ, увидя, что вы, милостивый государь батюшка, ужъ мѣсяцъ, какъ недомогаете, и теперь еще не знаю, что̀ думать. 8-го числа отправились мы изъ Екатеринбурга съ Евдокимомъ Яковличемъ сюда на Егошиху, куда и прибыли 12-го числа сего мѣсяца. Евдокимъ Яковличъ съ нами сюда за тѣмъ пріѣхалъ, чтобъ осмотрѣть сіи заводы; и такъ о состояніи оныхъ подробно утруждать не стану, ибо онъ хотѣлъ все порядочнѣе вамъ написать. Здѣсь только три печи въ дѣйствѣ, а на Мотовилихѣ девять; причина тому маловодіе. Тоже самое и на Верхъ-Исецкомъ заводѣ, ибо какъ мы оттуда поѣхали, то только ужъ три молота дѣйствовали, а теперя думаю, что и тѣ остановились. Что̀ касается до прочихъ партикулярныхъ заводовъ, то еще сначала Января, какъ еще стоятъ.

15.

Казань, Марта 23-го 1760 года

Двадцатаго числа сего мѣсяца прибыли мы обратно въ Казань и того-жъ числа я получилъ письмо отъ дядюшки Ивана Ларіоновича, въ которомъ мнѣ писать изволитъ, что онъ и вы, милостивый государь, рейсъ-графами пожалованы, что насъ весьма обрадовало и въ чемъ приношу всенижайшее мое поздравленіе. Того-жъ числа имѣлъ я честь получить ваше письмо, которое привезъ Михайло Иванычъ Веревкинъ; оное письмо меня весьма печалитъ, ибо вы въ немъ изволите гнѣваться за рѣдкое писаніе. Но повѣрьте, милостивый государь, что конечно я не пропускалъ случая, чтобъ не увѣдомить васъ о нашемъ состояніи и о продолженіи нашего вояжа, вѣдая то, что сіе вамъ угодно; да и сверхъ того, милостивый государь батюшка, не имѣя счастія васъ видѣть, я за крайнее удовольствіе себѣ почитаю, когда имѣю случай изъявить хотя письменно свое почтеніе. Можетъ быть, что нѣкоторыя мои письма на дорогѣ пропали и къ вамъ не дошли, милостивый государь батюшка; ибо я писалъ изъ Матренина, изъ Володиміра, изъ Арзамаса, изъ Исы, съ винокуреннаго завода, изъ Казани, изъ Кунгура, изъ Екатеринбурга, изъ Ирбитской ярмонки, изъ Тобольска, и изъ Егошихи; ибо по возвращеніи нашемъ въ Екатеринбургъ не было случая, чтобъ оттуда писать. Въономъ городѣ будучи, осмѣлился я приказать въ каменорѣзной фабрикѣ, чтобъ сдѣлали и отшлифовали четыре мраморныя столичницы и къ вамъ въ Петербургъ на караванѣ отправили. Я сіе за тѣмъ сдѣлалъ, милостивый государь, что ежели они вамъ полюбятся, то можно сколько угодно заказать

нхъ сдѣлать для новаго дома; оии чрезмѣрно дешевы, ибо Евдокимъ Яковлевичъ мнѣ сказывалъ, что большая доска будетъ стоить не менѣе и не болѣе 16 рублевъ, а малая не болѣе восьми. Извольте-жъ разсудить, какая разность съ Италіанскими ординарными досками, которыя гораздо дороже и ничѣмъ Екатеринбургскихъ не лучше. Пріѣхавши въ Казань, стали мы опять у Ивана Иваныча Блохина, были потомъ у губернатора и у архіерея, которой меня благословилъ образомъ Казанской Богоматери и далъ мнѣ Оренбургскую исторію съ картами весьма исправными; въ оной исторіи не токмо объ Оренбургѣ одномъ упоминается, но и о разныхъ тѣхъ Азіатскихъ народахъ, какъ напримѣръ о Киргизцахъ, Бухарцахъ и Хивинцахъ, также о Татарахъ, Башкирцахъ, Вотякахъ, Мордвѣ, Чувашахъ, Черемисахъ, Мещерякахъ и тому подобныхъ. Оная исторія была сочинена Рычковымъ, что̀ въ Оренбургѣ, а карты тамошнимъ офицеромъ Красильниковымъ, и ихъ только было двѣнадцать сдѣлано. Четыре было послано Иваномъ Ивановичемъ Неплюевымъ, одна въ Кабинетъ, другая въ Сенатъ, третья въ Иностранную Колегію, а прочія въ партикулярныхъ рукахъ остались. А сію, которую я вамъ посылаю, архіерей досталъ отъ самыхъ авторовъ, будучи въ Оренбургѣ. Его преосвященство меня просилъ, что ежели можно, то чтобъ, списавши ее въ Петербургѣ, оригиналъ ему опять возвратить. Я просилъ Ивана Ивановича Блохина, чтобъ пожаловалъ мнѣ унтеръ-офицера и двухъ солдатъ, чтобъ отослать наши Ирбитскіе товары; но онъ божился, что у него вся команда въ отлучкѣ и въ разсылкахъ и что караулы некому отправлять. И такъ я бы не зналъ, кого отправить, ибо людей и такъ у насъ немного, ежели-бъ Уткинъ меня не зачалъ просить, чтобъ я его послалъ. И такъ я осмѣлился то учинить; да и сверхъ того, ежели-бъ послать отъ Ивана Ивановича унтеръ-офицера и съ двумя солдатами, то

оно-бъ гораздо дорого было, а посылка онаго только 25 рублей стоитъ. Я съ нимъ посылаю, милостивый государь, Ирбитскія наши покупки, которыя ежели вамъ не понравятся, то меня винить не извольте, за тѣмъ что я ничего не хотѣлъ купить, такъ товары худы были; но я боялся, чтобъ вы не прогнѣвались, и какъ я не знаю торговаться, то я просилъ Бекмана, чтобъ онъ со мною ходилъ и покупалъ.

16.

Симбирскъ, Марта 27-го 1760 года.

Двадцать третьяго числа сего мѣсяца выѣхали мы изъ Казани и двадцать шестаго прибыли мы сюда благополучно и стали у князя Назарова, которой, помня ваши милости къ нему, принялъ насъ весьма ласково. Князя Бориса Сергѣича здѣсь въ Симбирскѣ нѣтъ, и такъ я весьма жалѣю, что не буду имѣть чести его видѣть. Вчерась по вечеру получилъ я письмо отъ Евдокима Яковлича Яковлева, котораго я оставилъ на Егошихѣ, гдѣ онъ и по нынѣ обрѣтается. Онъ ко мнѣ пишетъ, что, по старанію вашему, милостивый государь батюшка, онъ оставленъ съ награжденіемъ ранга и что повелѣно ему жить на Егошихѣ, объ чемъ осмѣлюся представить я свое мнѣніе. Евдокиму Яковличу лучше жить на Верхъ-Исецкомъ заводѣ, для того что всѣ заводскія требованія въ Екатеринбургѣ рѣшатся, какъ наприм. чтобъ удовольствовать заводы слободами, также для отведенія новопріисканныхъ рудниковъ, также для пріема въ

Екатеринбургѣ Егошинской мѣди; да и сверхъ того одинъ желѣзной заводъ болѣе требуетъ труда и попеченія, нежели шесть мѣдныхъ. Сіе кажется невѣроятно, а оно подлинно такъ, милостивый государь, и всякъ тотъ, кто видѣлъ мѣдный заводъ и желѣзной, въ томъ вамъ свидѣтельствовать станетъ. А Евдокиму Яковличу можно будетъ каждой годъ мѣсяца три или четыре побывать на Егошихѣ. Всенижайше прошу прощенія, милостивый государь, что позабылъ послать съ Уткинымъ Оренбургскую исторію, но при сей оказіи не преминулъ того, чтобъ ее къ вамъ не прислать, также и Китайскій занавѣсъ, купленной на Ирбитѣ, Володимірскій Лѣтописецъ, двѣ пробирныя книги, одну я къ вамъ посылаю, милостивый государь, а другую Дубровской въ Академію; также посылаю четыре большія бутылки жемчужнаго чаю, котораго насилу въ Тобольскѣ достать можно было. Сего числа послѣ обѣда поѣдемъ мы на Чибирлеевской винокуренной заводъ, гдѣ будемъ ожидать вскрытія рѣки Волги, да изъ Москвы колясокъ, которыя дядюшка Иванъ Ларіоновичъ обѣщалъ къ вамъ выслать; а потомъ поѣдемъ до Саратова колесами, откуда отправимся водою къ Астрахани.

17.

(Съ виннаго завода) 21-го Апрѣля 1760 года.

Вчерашняго числа имѣлъ я честь получить ваше ко мнѣ письмо, милостивой государь, отъ 21-го Марта, чрезъ князя Назарова, а что давно къ вамъ не писали, причина тому та, что нынѣшняя весна такой потопъ сдѣлала, что не токмо въ Симбирскъ людей съ письмами посылать, но и пять верстъ отъ завода отойти не можно. А кой часъ лучше стало, какъ напримѣръ сего дня, то мы, не пропустя случая и письмы написавъ, сего-же дня въ Симбирскъ человѣка послали. Опасаюсь, чтобъ большаго наводненія не было, ибо еще половина снѣговъ не разстаяла. Дядюшка графъ Иванъ Ларіоновичъ прислалъ къ намъ изъ Москвы двѣ покоевыя коляски и одну четверо-мѣстную.

18.

Чибирлеевской винокуренной заводъ, 9 Мая 1760 г.

Сколько я обрадованъ былъ вчерашнимъ пріѣздомъ Уткина, за долговременнымъ ожиданіемъ отъ васъ писемъ, во сто разъ болѣе того былъ опечаленъ, усмотря въ оныхъ крайнее ваше неудовольствіе за мои поступки, которыми я во всѣхъ мѣстахъ всемѣрно сохранить старался честь нашего дому и пріобрѣсть похвалу себѣ. Я истинно не могу, милостивый государь батюшка, изобразить вамъ того, какъ мнѣ чувствительны ваши выговоры, а можетъ быть и гнѣвъ, которому я напрасно подверженъ. Вмѣсто того, какъ вы

изволите писать, будто въ дорогѣ свита наша причиняла оскорбленіе и обиды проѣзжающимъ и обывателямъ, я могу вѣрно донести, что мы того паче всего остерегались. Свидѣтельствуетъ тому охота ямщиковъ, которые при возвратномъ нашемъ пути одинъ передъ другимъ старались съ нами ѣхать; а обыватели по всѣхъ мѣстахъ такъ нами были довольны, что мнѣ не можно было отговариваться и не принять что̀ они подносили, какъ-то напримѣръ: утокъ, гусей, курицъ, яицъ, за что однако я всегда платилъ деньги, и они отходили отъ меня съ усерднымъ благодареніемъ *). При семъ прошу, милостивый государь батюшка, и то милостиво внушить, что ежели-бъ и всѣ такъ смирно ѣздили, какъ мы, то-бъ обыватели всегда-бъ были довольны: ибо и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ упрямились и не хотѣли намъ лошадей давать, то мы хотя построжѣе поступали, однако безъ всякаго тѣлеснаго оскорбленія; и правду сказать, не во многихъ мѣстахъ случилось намъ видѣть такое неудовольствіе. Въ Купавнѣ наипаче мужики насъ озлобили; имъ это не въ первой было озорничать, ибо четыре мѣсяца передъ нами только, какъ они кабинетскаго курьера, ѣдущаго изъ Астрахани, до полусмерти прибили, и съ Иваномъ Петровичемъ Воронцовымъ тожъ-бы сдѣлали, ежели бъ онъ не ускакалъ, не перемѣняя лошадей. Однако и тутъ, по призваніи прикащика, получили удовольствіе. Вы сами изволите довольно вѣдать, милостивый государь, грубость и, можно сказать, варварство нашей подлости, которая никогда не преминетъ оскорбить другаго, ежели видитъ себя въ большей силѣ. Что̀ касается до скорой нашей ѣзды, то смѣю объявить, что медлительнѣе ѣхать было не можно: въ Си-

---

*) Мы знаемъ случаи, относящіеся къ началу нынѣшняго столѣтія: въ Саратовской губерніи съ проѣзжающихъ крестьяне не брали ничего за постой и ѣду. П. Б.

бирь ѣдучи, поспѣшали къ Ирбитской ярмонкѣ, а въ возвратномъ пути опасались худой дороги, которая въ бытность еще нашу въ Сибири испортилась, хотя въ самой Россіи была очень хороша. Что-жъ изволите говорить, милостивый государь батюшка, будто мы на чужихъ заводахъ не были, то смѣю вамъ донести, что мы были на желѣзномъ Шайтанскомъ заводѣ господъ Демидовыхъ, на Билимбаевскомъ желѣзномъ заводѣ Александра Сергѣевича, объ чемъ я доносилъ вамъ въ послѣднихъ моихъ письмахъ изъ Кунгура. Что-жъ касается до нашихъ заводовъ, то могу смѣло донести вамъ, что всѣ подробности, касающіяся до оныхъ, мнѣ извѣстны; ибо что̀ я самъ могъ примѣтить, что̀ растолковали мнѣ Евдокимъ Яковличъ Щипуновъ и Артаболевской, то мы съ Андреяномъ Ларіоновичемъ все записали, съ чего онъ и переслалъ ужъ копію къ вамъ, милостивый государь батюшка, изъ Ягошихи, и нынѣче посылаетъ къ вамъ нѣсколько нашихъ примѣчаніевъ; но болѣе тогда мнѣ повѣрите, когда по возвращеніи нашемъ станете меня расспрашивать. А изъ мѣдныхъ заводовъ я видѣлъ кромѣ Ягошихинскаго и Мотовилиховскова, Югокамской, Маріи Артеміевны Строгоновой, а другой государевъ въ Екатеринбургѣ. Что-жъ касается до тѣхъ городовъ, въ которыхъ мы не болѣе четырехъ часовъ были, какъ напримѣръ въ Тюмени или въ Кунгурѣ, сіе не мѣшаетъ, чтобъ о состояніи жителей, множествѣ домовъ и числѣ церквей не освѣдомились, такъ какъ о торгѣ купечества и о историческомъ описаніи. А что въ Казани не дождались вскрытія Волги, то извольте сіе милостиво принять, что, ѣдучи въ Сибирь, мы въономъ городѣ жили четыре дни и при возвратномъ пути столько-жъ и старался знать въ сіе время о состояніи жителей, о ихъ купечествѣ и о древнихъ извѣстіяхъ, что̀ мы и записали въ общемъ журналѣ, которой ведетъ Андреянъ Ларіонычъ. Знакомство сведено со всѣми дворянами, коихъ очень мало,

по той причинѣ, что князь Тенищевъ безъ денегъ не очень ихъ ласково принимаетъ; напротивъ того, при прежнихъ губернаторахъ, а особливо при графѣ Головинѣ, всѣ дворяне изъ деревень въ Казань съѣзжались. Съ нѣкоторыми купцами знакомство также я свелъ, какъ напримѣръ съ Дрябловымъ, которой въ Казани первымъ почитается и весьма усерденъ къ дядюшкѣ графу Ивану Ларіоновичу. При семъ прошу, милостивый государь батюшка, и то милостиво выслушать, что ежели-бъ мы стали дожидаться вскрытія Волги въ Казанѣ, то какое-бъ мы нанесли безпокойство Ивану Иванычу Блохину, чрезъ столь долгое время; потому что намъ у него съ мѣсяцъ или болѣе жить надлежало. А ежели бъ нанимать свою квартиру и довольствовать всю свиту своимъ содержаніемъ, то намъ не меньше ста рублей бы стало, и увидѣли-бъ все тоже. Что-жъ касается до Болгарика, то я спрашивалъ князя Тенищева, онъ мнѣ сказалъ, что оное мѣсто отъ Казани въ ста двадцати верстахъ и что тутъ только два каменные столба, и что за большими снѣгами ничего не увижу, а увижу настоящую Золотую Орду, будучи въ Астрахани. Здѣсь-же на Чибирлеевскомъ заводѣ мы всѣмъ довольствуемся безъ всякаго иждивенія. И были мы въ Сурмпнѣ на Чернобулакѣ и въ новой поселенной слободѣ, и думаю еще на Ису съѣздить чрезъ Пензу, ибо по Волгѣ еще ѣхать не можно. Но, не смотря на всѣ мои извиненія, ежели я сдѣлалъ большую ошибку, которая могла произойти отъ моего незнанія и молодости, а не для того чтобъ васъ на толикой гнѣвъ привести, всепокорно прошу, милостивый государь батюшка, по родительской вашей ко мнѣ любви, неумышленное мое преступленіе предать вѣчному забвенію, а вмѣсто того давать мнѣ полезныя наставленія, дабы я впередъ неосторожностію моею не сдѣлалъ вамъ неудовольствія, а себя подвергнулъ

вашему гнѣву и мучительному безпокойству, какое я терпѣть долженъ до тѣхъ поръ, пока не увижу возвращенія прежней вашей любви и милости.

19.

(Съ винного завода) 6 Іюня 1760 года.

Письмо ваше чрезъ Петра Петровича Бекмана я имѣлъ честь получить на Исѣ, куда мы на прошедшей недѣлѣ ѣздили чрезъ Пензу и жили тамъ четыре дни, чрезъ которые я старался осмотрѣть конной заводъ и дачи, принадлежащія къ оному селу. Алексѣй Иванычь Бахметьевъ у меня былъ, и я у него на другой день обѣдалъ; онъ пришелъ въ крайнее разореніе отъ соляныхъ подрядовъ и сказывалъ мнѣ, что оные промыслы сдѣлали ему убытку болѣе пятнадцати тысячъ, въ чемъ ему повѣрить можно. Эта соль у многихъ осолила все имѣніе, какъ то у Кокушкина, наибогатаго Пензенскаго купца, которой отъ оной въ прошедшемъ мѣсяцѣ объявилъ себя банкрутомъ. Что касается до господина Бекмана, то я его принялъ весьма ласково, тѣмъ болѣе что я имъ всегда былъ доволенъ, и могу вамъ сказать, милостивый государь, что онъ поѣхалъ отъ насъ за болѣзнію, а отъ меня ни малаго неудовольствія не имѣлъ. Я вижу, что оныя сумнѣнія о неудовольствіи Петра Петровича происходятъ отъ глупости Уткина, которой мнѣ самъ повинился, что, злобясь на господина Бекмана, отъ меня вамъ на него жаловался и еще не знаю кому, но я ему

никогда этого не приказывалъ. Вы сами можете разсудить, милостивый государь батюшка, что ежелибъ я имѣлъ какое нибудь неудовольствіе, то могъ-бы самъ лучше написать, нежелибъ препоручить мои жалобы столь безразсудному человѣку. И я думаю, милостивый государь, что онъ все сіе сдѣлалъ съ простоты и глупости, а не съ умыслу. Будучи въ Пензѣ, гдѣ мы жили двое сутокъ, я не могу довольно нахвалиться пріемомъ и ласкою воеводы Сергѣя Ивановича Суворова; также не могу преминуть, милостивый государь батюшка, чтобъ не рекомендовать вамъ усердіе къ намъ Дудкина и неусыпное его стараніе о заслуженіи той милости, которою вы его наградить изволили. Что касается до нашего вояжу, то мы еще только три дни какъ получили извѣстіе изъ Саратова, что по Волгѣ ѣхать ужъ можно и что судно наше готово, и такъ какъ на Донъ ѣхать не можно будетъ за тѣмъ, что Волга поздно вскрылась, и какъ въ Астрахань прежде нельзя пріѣхать какъ въ исходѣ сего мѣсяца: и такъ изъ Астрахани мы возвратимся около половины Іюля и поѣдемъ съ Царицына на Тамбовъ, Воронежъ, Тулу и въ Москву, откуда, ежели вы мнѣ позволите, то бы я поѣхалъ въ Ростовъ, Кострому и Ярославль, а потомъ возвратился бы въ Петербургъ къ моему сроку, т. е. въ Ноябрѣ мѣсяцѣ. А что мы изъ Саратова въ Астрахань поѣдемъ, а не изъ Казани, причина тому та, что Саратовъ отсюда въ ста пятидесяти верстахъ, а Казань слишкомъ четыреста, и ежели-бъ изъ Казани поѣхали, то прежде намъ нельзя-бы было быть въ Астрахани, какъ въ исходѣ Іюля мѣсяца, а вы сами изволите знать, какія тамъ жары бываютъ. При семъ, милостивый государь батюшка, посылаю къ вамъ Церковной Лѣтописецъ Димитрія Ростовскаго, которой я досталъ въ Пензѣ, также челобитну Исенскихъ мужиковъ, которые мнѣ ее подали, какъ я у нихъ былъ. Завтра мы ѣдемъ въ Саратовъ, гдѣ мы не проживемъ болѣе

двухъ сутокъ и поплывемъ къ Астрахани. Вы изволили писать, что я рѣдко пишу; но конечно мои письма не доходятъ, за тѣмъ что это восьмое письмо, что̀ я пишу съ завода.

—

20.

Астрахань, 1-го Іюля 1760 года.

Шестнадцатаго числа прошлаго мѣсяца отправились мы изъ Саратова Волгою къ Астрахани, что̀ болѣе девяти сотъ верстъ почитается, и заѣзжали въ Дмитревскъ, Дубовку, Царицынъ, Черной Яръ и Енотаевскую крѣпость, и во всѣхъ оныхъ мѣстахъ принятъ былъ ласково. 24 числа того-жъ мѣсяца прибыли мы въ Астрахань, куда-бы мы прежде прибыли, ежелибъ не были намъ противные вѣтры. По пріѣздѣ нашемъ въ Астрахань, губернаторъ отвелъ намъ хорошій каменный домъ послѣ умершаго Армянскаго богатаго купца. 25-го числа былъ я вопервыхъ у преосвященнаго Меѳодія, Астраханскаго архіерея, а потомъ у Алексѣя Сергѣевича Жилина, здѣшняго губернатора, у Ивана Ивановича Беклемишева и у Ильи Андреевича Токмачева, котораго вы конечно знать изволите; ибо онъ неоднократно показывалъ и показываетъ свои услуги къ вамъ, милостивый государь батюшка, по компаніи лѣвой стороны Каспицкаго моря. Что̀ касается до оной компаніи, то всѣ суда въ морѣ, и здѣсь только два стоятъ: одно небольшое и недавно пришедшее изъ Мангишлака съ маловажнымъ товаромъ, а другое недавно построенное, которой немедленно нагружено будетъ мукою, желѣзомъ, котлами, сукнами и прочими та-

кими товарами, кои весьма нужны для тѣхъ Азіатскихъ народовъ, съ которыми торгъ производится. Отъ Василія Абрамова получено извѣстіе, что онъ въ Дербентѣ, для продажи своего товару. Здѣсь, сколько я могъ примѣтить, то Ѳома Рафаеловъ гораздо болѣ капиталу имѣетъ, нежели Астраханцовъ, хотя и сей довольно его имѣетъ и весьма порядоченъ и знающъ въ торгу. Многіе купцы и фабриканты меня въ гости звали, и я у нихъ, также и у прочихъ, надѣюсь перебывать. Все здѣшнее купечество пришло въ такое состояніе, что хотя кто малое имѣетъ усердіе къ отечеству, то конечно безъ жалости на оное взглянуть не можетъ. Суда въ Персію нагрузили товарами, пошлину государю заплатили и хотѣли ужѣ выходить въ море; вдругъ Кобяковъ пріѣхалъ, суда заарестовалъ и запрещаетъ болѣе производить торгъ въ Персіи. Подлинно, милостивый государь батюшка, ежели-бъ здѣсь былъ губернаторъ такой умный, порядочной и несребролюбивый, какъ въ Сибири Ѳедоръ Ивановичъ Соймоновъ, сего-бы разоренія не было, котораго можно почесть примѣромъ честныхъ губернаторовъ. А здѣшняго должность была, по полученіи изъ Сената указа, чтобъ Кобякову одному торговать, призвать его и приказать, при собраніи всего Магистрата, чтобъ показалъ сколько у него съ товарищами капитала, ибо они въ Сенатѣ показали, что у нихъ около шести сотъ тысячъ его находится. И такъ по свидѣтельству-бы у нихъ наличными деньгами, товарами и въ торгу ни сорока тысячъ капиталу не нашлось. Онъ-бы тогда оную компанію остановить могъ, а самъ-бы въ Сенатъ отрепортовался, а купечество-бы не претерпѣвало разоренія. Что касается до лѣвой стороны, то она имъ не мѣшаетъ, и они тамъ торгу почти не производили, потому что народъ тамъ непостоянной и почти во всей той сторонѣ нѣтъ путной гавани для убѣжища отъ погоды.

21.

Царицынъ, 7-го Октября 1760 года.

Двадцатаго числа прошедшаго мѣсяца выѣхали мы изъ Астрахани не сухимъ путемъ, какъ я думалъ, но водою, за тѣмъ что отъ Астрахани до Царицына по почтамъ только по шести лошадей находится, а намъ надо было двадцать двѣ или двадцать три. Что-жъ мы такъ долго въ ономъ городѣ были, причина тому наше несчастіе, ибо я одинъ только спасся, а прочіе мои товарищи и люди все почти время въ болѣзняхъ препроводили. И такъ я долженъ былъ дожидаться конечнаго ихъ выздоровленія, а господинъ Ведемееръ тамъ и по нынѣ находится, ибо онъ такъ былъ слабъ, что съ нами не въ состояніи былъ ѣхать; онъ тамъ живетъ въ домѣ у Алексѣя Иваныча, а насъ догонитъ въ Москвѣ съ Иваномъ Алексѣевичемъ Астраханцовымъ, который отъ конторы немедленно отправится въ Петербургъ. На третій день, по выѣздѣ нашемъ изъ Астрахани, были мы на Ахтубѣ. Сіе мѣсто ниже Астрахани сто двадцать верстъ, и тутъ была Золотая Орда. Потомъ заѣзжали къ хану Калмыцкому, который кочевалъ при берегу Волги; онъ насъ принялъ весьма учтиво по своему обыкновенію и подарилъ мнѣ двухъ иноходцевъ, которые я къ вамъ отправилъ, милостивый государь. Сынъ его и намѣстникъ ханства подарилъ мнѣ сайдакъ съ уборомъ, который достоенъ быть поднесенъ его высочеству. При семъ имѣю честь поздравить васъ, милостивый государь батюшка, съ милостію Ея Величества, что изволила васъ пожаловать сенаторомъ; сія вѣсть многихъ въ государствѣ обрадуетъ, вѣдая ваше усердіе къ отечеству. Четвертаго числа сего мѣсяца прибыли мы

сюда въ Царицынъ, гдѣ также купечество, какъ и въ Астрахани, совсѣмъ разорилось; ибо здѣшнее купечество болѣе обогащалось отъ рыбныхъ ловель, которыя отданы въ откупъ, и такъ имъ никакого промыслу не осталось. При семъ, милостивой государь, посылаю къ вамъ жалобы Алексѣя Ивановича и Ѳомы Рафаелова, которыя я здѣсь получилъ въ Царицынѣ. Что касается до Колчина, то во многомъ утруждалъ васъ понапрасну, и много онъ написалъ несправедливаго въ своемъ рапортѣ, а особливо въ томъ мѣстѣ, гдѣ Василія Абрамова дѣлаетъ сумнительнымъ; онъ сіе сумнѣніе взялъ отъ одного изъ нашихъ прикащиковъ, который за воровство, въ чемъ онъ и приличенъ, выслапъ былъ изъ Персіи Василіемъ Абрамовымъ, и такъ онъ долженъ былъ во отомщеніе говорить про него худо, и едакому бездѣльнику не должно-бы Колчину вѣрить; сверхъ же того оный прикащикъ во всѣхъ своихъ словахъ публично въ конторѣ отперся. Послѣ завтра мы отсюда отправимся.

22.

Село Троицкое, 18 го Октября 1760 года.

Меня крайне безпокоитъ то, что я болѣе десяти недѣль отъ васъ писемъ не получаю; дай Богъ, чтобъ сіе молчаніе происходило отъ невѣрности нашихъ почтъ, а не отъ какой нибудь скорби вашей или на меня гнѣва. Въ послѣднемъ къ вамъ моемъ письмѣ доносилъ я, что болѣе четырехъ дней не стану жить въ Воронежѣ, однако прожилъ десять, за тѣмъ что Алексѣй Михайлычъ, почитая васъ своимъ благодѣтелемъ и въ знакъ благодарности, вся-

чески старался угостить меня подолѣ; и такъ я прожилъ шесть дней лишнихъ. По выѣздѣ изъ Воронежа, дорога насъ крайне мучила, ибо она совсѣмъ испортилась. Въ Тулѣ мы пробыли три дни, въ которые я былъ у Иліи Александрыча Бибикова, главнаго командира надъ оружейными заводами, былъ и на оныхъ заводахъ; потомъ и у Никиты Никитича Демидова, который такъ старъ, что изъ горницы не выходитъ, и онъ меня такъ благодарилъ за ваши къ нему милости, что можно примѣтить было усердную его къ вамъ благодарность. Строевъ, будучи въономъ городѣ воеводою, великое сдѣлалъ безславіе нашей фамиліи, ибо всѣхъ увѣрялъ, что онъ намъ весьма ближній родня; и такъ никто не смѣлъ жаловаться на его чрезмѣрное грабительство, думая, что дядюшка Михайло Ларіоновичъ и вы за него вступитесь. Повѣрите-ли, милостивой государь батюшка, что онъ по тридцати и по сороку рублей бралъ съ пріему каждаго рекрута; сіе почти невѣроятно, однакожъ онъ это дѣлалъ. Одинадцатаго числа сего мѣсяца прибыли мы въ Серпуховъ, и какъ сей городъ недостоинъ ни малаго примѣчанія, потому что и городомъ назвать почти не можно, то я хотѣлъ только перемѣнить лошадей и ѣхать въ Москву; но сіе такъ не сдѣлалось, за тѣмъ что зять князь Михайло Ивановичъ съ сестрою Катериною Романовною, услыша за два дни, что я чрезъ Серпуховъ поѣду, послали своего человѣка, чтобы онъ меня попросилъ именемъ ихъ къ нимъ въ Троицкое село, которое отъ города въ восемнадцати верстахъ и гдѣ они теперь находятся. И такъ я поѣхалъ къ нимъ на легкѣ, взявъ съ собою только Гаврилу, Савку и Шелаева съ однимъ гарнадеромъ, а прочихъ отпустилъ въ Москву съ Ѳедоромъ Борисовичемъ, Петромъ Петровичемъ и Андреяномъ Ларіоновичемъ. Первый выпросился у меня за тѣмъ, что у него въ Володимірѣ есть судное дѣло, и черезъ десять дней по оному его дѣлу срокъ ему тамо

явиться; другой отпросился въ Москву за партикулярною своею нуждою; а третій такъ несчастливъ, что и по нынѣ еще нога не зажила у него, а за неимѣніемъ хорошаго лекаря, болѣе пяти мѣсяцевъ ею страждетъ. Я здѣсь живу шестой день, гдѣ буду ожидать вашего повелѣнія. При семъ, милостивой государь батюшка, осмѣлился я васъ трудить о выпускѣ моемъ въ гвардію, и я бы себѣ за крайнее счастіе вмѣнялъ, ежели-бы, по возвращеніи моемъ въ Петербургъ, я могъ бы быть представленъ Всемилостивѣйшей Государынѣ въ офицерскомъ платьѣ.

23.

Москва, 23 Октября 1760 г.

Третьяго дня, то есть 20-го числа сего мѣсяца въ вечеру, прибылъ я въ Москву благополучно и сталъ въ домѣ у дядюшки графа Ивана Ларіоновича, которой мнѣ былъ весьма радъ. На другой день принесли мнѣ отъ Власова четыре письма, которыя вы мнѣ писать изволили; онъ ихъ затѣмъ у себя такъ долго держалъ, что не зналъ куда переслать. Сіи письма крайне меня обрадовали, ибо почти три мѣсяца, какъ я не имѣю удовольствія получать оныхъ. Развернувши ихъ, увидѣлъ ваше повелѣніе, чтобъ, по пріѣздѣ моемъ въ Москву, стать мнѣ въ нашемъ домѣ. Я бы сіе учинилъ конечно, ежели-бы оное повелѣніе получилъ на дорогѣ; но какъ я сего не зналъ, то по пріѣздѣ моемъ сталъ у дядюшки въ домѣ, и теперь не знаю что̀ дѣлать.

Ежели мнѣ теперь переѣхать, то дядюшка не пуститъ, да и сверхъ того почтетъ сей мой поступокъ за мое къ нему непочтеніе, или что вы на него изволите гнѣваться. Сверхъ-же того Иванъ Петровичъ живетъ съ женою въ старыхъ покояхъ, а новые такъ худы, что Петръ Петровичъ Бекманъ, который въ нихъ живетъ, мнѣ сказывалъ, что онъ сіе съ крайнею нуждою дѣлаетъ, за тѣмъ что въ нихъ бываетъ сильной угаръ и превеликая течь; причина сему та, я думаю, что либо они въ худое время строены, либо еще не совсѣмъ просохли, такъ что и жить мнѣ тамъ не можно. Вы изволите еще писать, милостивой государь батюшка, что я не былъ у нашей родни. Въ первой мой пріѣздъ въ Москву это правда, что я не былъ у баронесы Маріи Артемьевны Строгоновой; въ томъ я и признаю свою винность, что повѣрилъ тѣмъ, которые мнѣ сказали, что ея въ Москвѣ нѣтъ и что она въ Ростовѣ, но теперича конечно къ ней поѣду. Впрочемъ у всѣхъ нашихъ сродственниковъ я былъ и у Николая Григорьевича Строгонова, да не токмо у сродственниковъ и у прочихъ былъ также, какъ то у князя Михаила Ивановича Шаховскаго и у Василія Васильевича Нарышкина. Отдохнувши дни четыре послѣ толь дальнаго пути, я съѣзжу съ Карломъ Ивановичемъ въ Милетъ *). При семъ прошу нижайше меня простить, ежели оное письмо худо написано; причина сему, что я съ дороги крайне разбитъ и что четыре дни, какъ меня безсонница мучитъ. Еще осмѣлился я вамъ припомнить о моемъ выпускѣ.

---

*) Подмосковная графовъ Воронцовыхъ

24.

Москва, 2 Ноября 1760 г.

На сихъ дняхъ былъ я съ дядюшкою у Николая Григорьевича Строгонова, у князя Сергія Васильевича Гагарина и у Михаила Купріяныча Лунина, которой дня съ четыре какъ сюда пріѣхалъ. Въ прочемъ, милостивой государь, здѣсь ничего нѣтъ новаго, кромѣ того, что въ Москвѣ и около Москвы великія воровства и грабежи дѣлаются отъ несмотрѣнія господъ полицмейстеровъ, которые сами заворовались. При семъ прошу, милостивой государь батюшка, приказать отдать приложенное къ сему письмо дядюшкинаго учителя къ консулу Французскому. Въ Милетъ еще мы не ѣздили, за тѣмъ что время чрезвычайно холодно и такія грязи, что ѣхать почти не можно; но какъ нѣсколько подмерзнетъ, то съ дядюшкою туда поѣду.

25.

Москва, 13 Ноября 1760 г.

На сихъ дняхъ былъ я съ дядюшкою у графини Парасковіи Юрьевны Салтыковой и у княгини Куракиной, матери князя Бориса Александровича, а дня черезъ четыре поѣду съ Иваномъ Ивановичемъ Юшковымъ по всѣмъ колегіямъ, въ Грановитую Палату и въ Патріаршу Ризницу. Нижайше прошу, милостивой государь батюшка, прислать мнѣ, что напечатано Петріиды Михаила Васильевича *). Еще осмѣлился вамъ припомнить, милостивой государь, о моемъ выпускѣ. Мнѣ крайне прискорбно то, что тѣ, которые гораздо послѣ

*) Т. е. поэмы Ломоносова „Петръ Великій".

меня записались, ужъ выпущены. Балкъ только два года былъ пажемъ, а теперь выпущенъ, а мнѣ въ Декабрѣ мѣсяцѣ семь лѣтъ минетъ.

26.

Москва, 20 Ноября 1760 г.

Сего дня былъ я съ дядюшкою въ Сенатской Конторѣ, въ Межевой и Вотчинной Колегіи, гдѣ видѣлъ, какъ судебныя дѣла происходятъ, а послѣ завтра поѣду съ Иваномъ Ивановичемъ Юшковымъ въ Оружейную Палату и въ Патріархскую Ризницу. Вчерась получилъ я исправно ваше ко мнѣ письмо, и къ сестрѣ Екатеринѣ Романовнѣ письмо, и табакерку, что я ей вручу немедленно по пріѣздѣ ея въ Москву, за тѣмъ что она еще теперь въ деревнѣ. Ведемееръ, которой со мною изъ Петербурга поѣхалъ и остановился въ Астрахани за болѣзнію, на сихъ дняхъ сюда пріѣхалъ, что меня весьма обрадовало.

27.

Москва, 21 Ноября 1760 г.

На прошедшей недѣлѣ ѣздилъ я съ Иваномъ Ивановичемъ Юшковымъ въ Оружейную Палату, гдѣ видѣлъ многія старинныя вещи достойныя примѣчанія, и черезъ шесть дней поѣду въ Ростовъ одинъ и на копейныхъ, чтобъ менѣе проѣздить и черезъ четыре дни возвратиться. По возвращеніи моемъ изъ Ростова, милостивой государь, съ дядюшкою пріѣду въ Петербургъ, то есть къ 18 числу будущаго мѣсяца.

28

Москва, 7 Декабря 1760 г.

Поисправившись нѣсколько отъ толь дальнаго пути, былъ я ужъ дважды у Маріи Артемьевны Строгоновой, а дядюшка графъ Иванъ Ларіоновичъ, которой ѣздилъ на шесть дней въ Вороново и назадъ ужъ возвратился, обѣщалъ меня повести съ собою во всѣ знатные дома. Время я здѣсь провожаю слѣдующимъ образомъ: утромъ учусь геометріи у господина Маринiани, которой здѣсь въ домѣ учителемъ и котораго въ геометріи и фортификаціи весьма искуснымъ почесть можно; послѣ обѣда читаю что нибудь или дѣлаю компанію дядюшкѣ или тетушкѣ, а подъ вечеръ ѣзжу къ князю Матвѣю Алексѣичу Гагарину, или къ Николаю Александровичу Головину, или въ другіе какіе дома, иногда въ Русскую трагедію, которую однако очень дурно здѣсь представляютъ. Князь Михайла Иванычъ и съ сестрою еще не бывалъ изъ деревни, однако мы его скоро сюда ожидаемъ. Въ Милетъ еще я не ѣздилъ, за тѣмъ что такая грязь, что ѣздить почти не можно; но какъ нѣсколько подмерзнетъ, то конечно поѣду.

29.

1760 года 31-го Декабря.

Осмѣливаюсь я вамъ представить сихъ бѣдныхъ Татаръ; они издавно довольствуютъ Егошихинской заводъ мѣдною рудою, что и нынѣ дѣлать продолжаютъ. Какъ Юговскіе заводы достались Ивану Григорьичу Чернышову, то они поставили туда слишкомъ на тридцать тысячъ рублей руды, и какъ вамъ не безъизвѣстно, что вышеупомянутой заводъ Ивана Григорьича прорвало худымъ смотрѣніемъ Сотникова, которой имъ денегъ платить не хочетъ, что ихъ привело въ крайнее разореніе, такъ что не въ состояніи были почтовыхъ нанять, чтобъ въ Петербургѣ просить суда у Правительствующаго Сената: и за тѣмъ велѣлъ я Андрею Аѳанасьевичу съ вашимъ изволеніемъ, милостивой государь батюшка, и зная ихъ бѣдность, выдать имъ двѣсти рублей, а оныя деньги не пропадутъ, милостивой государь, за тѣмъ что нынѣшнимъ лѣтомъ должно вамъ имъ выдать слишкомъ тысячу рублей. И такъ, когда оныя деньги за поставку руды имъ выдавать Андрей Аѳанасьичъ станетъ, то и вычтетъ тутъ двѣсти рублей, что они крайне просили. Простите, милостивой государь батюшка, что вмѣшался не въ свое дѣло, но видя ихъ крайнюю бѣдность и разореніе, которое меня привело въ крайнюю жалость, и зная также, что оныя деньги не пропадутъ, то осмѣлился вамъ сіе дѣло представить.

30.

Вѣна, 8 (19) Февраля 1763 года.

Я не могу вамъ довольно изъявить радость, которую я чувствую, видя, какъ всемилостивѣйшая наша Государыня милость свою къ вамъ изъявляетъ. Искреннее ваше усердіе къ своему отечеству довольно въ Россіи извѣстно, сколько я самъ видѣть могъ; и такъ я увѣренъ, что всѣ честные и доброжелательные люди съ вами дѣлятъ ваше благосостояніе. Мнѣ теперь, милостивой государь батюшка, болѣе не остается, какъ просить у Всевышняго о продолженіи вашего благополучія, къ которому всѣ вѣрные сыновья отечества столь привязаны. На прошедшей почтѣ я имѣлъ честь получить ваше письмо отъ 9 (20) Генваря; оное меня весьма удивило, услышавъ, что Верхъ-Исецкіе крестьяне взбунтовались. Можетъ быть, что я ошибаюсь; но, сколько я ихъ видѣлъ и зналъ, то они не такіе, чтобъ безъ причины оную крайность принять могли. Станется, что управители наши надмѣрною суровостью къ тому ихъ привели; но, будучи въ такомъ дальномъ разстояніи и не вѣдая подробностей, о семъ дѣлѣ здраво мнѣ разсуждать не можно. И такъ я принимаю смѣлость трудить васъ, милостивой государь, чтобъ приказали Василію Ивановичу Крамаренкову, или кому иному мнѣ отписать, Шерташенскіе-ли или Бѣлоярскіе оное учинили и какая причина къ тому ихъ побудила. Я надѣюсь, что вы мнѣ сіе любопытство простите въ разсужденіи того, что я, будучи въ оныхъ мѣстахъ нѣсколько времени, всегда съ удовольствіемъ слышать желаю все, что̀ до нихъ касается. Вчерась получено здѣсь извѣстіе о заключеніи въ Лейпцигѣ мира между здѣшнимъ, Саксонскимъ и Берлинскимъ дворомъ. Сказываютъ, что всѣ сіи три державы останутся какъ они были до начатія войны.

31.

Вѣна, 22 Апрѣля 1763 года.

Уже тому два мѣсяца съ половиною, какъ я имѣлъ честь къ вамъ писать о господинѣ Фризѣ, здѣшнемъ банкирѣ; теперь еще осмѣливаюсь васъ о ономъ трудить, за тѣмъ что онъ изъ терпѣнія уже вышелъ. Братъ мой сдѣланъ былъ повѣреннымъ въ дѣлахъ отъ нашего двора при здѣшнемъ, въ самое то время, какъ онъ изъ Вѣны хотѣлъ выѣхать, не имѣя болѣе ни асигнаціевъ, ни кредитивныхъ писемъ на здѣшнее мѣсто; и такъ принужденъ былъ дѣлать въ долгъ ежемѣсячные свои расходы и занимать безпрестанно, чѣмъ-бы было платить почтовыя деньги. По кончинѣ покойной Государыни онъ долженъ былъ возвратиться въ Россію, но за долгами своими не могъ-бы отсюда выѣхать, ежели-бы господинъ Фризъ не далъ ему десять тысячъ гульденовъ, не взявши съ него ни закладу, ни процентовъ, безъ чего здѣсь обойтись не можно; но онъ сіе сдѣлалъ, любя брата и по дружбѣ къ нему, надѣясь при томъ, что черезъ два мѣсяца заплаченъ будетъ. А теперь полтора года миновалось, а онъ еще не уплаченъ. И такъ, ежели-бы не князь Дмитрій Михайлычъ, который его удержалъ, онъ хотѣлъ просить графа Кауница о семъ дѣлѣ, который-бы принужденъ былъ писать къ графу Мерси, дабы онъ сей долгъ исходательствовалъ и о томъ-бы просилъ наше министерство, почему вы видѣть можете, какое-бы намъ чрезъ сіе безчестіе было. Я же его сегодня видѣлъ и просилъ его, дабы онъ потерпѣлъ немного, обѣщая ему при томъ, что на сей почтѣ въ Москву о семъ дѣлѣ писать стану и что по полученіи тамъ онаго письма сіи деньги тотчасъ заплочены будутъ.

32.

Вѣна, 22 (11) Апрѣля 1763 года.

Меня здѣсь просили, дабы я досталъ Россійскія ландкарты, печатанныя при Петербургской Академіи, на Французскомъ, а ежели на ономъ языкѣ достать не можно, то хоша на Латинскомъ. Оныя ландкарты ежели изволите отдать Петру Васильевичу [1]), то онъ ко мнѣ при первой оказіи перешлетъ въ Вѣну.

33.

Вѣна, 1 (12) Мая 1763 года.

Къ Андріяну Ларіоновичу [2]) я писалъ съ просьбою, дабы онъ еще при братѣ въ Лондонѣ остался и что̀ отъ него получу въ отвѣтъ, то не примину вамъ сообщить. Сколько я думаю, то онъ не можетъ быть доволенъ своимъ переходомъ изъ Академіи, гдѣ бы онъ теперь уже адъюнктомъ былъ; ибо передъ переходомъ онъ былъ три года переводчикомъ, и такъ его бы можно тогда прямо сдѣлать въ Коллегіи секретаремъ; потому что тѣ, которые изъ Академіи выходятъ, справедливо достойными почитаются, и обыкновенно рангъ имъ свыше дается. Онъ же при первомъ случаѣ сего не требовалъ; но теперича, я думаю, что онъ съ при-

¹) Бакунину.
²) Дубровскому.

скорбностію видитъ, что уже два года, какъ онъ въ Коллегіи, а о повышеніи его ни малой надежды не имѣетъ. Однако-жъ я надѣюсь, милостивой государь, что объ немъ стараться станете, и онъ, конечно, другой надежды, какъ васъ, не имѣетъ.

34.

Вѣна, 18 (7) Мая 1763 года.

Изъ послѣдняго вашего письма, отъ седьмаго прошедшаго мѣсяца, я примѣтить могъ, что не всѣ мои письма къ вамъ доходятъ; ибо по сію пору вы еще не извѣстились, получилъ-ли я муфты и горностаевые мѣхи, хотя тому уже два мѣсяца съ половиною, какъ я ихъ получилъ и чрезъ двѣ почты сряду за оныя приносилъ вамъ мои благодаренія. Чай и Русскія книги до меня еще не дошли; я надѣюсь, что оныя послали съ Иваномъ Ивановичемъ Шуваловымъ, который чрезъ Вѣну проѣдетъ. Нижайше прошу засвидѣтельствовать мой поклонъ Елисаветѣ Денисьевнѣ *). Впрочемъ здѣсь ничего нѣтъ новаго.

---

*) Матери братьевъ Ронцовыхъ.

35.

Вѣна, 11-го Іюня 1763 года.

На сихъ дняхъ я имѣлъ честь получить письмо ваше отъ 28-го Апрѣля, такъ и планъ Верхъ-Исецкаго завода, за который приношу мое благодареніе. Хотя съ крайнею нетерпѣливостію желалъ я видѣть брата и Англію, однакожъ съ крайнимъ удовольствіемъ увѣдомился, что графъ Михайла Ларіоновичъ меня съ собой брать изволитъ. Уже тому четыре дни, какъ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ сюда пріѣхалъ, и я не могу довольно нахвалиться пріятствомъ, которое онъ мнѣ оказываетъ. Хотя вы мнѣ изволили писать, что чай ко мнѣ посланъ, однако я его еще не получилъ, такъ какъ и книги Русскія. Ежели указъ о вольности Россійскаго дворянства утвержденъ и обнародованъ, то осмѣлюсь трудить васъ, дабы одинъ листъ ко мнѣ прислать изволили.

36.

Вѣна, 1-го Іюля 1763 года.

Иванъ Алексѣевичъ *) третьяго дни сюда прибылъ благополучно и обрадовалъ меня крайне, увѣдомя, что, при отъѣздѣ своемъ изъ Москвы, оставилъ васъ, милостивой государь, въ желаемомъ здравіи. Что чрезъ его мнѣ приказать изволили по дѣламъ касающимся до нашей фамиліи, то можете быть увѣрены, милостивой государь, что я поступать буду такъ, какъ вы желаете. При семъ приношу вамъ нижайшее мое благодареніе за присланныя ко мнѣ посылки,

*) Воронцовъ.

какъ за чай, Русскія книги, тулупъ, табакерку и ассигнацію. Сія послѣдняя ко мнѣ пришла въ самой крайнѣйшей нуждѣ, ибо отъ долговъ мнѣ ужъ мочи не было; теперь всѣ оные расплатилъ, и остался съ чѣмъ жить и чѣмъ платить моихъ учителей. Только при отъѣздѣ дядюшки изъ Петербурга буду васъ просить, дабы съ нимъ еще мнѣ триста червонныхъ прислали, которые мнѣ необходимо надобны для пріуготовленія въ дорогу и сдѣлать нѣкоторые подарки въ домѣ посла нашего, что̀ необходимо нужно, а особливо церемонимейстеру, который меня училъ натуральнымъ и гражданскимъ правамъ; также партикулярному его секретарю, отъ котораго я также профитировалъ; да еще доктору его, который меня и людей моихъ лечилъ цѣлкй годъ по сю пору даромъ, и еще недавно, какъ онъ Озерова вылечилъ отъ жестокой и отчаянной горячки. Потомъ я цѣлый годъ буду жить, не прося у васъ ниже рубля. Это правда, милостивой государь батюшка, что я сей первый годъ очень много вамъ стоилъ (но сіе необходимо нужно было, ибо по пріѣздѣ моемъ я всѣмъ былъ долженъ себя завести); а ежели изволите будущій годъ, который я вамъ ничего не стану, вмѣстѣ съ прошедшимъ сложить, то прожитокъ мой въ два года весьма умѣренъ будетъ. Я надѣюсь, милостивой государь, что вы мнѣ оныя триста червонные не откажете, ибо безъ оныхъ изъ Вѣны мнѣ выѣхать не можно будетъ. Впрочемъ здѣсь ничего нѣтъ новаго, кромѣ того, что 27-го числа прошедшаго мѣсяца въ пять часовъ по полуночи небольшое трясеніе земли здѣсь было, которое однако никакого вреда не сдѣлало. Въ тотъ-же день оное-же приключеніе въ Венгріи жесточайшее было, а особливо по Дунаю. Между прочимъ одинъ городъ, называемой Коморнъ, крайнее разореніе претерпѣлъ, и болѣе четырехъ сотъ человѣкъ тамъ побито было.

37.

Вѣна, 16 (5) Іюля 1763 г.

По приказанію вашему я еще не могъ видѣться съ господиномъ Фризомъ и Ришемъ, потому что первой за городомъ и сюда не возвратится прежде десяти дней, а другого я совсѣмъ не знаю и нигдѣ и никогда не видѣлъ. И такъ я далъ комисію посольскому секретарю, которой его коротко знаетъ, дабы онъ именемъ моимъ у него спросилъ, доволенъ-ли онъ платежомъ желѣза, что̀ комисіонеръ его принялъ въ Петербургѣ. А что̀ касается до господина барона Фриза, то по возвращеніи его въ городъ, я самъ съ нимъ переговорю и, получа отвѣтъ отъ обоихъ, на будущей почтѣ вамъ донесу.

38.

Вѣна, 19 (30) Августа 1763 г.

Я надѣюсь, что дядюшка выѣхалъ уже изъ Петербурга и кой часъ я узнаю, что онъ въ Берлинѣ прибылъ, то выѣду къ нему на встрѣчу и буду его ожидать въ Прагѣ, Богемскомъ столичномъ городѣ. Иванъ Ивановичъ на сей недѣлѣ ѣдетъ въ Венецію и чрезъ мѣсяцъ опять сюда возвратится, гдѣ онъ крайне любимъ. Я не могу довольно нахвалиться всѣми ласками, которыя онъ мнѣ безпрестанно оказываетъ.

39.

Вѣна, 8 Октября 1763 г.

Уже тому двѣ недѣли, какъ Дмитрій Михайловичъ Ладыгинъ прибылъ въ сей городъ и вручилъ мнѣ письмо ваше, въ которомъ изволите приказывать мнѣ, дабы служилъ я ему во всемъ томъ, чтò отъ меня зависѣть будетъ. Сіе я ему я объявилъ и учинить не премину конечно, если случай къ тому попадется. Но къ крайнему моему сожалѣнію, по сію пору отъ меня онъ еще ничего не требовалъ, и такъ дѣло обошлось во взаимныхъ только учтивостяхъ. Прошедшую всю недѣлю я былъ въ деревнѣ у графа Шенборна, называемой Веербургъ и отстоящей отсюда въ восьми Нѣмецкихъ миляхъ; въ оной-то скрытъ былъ царевичъ Алексѣй Петровичъ, пока не посланъ былъ въ Неаполь, когда ушелъ отъ отца своего Петра Великаго и искалъ убѣжища у свояка своего императора Карла Шестаго, которой поручилъ его тогда любимцу своему и имперскому вице-канцлеру графу Шенборну, дядѣ того, у коего я былъ, и я жилъ въ самой той горницѣ, въ которой опочивалъ сей несчастной царевичъ.—Чтò касается до братниной кареты, то оная зависитъ отъ банкира Рина, которой ее задержалъ за 200 гульденовъ, чтò ему не уплатили по братнинымъ счетамъ, какъ онъ сказываетъ; и такъ я думаю, что она не стоитъ тѣхъ денегъ, во что она обойдется, когда за нее заплатятъ 200 гульденовъ и вычислятъ, чтò и еще за провозъ ее заплатить должно будетъ; а между тѣмъ какъ дядюшка графъ Михайла Ларіоновичъ писалъ къ князю Дмитрію Михайловичу, дабы онъ ему пріискалъ добрую четвероместную дорожную карету, чего по скорому времени найти не можно было, и

такъ онъ отвѣтствовалъ ему, что онъ только нашелъ одну, и та принадлежитъ Александру Романовичу. И такъ я увѣренъ, что вы не прогнѣваетесь, милостивый государь, ежели дядюшка ее возметъ, заплатя Ришу, что̀ должно. Иванъ Алексѣевичъ *) исправилъ всѣ комисіи Николая Ивановича Зиновьева и при первой оказіи въ Россію оныя отошлетъ.

40.

Вѣна, 29 (18) Октября 1763 г.

Сего дня ужъ пятой день, какъ дядюшка въ Вѣну прибылъ, и отсюда дней черезъ восемь или десять, какъ я думаю, выѣдемъ. За вексель приношу нижайшее мое благодареніе; но оной былъ совсѣмъ необычайнымъ образомъ написанъ, такъ что на 500 червонныхъ потерялъ я 130 гульденовъ; но что̀ болѣе то, что и этихъ денегъ по немъ никто дать мнѣ не хотѣлъ. Наконецъ ужъ, господинъ Бадъ, князь Дмитрія Михайловича секретарь и которой его домомъ правитъ, уговорилъ одного банкира, дабы онъ по векселю выдалъ мнѣ деньги съ вышеозначенною потерею и взявши при томъ свой страхъ, что ежели въ Голандіи оной не акцептуютъ, то онъ возвратитъ банкиру данныя мнѣ отъ него деньги. Что̀ касается до Венгерскаго вина, то господинъ Ладыгинъ мнѣ сказалъ, дабы я отнюдь не покупалъ, по той причинѣ, что провозъ крайне дорого стоитъ, а отписалъ-бы къ вамъ, дабы изволили просить у графа Кирилы Григорьевича, которому онъ отослалъ привеликую партію, болѣе трехъ сотъ анталовъ, и которой конечно десятокъ и болѣе, можетъ

*) Воронцовъ, дальній родственникъ графамъ.

быть, за свою цѣну вамъ уступитъ, то есть съ провозомъ и со всѣмъ около шестнадцати червонныхъ каждой станетъ.

41.

Флоренція, 1 (12) Декабря 1763 года.

Видя, что вы на меня гнѣваться изволите и при томъ зная мою предъ вами невинность, горесть моя столь жестока, что я почти не въ силахъ изъявить оную. Я все ласкаюсь, что ежели-бы вы предвидѣли, какой это сдѣлаетъ мнѣ ударъ, когда лишите меня вашихъ писемъ, то бы онаго конечно не учинили по вашей родительской милости. Не лишайте меня болѣе сего послѣдняго моего утѣшенія, когда я не имѣю удовольствія видѣть васъ, милостивой государь. Причина вашего гнѣва на меня есть, что будто я не пишу къ вамъ; по ей Богу, милостивой государь батюшка, я ни малѣйшаго случая не пропущаю, чтобъ не писать къ вамъ, милостивой государь батюшка; и съ той поры, какъ мы въ вояжѣ, то я надѣюсь, что вы никогда не получали писемъ отъ дядюшки и тетушки, чтобъ моего не было; кромѣ изъ Горицін, гдѣ мы два дни остановились и гдѣ я не зналъ, что дядюшка писать будетъ; ибо онъ спросилъ у меня, пошлю-ли я также письмо, въ самое то время, какъ свое запечатывалъ, и потомъ, не давши мнѣ выговорить, сказалъ: „теперь ужъ поздно, пиши изъ Венеціи, а я теперь въ своемъ письмѣ поклонъ твой засвидѣтельствую", что̀ и учинить изволилъ; распечаталъ свое письмо, приписалъ и опять при мнѣ запечаталъ, такъ что мнѣ не было времени ни строчки къ вамъ написать.

12.

Флоренція, 5 (16) Декабря 1763 года.

Тетушка графиня Анна Карловна, которая безпрестанно оказываетъ мнѣ новые опыты своей ко мнѣ матерней милости, говорила мнѣ, что она сама знаетъ, какъ трудно съ дороги писать, а особливо такимъ образомъ, какъ мы ѣздимъ; и такъ совѣтывала мнѣ, дабы я ставилъ нумера на мои письма, отправляющіяся изъ тѣхъ городовъ, гдѣ мы нѣсколько времени остаемся. Изъ сего вамъ можно будетъ видѣть, теряются-ли наши письма и сколь часто я пишу въ разсужденіи нашего пребыванія въ оныхъ.

Мы ходимъ часто смотрѣть галерею великихъ герцоговъ, гдѣ столь много прекрасныхъ вещей въ живописи и статуяхъ находится, что всѣ единогласно признаютъ въ свѣтѣ, что нѣтъ государя въ Европѣ, который бы имѣлъ толикое число славныхъ и рѣдкихъ вещей вмѣстѣ собранныхъ. Правда, что въ Римѣ, то есть во всемъ городѣ, какъ сказываютъ, оныхъ еще болѣе находится; однако-жъ не въ одномъ мѣстѣ, какъ здѣсь въ старомъ дворцѣ, что̀ Флорентинской галлереей слыветъ. Сверхъ-же того въ домѣ Пити, гдѣ послѣдніе великіе герцоги Тосканскіе жили, безчисленное множество еще видится славныхъ картинъ. Также есть много около Флоренціи загородныхъ дворцовъ, кои столь наполнены статуями и картинами, что многіе-бы конечно государи счастливыми себя почли, когда-бъ одинъ изъ оныхъ имѣть они могли; и дивиться нечему, когда только вспомнишь, что слишкомъ двѣсти лѣтъ царствовала здѣсь фамилія Медиціевъ, которая покровительство давала наукамъ и художествамъ. Сіе только безпримѣрно въ исторіи свѣта, что въ

два вѣка царствованія сей фамиліи ни одинъ изъ нихъ не случился, чтобъ не былъ великій мужъ, и что̀ одинъ изъ оныхъ зачалъ, то сынъ, внукъ и правнукъ его себѣ за долгъ почитали окончивать. Подобнаго примѣра нигдѣ не находится видѣть одну фамилію царствующую такъ долго и наполненную великими людьми и которые-бы имѣли толикое почтеніе между собой къ памяти одинъ другаго. О возобновленіи въ Европѣ наукъ и художествъ должны мы всѣ Медиціямъ, ибо по взятіи Турками Царяграда, гдѣ оныя науки процвѣтали, перешли они въ тѣ мѣста Греціи, гдѣ еще варвары не распространились и зачали было исчезать тамъ и грозили свѣтъ своимъ паденіемъ, еслибъ Леонтій Десятый, царствующій тогда въ Римѣ, папа, который былъ Медиціевой фамиліи, любилъ науки и по справедливости великимъ нареченъ былъ, не призвалъ ихъ въ Италію, гдѣ не токмо далъ убѣжище онымъ, но и награждалъ ихъ несказанно. Потомъ гораздо ужъ поздно перешли оныя во Францію, Англію, Германію и остатокъ Европы. Одинъ послѣдній только великій герцогъ изъ сей фамиліи не имѣлъ тотъ великій и твердый духъ, кой почти сроденъ былъ его предкамъ; однакожъ всѣ признаются и многіе его здѣсь помнятъ, что и онъ былъ государь остраго понятія и разсужденія, и что ежели онъ все оставилъ, что̀ не совершили еще его предки, то сіе происходило не отъ недостатка разума и духа, какъ отъ горести видѣть себя бездѣтна и послѣдняго въ своемъ родѣ. А особливо, что Франція, Гишпанія и императоръ не въ старыхъ еще его лѣтахъ и гораздо долго до его смерти опредѣляли ему противъ его воли наслѣдника.

На сихъ дняхъ, для избѣжанія наступаемаго дурнаго времени, переѣдемъ мы въ Пизу, гдѣ климатъ гораздо лучше.

43.

Пиза, 15 (26) Декабря 1763 года.

Выѣхали мы изъ Флоренціи 12 (23) числа сего мѣсяца и тѣмъ-же днемъ прибыли въ Пизу. Сей городъ пространенъ, хорошъ положеніемъ мѣста и весьма въ здравомъ и тепломъ климатѣ находится; но сколько видно, то крайне малолюденъ, что̀ даетъ ему нѣкакой видъ печали. Фельдмаршалъ марки де-Ботта *) и главнокомандующій въ Тосканѣ и который многія ласки во Флоренціи намъ оказывалъ, прислалъ такожде и здѣсь командующимъ повелѣніе, дабы всякія учтивости дядюшкѣ дѣлали. Впрочемъ хотя еще сіе не поставлено у насъ, сколь долго въ семъ городѣ пробыть намъ, однако думаю, что недѣль пять или шесть въ ономъ пробудемъ, считая еще тутъ разныя малыя поѣздки, которыя въ Ливурнъ станемъ дѣлать; сей послѣдній въ двухъ часахъ ѣзды отсюда разстояніемъ.

Сію минуту я имѣлъ честь получить письмо ваше отъ 11 (22) Ноября и крайне сожалѣю, что изъ онаго видѣть могъ неудовольствіе ваше о не покупкѣ мною учиненной Венгерскаго вина. Но извольте принять благосклонно, милостивой государь, мои оправданія, что я за тѣмъ не учинилъ ваши повелѣнія, что былъ совсѣмъ въ невозможности исполнить оныя, ибо былъ тогда, такъ какъ и теперь, не имѣя ни полушки денегъ, терпѣлъ нужду и жилъ почти все малыми со всѣхъ сторонъ займами; а по причинѣ неудовольствія на насъ господъ Риша и Фриза, ни который бы изъ нихъ не далъ мнѣ денегъ на высылку въ Петербургъ векселя, дабы уплатить покупку вашу. Еще же въ Вѣнѣ Венгерское вино для продажи рѣдко, ибо всѣ знатные или

*) Тотъ, что̀ былъ нѣкогда Цесарскимъ посломъ у насъ.

изъ своихъ Венгерскихъ деревень выписываютъ, или въ Токаѣ имѣютъ кореспондентовъ, которые тамъ оное покупаютъ и большими стаями въ Вѣну къ нимъ отправляютъ; котороеже и было тогда для продажи, то не такъ было хорошо, какъ-бы изъ Токая нарочно выписать можно было, и сверхъ того весьма дорого: по двадцати и по двадцати одному червонному анталъ, а потомъ-бы изъ Вѣны провозъ дорого-бы сталъ, весьма дорого-бы сталъ. Въ Токаѣ-же мнѣ знакомаго никого не было; ибо одинъ, котораго я зналъ господина Жолобова и чрезъ котораго прошлымъ годомъ два антала я для брата выписывалъ, тутъ ужъ не былъ, ибо онъ оттуда отъѣхалъ, а на его мѣсто прибылъ другой. Ладыгинъ мнѣ еще сказывалъ, что ежели кто желаетъ изъ Венгріи къ вамъ вино выписывать и дабы оное дешево обошлося, какъ за покупку, такъ и за провозъ, то необходимо должно выписать большую партію: двѣсти или еще болѣе анталовъ, какъ гетманъ сдѣлалъ, ибо оное водою отсылается. И такъ одну-же должно купить барку, въ которую двѣсти также укладываются, двѣсти, какъ и двадцать или тридцать; а по полученіи онаго въ Петербургѣ треть или половину у себя оставить, а прочее продать, еще недорогою цѣною, и такъ что то, которое у себя остается, не дороже десяти червонныхъ каждый анталъ обойдется: и покупать вамъ отнюдь не совѣтовалъ и говорилъ мнѣ, чтобъ представилъ вамъ, дабы у гетмана двадцать или тридцать взять изволили, который конечно съ васъ барыша взять не захочетъ и уступитъ за свою цѣну, тѣмъ болѣе, что провизія его чрезмѣрно велика.

11.

Пиза, 1-го Генваря по новому штилю 1764 года.

Пользуясь симъ случаемъ, имѣю честь поздравить васъ, милостивой государь, съ наступающимъ новымъ годомъ, и при томъ всеискреннѣе желать вамъ здравія, покоя и удовольствія. Когда свѣдаю, что вы, милостивой государь батюшка, сіи три вещи имѣть изволите, самъ чувствовать оныя буду. Хотя, оставя Флоренцію, избѣжали мы холодъ, который здѣсь нечувствителенъ, однакожъ не избѣжали мы мокроты и сырости, кои въ Пизѣ зимою обыкновенно бываютъ; оныя тѣмъ болѣе намъ досадны, что препятствуютъ нѣсколько къ выздоровленію дядюшки. На будущей недѣлѣ, я чаю, что поѣдемъ мы дня на три или четыре въ Ливурнъ, въ двухъ часахъ ѣзды отсюда отстоящій. Я ужъ былъ въономъ по дядюшкиному приказанію, для сысканія тамъ ему квартиры.

Ливурнъ стоитъ на берегу моря, и портъ онаго изъ наипервыхъ въ Средиземномъ морѣ почитается. Сіе мнѣ весьма мило видѣть было, что въ круглый годъ навигація въ ономъ морѣ продолжается, и въ Декабрѣ мѣсяцѣ я видѣлъ тутъ столько кораблей по малой мѣрѣ, какъ у насъ предъ биржею въ Іюлѣ. Одно еще тутъ достойно примѣчанія, что въ семъ вольномъ портѣ не только всякихъ націевъ суда приставать могутъ, да еще и варварскіе морскіе разбойники убѣжище имѣютъ: я двухъ тамъ видѣлъ. Всѣ законы въ семъ городѣ позволены, какъ Лютеранской, Кальвинской и оба Греческіе, то есть уніаты, или признающіе Римское начальство, и наше православное. Я освѣдомлялся объ обоихъ, и сказано мнѣ было за истину, что

въ первую церковь только восемь Грековъ ходитъ, а въ нашу послѣднюю—двѣсти шестьдесятъ и болѣе. Англичанъ весьма много въ семъ городѣ находится, и они наибольшій торгъ тамъ отправляютъ.

45.

Ливурнъ *).

Шесть дней тому назадъ, какъ мы въ сей городъ прибыли и завтрева обратно въ Пизу отправляемся. Сей городъ весьма прекрасенъ и торговъ, какъ я о томъ доносилъ вамъ, милостивой государь, изъ послѣдняго моего письма изъ Пизы. Увѣдомившись, что изъ Санктъ-Петербурга фрегаты и торговыя суда въ сей портъ отправлены будутъ, старался я освѣдомляться у Агличанъ и прочихъ торгующихъ и банкировъ здѣшнихъ о цѣнѣ нашихъ здѣсь товаровъ и увѣренъ былъ отъ всѣхъ, что юфть, а паипаче Сибирское желѣзо, которое они Шведскому предпочитаютъ, всегда въ Ливурнъ съ барышемъ привозить можно. Мнѣ сдѣлали выкладку, что желѣзо, по нашимъ деньгамъ и по нашему вѣсу, пудъ по рублю и по двадцати пяти копѣекъ, а иногда и по тридцати продается. И такъ я думаю, что не худо бы было, еслибъ при ономъ отправленіи отъ насъ кораблей нѣсколько желѣза отпустить изволили; убытку конечно не будетъ, а прибыль, можетъ быть, будетъ такая, что впредь оной отпускъ продолжать станете. Здѣсь я нашелъ также одного Русскаго, Воронежскаго купца, который изъ Царяграда пріѣхалъ тому съ полгода и еще годъ въ Ливурнѣ пробыть намѣренъ; онъ мнѣ объявилъ,

---

*) Означеніе времени оторвано.

что торгъ здѣсь для нашихъ товаровъ очень авантаженъ и что впредь намѣренъ сюда оной самъ привозить или отправлять чрезъ прикащиковъ. Но сіе извѣстно, что хотя чрезъ Царьградъ въ Италію гораздо ближе отъ насъ, нежели вкругъ Европы объѣзжать океаномъ, однако сіе вѣрно, что послѣднимъ путемъ дешевлѣе по причинѣ, что Чернымъ моремъ ни на своихъ, ни на Голандскихъ, ни на другихъ какихъ корабляхъ, кромѣ Турецкихъ ѣздить не дозволено; а оные весьма дурны и подвержены тѣмъ крайнимъ опасностямъ, да и нанимать оные очень дорого. А потомъ всѣ суда, изъ Константинополя и прочія Греческія и Турецкія мѣста проходящія, во всей Италіи карантину держатъ, что̀ жестокой убытокъ онымъ причиняетъ, и если оные сорокъ дней, которые такой корабль выждать долженъ не выгружая своихъ товаровъ, вычислить изъ того пути, который изъ Петербурга отправляемые корабли дѣлаютъ безъ выдерживанія помянутой карантины, то сіе явно будетъ, что въ одно время отпущенныя суда изъ Чернаго моря и Финляндскаго залива, сіи послѣднія скорѣе, при всѣхъ Середиземнаго моря портахъ, товаръ свой продадутъ, и слѣдовательно скорѣе деньги выручатъ. Что же касается до государственной прибыли, то сія послѣдняя навигація несравненно предъ послѣднею принесетъ ей выгоды; ибо Чернымъ моремъ кораблеплаваніе намъ на своихъ судахъ всѣми Турецкими трактатами запрещается, а изъ Петербурга во всѣ Французскія, Гишпанскія и Италіанскія мѣста на своихъ судахъ отпуски чинить можно; а сіе неоспоримо, что лучше государю платить своимъ подданнымъ и принуждать оныхъ, дабы оные такожде платили предпочтительнѣе своимъ согражданамъ въ десятеро более, нежели за туже вещь или дѣло чужестраннымъ, дабы только отъ выгоды, какъ бы мало ни было сихъ по-

слѣднихъ, избавиться и тѣмъ сохранить деньги, сиркуляцію оныхъ и трудолюбивость въ своемъ народѣ.

46.

Флоренція, 10 Генваря 1763 г.

Пятаго числа сего мѣсяца прибыли мы обратно въ сей городъ, гдѣ уповательно недѣль пять или шесть останемся. О прекрасныхъ и весьма рѣдкихъ вещахъ, которыя здѣсь находятся, я ужъ имѣлъ честь вамъ доносить, милостивой государь, въ первое мое во Флоренціи пребываніе; теперь донесу, что общество здѣсь весьма пріятно, по причинѣ, что дворянство очень обходительно и довольно (для Италіи) просвѣщенно; ибо безъ сожалѣнія видѣть почти не можно, какъ генерально въ Италіи, землѣ, гдѣ науки процвѣтали и оттуда въ прочія Европейскія перешли государства, теперь все, что̀ къ просвѣщенію рода человѣческаго служить можетъ, утѣсняемо духовенствомъ. И такъ сколько претерпѣвали мы въ Пизѣ скуку, отъ чего было всѣ ипохондриками сдѣлались, столько же во Флоренціи удовольствія и забавъ находимъ.

О перемѣнѣ брата изъ Лондона крайне мы всѣ удивились, и я примѣтилъ, что сіе прискорбно было графу Михайлѣ Ларіоновичу. Я очень о семъ для брата сожалѣю, и видно изъ послѣдняго его письма къ дядюшкѣ, въ какомъ онъ жалостномъ состояніи; ибо кромѣ того, что гораздо честнѣе быть при королевскомъ дворѣ, нежели какъ при республикѣ, но еще сею перемѣною онъ въ разореніе

пришелъ; ибо въ первый годъ своего пребыванія въ Лондонѣ принужденъ былъ войти въ нѣкоторые долги, по причинѣ малаго жалованія и большихъ расходовъ, которые необходимо должно дѣлать при заведеніи цѣлаго дома. Онъ бы конечно расплатилъ оные не безпокоя васъ, милостивой государь батюшка, еслибъ остался нѣсколько лѣтъ въ прежнемъ своемъ постѣ, ибо только первый годъ вездѣ всегда труденъ; но теперь не только что не въ состояніи уплатить оные долги, принужденъ еще будетъ завести новые, ибо отъѣзжающій министръ за безцѣнокъ почти принужденъ продавать свои мебели, что̀ и съ нимъ случится, а потомъ въ Голандіи все дороже купитъ въ первой годъ, по причинѣ, что всѣ, зная нужду чужестраннаго человѣка въ его характерѣ завестись всѣмъ, что̀ до дома принадлежитъ, всячески стараются съ барышемъ продать ему нужныя вещи. И такъ состояніе его весьма печальное, и мнѣ, любя его какъ брата и искреннаго моего друга, крайне сіе прискорбно: принужденъ онъ оставить землю, которую любилъ и гдѣ самъ любимъ былъ и еще претерпѣвать такіе убытки. Онъ кромѣ какъ на вашу къ намъ родительскую милость ни на что надѣяться не можетъ, и уповаю, что вы, милостивой государь батюшка, въ такомъ горестномъ его состояніи конечно безъ вспоможенія не оставите.

47.

Флоренція, 9 (20) Февраля 1764 г.

По въѣздѣ изъ Вѣны, что̀ дѣлаетъ пять мѣсяцевъ, живу все въ долгъ, занимая то у Анны Михайловны, то у доктора Галеди, а особливо у первой, которая меня во всемъ снабжаетъ. Но мнѣ крайне прискорбно, милостивой государь, надокучивать толь часто имъ обѣимъ; и хотя съ Михайломъ Аѳанасьевичемъ я въ оныя подробности не вошелъ, боясь и ему въ томъ надокучить, однакожъ я уповаю, что онъ донесъ вамъ, милостивой государь батюшка, о моей нуждѣ. Я теперь болѣе трехъ сотъ червонныхъ долженъ, а впредь еще жить нечѣмъ, и такъ еще принужденъ буду занимать; счастливъ еще, что имѣю такихъ людей, которые не оставляютъ. Впрочемъ я могу дядюшкой и тетушкой послаться, что не токмо ни на что напрасно не мотаю, но еще принужденъ быть одинъ конечно изъ всѣхъ тѣхъ, которые по Италіи вояжируютъ, не купить ни картинъ, ни естамповъ, ни статуй, ни дессейновъ; а все, что̀ издержалъ, то необходимо на нужное, какъ на обувь и на бѣлье, на жалованіе Савкѣ, парукмахеру и наемному лакею, кареты и на заплату тѣхъ, которые показываютъ все, что̀ есть куріознаго въ городахъ, которыхъ здѣсь цицеронами называютъ; а сверхъ сего я не въ состояніи и купить себѣ естамповъ тѣхъ вещей, которыхъ видѣлъ, дабы со временемъ могъ оныя себѣ припамятовать.

48.

Флоренція, 27 Февраля (9 Марта) 1764 года.

Съ крайнимъ сожалѣніемъ принужденъ былъ пропустить три почты, не писавъ къ вамъ, милостивой государь; сіе произошло отъ жестокой головной болѣзни, которая меня шесть дней сильно мучила, такъ что отъ нетерпѣнія въ отчаяніе почти пришелъ, особливо видя, что никакія лекарства мнѣ отъ оной не пользовали; наконецъ принужденъ былъ согласиться на совѣты господина Галеди, чтобъ кровь пустить, чего, признаюсь, крайне боялся. И такъ Галеди пустилъ мнѣ самъ оную третьяго дни изъ правой руки въ первый разъ отъ роду моего, и очень легко по его обыкновенію, какъ всѣ то увѣряютъ, и вчерась оная болѣзнь очень уменьшилась, а сегодня совсѣмъ прошла и въ первый разъ, какъ чрезъ девять дней изъ горницы выйду [1]. Дядюшка и тетушка милостивое участіе въ оной принимать изволили и разъ меня посѣщали; а Анна Михайловна [2]) все почти время моея болѣзни при мнѣ была. Я не могу также довольно нахвалиться господиномъ Галедіемъ, который крайнюю дружбу ко мнѣ имѣетъ.

---

1) Графу Семену Романовичу тогда не было и 20 лѣтъ отъ роду.

2) Дочь канцлера, графиня Строганова.

19.

Флоренція, 13 (24) Марта 1764 года.

Надѣюсь, что сдѣлаете мнѣ ту милость, чтобъ выслать мнѣ къ будущему Августу мѣсяцу (время, въ которое надѣюсь, что въ Парижѣ будемъ) достаточную сумму; ибо мнѣ хочется купить въ семъ городѣ карету для себя тысячи въ полторы, потомъ завести себѣ хорошую библіотеку, поновить свою гардеробу, надѣлать себѣ достаточное число всякаго бѣлья, въ коемъ нужда мнѣ находится, и потомъ оставить себѣ столько денегъ, чтобъ не трудить васъ цѣлый годъ новыми докуками и чтобъ можно было мнѣ съѣздить въ Мадритъ съ сестрой *) повидаться, если долгое время въ Лангедокѣ пробудемъ (сія провинція всѣхъ Французскихъ ближе къ сей Гишпанской столицѣ). Я всенижайше прошу, милостивой государь батюшка, сдѣлать мнѣ на сіе милостивой отвѣтъ и дабы я могъ вѣдать, что̀ на все сіе опредѣлить мнѣ изволите. Только прошу покорнѣйше лучше оные мнѣ перевести въ Августѣ, ибо мы конечно въ Парижѣ около сего времени будемъ; а хоть недѣли двѣ или три и позже, то лучше жъ однако, чтобъ я оныя засталъ тамъ векселемъ у нашего министра или кредитивою у господъ Люлейновъ или другихъ какихъ банкировъ, тѣмъ болѣе, что мы тамъ не пробудемъ болѣе, какъ двѣ или три недѣли; и такъ тамъ мнѣ денегъ ожидать ужъ не будетъ времени, а завестись во всемъ и того меньше.

---

*) Графинею Марьею Романовною, мужъ которой графъ Петръ Александровичъ Бутурлинъ былъ посланникомъ въ Испаніи, куда путешествовалъ и графъ Александръ Романовичъ.

50.

Миланъ, 9 (20) Апрѣля 1764 г.

Сей городъ крайне уже отличенъ отъ прочихъ Итальянскихъ, и обхожденіе обывателей состоитъ изъ обычаевъ трехъ націй: Италіянцевъ, Гишпанцевъ, подъ владѣніемъ которыхъ Миланезъ около двухъ сотъ лѣтъ находился, и Нѣмцевъ или лучше Австрійцевъ, отъ которыхъ теперь оное княженіе зависитъ. Сіе смѣшеніе обычаевъ состоитъ генерально въ молодомъ дворянствѣ и прочемъ народѣ; наизнатнѣйшее шляхетство живетъ по-вѣнски, то есть даетъ безпрестанно большіе обѣды и многочисленныя собранія.

Меня посторонніе люди увѣдомляли, якобы Петръ Александровичъ *) намѣренъ отправить обратно жену свою въ Россію изъ Мадрита; но не знаю за подлинно, ложное ли или нѣтъ оное извѣстіе, ибо онъ ко мнѣ никогда не пишетъ, а отъ нея на многочисленныя мои, которыя я къ ней писалъ сперва изъ Вѣны, насилу получилъ только одно въ отвѣтъ, да другое изъ Парижа; а за сіе послѣднее я только долженъ былъ парухмахеру ея, которой изъ Парижа привезъ тогда въ Вѣну много товару, и она меня просила, чтобъ я чрезъ князя Димитрія Михайловича сдѣлалъ, чтобъ оныя пропущены были не заплатя пошлинъ. Какъ бы то ни было, я не могу инако сказать о семъ ея отправленіи изъ Мадрита, если оное совершится, что мужъ ея не очень честно въ семъ дѣлѣ поступаетъ; ибо если поступки ея дурны и принудили его будто до сей крайности дойти, то ужели въ Гишпаніи и послѣ шести-лѣтней

*) Бутурлинъ.

свадьбы правъ ея ему открылся. Я почти увѣренъ, что онъ возметъ ту отговорку, будто въ Мадритѣ съ женою жить дороже; но и сіе столькожъ ложно, ибо содержаніе Маріи Романовны дороже станетъ еще въ Россіи фамиліи его, нежели какъ въ Гишпаніи, гдѣ онъ для нея лишняго ничего не содержалъ конечно, ни въ квартерѣ, ни въ столѣ. А теперь извольте подумать, милостивой государь, какая изъ того произойдетъ комедія, если подлинно онъ ее одну оттуда отправитъ.

---

51 *).

Съ крайнимъ сожалѣніемъ я вижу изъ приложенной мнѣ въ вашемъ письмѣ копіи съ того, что̀ братъ къ вамъ писалъ, его горячность и ваше на него неудовольствіе. Надобно, чтобъ жестоко былъ онъ огорченъ Колегіею, чтобъ желалъ оставить иностранныя дѣла, къ коимъ имѣлъ всегда склонность и въ коихъ съ генеральною похвалою упражнялся. Вамъ конечно не безъизвѣстно, милостивой государь батюшка, сколь вицъ-канцлеръ **) на него нападаетъ и потому можете себѣ вообразить, каково пріятно служить человѣку, которой довольно чувствителенъ и никакой за собой вины не знаетъ, видѣть, что командующіе его безпрестанно стараются возбуждать новыя ему печали. Сіе-то съ братомъ дѣлается, и для сей-то причины онъ открылся вамъ, милостивой государь батюшка, въ своемъ намѣреніи, что если изволите, то станетъ просить отзыва своего. И, зная

---

*) То мѣсто, гдѣ означено число этого письма, въ подлинникѣ оторвано.

**) Графъ Н. И. Панинъ.

его правъ и должное почтеніе и любовь, которую онъ къ вамъ имѣетъ, я конечно увѣренъ, что онъ бы такъ къ вамъ не писалъ, еслибъ предвидѣлъ, что оное его желаніе оставить дѣла васъ на него огорчило. При томъ осмѣливаюсь, милостивой государь, вамъ предложить слабое мое мнѣніе, что я не уповаю, чтобъ дядюшка, возвратясь въ отечество, желалъ бы опять продолжать свою службу, а хотя бы и пожелалъ, то сумнительно, чтобы тѣ, кои теперь на мѣсто его въ дѣла вступили, пожелали-бы оныя оставить и не старались-бы оныя удержать. И такъ брату никакой въ Колегіи защиты не останется, а оставя министерскую должность, онъ для этого бы еще службу не оставилъ и могъ бы при дворѣ быть, какъ и прочіе, не касаясь ни вицъ-канцлера, ни его нападокъ. Впрочемъ я конечно не извиняю горячее письмо, которое онъ къ вамъ писалъ, милостивой государь, и я увѣренъ, что онъ крайне потомъ раскаялся самъ.

52.

Вѣна, 10 (21) Мая 1764 г.

Податель сего письма графъ Волпати, которой съ нами по Италіи ѣздилъ и теперь для принятія у насъ на службу въ Россію отправился, просилъ меня, дабы я рекомендовалъ его вамъ, милостивой государь батюшка, отъ чего я не отрекся и примаю смѣлость просить васъ, милостивой государь, о неоставленіи его. Также просилъ меня несказанно и о томъ же Петръ гуслистъ; оной велъ себя порядочно и затѣмъ только обратно отправленъ, что дядюшка намѣренъ крайне уменьшить свою свиту.

53.

Вѣна, 2 (13) Іюня 1764 года.

На сихъ дняхъ отправится отсюда господинъ Крейдеманъ, который былъ здѣсь при посольствѣ и которымъ я крайне одолженъ. Сожалѣю только, что не въ состояніи ему принести довольное воздаяніе за всѣ опыты нелицемѣрной дружбы, кои я отъ него видѣлъ. Мы съ нимъ полтора года жили были при князѣ Димитріѣ Михайловичѣ, и я много пользовался въ сіе время учеными его разговорами; онъ человѣкъ пречестный и пріобрѣлъ себѣ, какъ въ Гетингскомъ университетѣ, такъ и во всей имперіи, великую славу въ натуральныхъ правахъ. Онъ и въ политикѣ довольно упражнялся, и князь Димитрій Михайловичъ съ нимъ бы не разстался, еслибъ дворъ его нашъ не потребовалъ. И такъ онъ ѣдетъ теперь въ Петербургъ, гдѣ будетъ употребленъ въ Иностранной Колегіи, и намѣреніе его есть пробыть тамъ годъ или два, а потомъ проситься опять въ чужіе краи, дабы употреблену быть при посольствахъ нашихъ; при томъ же онъ человѣкъ пречестной и весьма тихой. Я теперь осмѣливаюсь васъ просить, милостивой государь батюшка, дабы пожаловали ему квартиру въ нашемъ домѣ, въ разсужденіи всего того, что̀ онъ для меня здѣсь сдѣлалъ, и если можно, то дать ему мои покои, а если оные заняты, то какія нибудь другія двѣ горницы и слугу для него одного, котораго онъ одѣвать станетъ.

54.

Вѣна, 8 (20) Іюня 1764 года.

Что касается книгъ, то мнѣ оныя очень нужны, какъ вы сами можете вѣдать, а тѣ, которыя въ Россіи у меня остались, совсѣмъ разрознены по милости княгини Дашковой и Маріи Романовны, и если прикажите кому нибудь оныя освидѣтельствовать, какъ напримѣръ Крамаренкову, то увидѣть изволите, что изъ шести сотъ, пятьдесятъ цѣльныхъ не найдется; отчего мнѣ необходимо надобно будетъ оными завестись въ Парижѣ и хотя не столько, какъ братъ, которой въ Парижѣ, какъ въ самомъ лучшемъ мѣстѣ, гдѣ ихъ достать можно, около шести тысячъ тамъ закупилъ себѣ. Купя оныя, мнѣ очень легко и не дорого станетъ перевести ихъ въ Голандію, гдѣ, когда буду самъ для свиданія съ братомъ, пользоваться буду, а потомъ, когда возвращусь въ отечество, водою въ Петербургъ выпишу; если же я теперича сей случай пропущу и буду оныя выписывать заочно, то гораздо сіе труднѣе будетъ, а дороже несравненно.

55.

Парижъ, 4 (15) Іюля 1764 г.

Сегодня третій день, какъ мы сюда прибыли, а вечеромъ я имѣлъ удовольствіе получить милостивое ваше ко мнѣ письмо отъ 5 (25) Мая. Я крайне имъ тронутъ былъ, видя, какъ милостиво входите въ мое состояніе. А что я нынѣшній годъ только на двѣ тысячи считать долженъ, то сколько мнѣ и трудно, однако по той суммѣ и расходъ вести буду. На жалованье людей, на одѣваніе оныхъ, на прочіе мои ежемѣсячные и необходимые расходы мнѣ стараться надо будетъ, чтобъ осталось у меня по крайней мѣрѣ тысячу рублевъ наличными деньгами до Генваря мѣсяца; ибо мнѣ ни на какіе займы считать не можно будетъ, видя нужду въ деньгахъ самого дядюшки, а Анна Михайловна не имѣетъ половины числа тѣхъ денегъ, кои ей надобны на необходимыя ея покупки. Изъ тысячи, кои я здѣсь употреблю, мнѣ около 200 рублей станетъ дорожная почтовая коляска, наемъ кареты и жалованіе наемныхъ лакеевъ, спектакли и тѣ издержки, кои надо дѣлать, когда ходить буду смотрѣть разныя здѣсь установленія и галлереи живописи и разныхъ куріозныхъ вещей; мнѣ, конечно, болѣе пяти сотъ еще станетъ, если мы три мѣсяца здѣсь пробудемъ. Ливрея кучеру и лакею, что́ здѣсь необходимо всякому чужестранному дѣлать должно, около 100 рублевъ также станетъ, а на остальные насилу могу сдѣлать себѣ два кафтана и купить посредственные золотые часы; что же касается до библіотеки и математическихъ инструментовъ, сія большая бы хотя была на оныя издержка, но такой натуры, что разъ ее сдѣлавъ въ двѣ тысячи или ужъ много, если въ двѣ съ половиной, потомъ

уже вѣчно останется для просвѣщенія того, который ее имѣетъ, если онъ только къ чтенію склонность имѣетъ. А потомъ болѣе не станетъ, какъ двѣсти или триста рублей ежегодной издержки для прикупки нововыходящихъ книгъ. И такъ я надѣюсь, что вы позволите мнѣ, милостивой государь, когда самъ не могу теперь онаго исполнить, положиться въ томъ на брата, который еще лучшій выборъ книгъ для меня сдѣлаетъ; и если ту милость сдѣлаете, чтобъ на то согласиться и ему отписать, дабы онъ на будущій годъ, купя книги, въ Россію переслалъ водою, и если ему означите число денегъ, мною прошенныхъ для сей покупки: то онъ, до полученія еще оныхъ, начнетъ покупку оныхъ на свой кредитъ, и, получа деньги, перешлетъ мнѣ библіотеку будущимъ лѣтомъ, такъ какъ онъ мнѣ теперь сіе сдѣлать обѣщаетъ.

56.

Парижъ, 11 (22) Іюля 1764 года.

Письма ваши отъ перваго и четвертаго числа прошедшаго мѣсяца я получилъ вчерась исправно. Изъ оныхъ я видѣлъ еще, милостивой государь, сколь невозможно вамъ содержать меня въ чужихъ краяхъ; ибо тѣ двѣ тысячи, которыя перевести мнѣ обѣщаете и которыя мнѣ необходимо надобны, чтобъ выѣхать безъ долгу изъ Парижа, только что станутъ на мои покупки, которыя конечно не мотовскія, потому что, кромѣ весьма нужнаго, я ничего не покупаю здѣсь. И такъ, по выѣздѣ изъ Парижа, я не

знаю, что мнѣ учинить будетъ; для того я принялъ намѣреніе возвратиться въ мое отечество, уповая, что вамъ сіе угодно будетъ, и, будучи увѣренъ, сколь сіе пріятно дядюшкѣ, который вчерась мнѣ сказалъ, что намѣренъ прежде сроку въ Россію возвратиться и спросилъ у меня при томъ, что̀ я восприму, въ чужихъ краяхъ остаться, или послѣдовать его примѣру, на что ему отвѣтствовалъ я, милостивой государь, что, видя ваше несостояніе содержать насъ такъ, какъ бы вы желали сами по великодушію вашему и отеческой милости, которую вы всегда къ намъ оказывать изволили, желаю въ Петербургъ возвратиться. Сіе ему пріятно было, и я тѣмъ болѣе въ семъ моемъ мнѣніи остаюсь, что уповаю, что сіе вамъ пріятно будетъ. Только позвольте мнѣ теперь изъяснить вамъ мои мысли и желаніе. Я себѣ не могу вообразить болѣе несчастія, когда вздумаю, что мнѣ въ гвардіи остаться, и лучше предпочту ходить по міру, нежели служить и опять въ семъ корпусѣ. И такъ всенижайше прошу, милостивой государь батюшка, сдѣлать мнѣ ту милость, чтобъ постараться о выпускѣ моемъ въ полевые полки. Я безмѣрное имѣлъ всегда желаніе служить моему отечеству, и оное желаніе всегда еще умножается; по придворной жизни я снести не могу и опасаюсь ея болѣе еще, нежели гвардіи. И такъ, любя военную службу и ее одну только, уповаю на милость вашу, что о выпускѣ моемъ въ напольные полки стараніе приложите, особливо способомъ графа Григорія Григорьевича, которой, сколько я знаю, много дружбы вамъ своей оказываетъ. Я теперича, будучи изъ старшихъ въ моемъ полку поручиковъ, долженъ быть выпущенъ подполковникомъ; но, не смотря на то, я лучше желаю и счастливѣе буду быть въ напольномъ полку капитаномъ, нежели тѣмъ же чиномъ въ гвардіи. И такъ я еще счастливымъ себя почту, когда выпущенъ буду теперь капитаномъ,

хотя справедливо требовать могу болѣе. Напротивъ же того, я несчастія себѣ болѣе вообразить не могу какъ быть при дворѣ или въ гвардіи остаться. Я бы также желалъ, по выпускѣ моемъ, быть включену въ тѣ полки, которые теперь въ Польшѣ, гдѣ я уповаю, что война нешуточно возжется; и такъ буду имѣть случай тамъ оказать свою ревность и тѣмъ способнѣе произойти могу. А если туда не можно, то чтобъ быть въ одномъ изъ тѣхъ, кои въ Петербургѣ обрѣтаются; но если и въ оныхъ не будетъ для меня вакансіи, то всенижайше прошу, дабы по выпускѣ моемъ не былъ я включенъ ни въ какой полкъ. Я буду жить въ Петербургѣ, ожидая какого нибудь упалаго мѣста въ тѣхъ полкахъ, кои тамъ пребываютъ. Если же и этого опять не можно сдѣлать, чтобъ по выпускѣ моемъ включить меня въ полки, гдѣ-бы оные ни пребывали, тогда можно будетъ получить мнѣ годовой отпускъ, чего въ мирное время никогда не отказывается. Однакожъ каково, мнѣ ни трудно будетъ быть отъ васъ въ отдаленности и отъ прочихъ моихъ сродственниковъ и пріятелей, однако я довольнѣе буду быть еще въ Кизлярскомъ гарнизонѣ, нежели какъ быть при дворѣ чѣмъ-бы то ни было или въ гвардіи опять остаться. Я же еще уповаю, что, года черезъ два или три, если миръ продолжится и состояніе ваше поправится, то не лишите меня того удовольствія, которое имѣлъ братъ Александръ Романычъ, чтобъ видѣть остатокъ Европы, которой я еще не видѣлъ; но во всемъ семъ, я думаю такъ, какъ мнѣ надлежитъ, то есть полагаюсь на отеческую вашу къ намъ милость, и увѣренъ, что вы, милостивой государь, стараніе приложите, такъ какъ и всегда, о благосостояніи дѣтей вашихъ. И такъ коль счастливъ я буду, когда пріѣхать могу въ отечество въ томъ мундирѣ, который болѣе всего меня ласкаетъ.

57.

Парижъ, 12 (23) Августа 1764 г.

Николай Андреевичъ Корфъ [1]) и Андрей Васильевичъ Гудовичъ [2]) прибыли сюда тому ужъ недѣля. Первой много милости мнѣ изъявляетъ, а въ другомъ я нашелъ стараго моего искренняго друга, которой меня любилъ съ младенчества, наконецъ имѣлъ во мнѣ повѣренность и откровенность чрезвычайную, но по несчастію съ которымъ двѣ недѣли предъ низверженіемъ государя Петра Третьяго, по горячности съ обѣихъ сторонъ, поссорились. Но намъ не надо было между нами здѣсь мириться: ибо, увидя другъ друга, столь возрадовались, что о прошедшемъ несогласіи если и говорили, то съ сожалѣніемъ и обвиняя всякой самого себя. Сей-то подлинно честной человѣкъ и которой любитъ своихъ пріятелей не по случаю и не по обстоятельствамъ времени, вамъ преданъ и просилъ меня, дабы засвидѣтельствовалъ я вамъ его непремѣнное къ вамъ почтеніе.

---

[1]) Начальникъ полиціи при Петрѣ Третьемъ, женатый на сестрѣ канцлерши, графинѣ Скавронской.

[2]) Извѣстный любимецъ Петра Третьяго, учившійся нѣкогда въ Килѣ.

58.

Парижъ, 10-го числа Сентября 1761 г.

Безъ Анны Михайловны и Ивана Григорьевича Гурьева, которой еще въ Вѣнѣ мнѣ многіе опыты дружбы оказывалъ, а теперь по смерть меня одолжилъ великодушнымъ своимъ поступкомъ, я бы въ тюрьму посаженъ былъ и, безъ мотовства и безчестныхъ поступковъ, въ чемъ на дядюшку свидѣтельствуюсь, былъ-бы въ числѣ Салтыковыхъ и Пушкиныхъ. Между тѣмъ, будучи здѣсь семь недѣль и принужденъ бывъ покупать все въ долгъ, то есть третью дороже обыкновеннаго, я издержалъ около трехъ тысячъ рублей, а менѣе имѣю нежели на двѣ, если-бъ покупалъ на чистыя деньги. Сіе довело меня предъ отъѣздомъ дядюшкинымъ, который завтра дѣлается, или здѣсь остаться подъ закладъ или занять и дать вексели; но никто сего послѣдняго сдѣлать не хотѣлъ. Одинъ только маркизъ Маруцій, Грекъ нашей вѣры и другъ брату и котораго мы въ Венеціи знали и дядюшка очень любитъ, тотъ мнѣ далъ сто шестьдесятъ пять луидоровъ на вексель, что я ему принужденъ былъ тотчасъ сдѣлать и которой онъ къ вамъ конечно уже и послалъ. Будучи не въ состояніи заплатить, принужденъ-бы былъ здѣсь остаться отъ неполученія обѣщаемаго отъ васъ мнѣ векселя; и такъ тогда-бы я принужденъ-бы былъ почти по міру ходить, чѣмъ-бы себя кормить, ибо не имѣю ни полушки входить въ новые долги, какъ за квартиру и прочіе расходы, потомъ еще занимать чѣмъ-бы, по полученіи вашего векселя и расплатя долги, въ Россію доѣхать. И такъ сверхъ бѣдности и оскорбленія, кои я бы отъ того терпѣлъ, видѣлъ-бы себя вравнѣ съ Бѣлосельскими и Апраксиными,

которые за долгами выѣхать отсюда не могли, отъ чего претерпѣлъ-бы я крайнее безчестіе, и всѣ въ Россіи, не вѣдая, что я за тѣмъ остался, что ничего ко мнѣ не прислали, считали-бы меня въ числѣ тѣхъ молодыхъ повѣсъ нашей націи, которые своимъ въѣздомъ изъ отечества болѣе безславія, нежели пользы пріобрѣли себѣ. Но каково-же это, милостивой государь батюшка, человѣку, которой привыкъ жить безъ подлости, и котораго вы сами всегда наставливали къ честнымъ и благороднымъ мыслямъ, видѣть себя въ томъ отчаянномъ и горестномъ состояніи?

Но спасла меня отъ сего безчестія, или лучше сказать несчастія (которое-бъ много въ жизни мнѣ вреда-бы сдѣлало, когда-бъ всѣ, не зная подлиннаго моего состоянія, а заключили-бы, что молодой человѣкъ худыхъ нравовъ и поведенія) дружба Анны Михайловны и Ивана Григорьевича Гурьева: первая дала свой бриліантовый перстень подъ закладъ и получила за оный тысячу двѣсти рублей на два мѣсяца и отдала мнѣ оные, а Иванъ Григорьевичъ поручился, какъ за остальной долгъ, такъ и за тотъ перстень, что ежели все не будетъ уплачено въ два мѣсяца, то онъ отдается въ Форлевекъ (тюрьма, куда за долги сажаютъ) и что всего великодушнѣе съ его стороны, что онъ сіе отъ всѣхъ скрываетъ, сколь онъ меня одолжилъ, и тѣмъ сохранилъ мою репутацію.

59.

Берлинъ, 23 Сентября (3 Октября) 1764 г.

Вчерась къ обѣду мы прибыли въ сей городъ и живемъ въ домѣ министра нашего князя Володимира Сергѣевича Долгорукаго, которой много усердства дядюшкѣ и тетушкѣ оказываетъ. Къ крайнему моему сожалѣнію я примѣчаю отъ часу болѣе, по всѣмъ нашимъ здѣсь расположеніямъ, что мы долго и, можетъ быть, всю зиму проживемъ въ Берлинѣ, что̀ крайне учинитъ намъ безпокойствіе и убытокъ. И такъ, милостивой государь, ежели хотите оныя отвратить, какъ отъ дядюшки, такъ и отъ всѣхъ насъ прочихъ, составляющихъ его свиту, то надлежитъ вамъ сильно писать къ дядюшкѣ и тетушкѣ о необходимости наискорѣйшаго ихъ въ Россію возвращенія.

Отъ Любека, гдѣ началася ужасная стужа, я претерпѣлъ жестокую муку не имѣя ни шубы, ни всего того, чѣмъ въ пути отъ оной защититься и чѣмъ бы все это здѣсь купить, по причинѣ, что у меня ничего не могло остаться отъ той малой суммы, которую взялъ въ Голандіи, издержавъ оную на проѣздъ до Бремена и только что до Гамбурга съ ними потомъ могъ доѣхать.

P. S. Я виноватъ, что позабылъ вамъ донести, что, будучи въ Килѣ, дядя нашей Государыни принцъ Августъ Любской епископъ, разговаривая разъ про Россію, о васъ вспомнилъ и просилъ меня вамъ отъ него поклониться.

60.

Бременъ, 25 Сентября (6 Октября) 1764 г.

Разставшись съ братомъ въ Утрехтѣ, три дня предъ дядюшкой сюда прибылъ. Александръ Романычъ уступилъ мнѣ назадъ Ивана Крылова, которой всегда при мнѣ служилъ до отправленія его въ Лондонъ, и я его взялъ возвратно, въ надеждѣ, что вы за сіе на меня не прогнѣваетесь; ибо мнѣ нужда довольная будетъ, я чаю, въ людяхъ, по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ, отдавши Алексѣя и Гаврилу Максимыча сестрѣ Елисаветѣ Романовнѣ. Бременской Магистратъ великія чести дядюшкѣ оказываетъ. Ему и тетушкѣ отведена квартира въ томъ самомъ домѣ, гдѣ государь Петръ Великій, въ проѣздъ чрезъ сей городъ, жить изволилъ; и хозяину онаго отъ города приказано намъ всѣмъ дѣлать столъ на счетъ публичной, равномѣрно и людямъ нашимъ велѣно столъ имѣть въ трактирахъ безденежно, гдѣ также Магистратъ все платитъ. Графинѣ Аннѣ Михайловнѣ отведенъ особливой домъ, и мнѣ еще третій, въ коихъ только мы ночуемъ; впрочемъ весь день мы у дядюшки. При семъ не могу удержаться, чтобъ не изъявить вамъ, милостивой государь батюшка, сколь милости дядюшкины и тетушкины ко мнѣ ежедневно умножаются, и я въ послѣдней вторую мать нашелъ конечно. Что-жъ касается до Анны Михайловны, то послѣ сестры Елисаветы Романовны я другой сестры не имѣю, по крайней мѣрѣ, которая-бъ меня такъ любила. Я уповаю, что вы согласитесь, милостивой государь, чтобъ я, по пріѣздѣ моемъ и явясь въ полкъ, отпросился-бъ тотъ часъ въ годовой отпускъ, въ которое время буду воленъ и слѣдовательно болѣе могу

наслаждаться удовольствіемъ, чтобъ быть при васъ, а между тѣмъ буду имѣть все время, чтобъ о выпускѣ моемъ въ напольные полки стараться. Я здѣсь отъ тетушки свѣдалъ, что Андрей Микитичъ Самаринъ въ Казань назначенъ; крайне радуюсь и отъ всего сердца, что получилъ онъ сіе лучшее и наипріятнѣйшее губернаторство, что ни есть у насъ въ Россіи и въ которомъ легко можно будетъ ему, услужа и вспомоществовая тамошнему дворянству, поправить самымъ честнымъ образомъ свое состояніе. Только сожалѣю о васъ, милостивой государь, что теряете изъ общества вашего сего любезнаго и достойнаго пріятеля вашего и которой всегда столько преданъ былъ, какъ вамъ, такъ и дядюшкѣ. По газетамъ мы извѣстились, что князь Михайло Ивановичъ Дашковъ въ Польшѣ умеръ; какъ онъ былъ человѣкъ честнаго и весьма добраго сердца и конечно не участникъ въ бѣшенствахъ и неистовствахъ жены своей, то всѣ о немъ здѣсь сожалѣютъ, какъ дядюшка, такъ и тетушка. Сколько мнѣ кажется, то жена сего покойника выйдетъ опять за мужъ за нѣкотораго человѣка, съ коимъ у нея толь откровенное и дружеское обхожденіе *). Завтра свѣтомъ вдругъ мы отсюда выѣдемъ и въ третій день въ Гамбургѣ обѣдать надѣемся.

---

*) Т. е. графа Н. И. Панина. Предположеніе не оправдалось.

61.

Берлинъ, 1 (12) Ноября 1764 г.

Дядюшка графъ Михаила Ларіоновичъ оказалъ мнѣ на сихъ дняхъ новый опытъ своей ко мнѣ милости; ибо, видя крайнее мое желаніе выдти изъ гвардіи, показалъ мнѣ свое къ Ея Императорскому Величеству письмо, въ которомъ, изъясняя ей желаніе мое служить въ нашей арміи, просилъ Ея Величество, дабы учинила мнѣ сію милость выпускомъ изъ гвардіи. Я бы никогда не осмѣлился его трудить о семъ дѣлѣ. И такъ можете подумать, милостивой государь, какую мнѣ радость сіе письмо причинило; оно сегодня отправляется. Мнѣ кажется, что я довольно могу льстить себя надеждою быть выпущену подполковникомъ по причинѣ, что хотя еще я поручикомъ только, но ужъ три года, а въ исходѣ сего года четвертой пойдетъ, то конечно менѣе какъ подполковникомъ мнѣ выпущену, по крайней мѣрѣ безъ обиды, быть не можно. Я уповаю еще сверхъ того, милостивой государь батюшка, что приложите стараніе чрезъ графовъ Орловыхъ, на дружбу которыхъ вы столько надѣетесь, дабы я обиженъ не былъ. При семъ, милостивой государь, всенижайше прошу прислать мнѣ списокъ Преображенскаго полку, дабы я видѣть могъ мое старшинство. Еслибъ я не надѣялся навеликодушіе всемилостивѣйшей нашей Государыни, то бы думалъ, что конечно я обойденъ былъ въ мое отсутствіе, по причинѣ, что сіе мнѣ весьма удивительно, что въ три года мнѣ не досталось въ капитаны-поручики: ибо еслибъ я получилъ сей чинъ, то небезпримѣрно случалось, что изъ сего чина въ полковники выпускались, а особливо чрезъ вашихъ пріятелей я бы сіе

могъ ожидать. Но я лучше однако желаю быть выпущену изъ теперешняго моего чина, нежели какъ ожидать повышенія и остаться въ гвардіи.

62.

Берлинъ, 16 (27) Ноября 1764 г.

Я не могу вамъ скрыть, милостивой государь, что тетушка графиня Анна Карловна мнѣ вчерась говорила о ея печали. Она сказала мнѣ точныя сіи слова: „Я всегда васъ, дѣтей Романа Ларіоновича, почитала и почитаю за своихъ и всегда нелицемѣрно могу сказать, что всегда увѣдомляла его о ихъ поступкахъ, когда они непристойны были, дабы онъ ихъ имѣлъ время поправить, и примѣръ тому Марія Романовна, о которой я всегда его увѣдомляла, если она дѣлала непристойности; а что касается Дашковой, то онъ самъ знаетъ, сколько правдою я о ней говорила ему, когда увидѣла безпутное ея поведеніе и отрекла ее отъ своего дому; а онъ ни мало насъ не остерегаетъ о поведеніяхъ Строгонова, о коихъ мы ужъ слишкомъ два мѣсяца какъ увѣдомлены, и наконецъ спознали ли за подлинно три недѣли тому назадъ, что онъ Александръ Сергѣевичъ подалъ челобитную всемилостивѣйшей Государынѣ о разводѣ его съ нашей дочерью; а онъ и тутъ насъ не остерегаетъ. И еслибъ никто насъ о семъ толь публичномъ дѣлѣ не увѣдомилъ, какой бы то былъ жестокой ударъ для мужа моего, по возвращеніи его въ отечество, когда бы онъ узналъ все сіе происшествіе внезапно и, не будучи пріуго-

товленъ; однимъ словомъ, я увѣрена, что сіе бы ему, кромѣ натуральной печали, жестокую болѣзнь причинило, зная горячее его и чувствительное духосложеніе. Я очень намѣрена отписать къ Роману Ларіоновичу пени, для чего онъ насъ такъ оставилъ".

Мы гораздо долѣе здѣсь пробудемъ, нежели какъ надо вашему отвѣту сюда.

63.

Берлинъ, 13 (24) Ноября 1764 г.

Всенижайше благодарствую, милостивой государь, за поздравленіе, что мнѣ дѣлаете о выпускѣ моемъ по желанію моему изъ гвардіи. Сіе правда, что я гораздо счастливѣе себя почитаю премьеръ-маіоромъ въ арміи, нежели въ гвардіи поручикомъ; но я могъ ожидать и справедливо лучшаго выпуска и безъ всякой чрезвычайности могъ-бы быть подполковникомъ, такъ какъ всегда выпущались при покойной Императрицѣ младшіе капитанъ-поручики и старшіе поручики, а въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ три года четвертой, что я въ одномъ чину все былъ. Вамъ легко видно будетъ, сколь я потерялъ теперь; ибо еслибы я, бывши только шесть мѣсяцевъ поручикомъ, тотчасъ послѣ вступленія на престолъ всемилостивѣйшей нашей Государыни, вышелъ бы изъ гвардіи, конечно тѣмъ же чиномъ, что и теперь, то былъ бы теперь, послѣ сего послѣдняго произвожденія по Военной Колегіи, подполковни-

комъ, или ужъ по крайней мѣрѣ старшимъ премьеръ-маіоромъ. Но я болѣе думаю, что былъ-бы первымъ, потому что многое число офицеровъ всякаго ранга вышло въ отставку въ 1762 и 1763 году *); а теперь я очутился послѣднимъ премьеръ-маіоромъ, не смотря на то, что былъ три года гвардіи поручикомъ.

Дѣло мое справедливо, мы имѣемъ Императрицу правосудную и премилостивую; вы имѣете около нея вашихъ пріятелей, честность коихъ всѣмъ извѣстна и которые толь достойны высочайшей милости; и такъ я не знаю, что бы вамъ могло помѣшать представить самой всемилостивѣйшей Государынѣ, или тѣмъ, кои имѣютъ высочайшую ея повѣренность, сколь я обиженъ, и тѣмъ навести мнѣ перемѣну въ моемъ состояніи, которое довольно огорчительно; симъ вы дадите вторую жизнь другому вашему сыну, которой, послѣ Государыни нашей, на васъ только единственно надежду свою полагаетъ. Исходатайствованіемъ мнѣ сей справедливости подадите мнѣ несказанное ободреніе къ службѣ отечества нашего. Все сіе дѣло такого рода есть, что оное должно вести прямо и безъ медлительности. И такъ я вскорѣ увижу, что̀ ожидать намъ должно отъ вашихъ пріятелей, и всегда ли несчастіе, которое до сихъ поръ сродно со мною было, будетъ со мной неразлучно.

---

*) Важное показаніе.

64.

Берлинъ *).

Пользуясь отправленіемъ курьера г. Фрауендорфа, которой третьяго дня сюда проѣздомъ изъ Вѣны прибылъ и въ Россію обратно сего дня отправляется, и котораго я не видѣлъ однакожъ (за жестокою головною болѣзнію, отъ сего третій день, какъ изъ горницы выдти не могу), имѣю честь донести вамъ, милостивой государь, что дядюшка и тетушка получили точное извѣстіе отъ графа Мартына Карловича и Петра Васильевича Бакунина о странномъ, но счастливомъ для Анны Михайловны, графа Александра Сергѣевича поступкѣ, и мы всѣ теперь съ нетерпѣливостію ожидаемъ копіи съ челобитны, что̀ онъ подалъ о разводѣ своемъ Ея Величеству. Можно сказать, что ничего не могло счастливѣе учиниться для всей фамиліи и всѣхъ тѣхъ, кои искренно любятъ Анну Михайловну, какъ сія его резолюція.

Я крайне опасался, зная его легкомысліе, чтобъ не перемѣнилъ своего мнѣнія о разводѣ, чѣмъ-бы Анна Михайловна на вѣки опять несчастною сдѣлалась, вѣдая нравъ дядюшки, которой столь отдаленъ отъ всѣхъ крайнихъ поступокъ и которой можетъ быть былъ-бы тронутъ его покаяніемъ, хотя и въ самомъ дѣлѣ нечистосердечнымъ. Но теперь уже доро̀га сдѣлана, и дядюшка и тетушка ничего такъ не желаетъ нынѣ, какъ видѣть дочь свою выручённою изъ толь недостойныхъ ея рукъ. Анна Михайловна получила ваше письмо отвѣтное на то, кое она къ вамъ изъ Гамбурга писала, но за болѣзнію не въ состояніи отвѣтствовать и для

*) Число и мѣсяцъ въ подлинникѣ выцвѣли.

того просила меня, чтобъ засвидѣтельствовать вамъ ея благодарность. Мнѣ кажется, что мы здѣсь еще долѣе останемся, нежели какъ сіе сперва думать могли.

65.

Берлинъ, 29-го Декабря 1764 г.

Я не могу довольно вамъ описать всѣ дружбы и ласки, чтò податель сего письма, Андрей Васильевичъ *) мнѣ оказывалъ въ бытность мою въ чужихъ краяхъ. А что касается до его дорожнаго товарища полковника Ивана Григорьевича Гурьева, то я никогда не въ состояніи буду ему возблагодарить достойнымъ образомъ за искреннюю его ко мнѣ дружбу. Послѣ васъ и брата Александра Романовича никто изъ моихъ пріятелей и родни моей не оказалъ мнѣ столько наисовершеннѣйшей дружбы, а особливо все чтò онъ сдѣлалъ для меня въ Парижѣ и о чемъ я васъ тогда увѣдомилъ, заслуживаетъ вѣчную мою въ разсужденіи его благодарность. Я уповаю совершенно, милостивой государь, что по вашей ко мнѣ милости, возблагодарите обѣимъ, а особливо послѣднему, за все, чтò они для меня сдѣлали. Всенижайше прошу приказать заплатить Ивану Григорьевичу 30 полуимперіаловъ, чтò онъ за меня заплатилъ въ Парижѣ; сколь ему ни есть теперь нужда въ деньгахъ, однако, видя, что я самъ безъ копѣйки и претерпѣваю нужду, ни слова

*) Гудовичъ.

мнѣ о семъ долгу не упомянулъ здѣсь; и когда я сталъ ему говорить, что буду писать къ вамъ и просить васъ, милостивой государь батюшка, дабы заплатили ему за меня сей долгъ, то не хотѣлъ никогда на то согласиться, говоря, что готовъ ждать на мнѣ еще хоть десять лѣтъ; но мнѣ и такъ ужъ совѣстно, что онъ ждалъ четыре мѣсяца и поступилъ со мной передъ выѣздомъ моимъ изъ Парижа толь великодушно, хотя самъ былъ въ нуждѣ, которая теперь еще у него прибавилась, ибо я знаю отъ Гудовича, что онъ ему далъ въ займы, чѣмъ-бы ~~вмѣстѣ~~ изъ Парижа въ Россію ѣхать.

66.

Рига, 11-го Генваря 1765 года.

Графъ Яковъ Александрычъ Брюсъ наѣхалъ насъ вчерась въ Митавѣ; онъ, любя меня всегда, какъ при покойной Императрицѣ, такъ и при бывшемъ Государѣ, ни мало въ разсужденіи меня не перемѣнился, и могу сказать, что еще болѣе мнѣ ласки теперь оказываетъ, и лишь узналъ о моемъ выпускѣ, то прежде нежели я думалъ его просить только, сказалъ мнѣ, что, будучи мнѣ другъ, онъ не преминетъ, по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ, о моемъ дѣлѣ стараться и при томъ примолвилъ мнѣ, что, будучи пріятель съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Орловымъ, онъ увѣренъ, что оной для него за меня стараться будетъ. Вы можете вообразить себѣ, милостивой государь, сколь я чув-

ствителенъ былъ симъ его со мною обращеніемъ. Мало у насъ толь честныхъ людей, которые-бъ, какъ времена ни перемѣнялись, всегда непремѣнны и непоколебимы въ ихъ дружбѣ.

У меня есть еще намѣреніе, которое, я уповаю, что апробовать изволите. Я намѣренъ, произведутъ меня или нѣтъ, просить дядюшку, если онъ при дѣлахъ останется, о чемъ сумнѣваться, чаю, не можно, чтобъ онъ взялъ меня въ Колегію и чтобъ я при немъ работалъ, имѣя при томъ чинъ воинской, какъ сынъ князя Якова Петровича Шаховскаго. Я надѣюсь на милость дядюшкину, что мнѣ сего не откажетъ.

67.

Москва, 1-го Мая 1765 года.

Вчерашняго числа подъ вечеръ я сюда пріѣхалъ и въ разсужденіи прескверной дороги, отъ которой я совсѣмъ разбитъ, такъ что поворотиться не могу, я считаю, что очень скоро пріѣхалъ. По мѣстамъ такъ меня било (а оныя почти всю дорогу составляютъ), что четверы сутки я глазъ затворить не могъ и сегодняшнюю ночь всю не могъ еще успокоиться. Однакожъ надѣюсь, что дни черезъ два успокоясь и сходя въ баню, симъ Русскимъ лекарствомъ оправлюсь и дней черезъ пять въ Милетъ на два дни поѣду, какъ мнѣ приказать изволили. У дядюшки я тотчасъ былъ вчерась съ пріѣзду, но не засталъ его дома, а видѣлъ одну

тетушку. Сегодня онъ звалъ меня обѣдать, но какъ мнѣ надобно было сегодняшнее утро писать въ Петербургъ, то я отговорился и тотъ часъ пообѣдавши туда поѣду. Я вчерась видѣлъ у сестры Александра Ивановича Полянскаго, и безъ пристрастія могу сказать, что въ то малое время, въ кое я его видѣлъ, нашелъ его достойнымъ и тихимъ человѣкомъ, и такъ надѣюсь, что сестра съ нимъ несчастлива не будетъ.

Лошадь, что князь Барятинскій вамъ шлетъ, никуда негодится, а Барановъ мнѣ сказывалъ, что еще она у насъ въ домѣ оправилась; ибо какъ ее лишь привели, то десяти рублей не стоила, и онъ чуть было съ горячности назадъ ея не отослалъ. Это совсѣмъ простая Русская лошадь, которой только хвостъ и гриву полифляндски остригли и то не умѣючи. Михайла Григорьевичъ хвалитъ весьма кобылъ что̀ у Герейры вымѣняли, и они дошли сюда очень хорошо; видно, что люди, кои ихъ вели, имѣли большое попеченіе. Онъ ихъ дядюшкѣ не казалъ, и я ему совѣтовалъ, чтобъ не показывалъ, зная вѣрно, что тотъ, лучшихъ бы выбравъ, у васъ просить сталъ. Дать бы ихъ жаль, и такъ лучше не давать себя въ случай, чтобъ что нибудь отказывать.

68.

Москва, 18-го Мая 1765 года.

Хотя три дни уже, какъ льетъ здѣсь пресильной дождикъ и теперь еще продолжается, однакожъ, дабы исполнить ваше повелѣніе, ѣду завтрева въ Милетъ съ сестрою *), Иваномъ Петровичемъ и Барановымъ, и пробуду тамо двое сутки, послѣ чего ожидать буду извѣстія, когда дядюшка въ Кимру отправится, чтобъ туды ѣхать; а что̀ въ Милетѣ осмотрю и что̀ въ разсужденіи конюшни и другихъ поправокъ нужно будетъ сдѣлать, то съ архитекторомъ поговоря, велю, какъ вы приказать изволили, передѣлать.

Я пріѣхалъ сюды съ четырью рублями только и взялъ на первой случай 50 рублей отъ Михаила Григорьевича. Я также уповаю, что не прогнѣваетесь, милостивой государь батюшка, что взялъ въ вашей оружейной 3 пары пистолетовъ, 3 ружья, да одинъ штуцеръ. Мнѣ все сіе необходимо нужно въ походѣ, такъ зачѣмъ было бы мнѣ покупать, а я ужъ конечно никому ни одной изъ оныхъ вещей никогда не отдамъ. Мнѣ сіе же нужно и для поѣздки въ Кимру и отъ Кимры до Твери проселошными дорогами, гдѣ довольно пошаливаютъ. На прошедшей почтѣ вы изволили, конечно, съ довольною радостію, получить извѣстіе о счастливомъ выходѣ нашего Сибирскаго каравана не токмо изъ Чусовой, но и изъ Камы, и по послѣднему извѣстію оной былъ ужъ въ Лаишевѣ, гдѣ сія послѣдняя въ Волгу впадаетъ. Я увѣренъ, что хотя сколько Щипуновъ ни радѣлъ въ семъ отправленіи, однако извѣстное мнѣ нахальство Артаболевскаго

---

*) Елизаветою Романовною, на свадьбу, которой графъ Семенъ Романовичъ пріѣзжалъ въ Москву.

дастъ ему и сей случай, чтобъ приписать себѣ всю честь его отправленія, въ которомъ онъ никакой не имѣетъ: ибо былъ только посланъ съ письмомъ вашимъ, по которому онъ получилъ деньги, слѣдовательно не для него, а для письма оныя даны были. И такъ онъ, какъ почтовой чемоданъ, въ семъ дѣлѣ имѣлъ участіе, да еще съ великою замедлительностію. Я не могу пропустить теперь, милостивой государь, чтобъ нижайшее мое мнѣніе вамъ не представить, которое въ томъ состоитъ, чтобъ развязать Артаболевскаго съ Щипуновымъ. Прошибка что послѣдній сдѣлалъ въ счетныхъ книгахъ не инако, какъ отъ незнанія учинилась, ибо о честности его никакъ сомнѣваться не можно; я его довольно знаю и всегда за него поручиться готовъ, что не въ состояніи ни малѣйшаго бездѣльничества сдѣлать. И такъ, мнѣ кажется, чтобъ лучше было оную его проступку уничтожить, въ разсужденіи неусыпныхъ его трудовъ, нежели какъ продолжать слѣдствіе и счеты чрезъ Артаболевскаго, который вѣкъ ихъ не кончитъ и радъ продолжать ихъ хотя двадцать лѣтъ, тѣмъ наиболѣе, что во все время сего продолженія имѣетъ нѣкоторую команду надъ Андреемъ Аѳанасьевичемъ и, по извѣстной вамъ между ними ссорѣ, будетъ имѣть удовольствіе его шиканить, что непремѣнно приведетъ того въ какую нибудь крайность и отчаяніе, и вы лишитесь, милостивой государь батюшка, такого человѣка, какого къ заводу, я немного скажу, что не найдете.

Я очевидной былъ свидѣтель, что все произвожденіе заводское распоряжаемо было болѣе Щипуновымъ, нежели кѣмъ другимъ. И такъ не лучше-ли, милостивой государь, послать изъ Петербурга указы къ обоимъ, коими бы всѣ счеты надъ Щипуновымъ рушены были, и съ повелѣніемъ, чтобъ Артаболевскому въ Верхъ-Исецкія дѣла и Щипунововы бы не вмѣшиваться, а другой бы того ни въ чемъ не слушалъ, а репортовали-бъ оба въ Петербургъ, откуда, какъ

изъ единаго мѣста, отколѣ бы могли получать указы, просили на ихъ представленія резолюціи?

Я былъ въ скоромъ времени на сихъ заводахъ, послѣ того, какъ изъ казны вамъ и дядюшкѣ даны были, и знаю и видѣлъ, что Ягошинской сданъ былъ почти въ лучшемъ состояніи, нежели теперь находится, а Верхъ-Исецкой въ весьма дурномъ напротивъ того, и это самъ Артаболевской не можетъ отпереться, что самъ мнѣ сіе тогда представилъ, говоря, что имъ съ Щипуновымъ много дѣла и хлопотъ, а Андрею Дѣеву на Ягошихѣ ничего дѣлать не осталось, ибо все онъ нашелъ сдѣланное.

69.

Москва, 29 Мая 1765 года.

Я теперь только вздумалъ, что мнѣ крайне нужно будетъ имѣть легкую, крѣпкую и непугливую казацкую лошадь, ибо буду, какъ адъютантъ при графѣ Захарѣ Григорьевичѣ, который меня вездѣ посылать станетъ, что для меня будетъ очень полезно; а вороная лошадь моя очень слаба и ни недѣли не выдержитъ; другая Ревельская хотя и будетъ, но лишь захвораетъ, то и сталъ я безъ лошади. И такъ вы великую милость мнѣ сдѣлать изволите, если выпросите мнѣ такую лошадь у Степана Даниловича Ефремова, который хотя ея теперь не имѣетъ, но къ лагерю пришлется ему съ Дону множество, и Донскихъ казаковъ будетъ приономъ 500 человѣкъ, то ска-

завши ему или другимъ Донскимъ старшинамъ мою нужду, можно хотя купить такую, только-бъ она не пугалась огня и барабана; а мнѣ безъ нея быть, какъ безъ руки. Я былъ у тетушки въ монастырѣ и везу къ вамъ отъ нея письмо. Планъ для Милетской конюшни, сдѣланной по моему мнѣнію, къ вамъ, батюшка, также съ собою везу. Я здѣсь искалъ вездѣ хорошаго зеленаго чаю, къ которому я привыкъ и ничего другаго, какъ его по утрамъ не пью, но тщетно, а привезли для васъ изъ Сибири два пуда съ половиною онаго, и я не осмѣлился здѣсь себѣ изъ онаго взять; оной вы ужъ получили чрезъ Колмыкова. И такъ всенижайше прошу приказать мнѣ дать полъ-пуда, какъ для меня, такъ чтобъ я могъ услужить тѣмъ моимъ въ чужихъ краяхъ знакомцамъ, отъ коихъ я видѣлъ къ себѣ много дружбы, ласки и, могу сказать, милости; ибо держали меня, какъ сына. А я за тѣмъ теперь ускоряю писать, что опасаюсь, зная, какъ вы отказывать не знаете, чтобъ у васъ его тотчасъ не выпросили; ибо ни здѣсь, ни въ Петербургѣ хорошаго зеленаго чаю достать не можно.

Иванъ Петровичъ, письмо коего при семъ прилагаю, просилъ меня, дабы я отписалъ къ вамъ, милостивой государь, о его просьбѣ; а оная состоитъ въ томъ, чтобъ перевести его въ Пензу воеводою, тамъ онъ будетъ имѣть 600 рубл. жалованія, подлѣ своихъ деревенъ и гдѣ никакой издержки нѣтъ, а здѣсь имѣетъ только 450, а издерживаетъ гораздо болѣе безъ мотовства, въ чемъ я очевидной свидѣтель. Степанъ Ѳедоровичъ Протасовъ обѣщалъ писать о немъ въ Петербургъ; и такъ если и вы, милостивой государь батюшка, о немъ постараетесь, то конечно дѣло его сдѣлается.

Вчерась былъ я на Знаменскомъ дворѣ и, не зная архитекторскаго дѣла, судить о крѣпости сего дома не могу;

по мнѣ кажется, что необходимо должно будетъ подводить новой, или починить по крайней мѣрѣ старой фундаментъ праваго конца или флигеля, съ передней стороны палатъ, ибо онаго стѣны осѣли, потрескались и на одну сторону поосѣли.

70.

Тверь, 12 Іюня 1766 года.

На здѣшней Московской дорогѣ у васъ очень много знакомыхъ, милостивой государь, и они мнѣ очень дорого стали; ибо всякій приходитъ ко мнѣ и хвалится вашей милостью, и мнѣ должно было имъ давать что нибудь, какъ Степанъ съ сыновьями, Балахоновы, Разсказовъ и многіе другіе. Первые пять дней нашего пути были весьма жарки и сухи и слѣдовательно чрезмѣрно пыльны, а потомъ пошли дожди, кои льютъ теперь безпрестанно, что̀ много добра сдѣлаетъ нашему Сибирскому каравану, а безъ того воды сдѣлались бы крайне мелки. Барка съ полотнами и хлѣбомъ, я чаю, ужъ теперь въ Петербургѣ; Разсказовъ давно уже ее провелъ Тверцою и во Мсту. Матренинскихъ мужиковъ съ баранами встрѣтили мы межъ Хотиловымъ и Вышнимъ Волочкомъ; они гнали сто и одинъ баранъ, по одинъ палъ на дорогѣ. Сырая наставшая нынѣ погода опять привела грудь мою въ крайнюю слабость, и Галеди приказалъ мнѣ, по пріѣздѣ въ Кимру, пить сыворотку изъ козьяго молока и лимона, а сельтерскую воду употреблять

вмѣсто ординарной за обѣдомъ. Тамъ козы есть; о лимонахъ пишу отсюды къ Баранову, а о сельтерской водѣ прошу васъ, милостивой государь батюшка, дабы по полученіи ея изъ Голандіи, или приказавъ поискать въ городѣ свѣжей, приказали отправить ко мнѣ на подводѣ въ Кимру. При семъ прошу приказать Михайлѣ Аѳанасьевичу перейти въ мои горницы, ибо они будутъ и въ чистотѣ, и зимой не осырѣютъ отъ безпрестаннаго топленія. Мнѣ тѣмъ болѣе хочется, чтобъ онъ тутъ жилъ, что я оставилъ многія бумаги и естампы, и десейны въ кабинетахъ, кои мнѣ разбирать не было времени, и кои мнѣ хочется найтить по возвращеніи въ цѣлости. А зная ваше милостивое добросердечіе, что всѣхъ, кто ни пожелаетъ, къ себѣ въ домъ пускать изволите, какъ Бекетовыхъ, Муравьевыхъ, Бельфортовъ и Ушаковыхъ и прочихъ, то если мои горницы пусты останутся и потомъ кого нибудь пустить въ оныя изволите, то и мебели мои будутъ загажены и бумаги мои распропадутъ.

71.

Княра, 13 Іюля 1766 г.

Сельтерская вода, что Спличъ привезъ, такъ хороша, что едва въ Голандіи можно ли имѣть лучше этой; а какъ Галеди не велитъ мнѣ болѣе другой пить, какъ этой, и братъ прислалъ 500 бутылокъ: то нижайше прошу сдѣлать милость приказать отправить ко мнѣ въ Москву еще 300 бутылокъ, чего мнѣ на цѣлый годъ и до будущаго привозу станетъ. Что съ Сплпчемъ отправили, то дядюшка ее, какъ лимоны и померанцы, на свой счетъ принялъ и всѣмъ ее раздавать изволитъ; а она мнѣ не для прихоти, а для здоровья нужна. Я ѣздилъ въ Семеновское и нашелъ крестьянъ, ропщущихъ о томъ, что вмѣсто оброку, которой и такъ немалъ (ибо платятъ почти по два рубли) требуютъ отъ нихъ изъ Москвы хлѣбомъ, поставя половинную цѣну, такъ что они оной вдвое, нежели какъ положено, покупаютъ, и отъ того берется отъ нихъ по 4 рубли съ души, что они не въ состояніи платить безъ разоренія. Также надо, если смѣю доложить, приказать прикащику состроить свѣтлицы; онъ живетъ въ одной избѣ, оставшей отъ стараго гнилаго господскаго дома и которая такъ ветха, что я съ Тиромъ, которой со мною тамъ былъ, опасались, чтобъ она насъ не задавила. Тутъ подлѣ насъ есть сосѣдка Анна Дмитріевна Жемчугова, которая часто къ тетушкѣ ѣздитъ и очень хорошаго поведенія и живетъ съ нами по сосѣдству очень мирно; но какъ она очень бѣдна и лѣсу въ своихъ дачахъ не имѣетъ, а онаго у насъ въ Семеновскомъ очень много, то она меня и тетушку очень просила, чтобы васъ попросить, дабы вы позволили ей поль-

зоваться нашимъ лѣсомъ для ея надобностей, которыя невелики бываютъ, какъ въ строевомъ, такъ и въ полѣнномъ. [illegible]

Вы бы мнѣ, милостивой государь, крайнюю милость сдѣлать изволили, еслибы попросили господина Тауберта, чтобъ онъ отыскать для васъ велѣлъ въ Академіи всѣ Ежемѣсячныя Сочиненія отъ самаго ихъ начала по самой конецъ ихъ изданія и, приказавши оныя переплесть, изволили бы мнѣ ихъ прислать съ Артеміемъ Ивановичемъ, а также и Пчелу Сумарокова.

72.

Кимра, 19 Іюля 1766 г.

Гаврила Щепетильниковъ прибылъ сюда вчерашняго дня, а караванъ приплылъ сегодня и сегодня жъ въ путь отправляется, поспѣшая какъ возможно. Сколько я могъ разсмотрѣть изъ разговоровъ Щепетильникова, то и на Верхъ-Исецкомъ заводѣ непорядки происходятъ отъ ссоръ между повѣренными; и для того, если смѣю доложить, не лучше ли перевести Дубровскаго на Егошиху, а на мѣсто его опредѣлить Прохора, которой не гуляка и смиренъ? Стахова также на мѣдный заводъ послать; ибо если сего не сдѣлать, то отъ безпрестанныхъ ссоръ никакого порядка установить тамъ не можно будетъ.

Я не знаю, Ершовъ останется ли на мѣдныхъ заводахъ или нѣтъ; если сами повѣренные не просили, чтобы туда послать кого-нибудь еще, то мнѣ кажется, что излишно ему тамъ остаться и что болѣе ихъ тамъ будетъ, то хуже

дѣла пойдутъ, и Богъ знаетъ, на комъ отвѣтъ взыскать будетъ въ случаѣ непорядка.

При семъ прилагаю роспись книгамъ, которыя бы мнѣ хотѣлось имѣть и которыя въ Петербургѣ всегда достать можно въ Академіи или у Французовъ Поте, Брокъ и Сенепаръ. Мнѣ всегда хотѣлось имѣть библіотеку, хоть не такую какъ у брата, у котораго болѣе пяти тысячъ книгъ имѣется, но хотя бы въ тысячѣ томахъ состоящую. По пріѣздѣ моемъ изъ чужихъ краевъ, я нашелъ свою библіотеку въ крайнемъ разореніи, ибо изъ 700 книгъ ни половины, чтобы неразрозненныхъ, собрать не могъ. И такъ, побросавши оныя разрозненными и отдавши нѣкоторыя Крамаренкову (ибо мнѣ служить они не могли) осталось у меня около 300 книгъ; потомъ книгъ съ двѣсти я самъ купилъ прошлымъ лѣтомъ, не имѣя на что купить болѣе, а васъ трудить не хотѣлъ, зная ваше несостояніе. Теперь же, милостивой государь, я осмѣлился отобрать изъ разныхъ каталоговъ книгъ съ четыреста, кои дороже шести сотъ рублей никоимъ образомъ стать не могутъ. И нижайше прошу мнѣ не отказать эту милость, чтобы приказать купить оныя, продавши желѣзо. У меня только и есть забавы и утѣшенія, какъ книги, и вы сами изволите знать, что нѣтъ на свѣтѣ приличнѣе и благороднѣе упражненія какъ чтеніе. И такъ уповаю, что въ первой разъ, что я тружу васъ о такой покупкѣ, оную мнѣ не откажете.

73.

Кимра, 21 Іюля 1766 года.

Отъ Баранова я получилъ въ отвѣтъ сегодня, что онъ нигдѣ не могъ въ Москвѣ найтить 1300 рублей, что̀ Щепетильниковъ просилъ для каравана, а пишетъ онъ мнѣ, чтобъ я взялъ въ Кашинѣ оную сумму и выслалъ-бы на оную сумму вексель на его имя, которой вексель онъ въ недѣлю обѣщается заплатить. Но я сего не сдѣлалъ, по причинѣ, что Щепетильниковъ мнѣ сказалъ, что если изъ Москвы не получу, то онъ въ Твери достать можетъ. И такъ я отправляю теперь его племянника, котораго онъ здѣсь оставилъ, въ Тверь, гдѣ онъ его нагонитъ, съ тѣмъ что денегъ я не получилъ, а чтобъ онъ ихъ промыслилъ въ Твери. На караванѣ было 300 козловъ Казанскихъ, изъ коихъ я взялъ 120, для стульевъ и тюфяковъ, въ чемъ мнѣ въ Москвѣ нужда будетъ; ибо покои, что̀ для меня назначены, совсѣмъ пусты; ихъ надо будетъ новыми бумажками обить и сдѣлать нѣкоторыя перегородки деревянныя; также надо будетъ велѣть сдѣлать нѣсколько столовъ и два комода для бѣлья, два большіе шкапа для платья, комодъ для писемъ и бумагъ и полки для библіотеки. Слѣдовательно я надѣюсь, милостивой государь, что прикажете Баранову, чтобъ это все сдѣлалъ, какъ я ему то растолкую, для чего нижайше прошу ему это приказать, такъ и о другихъ бездѣлицахъ, которыя я самъ прикажу, будучи въ Москвѣ, если почту за нужное, какъ напримѣръ, печь передѣлать или каминъ одинъ сдѣлать, и прочее.

Архивъ Князя Воронцова, XVI. 7.

74.

Кимра, 30 Іюля 1766 года.

Я получилъ письмо отъ Андреяна Ларіоновича *), въ которомъ онъ мнѣ даетъ знать, что послалъ къ вамъ комедію своего сочиненія и проситъ меня также, чтобъ, прочтя, написалъ бы ему свое мнѣніе. Меня же просилъ пріятель мнѣ Алексѣй Васильевичъ Нарышкинъ, которой также очень знаетъ и любитъ Дубровскаго, дабы я сообщилъ ему всѣ сочиненія сего послѣдняго. Для того нижайше прошу, послѣ того, какъ вы сами прочесть изволили сію комедію, отдать оную Алексѣю Васильевичу Нарышкину, что̀ при графѣ Григорьѣ Григорьевичѣ, а по возвращеніи оной, нижайше прошу ко мнѣ ее прислать для прочтенія. Дядюшка Иванъ Ларіоновичъ привозилъ сюда обращики разныхъ бархатовъ Московскихъ фабрикъ; а какъ у меня, кромѣ одного краснаго ратиноваго стараго кафтана ни одного зимняго платья не имѣется, въ чемъ я столь бѣденъ, какъ въ лѣтнихъ и осеннихъ платьяхъ богатъ: то я выбралъ три образчика, дабы по 14-ти аршинъ каждаго мнѣ выткали, прося однакожъ дядюшку, дабы онъ на фабрику еще ихъ не отдавалъ, покуда отъ васъ не получу соизволенія, о чемъ нижайше васъ прошу, милостивой государь батюшка. Дядюшка Иванъ Ларіоновичъ знаетъ одного фабриканта, гдѣ очень хорошо работаютъ. Сія фабрика также извѣстна и графу Михайлѣ Ларіоновичу, которой нѣсколько кусковъ и для себя заказалъ выткать. Барановъ прислалъ сюда нарочнаго къ Щепетильникову, чтобъ взять сто кулей хлѣба съ

---

*) Дубровскаго.

каравану, по причинѣ что въ Московскомъ домѣ въономъ нужда имѣется, а въ Петербургъ столько хлѣба не надо; ибо въ концѣ зимы и дворъ, и вы сами въ Москву прибудете; онъ присланному велѣлъ, если здѣсь караванъ не застанетъ, чтобы въ Твери нагнать его старался, для чего я ему и подводу нанялъ и немедленно къ Щепетильникову отправилъ. Кедровыя деревья дядюшка здѣсь оставить приказалъ. Дожди у насъ льютъ безпрерывно, и вверхъ по Волгѣ и Тверцѣ тоже сказываютъ; слѣдовательно каравану большой остановки не случится.

75.

Кимра, 8-го Августа 1766 г.

Въ передѣлкахъ въ тѣхъ покояхъ, гдѣ въ Москвѣ мнѣ жить будетъ, вы изволите писать, чтобъ я излишества не сдѣлалъ. На то имѣю честь доносить, что и въ Петербургѣ я покои свои содержалъ всегда просто, а въ Москвѣ, гдѣ только жить на время мнѣ случится, я никогда бы излишняго убранства не сдѣлалъ, если бы вы мнѣ и позволить сіе изволили. Мнѣ тамъ только тѣ передѣлки надо сдѣлать будетъ, безъ коихъ, смотря по сырости горницъ и по слабому моему здоровью, мнѣ бы умереть надо было, то есть передѣлать печи и сдѣлать два камина. Потомъ самыя необходимыя вещи, какъ стулья и столы, два шкапа изъ простого дерева для платья, два комода для бѣлья, да одинъ только кабинетъ изъ краснаго дерева для писемъ и гдѣ бы

мнѣ писать можно было, и чтобъ мои горницы хоть мало на дворянскія похожи были, то простыми бумажками оныя обить да стамедныя занавѣсы подъ цвѣтъ къ обоямъ для окошекъ, да еще сосновыя полки для книгъ. Чтд касается до Венгерскаго, то конечно онаго не трону, послѣ того, какъ и въ Петербургѣ дважды о томъ приказывать изволили и теперь о томъ еще изволите подтверждать. Я до него не охотникъ, и если въ прошлогоднишнюю мою въ Москву поѣздку издержано было бутылокъ десять, то сіе сдѣлалъ, не зная, что вамъ противно и по просьбѣ Александра Ивановича Полянскаго и для угощенія дядюшки Ивана Ларіоновича, когда онъ ко мнѣ пріѣзжать изволилъ. Мнѣ же Галедій велѣлъ нынѣшній весь годъ ничего не пить инаго, какъ сельтерскую воду, какъ вамъ извѣстно; да велѣлъ мѣшать съ оной рейнъ-вейнъ для ординарнаго питья. Для того нижайше также прошу Баранову приказать купить сего вина, коего у насъ въ домѣ не находится. Чтд изволите писать о Семеновскихъ крестьянъ, что изволите ихъ положить опять на пашню, я думаю, что ихъ разоритъ сіе учрежденіе, а вамъ больше прибыли отъ оной пашни не будетъ, смотря по малому числу душъ и по количеству земли, гдѣ ничто, кромѣ льна, хорошо не выходитъ. Если смѣю доложить, то лучше брать съ нихъ по два рубла съ души и заказать Московской конторѣ болѣе ихъ безпокоить, которая еще вновь прислала указъ, по которому они должны ставить рожь по 70 копѣекъ, а овесъ по 60 четверть. Ихъ сіе такъ разоряетъ, что если это года два еще продолжится, то имъ всѣмъ по міру идти будетъ. По два рубли съ души очень довольно, и мы бы богатѣе были, еслибы всѣ деревни по стольку же давали; они же сверхъ того безпрестанно содержатъ работниковъ въ Москвѣ и Милетѣ, чтобы Матренинскіе могли содержать пристойнѣе ихъ. Всенижайше прошу простить мнѣ,

если я осмѣливаюсь здѣсь прилагать мое мнѣніе. Я бы никогда не отважился сіе сдѣлать, если бы вы сами не изволили мнѣ приказать изъяснить вамъ свое мнѣніе о Семеновскихъ крестьянахъ.

76.

Москва, Ноября 1766 года.

Что изволите мнѣ приказывать, чтобъ я прислалъ вамъ мое мнѣніе, откуда что̀ привезти надо всякаго припаса для содержанія здѣшняго дома, вамъ лучше самимъ извѣстно, что̀ какая деревня плотитъ, которая на оброкѣ, которая на пашнѣ, и я тѣмъ менѣе въ сіе могу вмѣшаться, что не довольно свѣдомъ о сихъ дѣлахъ. О Костромской полотняной фабрикѣ изволите писать, что, за неимѣніемъ капитала, чѣмъ производить ее, изволили разсудить отдать ее на аренду на 15 лѣтъ: первые 4-ре года по 1200 руб., а послѣдніе по 1400; вы властны во всемъ, мнѣ и вмѣшиваться въ сіе не подлежитъ. Только, ободренъ будучи вашею милостію и вѣдая, какъ вамъ пріятно, чтобъ мы входили по-маленьку въ наши экономическія дѣла, я осмѣливаюсь вамъ представить, что вы, можетъ быть, будете сами очень сожалѣть объ убыткѣ, который отъ сей аренды произойти можетъ. Вы мнѣ сами изволили сказывать, что менѣе 8-ми тысячъ рублей нельзя имѣть съ сей фабрики; знаю также, сколько на ней становъ, сколько кусковъ въ годъ на нихъ ткалось, почему становились и почемъ при портѣ продавались, такъ

что и болѣе еще 8-ми тысячъ получать съ нее можно было вѣрнаго дохода: то очень сожалѣнія достойно, что за такую цѣну, а особливо на столько лѣтъ она отдана. Послѣ желѣзнаго и виннаго заводу это лучшій нашъ былъ доходъ, зная особливо, сколько на строеніе и инструменты ея, чрезъ столько лѣтъ, денегъ положить изволили. Вы же мнѣ сами въ Петербургѣ неоднократно сказывать изволили, что чрезъ четыре года всѣ долги наши уплачены будутъ, то, если смѣю сказать, лучше бы было на эти четыре года ее оставить, и тамъ опять съ нея получать по 8 и 9-ти тысячъ рублей. Да и этого бы миновать можно, ибо на содержаніе ея не отказался бы дать Фогель или кто другой, съ кѣмъ бы обязались продавать полотны, и то только бы надо было на одинъ годъ; ибо доходъ ея ее содержитъ, переводя туда третью часть тѣхъ денегъ, что̀ по продажѣ полотна въ Петербургѣ получить можете. Если сей купецъ столь честенъ, что по возвращеніи ему тѣхъ 1200 рублей, что̀ онъ ужъ заплатилъ вамъ за сей годъ, хотѣлъ-бы разрушить сей договоръ и если бъ вы хотѣли со мной сдѣлать потомъ ту милость, чтобъ пожаловать мнѣ сію фабрику вмѣсто 2000 рублей: то я бы, занявъ здѣсь хоть по двадцати процентовъ на сей первый годъ для покупки пряжи, нашелъ свой счетъ и въ слѣдующіе годы, оплатя свой долгъ, могъ бы жить довольнымъ, получая доходъ изрядной. Если я сіе письмо писалъ такъ дурнымъ слогомъ и письмомъ, прошу въ томъ мнѣ простить, ибо я боленъ опять грудью уже тому недѣля и такъ ею стражду, что долго наклонясь сидѣть не въ состояніи, и теперь, принужденъ будучи матеріею писать толь долгое письмо, такъ ослабѣлъ, что долженъ противъ воли окончить оное.

77.

Москва, 23 Ноября 1766 года.

На прошедшей почтѣ я получилъ письмо изъ Вѣны отъ графини Шемборши, которая мнѣ столько любви и ласки всегда оказывала и у которой я бывалъ ежедневно и живалъ въ деревнѣ по мѣсяцу и болѣе. Въ ономъ она меня проситъ, чтобъ ей прислалъ два мѣха горностаевыхъ, одинъ для нея, а другой сестрѣ ея принцессѣ Старенбергъ, которую я также очень знаю и мужъ которой заступаетъ теперь Каупицово мѣсто. Имѣвши отъ нихъ столько одолженiевъ, мнѣ стыдно было ей отказать въ томъ, и для того обѣщалъ въ концѣ сей зимы прислать ей сiи два мѣха. За чѣмъ всепижайше прошу, милостивой государь, приказать Артаболевскому прислать ко мнѣ съ первымъ ѣздокомъ два горнастаевые мѣха, кои онъ можетъ купить у Демидовыхъ на заводахъ, гдѣ безпрестанной торгъ въ круглый годъ имѣется. У тетушки есть здѣсь мѣхи, и она мнѣ одинъ для сюртука пожаловала; но они не хороши, а туда посылать, то посылать хорошiе, или ничего.

78.

Москва, Декабря 1766 года.

Хотя мнѣ сегодня пускали кровь изъ руки отъ жестокой головной болѣзни, которая меня пять дней сряду прежестоко мучитъ, одно не могу оставить, чтобъ хотя чрезъ мочь вамъ не отвѣтствовать на милостивое ваше своеручное письмо отъ 23-го прошлаго мѣсяца.

Я осмѣлился не отдать Александру Ивановичу то ваше письмо, въ коемъ изволите ему приказывать выѣхать для меня изъ вашего дома, за тѣмъ, что онъ бы и сестра подумали, что я сіе выпросилъ и имѣли-бы причину на меня сердиться. Другое, что сіе неудовольствовало-бы также весьма, какъ дядюшку графа М. Л., такъ и тетушку графиню А. К.; ибо они и тогда съ горячностію отзывались, когда было сестра для Анны Михайловны выѣхать принуждена была и сего не допустили, говоря, что они лучше хотятъ, чтобъ Анна Михайловна жила на улицѣ, нежели чтобъ Анна выгнала сестру Елисавету Романовну. Сверхъ же всего я, хотя безпокойно живу, однакожъ не такъ, чтобъ снести не можно было, и когда я могъ жить 3 мѣсяца въ сей горницѣ, то ужъ 6-ть недѣль, чрезъ которое время мои горницы поспѣютъ, прожить въ ней не трудно будетъ. Я же сію горницу обилъ вездѣ войлоками и не чувствую болѣе въ ней стужи. Мнѣ же необходимо надо, чтобъ сестра здѣсь жила, ибо какъ дядюшка графъ М. Л. скоро на другой дворъ съѣдетъ, то безъ всякой помощи и присмотра останусь и если когда за болѣзнію принужденъ буду дома остаться, то за неимѣніемъ повара, приборовъ и посуды, я буду безъ пищи. Сестра-же моя по той любви, что мы съ

маленьку другъ къ дружкѣ всегда имѣли, когда я боленъ, всегда при мнѣ, за мной смотритъ и отъ меня не отстаетъ, такъ что безъ нея и одинъ оставшись въ домѣ я совсѣмъ пропаду. И такъ всенижайше прошу, милостивой государь, не прогнѣваться, если я ваше письмо не отдалъ Александру Ивановичу, прося при томъ всенижайше не приказывать имъ прежде вашего пріѣзда съѣзжать отсюдова. Я же съ пріѣзда самаго просилъ сестру, чтобъ она жила по тѣхъ поръ, пока я увѣдомлюсь, что вы изъ Петербурга скоро выѣдете. Что-жъ касается до каменнаго флигеля, гдѣ сами жить намѣрены и для меня хотите принять такое безпокойство, всенижайше васъ прошу, милостивой государь, того не дѣлать; ибо когда я самъ для сырости оныхъ не могъ тамъ жить, могу-ль это видѣть, чтобъ вы въ оныя перешли? Я лучше захочу весь мой вѣкъ жить въ теперешней каморкѣ, нежели видѣть васъ хоша недѣлю въ тѣхъ сырыхъ и нездоровыхъ покояхъ. Покои мои деревянные въ 6-ть или 7 недѣль готовы будутъ, и такъ до тѣхъ поръ мнѣ и переходить и безпокоиться не зачѣмъ.

79.

Москва, 5 Февраля 1767 г.

Что изволите писать о Строгоновомъ садовникѣ и Озеровѣ, на то имѣю честь донести, что сей садовникъ есть самой дурной человѣкъ и горькой пьяница, такъ какъ объ немъ и говоритъ управитель ихъ и что онъ запоемъ пьетъ; иногда бьетъ смертно жену свою и учениковъ, такъ что многіе и разбѣжались отъ него; а сей вашъ мальчикъ, которой у него былъ и претерпѣлъ всякія муки, неоднократно просилъ Ершова, чтобъ оттуда свободить. Наконецъ, онъ его однажды, напившись пьянъ, билъ до увѣчья, и онъ прибѣжалъ къ Ершову, которой его ко мнѣ и привелъ; и я вамъ, милостивой государь, клянусь по чести, что я его нашелъ разбитаго безчеловѣчнымъ образомъ, и для того посылалъ дважды Озерова, чтобъ его оттуда взять до вашего пріѣзда (а какъ вы больны были, милостивой государь, то о такихъ вздорахъ я и писать къ вамъ не смѣлъ); но онъ, вмѣсто того, что его отдать, разругавши, вытолкалъ его вонъ въ зашей, послѣ чего я принужденъ былъ послать Ершова, который ужъ его выручилъ. Я сіе затѣмъ болѣе сдѣлалъ, что сверхъ негодной и тиранской поступки мастера, ученикъ ужъ совсѣмъ выучился и выжилъ свои годы. И такъ я думалъ представить вамъ по пріѣздѣ вашемъ, не прикажете ли его опредѣлить въ Милетъ; ибо онъ довольно искусенъ и рисуетъ очень хорошо, а теперешной Милетской садовникъ пьяница и нерадѣтеленъ, такъ что жаль, что эдакой человѣкъ при такомъ саду опредѣленъ и опасно, чтобъ онъ оной садъ совсѣмъ не разорилъ худымъ своимъ смотрѣніемъ; но какъ вы изволили приказать

этого мальчика опять отдать къ евтому Строгонову садовнику, то я то и учинилъ сегодни. А что Озерова высѣчь приказали, то я сіе за тѣмъ не смѣлъ сдѣлать, что увѣренъ, что и сами то отмѣните, когда свѣдаете, что онъ ѣздилъ по моему приказу и отъ себя ничего не дѣлалъ; а что оной садовникъ на него писалъ, то онъ самъ обличился во лжи; ибо, призвавши его къ себѣ, я у него спрашивалъ, какъ онъ и съ чего онъ на Озерова писалъ къ вамъ такія клеветы? Онъ зачалъ божиться и отпираться, что ничего не вѣдаетъ, то я ему показалъ его письмо. Онъ, вдругъ поосторопѣвъ нѣсколько, сталъ говорить, что это правда и что тому былъ свидѣтель лакей Никифоръ, котораго я тотчасъ призвалъ и которой его обличилъ во лжи. И такъ онъ со стыдомъ ушелъ. За тѣмъ я не могъ высѣчь невиннаго; а хоть бы онъ и былъ виновенъ, то осмѣлился бы просить васъ, милостивой государь, чтобъ изволили бы простить однажды такому человѣку, которой десять лѣтъ мнѣ служитъ безпорочно и оказалъ мнѣ во время моего ареста *) столько вѣрности и преданности, что я во всю жизнь мою не въ состояніи буду довольно ему оказать мою благодарность.

*) 28 Іюня 1762 года.

80.

Москва, 17-го Апрѣля 1768 года.

На будущей почтѣ я пошлю къ Петру Васильичу книгу, которую я получилъ на прошлой недѣлѣ между другими, что̀ мнѣ присланы изъ чужихъ краевъ. О сей книгѣ уже лѣтъ двѣсти, какъ говорятъ во всемъ свѣтѣ, и вы ее репутаціей знаете; она называется „Traité des trois imposteurs“. Петръ Васильичъ, прочтя самъ, ее вамъ вручитъ; она невеличка, но сильно писана, и господинъ Нартовъ можетъ ее перевести въ три дни. Что жъ касается до моихъ старыхъ лошадей, у меня ихъ только пять, и между коими только двѣ въ состояніи и тѣ ужъ немолоды, а прочія три совсѣмъ разбиты. А тѣ двѣ, кои еще нѣсколько годятся, я отсулилъ было ихъ (не зная, что вамъ ихъ надо, милостивой государь) господину Лаферміеру, библіотекарю Великаго Князя, которому теперь въ лошадяхъ нужда и которому я много одолженъ: ибо сверхъ Италіянскаго языка, что̀ меня выучилъ, онъ во многомъ меня просвѣтилъ, и я въ два года отъ него болѣе позналъ, нежели доселева, учась у разныхъ и въ разныхъ книгахъ читая, а по сю пору не могъ ему ниже какой бы бездѣлицей услужить. И такъ, услыша, что онъ купилъ въ Петербургѣ себѣ карету и хочетъ также купить пару лошадей, хотя не имѣетъ на то большаго способа, я писалъ къ нему, чтобы онъ одолжилъ меня, какъ другъ, не покупая оныхъ и принявъ съ тѣмъ же дружескимъ сердцемъ, съ какимъ я къ нему пошлю пару своихъ въ половинѣ Мая. Но если вамъ они надобны, милостивой государь батюшка, то я къ нему напишу, чтобы меня извинилъ и что мнѣ нельзя того исполнить, на что я было самъ вызвался, не входя въ причины и не изъясняя ему, для чего.

89.

Москва, 5-го Января 1769 года.

Третьягоднись я пріѣхалъ въ сей городъ и въ тотъ-же день былъ у дядюшки, гдѣ и ужиналъ, а стою у сестры. Дядюшка очень нетерпѣливо Артемія Ивановича ожидаетъ, а между тѣмъ я примѣтилъ, что экипажи сего послѣдняго нимало не приготовляютъ. Мои здѣсь всѣ готовы кромѣ того, что одна изъ моихъ фуръ гораздо на Валдайскихъ горахъ попортилась, и такъ сіе меня до Пятницы здѣсь удержитъ.

Я Власову велѣлъ, чтобъ онъ приготовилъ 20 пудъ ветчины для людей, 10 пудъ солонины для меня, также крупъ всякихъ довольное число, до 6 пудъ соли; ибо въ Малороссіи теперь совсѣмъ соли нѣтъ, такъ что отсюда, по представленію графа Петра Александрыча, по почтѣ ее отправляютъ. И это все собравши, велѣлъ ему, нанявъ подводу или двѣ, вскорѣ послѣ меня въ Глуховъ отправить. Нижайше прошу это ему подтвердить вашимъ повелѣніемъ.

Еремѣй такъ проворенъ мнѣ въ дорогѣ показался, и сверхъ того я вообразилъ себѣ, сколь онъ мнѣ въ походѣ нуженъ будетъ, какъ для содержанія въ чистотѣ и исправности ружей моихъ и пистолетовъ, и что онъ своимъ искусствомъ въ стрѣльбѣ довольно снабжать и столъ мой будетъ, что я осмѣлился уговаривать его, чтобъ онъ со мной въ походъ поѣхалъ, отважась при томъ увѣрить его, что вы, милостивой государь батюшка, за то не прогнѣваетесь. Онъ и согласился, а просилъ только, чтобъ жена его въ Петербургѣ не покинута была. А я теперь въ томъ у васъ прошу прощенія, и хотя онъ мнѣ очень нуженъ, но если это

вамъ не покажется, то я его опять изъ Глухова пришлю. Вчерась я былъ у графини Катерины Александровны[1]) Румянцовой, которая меня приняла весьма ласково и обѣщала мнѣ дать письмо къ мужу. Завтра я поѣду къ графу Петру Семенычу[2]) и къ Петру Спиридонычу. Калмыкъ еще въ Милетѣ, я по него послалъ и стану его уговаривать; а если онъ не захочетъ со мной ѣхать въ армію, то конечно противъ его желанія насильно не возьму.

90.

Глуховъ, 16-го Генваря 1769 года.

Вчерась ночью, или лучше сказать сегодни до свѣта, я сюда пріѣхалъ и сталъ въ домѣ Андрея Васильича Гудовича, котораго я всегда почиталъ себѣ вѣрнымъ другомъ, а теперь и подавно: ибо какъ его здѣсь нѣтъ, то я было и посумнился тутъ стать; но человѣкъ его, коему приказанъ домъ, показалъ мнѣ его приказъ, по коему ему велѣно меня просить къ себѣ въ домъ, дать мнѣ его карету и довольствовать меня всѣмъ и слушать, какъ господина. При томъ онъ и самъ ко мнѣ писалъ изъ деревни, 130 верстъ отсюда, что ежели мнѣ къ нему быть не можно, а я однакожъ въ Глуховѣ останусь, то бы его увѣдомилъ, что онъ тотчасъ пріѣдетъ, и проситъ меня при томъ, чтобъ я его не щадилъ и употреблялъ гдѣ хочу, что онъ самъ и все его имѣ-

---

1) Вѣроятно, ошибкою, вмѣсто Михайловны.

2) Салтыкову, Московскому главнокомандующему.

ніе къ моимъ услугамъ. Однимъ словомъ, я не могу имъ довольно нахвалиться, и меня сіе крайне утѣшаетъ, что я въ немъ не ошибся, считая его себѣ вѣрнымъ другомъ. Кой часъ я одѣлся, то поѣхалъ къ графу Петру Александрычу, которому вручилъ всѣ письма и указъ отъ Военной Колегіи. Онъ меня принялъ очень милостиво и спросилъ, въ которомъ полку я служить желаю. Но какъ вездѣ мѣста заняты, и я бы былъ сверхъ-комплектнымъ подполковникомъ, то я его просилъ, чтобъ до настоящей первой ваканціи онъ бы меня оставилъ при себѣ при дежурствѣ въ главной квартирѣ. Онъ то и сдѣлалъ, и я примѣтилъ, что онъ моею просьбою былъ очень доволенъ. Завтра онъ ѣдетъ на самое малое время и за нуждою въ Кіевъ и меня съ собой беретъ. И такъ я туда ѣду на легкѣ, а Тихону здѣсь оставилъ приказъ, чтобъ онъ, по пріѣздѣ своемъ, поѣхалъ къ Андрею Васильичу и тамъ съ нимъ посовѣтовалъ о покупкѣ подъемныхъ лошадей. Изъ Кіева я буду имѣть честь писать къ вамъ, милостивой государь. Графъ считаетъ дней черезъ двѣнадцать быть сюда обратно, и такъ ужъ по возвращеніи моемъ я здѣсь заведусь всѣмъ принадлежащимъ.

91.

Глуховъ, 6-го Февраля 1769 года.

Письмо ваше отъ 13-го прошедшаго мѣсяца я имѣлъ честь получить чрезъ г. Натальина [1]) въ Кіевѣ. Родственнику вашему Льву Ларіонычу я не премину по долгу своему оказывать услуги и вспоможенія. Сожалѣю только, что не могу его имѣть при себѣ; ибо какъ нѣтъ ваканціи, и я не хотѣлъ быть въ полку сверхъ комплекта, то остался при графѣ Петрѣ Александрычѣ. Господину Хатьянову я далъ рекомендательное письмо къ его полковнику г. Порошину, который мнѣ знакомъ.

92.

Глуховъ, 8-го Апрѣля 1769 года.

Третьяго дни по вечеру прибыли сюда князь Алексѣй Степанычъ [2]) и графъ Артемій Иванычъ [3]) и стали со мной въ одномъ домѣ; ибо Андрей Васильичъ тотчасъ послалъ просить ихъ, чтобы они къ нему въ домъ переѣхали. Графомъ Петромъ Александровичемъ были приняты весьма ласково и черезъ три дни отсюда въ Кіевъ отправятся; а мы завтра съ графомъ изъ Глухова выѣдемъ и вмѣсто того, чтобъ ѣхать въ Полтаву, прямо въ Переволочную поѣдемъ, отсюда вправо по линіи къ Бахмуту и, осмотря всю линію, въ лагерь выступимъ.

---

1) Сынъ графа П. А. Румянцова.

2) Мещерскій.

3) Воронцовъ.

93.

Изъ лагеря подъ мѣстечкомъ Самборъ или Диковка, Іюня 21-го 1769 года.

За разными недосугами я лишенъ былъ удовольствія писать къ вамъ, милостивой государь. Мы здѣсь ужъ восемь дней, какъ стоимъ въ лагерѣ на Кагульцѣ, который по ландкартамъ гораздо почтеннѣе, нежели какъ на яву кажется. При вступленіи въ сей лагерь и при формированіи тотчасъ гранадерскихъ баталіоновъ, я получилъ одинъ въ команду. Оной называется вторымъ, находится въ резервномъ корпусѣ и состоитъ изъ Воронежскихъ и Елецкихъ гранадерскихъ ротъ. Изъ двухъ Аглицкихъ лошадей, что̀ у меня есть, одна совсѣмъ разбита, а другая, что̀ послѣ дядюшки мнѣ досталась, уже стара и не въ состояніи много выдержать, здѣсь же лошади чрезвычайно дороги и нехороши. Къ Степану Данилычу *) я писалъ, прося его, чтобъ онъ мнѣ за деньги прислалъ двѣ верховыя лошади; но уже тому прошло четыре мѣсяца, а я никакого отвѣта не имѣю. И такъ писалъ кошевому въ Сѣчь, прося его, чтобъ онъ мнѣ, купя 3 лошади, рублей по 70 каждая, прислалъ мнѣ ихъ сюда, что̀ онъ мнѣ и обѣщалъ; а между тѣмъ ѣзжу на казацкой, которая дана 35 рублей и никуда не годится. Такъ они здѣсь въ арміи въ Украинѣ и въ Сѣчи задорожали, что которая полгода тому назадъ стоила 50 рублей, нынѣ менѣ 150-ти рублей достать не можно; а то, если она чуть-чуть добра, то никто не продаетъ. И такъ я невеликую надежду и на тѣхъ полагаю, что̀ изъ Сѣчи ко мнѣ шлются; и для того покорно прошу васъ, милостивой государь батюшка, при-

*) Ефремову, Донскому атаману.

Архивъ Князя Воронцова, XVI, 8.

казать написать или въ Астрахань къ Микитѣ Аѳанасьевичу, или къ кому нибудь въ Кизляръ, чтобъ тамъ купили двѣ горскія лошади; они хотя, можетъ быть, обѣ рублей двѣсти станутъ, однакожъ за пять лошадей здѣшнихъ послужатъ: ибо я примѣтилъ, что, послѣ Арабскихъ, крѣпче горскихъ лошадей на свѣтѣ нѣтъ. Деньги за оныя нижайше прошу отдать кому нибудь изъ Армянъ въ Москвѣ или въ Петербургѣ, для того что у меня теперь только 300 рублей осталось. Не дивитесь, милостивой государь, что у меня такъ мало ихъ теперь: я еще въ Украинѣ болѣе 1300 рублей издержалъ на покупку 23 лошадей подъемныхъ и на передѣлку совсѣмъ экипажа своего; сверхъ того всегда имѣлъ столъ, а теперь и подавно, имѣя баталіонъ въ командѣ, а здѣсь чрезвычайно все дорого. Я жъ безъ тщеславія могу вамъ сказать, что всегда, когда вижу случай помочь какому нибудь изъ бѣдныхъ офицеровъ, то всегда то дѣлаю съ удовольствіемъ, что̀ и нерѣдко случается. Я думаю, что это долгъ всякаго достаточнаго человѣка. Мнѣ этихъ остальныхъ денегъ по Сентябрь мѣсяцъ станетъ. Какъ мнѣ не хочется нынѣшнею зимою ни Москвы, ни Петербурга видѣть, дабы мнѣ не видѣть такія мѣста, гдѣ я имѣлъ друга, что̀ потерялъ несчастно и потерю котораго я въ вѣкъ оплакивать долженъ *); и такъ я останусь зиму въ Украинѣ. Если вы позволите, то нижайше прошу на содержаніе мое нынѣшной зимы и будущей кампаніи прислать мнѣ вексель на Нѣжинъ, когда вы въ Сентябрѣ желѣзо продать изволите. Что-жъ касается до проводу ко мнѣ горскихъ лошадей, то приказать ихъ отослать въ Черкаскъ и попросить Степана Данилыча, чтобъ онъ ихъ отослалъ въ Миргородской полкъ въ мѣстечко Сорочицы, которое Андрею Васильичу принадлежитъ и гдѣ его управитель ихъ приметъ. Также вы

*) Графиня Анна Михайловна Строганова скончалась зимою этого года.

мнѣ великую милость сдѣлать изволите, если дадите кому нибудь изъ Агличанъ комисію купить мнѣ въ Лондонѣ математическіе инструменты: одометръ, астрелябъ, зрительную складную карманную трубку и маленькой телескопъ, гиней въ двѣнадцать, да 6 дюжинъ нитяныхъ чулокъ; и приказать, чтобъ это все тамъ отдано было господину Шарапову, а Петра Васильича попросить, чтобъ онъ его попросилъ, чтобъ онъ это все прислалъ къ нему, чрезъ посылаемыхъ оттуда курьеровъ, а Петръ Васильичъ ужъ это мнѣ доставитъ.

При семъ я долженъ вамъ написать, что оба господа Воронцовы нимало къ службѣ не прилегаютъ, а особливо Левъ Ларіонычъ. Я ему далъ всѣ книги, что̀ до службы принадлежатъ, а онъ въ три мѣсяца ни одну изъ нихъ не развертывалъ и, будучи командиръ роты, ничего службы не знаетъ и ни малой охоты къ ней не оказываетъ. Графъ, смотря еще въ Перевоселочной Елецкій полкъ, очепно на него былъ сердитъ и репримандовалъ его за тѣмъ, что онъ все замѣшалъ и въ ученьи плутонгами и дивизіонами, потомъ во всѣхъ еволюціяхъ командовать не умѣлъ. Онъ послѣ того ни мало не прилегалъ, да еще неотступно просилъ полковника, чтобъ быть въ гранадерской ротѣ. Теперь мнѣ эти роты въ баталіонъ достались, а какъ одни гранадеры къ графу на караулъ ходятъ и какъ ему послѣ завтра пойти достанется, то я въ превеликомъ безпокойствіи, чтобъ онъ чего дурного не сдѣлалъ, и уже три дни какъ его учу, но все безплодно, такъ что я просилъ полковника, чтобъ его въ мушкатерскую роту перевелъ, а ему сказалъ, чтобъ онъ тамъ въ полку къ службѣ прилегалъ и въ будущую зиму безпрестанно учился. А ежели онъ и тутъ ничего не поправится, то лучше, милостивой государь, чтобъ онъ абшидъ взялъ и шелъ-бы въ штатскія дѣла; ибо съ такою неохотою и неприлежаніемъ онъ только что на посрамленіе свое въ военной службѣ останется. Другой, бу-

дучи у господина Дѣдепова и всегда при инженерной должности, позабылъ совсѣмъ геометрію, и какъ мнѣ хотѣлось, чтобъ онъ былъ при генералъ-квартермистрѣ Баурѣ, который мнѣ есть великій пріятель, то я его и просилъ, чтобъ онъ его па нѣсколько къ себѣ взялъ, и если способенъ, то бы потребовалъ къ себѣ въ генеральной штабъ, гдѣ бъ онъ скорѣе произведенъ былъ; но онъ, подержа его нѣсколько, чистосердечно признался мнѣ, что онъ совсѣмъ неспособенъ. Мнѣ очень жаль, что я вамъ подаю такія вѣсти.

94.

Изъ лагеря подъ крѣпостію Св. Елисаветы,
Августа 14-го дня 1769 года.

Братъ мнѣ писалъ, что вы намѣрены мнѣ пожаловать Аглицкую лошадь, а о горскихъ писать хотите къ Степану Данилычу, за что приношу вамъ, милостивой государь, нижайшее мое благодареніе; ибо нѣтъ теперь мнѣ нужнѣе вещи, какъ хорошая лошадь, отъ доброты или худобы которой жизнь часто зависитъ. Что жъ не въ Кизляръ и не въ Астрахань о горскихъ писать намѣрены, то имѣю честь вамъ донести, что отъ Степана Данилыча ожидать нечего: онъ мнѣ прислалъ двухъ, кои обѣ сорока рублей не стоятъ, и изъ которыхъ я одну и бросилъ, а на другой по самой нуждѣ во время марша ѣзжу. Онъ и къ графу Петру Александрычу такихъ же прислалъ, и съ Дону другихъ и ожи-

дать нечего. Эти лошади болѣе гусарскія, нежели пѣхотнаго офицера и такъ робки, что если не стережешься безконечно, то отъ ихъ пугливости подчасъ голову сломать можно. Горскія Кабардинскія сверхъ того, что они статны, но еще весьма крѣпки, неспотыкливы и такъ смѣлы, что ни отчего не пугаются. Теперь же, послѣ всѣхъ тѣхъ дѣлъ, что̀ Медемъ и Куширской съ Кабардинцами имѣли, конечно въ Кизлярѣ великое множество самыхъ лучшихъ ихъ лошадей какъ-то: Шалоховъ, Трамовъ, Жамбулатовъ и Асланкировъ. Еще осмѣливаюсь просить васъ объ одной милости, состоящей въ томъ, чтобъ выписать мнѣ изъ Риги и изъ Митавы по гарнитуру, то есть по штуцеру, по ружью и по пистолетамъ Моргенрота и Содерстрома. Я думаю, что мы дней черезъ пять отсюда выступимъ. Впрочемъ, кромѣ ноги, которая еще у меня нѣсколько болитъ, я довольно здоровъ.

95.

Изъ лагеря подлѣ Прута, ниже Рябой Могилы, 18 го Іюня 1770 года.

Съ самаго начала сего мѣсяца, что̀ я съ моимъ баталіономъ въ авангардѣ подъ командою генерала квартермистра Бауера нахожусь, мнѣ не возможно было, милостивой государь, писать къ вамъ, по причинѣ, что мы все шли впередъ безъ остановки, всегда были отдалены отъ арміи, и за тѣмъ пересылка писемъ имѣла великія затрудненія. О томъ, что я впереди, не извольте опасаться: генералъ Бауеръ есть такой человѣкъ, которой о чести и славѣ оружія нашего крайнее попеченіе имѣетъ. А что онъ къ своему искусству отважность всегда прилагаетъ, сіе

отъ великаго его знанія происходитъ: ибо съ Турками, что̀ отважнѣе, то вѣрнѣе, и они идущихъ никогда не ожидаютъ, а уступаютъ имъ мѣсто, что̀ мы ужъ и испытали 10-го сего мѣсяца, когда съ шестью гранадерскими баталіонами шли на нихъ, имѣющихъ около 15 тысячъ людей. Они, поднявъ свой лагерь и пошедъ къ намъ на встрѣчу, но видя порядокъ и поспѣшность, съ которою мы къ нимъ приближались, тотчасъ ретировались, оставя свои понтоны. 15-го они пытались насъ атаковать и, окружа насъ со всѣхъ сторонъ и объѣзжая насъ вокругъ четыре часа безпрерывно, съ потерею отступили. А вчерась выбрали они наикрѣпчайшій лагерь, что̀ вообразить себѣ возможно и получили еще помочь отъ прибывшаго къ нимъ новаго войска, такъ что ни нашей авангардѣ, ни корпусу князя Репнина надъ ними никакого покушенія сдѣлать не можно было. Тогда графъ Петръ Александрычъ пошелъ на нихъ прямо, князь Николай Васильичъ слѣва, а генералъ Бауеръ справа. До непріятельскаго лагеря было около 12 верстъ и два претрудные дефилея. Лагерь ихъ стоялъ на прекрутой горѣ и укрѣпленъ шанцами; но лишь мы подошли къ оной, то они, собравъ палатки, тотчасъ обратились въ бѣгство. Крутость горы, по которой идтить намъ должно было, была причиною ихъ спасенія; ибо пока мы лѣзли, то они гораздо отдалились; потомъ болѣе 15 верстъ были нами гнаны безъ отдохновенія. Однимъ словомъ, или нынѣшніе Турки не тѣ стали, что̀ были во время императрицы Анны Ивановны, или мы сами съ того времени въ пользу нашу очень перемѣнились. Я уже мѣсяцъ какъ просилъ васъ, милостивой государь, но не знаю получили-ли вы мое письмо, о Аглицкихъ часахъ съ репетиціею: они въ ночныя экспедиціи необходимо нужны, особливо когда гдѣ нибудь въ едакое время одинъ куда деташированъ случишься. И такъ осмѣливаюсь еще вамъ о сей моей просьбѣ повторить.

96.

Изъ лагеря авангарднаго корпуса при рѣчкѣ Каулѣ, 10-го Іюля 1770 года.

Въ день самой баталіи, что̀ мы подъ Ларгою 7-го числа нынѣшняго мѣсяца выиграли, я такъ былъ слабъ, не спавъ наканунѣ двѣ ночи и просидя въ тотъ день 11 часовъ на конѣ, что не въ состояніи былъ писать болѣе какъ маленькую цыдулку къ брату; теперь, отдохнувъ нѣсколько, имѣю честь увѣдомить васъ, милостивой государь, что я здоровъ.

97.

14-го Августа 1770 г.

Милостивыя ваши письма чрезъ господъ Хотяинцова и Лампа я получилъ, за которыя нижайшія приношу благодаренія, такъ какъ и за милостивое участіе, которое вы принимаете въ моемъ порадованіи. Государыня по рекомендаціи графской, а графъ по милости ко мнѣ своей отличили и произвели меня сверхъ моихъ малыхъ достоинствъ и заслугъ. Я долженъ счастливымъ себя почесть, ежели буду еще такъ счастливъ, чтобъ пролить кровь мою въ службѣ ея величества. Графа я именемъ вашимъ благодарилъ.

За часы нижайше благодарствую и покорно прошу, милостивой государь батюшка, сказать мой поклонъ Елисаветѣ Денисьевнѣ.

. 98.

Доношу вамъ, что я по сіе время довольно здоровъ, въ такое время, гдѣ всѣ почти больны, ибо нынѣшнее лѣто совсѣмъ не походитъ на прошедшее. Отъ одной чрезвычайности до другой погода безпрестанно перемѣняется: или зной несносный, или ужасныя холодныя бури съ дождемъ и градомъ неописаннымъ и такимъ вихремъ, что всѣ палатки реветъ и опрокидываетъ. Во всей арміи не осталось пяти палатокъ, которыя бы не были изорваны въ клочки, такъ что съ превеликимъ трудомъ, починя ихъ остатокъ, кампанію выслужить могутъ. Моя изъ тѣхъ, которая изорвана и опрокинута была дважды, а разъ чуть до смерти не убило меня древкомъ. Червонцы здѣсь предпочтительнѣе всѣхъ монетъ ходятъ. Ежели у васъ хотя и нѣтъ, я надѣюсь, что Александръ Иванычъ Глѣбовъ вамъ сію дружбу сдѣлаетъ, чтобъ подождать, а между тѣмъ пришлетъ указъ сюда къ Петру Сергѣевичу Свиньину, чтобъ онъ мнѣ выдалъ 300 червонныхъ. Братъ Иванъ Романовичъ здоровъ и привыкаетъ къ службѣ и себя ведетъ добропорядочно.

99.

Ясы, 27-го Генваря 1771 года.

Отъ князя Платона Степановича*) получилъ я извѣстіе о провизіи, по которому изволите увидѣть, что оная мнѣ будетъ стоить 400 рублей; а еслибъ оная была отправлена на тѣхъ лошадяхъ, что̀ я просилъ, чтобъ мнѣ въ Россіи купили, то я бы имѣль лошадей хорошихъ и столько бы мнѣ они не стоили, ибо я принужденъ буду на покупку оныхъ употребить здѣсь болѣе 500 рублей, а они же къ тому будутъ не прочны. Я хотѣлъ послать вамъ, милостивой государь, Турецкаго курительнаго табаку, но для мороваго повѣтрія, которое еще не совсѣмъ здѣсь утихло, я опасался сіе учинить. Оное же повѣтріе не допустило меня васъ видѣть; ибо для онаго всѣ отсюда ѣдущіе пятинедѣльной карантинъ на границѣ выдерживаютъ, почему я бы долженъ быть болѣе мѣсяца въ лишней отлучкѣ, и чрезъ то не имѣлъ бы время исправить полкъ всѣмъ нужнымъ; а какъ я его досталъ не по старшинству, а по особливой милости, и какъ онъ есть полкъ первой по старшинству всей нашей пѣхоты, то бы мнѣ стыдно и непростительно было вывести его въ походъ всѣхъ прочихъ хуже исправленнаго.

---

*) Мещерскаго.

100.

Ясы, 30-го Апрѣля 1771 года.

Графъ Петръ Кириловичъ Разумовской получилъ тотъ баталіонъ, которымъ я командовалъ и живетъ здѣсь въ моемъ домѣ. Если мнѣ возможно будетъ оказать ему какую нибудь услугу, то конечно не премину. Брату не пишу для того, что некогда, ибо курьеръ спѣшитъ. И такъ нижайше прошу ему мой поклонъ сказать.

101.

Изъ лагеря при Фальтештѣ, 30 Октября 1771 г.

При отправленіи отсюда князя Дмитрія Костентиновича Кантемира, котораго я могу почесть наилучшимъ моимъ пріятелемъ, я не могъ пропустить, чтобъ не дать вамъ знать, что я здоровъ, хотя былъ боленъ продолжительною лихорадкою, отъ которой еще третій день какъ я освободился. При немъ же отправленъ отсюда поручикъ моего полка Рындинъ *), братъ того прехрабраго маіора и кавалера Рындина, которой въ сію войну столь часто отличался и нынѣшнимъ лѣтомъ убитъ былъ при штурмѣ неудачномъ Журжи. Онъ самъ офицеръ храброй и преисправной, и

*) Кирилъ Степановичъ, впослѣдствіи сенаторъ.

такъ осмѣливаюсь рекомендовать его въ милость. А какъ онъ Рындинъ очень скоро назадъ возвратится, то нижайше прошу прислать съ нимъ мнѣ и Ивану Романовичу по шарфу, да сукна на два мундира и по одному сюртуку каждому и все чтò для мундира надо; ибо здѣсь ничего достать не можно, а изъ Польши, по причинѣ распространенія конфедераціевъ, ничего не возятъ. Мнѣ же прошлымъ годомъ изъ Петербурга, вмѣсто двухъ, одинъ мундиръ только прислали, такъ что, износя оной, принужденъ теперь его выворотить; еще же покорно прошу прислать мнѣ зеленаго чаю. А какъ изъ Москвы я не могу ожидать никакой провизіи, а здѣсь и изъ Польши еще менѣе достать прошлогодняго можно, то сдѣлайте милость, милостивой государь, прикажите ее изъ Петербурга до Кіева отправить и адресовать ее тамъ къ Якову Васильевичу Ельчанинову, увѣдомя меня только о времени, къ которому она туда быть можетъ, а оттуда, какъ ни трудно и ни дорого, я постараюсь ее въ Ясы доставить; ибо въ Ясахъ ни за что, ни за какія деньги и никакими трудами ничего достать не можно. А какъ по видимому мы въ будущую кампанію пойдемъ за Дунай, то есть гораздо далѣе и въ Болгарію, землю совсѣмъ разоренную, то нужда въ провизіи будетъ еще болѣ какъ въ прошедшую кампанію. Я думаю, что сію провизію хоть съ Озеровымъ или съ кѣмъ другимъ до Кіева отправить можно, а отъ Кіева онъ назадъ воротится; ибо оттуда ужъ я на себя беру, чтобъ все къ себѣ доставить, и для того пришлю своего человѣка съ ундеръ-офицеромъ къ Якову Васильевичу.

— —

102.

Ясы, 13-го Генваря 1772 года.

Не хочу пропустить сей случай отправленія отсюда Карла Васильевича Лунза, чтобъ не увѣдомить васъ, что я здоровъ и чтобъ не рекомендовать вамъ его самого, какъ человѣка отмѣнныхъ достоинствъ и къ тому-жъ отмѣннаго несчастія: во всю сію войну никто болѣе его не служилъ, раненъ при томъ столь жестоко, что сомнительно, можетъ-ли онъ когда нибудь вылѣчиться. Всѣ, кои его знаютъ, отъ фельдмаршала до нижнихъ его командировъ, всѣ его любятъ и стараются ему помогать, однакожъ онъ не знаетъ той фортуны, которая ему принадлежала и которою достали другіе, имѣющіе къ тому столько права, на сколько встрѣчаемы счастіемъ, которое принадлежитъ всегда къ дѣламъ удачнымъ; они скорѣе, нежели онъ, нашли разныя награжденія. Онъ теперь ѣдетъ въ Петербургъ, чтобъ помочь бѣдной своей матери, которая, находясь въ крайней бѣдности, хочетъ просить маленькую пенсію на остатокъ своей жизни. Графъ Петръ Александровичъ, по обыкновенному своему великодушію, далъ ему для его дѣла рекомендательныя письма. Потомъ должно ему лѣчиться въ Петербургѣ отъ опасной раны, которую онъ получилъ подъ Браиловымъ и которую чрезъ полтора года незнающіе наши доктора залѣчить не умѣли.

И такъ если вы можете, милостивой государь батюшка, сдѣлать какое нибудь благодѣяніе ему, или его матери, то, кромѣ того, что сдѣлаете великодушное дѣло, но я оное почту за одолженіе мнѣ, ибо Лунзъ мой искренной пріятель.

103.

Изъ лагеря при Уванчи, 22-го Августа 1772 года.

Зять госпожи адмиральши Луизовой, подполковникъ Кіевскаго полка, просилъ меня принять отъ него 800 рублей съ тѣмъ, чтобъ оныя деньги отданы были ей въ Петербургѣ. А какъ я нахожусь теперь въ нуждѣ и какъ дѣло идетъ не къ миру, а къ возобновленію военныхъ дѣйствіевъ, такъ что, повидимому, врядъ будутъ-ли у насъ зимнія квартиры и что придетъ намъ дѣлать зимнюю кампанію, которая всегда убыточнѣе (ибо никакой экипажъ и никакія лошади сего выдержать не могутъ): то я осмѣлился ихъ взять, прося васъ нижайше, милостивой государь, заплатить госпожѣ адмиральшѣ Луизовой сіи деньги. Иванъ Романовичъ, какъ я уже вамъ писалъ, находится въ Фокшанахъ, и Христофоръ Ивановичъ Петерсонъ, которому онъ отъ меня порученъ на руки, пишетъ ко мнѣ всегда о немъ съ похвальбою. Сія комисія ему принесетъ много добра.

Впрочемъ я здоровъ, не смотря на ужасныя и неслыханныя болѣзни, которыми вся армія страждетъ. Такого тяжелаго года никто изъ самыхъ старыхъ солдатовъ не помнитъ. Всѣ штабъ и оберъ-офицеры больны; у меня въ полку 240 человѣкъ больныхъ, а у меня еще всѣхъ менѣе: ибо нѣтъ полка, гдѣ бъ менѣе 300 было, а въ иныхъ болѣе 400. Изъ моихъ собственныхъ людей только трое здоровыхъ. Однимъ словомъ, несказанной зной, что мы нынѣшнимъ лѣтомъ претерпѣваемъ, заразилъ такія лихорадки, горячки, поносы, что всѣхъ въ ужасъ приводитъ.

104.

Изъ лагеря при Уванчи, 27-го Сентября 1773 г.

Хотя я ласкался не платить нынѣшнимъ годомъ обыкновенной дани, что̀ плачу всякую осень здѣшнему воздуху, однакожъ отъ оной не отдѣлался и имѣлъ прежестокую горячку съ желчью, а потомъ лихорадку, которыя меня такъ разслабили, что хотя уже двѣ недѣли слишкомъ, что̀ отъ всего освободился, однакожъ не могу изъ палатки выйти, и по палаткѣ десяти минутъ сряду ходить не въ состояніи за сильною слабостію въ колѣняхъ. Сія моя болѣзнь лишила меня удовольствія писать къ вамъ, милостивой государь. Иванъ Романовичъ, которой возвратился въ полкъ, сказалъ мнѣ, что онъ уже писалъ къ вамъ изъ Ясъ о своемъ произвожденіи. Могу васъ увѣрить, что онъ передъ тѣмъ еще велъ себя добропорядочно и прежде произвожденія своего въ квартермистры оставилъ всѣ тѣ дурныя привычки, кои онъ по молодости и по̀ несчастію отъ дурныхъ примѣровъ въ Псковскомъ полку досталъ. Однимъ словомъ, онъ очень въ пользу свою перемѣнился, и за то получилъ прекрасную роту и такую, гдѣ онъ не имѣетъ нужды мучиться къ ея поправленію, а только стараться, чтобы не запустить: она вторая по полку и нумеромъ, и совершенствомъ. Какъ время приближается къ зимнимъ квартирамъ, изъ коихъ мы уповательно ранѣе обыкновеннаго выступимъ и какъ по занятіи Цесарцами самаго того края, изъ коего мы еще доселѣ хотя за надмѣрную цѣну нѣкоторые товары доставали, а теперь все сіе пресѣкается, ибо гдѣ 20000 человѣкъ вступитъ лишнихъ, тутъ все разойдется на ихъ нужды и все выкупится: то нижайше про-

шу отправить мнѣ провизію гораздо ранѣе, такъ чтобы, если можно, не позже десятаго Ноября изъ Петербурга отправлена была и также, какъ прошлымъ годомъ, до Кіева только, а тамъ Яковъ Васильевичъ мнѣ доставитъ. А для провожденія ея я пришлю въ Москву Михайла Леонтьева. Мнѣ надо палатку для меня, двѣ для людей, да одну для лѣкаря моего полку, которой меня два года лечитъ, а нынѣ избавилъ отъ смерти; а какъ сіе все дѣлается въ Москвѣ, то я, если дозволите, буду писать къ Власову, а Михайло Леонтьевъ ему растолкуетъ и покажетъ, какъ оныя должны быть сдѣланы: ибо какъ мы здѣсь всегда до Декабря стоимъ въ лагерѣ и стоимъ въ снѣгу, что̀ заставило насъ выдумать маленькія четвероугольныя суконныя кибитки, кои здѣсь дѣлаются въ полкахъ и кои въ обыкновенно сдѣланную штабскую палатку поставиться не могутъ, за тѣмъ въ оныхъ палаткахъ есть нѣкоторая перемѣна. Власовъ соединитъ также къ Петербургской провизіи крупичатую муку и крупы, что̀ какъ одно, такъ и другое здѣсь достать не можно. Въ провизіи, если смѣю просить, нѣкоторой въ количествѣ прибавки, ибо многое дорòгою вытекло и замерзло, а другое побилось; а что̀ цѣло пришло, того также уже не стало, а годъ не прошелъ. Что побито, вина тому укладка, ибо прошлымъ годомъ лучше было нежели нынѣшнимъ уложено. Надлежитъ, при отправленіи такихъ вещей, оныя увязавши, облить водою, въ бочкахъ или въ ящикахъ, какъ бы оно ни было, и какъ оная вода замерзнетъ, то все что̀ внутри ни отъ какого мороза не повредится. Пива и Французскаго вина покорно прошу не присылать. Первое я не пью охотно, а для чрезвычайныхъ гостей, какъ графъ, то можно купить; ибо хотя очень дорого, однакожъ, за рѣдкимъ употребленіемъ, сіе неубыточно. Второе также не надо, ибо здѣшнее вино для обыкновеннаго употребленія за столомъ годится, а вмѣсто того

пожалуйте бутылокъ 60 рейнъ-вейну, да сладкихъ винъ двухъ сортовъ какихъ нибудь также бутылокъ по 60. Водки изволили мнѣ нынѣ отправить два ящика и два боченка; какъ изъ оной цѣлой ящикъ еще останется, то теперь одинъ только прислать надо, только анисовой и тминной, а вмѣсто другихъ нѣсколько бутылокъ Французскаго ликеру, что̀ у Мишеля продается. Сіе для такихъ случаевъ, когда графъ у меня обѣдаетъ, или поутру заходитъ, что̀ часто бываетъ, также нѣсколько ратафіи, прованскаго масла, анчоусовъ, каперцовъ, сыру пармезану и Голандскаго, макароновъ и вермичеліевъ, и горчицы, если можно поболѣе, то великую милость сдѣлаете; ибо здѣсь этого ничего нѣтъ, а ихъ обыкновенно не стаетъ. Масло прованское, то что̀ присылать изволите въ большихъ бутылкахъ и конечно отъ Мишеля, такъ хорошо, что никому сюды толь хорошаго не возятъ; но его обыкновенно не стаетъ, какъ и уксусу, которой однакожъ такъ здѣсь нуженъ, что въ здѣшней землѣ, послѣ хлѣба, онъ всего драгоцѣннѣе: ибо кромѣ того, что его въ пищу употребляютъ, но и въ питье. У меня онъ весь отъ того изошелъ, и всякой годъ тоже случалось, то необходимо надо было давать людямъ, мѣшая въ ихъ питье, что ихъ и спасло въ ихъ болѣзняхъ, кои не иныя какія, какъ гнилыя горячки, такъ что мнѣ самому не стало, и я покупаю скверной и преслабой уксусъ, и которой никакого дѣйствія не дѣлаетъ, дороже нежели бутылошной Французской въ Петербургѣ. Сего, также бутылошнаго 2 или 3 дюжины бутылокъ пожалуйте, а обыкновеннаго ренсковаго крѣпкаго 2 боченка, ведеръ по 12 каждой и чтобы не замерзъ, то, обливши водой боченки, заморозить. Зеленаго чаю 20 фунтовъ, да чернаго, хотя я и не пью, однакожъ, какъ графъ всегда оной пьетъ съ молокомъ и всѣ почти оной же употребляютъ, то для сего чернаго чаю фунта 4, сколь можно хорошаго. Свѣчъ восковыхъ не

надо, для того что я ихъ дешевле и ближе изъ Батурина могу имѣть. Сахаръ здѣсь часто такъ дорогъ, да иногда и совсѣмъ нѣтъ, и продаютъ его по 16, по 18, иногда и дороже 20-ти рублей пудъ самаго негоднаго. Нѣсколько бутылокъ араку, ибо здѣсь нѣтъ званаго обѣда, гдѣ бъ послѣ онаго пуншъ не подавали. Столовой сервизъ жестяной на 20 человѣкъ въ футлярѣ, жесть потолще и болѣе вылужена, ибо здѣсь лудить не умѣютъ. Мой сервизъ весь еще прошлымъ годомъ изломался, а нынѣ случаемъ досталъ купить послѣ покойнаго полковника Раевскаго, которой, будучи ужъ не новъ, теперь совсѣмъ не годится. Да что̀ еще мнѣ всего нужнѣе, то бѣлье столовое: всѣ скатерти и салфетки такъ продрались, что уже заплата на заплатѣ, и удивительно, какъ еще они могли четыре кампаніи выдержать. Здѣсь мытье не городское, укладка и употребленіе поневолѣ небережное. Также нижайше прошу пожаловать мнѣ прислать одинъ тулупъ бѣлой непокрытой, да два халата бумажные, да мнѣ и Ивану Романовичу сукна на мундиры, по два каждому, да по Аглицкому сѣдлу съ муштуками. Я позабылъ еще о шоколадѣ, которой графъ очень любитъ, и сіе есть лучшее для него угощеніе; для того прикажите пожалуста, милостивой государь, онаго нѣсколько у Муція, что̀ былъ у покойнаго дядюшки кондиторомъ: онъ одинъ, которой во всемъ Петербургѣ, которой прямо хорошій шоколадъ имѣетъ. Если у насъ въ домѣ есть лишній столяръ, то вы мнѣ милость сдѣлаете, приславъ его со всѣмъ инструментомъ до него принадлежащимъ: онъ мнѣ здѣсь очень нуженъ будетъ, и я очень чувствую потерю того, что̀ взялъ съ собою и которой прошлымъ годомъ умеръ.

Извините меня, милостивой государь батюшка, что я пишу толь пространно. Я хотѣлъ было вмѣсто сего при письмѣ приложить реестръ; но какъ я три дни пишу сіе

письмо, ибо долго писать еще силы нѣтъ, то и не вздумалъ прежде, какъ оное окончено, что я васъ такимъ пространствомъ обезпокоиваю, извините меня. Михайло Леонтьевъ будетъ въ Москвѣ въ половинѣ Ноября для пріема провизіи; онъ привезетъ съ собою одного отставнаго сержанта, котораго я у графа на свое пропитаніе выпросилъ; онъ съ Псы и дослужился до сержантовъ въ Куринскомъ полку, гдѣ былъ обознымъ, человѣкъ очень доброй, и еслибъ онъ не былъ дряхлъ, то я бы у себя оставилъ; но ему надо покой.

P. S. Покорно прошу васъ, милостивой государь батюшка, прислать мнѣ нѣсколько Русскихъ книгъ, между прочимъ всѣ Ежемѣсячныя Сочиненія, что сперва въ Академіи печатались и все, что есть въ печати касающееся до Русской исторіи.

105.

Изъ лагеря при Уванчи, 2 Ноября 1772 г.

Карла Карловичъ Унгарнъ отпущенъ графомъ до весны въ Лифляндію, поѣдетъ чрезъ Петербургъ, а какъ я былъ у него всю нынѣшнюю кампанію въ бригадѣ и не могу довольно имъ нахвалиться, то нижайше прошу, милостивой государь, сказать ему, что вы сіе знаете. Я бы съ нимъ сіе письмо послалъ; но думаю, что его графъ нѣсколько въ Ясахъ задержитъ.

106.

3-го Ноября 1773 г.

900 рублей, что я графу долженъ, я надѣялся ихъ заплатить черезъ 4 мѣсяца, а уже тому прошло 6, и за тѣмъ осмѣливаюсь еще трудить васъ о семъ дѣлѣ. О братѣ Иванѣ Романовичѣ покорно прошу, милостивой государь, постараться, чтобъ онъ былъ господиномъ Урусовымъ въ адъютанты произведенъ, а потомъ курьеромъ сюда отправленъ, и кой часъ онъ здѣсь будетъ, то я его конечно квартермистромъ сдѣлаю. Что же принадлежитъ до моего о немъ попеченія, вы конечно, милостивой государь батюшка, отдадите мнѣ ту справедливость, что я, по долгу крови, конечно о благостояніи его стараться буду, и могу васъ заранѣ увѣрить, что онъ въ будущую кампанію капитаномъ будетъ. Графъ Петръ Александрычъ столь для меня милостивъ, что я конечно въ благополучіи и произвожденіи брата могу быть увѣренъ.

107.

Корнешты, 15-го Ноября 1774 года.

Уже четыре дни, какъ я сюда пріѣхалъ и былъ принятъ отъ графа съ обыкновенной его ко мнѣ милостію; онъ хотя выздоровѣлъ, однакожъ очень слабъ. Пріѣхавши, я тотчасъ послалъ за Иваномъ Романовичемъ, которой жилъ въ полку, ибо какъ онъ занемогъ въ Фокшанахъ, а полкъ тогда мимо сего мѣста шелъ, то онъ, для лучшаго за собой смотрѣнія, въ оной и отправился. Онъ ужъ сюда пріѣхалъ и выздоровѣлъ совсѣмъ отъ болѣзни. Князь Николай Васильевичъ о немъ ужъ представилъ сегодни, и кой часъ онъ будетъ опредѣленъ, то, оставя его нѣсколько при себѣ (ибо князь поѣдетъ въ Петербургъ чрезъ Варшаву), потомъ постараюсь, чтобъ его курьеромъ въ Петербургъ отправили, отколѣ онъ въ Москву поѣдетъ, а ужъ изъ Москвы съ княземъ въ Царьградъ.

108.

Смотричь, 28-го Генваря 1775-го года.

Милостивое ваше письмо отъ 26-го Декабря я получилъ съ тою благодарностію, котороюначувствительнѣйшій сынъ преисполненъ быть можетъ. Вы не пропускаете никакова случая, гдѣ только вамъ можно изъявить намъ съ братомъ ваши благодѣянія. Онъ меня уже предувѣдомилъ, какъ вы, милостивой государь, лишь учредили договоръ съ Собакинымъ, то тутъ же и пожаловали намъ домъ изъ наилучшихъ, что̀ есть въ Петербургѣ. Если мы имѣемъ толь щедраго и милостиваго отца, то съ другой стороны я смѣло могу васъ увѣрить, милостивой государь батюшка, что вы имѣете сыновей преблагодарныхъ. Позвольте, милостивой государь, поздравить васъ притомъ о совершеніи договора съ Собакинымъ. Вы, милостивой государь, сею толь выгодною продажею успокоили свое состояніе, избавились отъ долговъ, кои безпокоить должны были ваше нѣжное сердце. Простите мнѣ, батюшка, если я осмѣливаюсь вамъ напомнить и нижайше просить о утвержденіи намъ съ братомъ Воронежскихъ деревень на томъ-же точно основаніи, какъ полотняная фабрика, что̀ въ Костромѣ: насъ побуждаетъ къ сей просьбѣ претензія и ненависть графини Анны Карловны, которая ничего такъ не желаетъ, какъ разорить своихъ племянниковъ, и хотя ея претензія несправедлива, но вы сами изволите знать, на какое право у насъ положиться можно, сколь часто мы видимъ въ тяжбахъ правую сторону удрученною, а торжество неправой. Снизойдя на нашу просьбу, вы на вѣки осчастливите наше состояніе.

109.

Москва, 2-го Августа 1775 г.

Съ пріѣзду моего сюда я лишенъ былъ удовольствія писать къ вамъ, милостивой государь, дѣлами до полку принадлежащими, смотрами онаго, частыми моими поѣздками въ Черную Грязь*) и пребываніемъ моимъ въ семъ мѣстѣ. Теперь полкъ отправляется въ свои квартиры, въ Новую Ладогу, а я здѣсь долженъ остаться до 1-го Октября за полковыми дѣлами, послѣ чего, ѣхавъ къ полку, заѣду прежде въ Петербургъ, чтобъ имѣть удовольствіе васъ видѣть. Я видѣлъ изъ писемъ вашихъ къ брату, что вамъ непріятно, что я не произведенъ. Все равно, милостивой государь, быть старшимъ бригадиромъ или младшимъ генералъ-маіоромъ. Я жъ имѣю причину хвалиться графомъ Григоріемъ Александровичемъ, и Государыня ко мнѣ милостива: безъ просьбы моей приказала мнѣ ходить за кавалергардовъ, и, примѣтя, что я разъ, будучи поутру въ Черной Грязи, уѣхалъ передъ обѣдомъ, изволила мнѣ на другой день сказать, для чего я не остался обѣдать и что я разъ на всегда званъ, такъ что безъ особливаго приглашенія могу всегда остаться. Я никогда не бываю во дворцѣ, чтобъ она со мной говорить не изволила. Однимъ словомъ, я имѣю причину быть очень доволенъ.

Вы столь милостивы были, что изволили ко мнѣ писать, спрашивая, нѣтъ-ли мнѣ въ чемъ нужды. Здѣсь я ни въ чемъ недостатку не имѣю, а осмѣливаюсь васъ просить, чтобъ для пребыванія моего въ Ладогѣ помогли мнѣ столо-

---

*) Нынѣшнее Царицыно, гдѣ тогда жилъ при Государынѣ президентъ Военной Коллегіи графъ Г. А. Потемкинъ.

вою провизіею, виномъ, пивомъ и овсомъ для моихъ лошадей. Полкъ чрезъ три дни отправляется, и весь мой обозъ пойдетъ съ онымъ и будетъ въ Ладогѣ 1-го Октября. И такъ, если можете мнѣ ту милость сдѣлать, чтобъ оную провизію съ Тихономъ туда отправить, которой ее туда только что отвезетъ и назадъ къ вамъ воротится; а еслибъ онъ и прежде полку туда пріѣхалъ, то ужъ будетъ знать, куда сложить; ибо уже посланъ впередъ отъ меня премьеръ-маіоръ Унгарнъ, которой займетъ квартиры для полку и мнѣ выберетъ и приготовитъ. Я думаю, что сіе отправленіе можно сдѣлать изъ Петербурга водою.

Мы съ братомъ поѣдемъ въ началѣ Сентября на 10-ть дней въ Матренино.

110.

22-го Ноября 1775 г.

Какъ подполковникъ и другъ мой Андрей Ивановичъ Врангель, отъѣзжая въ Лифляндію, остановится дней на пять въ Петербургѣ и будетъ жить, какъ я уже просилъ ваше дозволеніе, въ моихъ горницахъ, то осмѣливаюсь рекомендовать его въ милость вашу.

III.

18-го Декабря 1775 года.

Мнѣ очень жаль, что Петръ Васильевичъ *) не будетъ жить съ нами вмѣстѣ; онъ человѣкъ толь великихъ достоинствъ и толь совершенно честнаго нрава, что мнѣ весьма хотѣлось, чтобъ вы, милостивой государь, съ нимъ покороче обзнакомились, зная, что онъ конечно бы вамъ очень понравился; и хотя я увѣренъ, что онъ будетъ искать вашей милости, однакожъ, живучи вмѣстѣ, всегда совершеннѣе спознаешься.

Позвольте, милостивой государь батюшка, чтобъ Лаферміеръ, которой есть одинъ изъ наичестнѣйшихъ людей, что̀ я знаю и которой намъ весьма преданъ, жилъ-бы съ нами. Я, надѣясь на вашу милость и на сіе согласіе, писалъ къ нему, что лишь онъ пріѣдетъ съ Великимъ Княземъ, то бы прямо изъ дворца ѣхалъ къ намъ въ домъ и сталъ-бы на моей половинѣ, гдѣ мы съ нимъ будемъ жить вмѣстѣ. Если брата приложенное письмо можетъ еще застать въ Москвѣ (ибо я не знаю, когда онъ выѣдетъ), то прошу оное переслать, а если не застанетъ, то до пріѣзда его у себя прошу покорно удержать.

Какъ я посылаю полковаго комисара для пріема на полкъ жалованія и какъ ему, можетъ быть, случится нѣсколько дней пробыть въ Петербургѣ, то нижайше прошу пожаловать ему двѣ комнаты, дабы онъ и съ командою, что̀ для сохраненія денегъ ему дана, могъ-бы помѣститься.

Мнѣ въ Петербургъ никакъ не можно быть прежде половины будущаго мѣсяца; ибо въ первыя двѣ недѣли по-

---

*) Завадовскій.

ваго года должны быть сдѣланы счеты книгамъ комисарскимъ, квартермистрскимъ, казначейскимъ; тутъ же надо сдѣлать и выборы казначея и комисара.

112.

Новая Ладога, 29-го Декабря 1775 г.

Получа извѣстіе о конфирмаціи Государынею той милости, что̀ вы намъ съ братомъ сдѣлать по Воронежскимъ деревнямъ изволили, я хотѣлъ съ нарочнымъ отправить къ вамъ сіе письмо, принести мою наичувствительную благодарность; но Тихонъ пріѣхалъ, и онъ везетъ сіе письмо къ вамъ. Истинно, милостивой государь батюшка, я не нахожу словъ, чтобъ выразить всю мою благодарность, представляя себѣ, сколь много вы намъ благодѣяніевъ дѣлали и не перестаете дѣлать. Продолжайте насъ жаловать и вѣрьте, что мы умремъ благодарными и послушными.

113.

С. Петербургъ, 27-го Апрѣля 1781-го года.

Въ надеждѣ вашей милости и какъ вы печетесь о моемъ устроиваніи, я осмѣливаюсь теперь прибѣгнуть еще къ вамъ, прося помощи. Мнѣ по причинѣ моей женитьбы должно теперь завестись не токмо бѣльемъ, коего у меня совсѣмъ нѣтъ, ибо все ветхо и износилось, но надо еще имѣть двойную кровать со всѣми принадлежностями въ Муринѣ; ибо та, что Катерина Алексѣевна дѣлаетъ, будетъ для города; сверхъ же того надо мнѣ сдѣлать четыре или пять паръ платья, въ томъ числѣ вѣнчальное, а въ домѣ у насъ нѣтъ ни рубля: ибо что было и что занято, идетъ все на передѣлки онаго, кои неотмѣнно нужны. Для всего, что мнѣ потребно, довольно будетъ отъ девяти сотъ рублей до тысячи. Если милость ваша будетъ мнѣ оные перевести въ началѣ Іюня, я успѣю все исправить къ началу Августа, а въ половинѣ онаго будетъ и свадьба.

Извините, милостивой государь батюшка, смѣлость, что имѣю васъ безпокоить; но сей случай наиважнѣйшій моея жизни и которой разъ только и случается, будучи при томъ толь необходимъ, что уповаю, что вы меня простить изволите.

Третьяго дни былъ я въ Сарскомъ Селѣ, гдѣ и обѣдалъ, чтобъ благодарить Государыню за братнину ленту, и былъ принятъ весьма милостиво отъ ея величества.

———

III.

С. П. Б. 6-го Ноября 1781 г.

Я за долгъ почитаю сообщить вамъ, что̀ свѣдалъ отъ Александра Андреевича *), которой мнѣ сказалъ, что всѣ намѣстники, кромѣ тѣхъ особыхъ случаевъ, когда объѣзжаютъ, или открываютъ новоучрежденное намѣстничество, во всѣхъ другихъ случаяхъ описываются сюда и просятъ дозволенія сюда пріѣхать, какъ и случилось князю Репнину по полученію отъ Сиверса Псковской губерніи. А какъ сіе дозволеніе никогда не отказывается, то успѣете сіе учинить и получить отвѣтъ до конца Костромскихъ выборовъ.

Братъ, свѣдавъ сіе, спрашивалъ генералъ-прокурора, которой ему подтвердилъ тоже самое, что̀ мнѣ сказалъ Александръ Андреевичъ. Брату недосугъ, за тѣмъ сегодня и не пишетъ. Но онъ и я просимъ васъ сдѣлать намъ милость, пріѣхавши въ Петербургъ, стать въ нашемъ домѣ, гдѣ будете имѣть тѣже покои.

---

*) Безбородко.

115.

С. П. Б. 4-го Іюня 1782 года.

Перваго числа сего мѣсяца Государыня изволила крестить сына моего въ Сарскомъ Селѣ, куда возили его я и Парасковія Ѳедоровна*), при которомъ случаѣ, какъ до обѣда и за онымъ, ея величество отмѣнно изволила быть со мною милостива. Жена моя по малу оправляется и сынъ здоровъ. Рекомендую ихъ двухъ и себя въ продолженіе вашей къ намъ родительской милости.

116.

С. П. Б. 9-го Іюня 1782 года.

Сей часъ получилъ я милостивое ваше письмо чрезъ адъютанта вашего и, видя изъ онаго, такъ какъ изъ рѣчей посланнаго отъ васъ, съ какою радостію вы получили извѣстіе о рожденіи моего сына, сіе восхищаетъ меня несказанною радостію и усугубляетъ мое благополучіе. Чтожъ извиняетесь, что будто мало мнѣ прислать изволили, истинно, милостивой государь, я и того не ожидалъ, знавъ ваше состояніе и все, что вы для меня сдѣлать ужъ изволили. Я почитаю то, что мнѣ прислать изволили, весьма великимъ; но что мнѣ всего дороже, то милость ваша. Мнѣ

---

*) Жена графа Артемія Ивановича Воронцова, ур. Квашнина-Самарина.

великимъ утѣшеніемъ служило, что жена моя имѣла счастіе найтить любовь вашу и что вы отдали справедливость добротѣ ея души и тишинѣ ея нрава. Милость, что̀ вы къ ней оказываете, меня и жену мою совершенно счастливыми дѣлаетъ.

117.

15-го Іюня (1782).

Сіе письмо залежалось за неотправленіемъ курьера, которой удержанъ братомъ за недосугою. Государыня изволила мнѣ пожаловать табакерку съ бриліантами на крестины сына, и когда ѣздилъ благодарить, то былъ принятъ съ отличною милостію. Но всего болѣе удивило меня то, что Ея Величество изволила чрезъ Александра Андреевича мнѣ дать знать, что ей бы было весьма угодно, чтобъ я взялъ на себя ѣхать ея посланникомъ въ Венецію, гдѣ она изволитъ думать, что я буду тамъ способенъ для ея службы. Я почелъ, что послѣ сего мнѣ неблагопристойно и неблагородно бы было отказать, принялъ сіе мѣсто и, будучи сегодня въ Сарскомъ Селѣ, принятъ былъ еще лучше прежнихъ разовъ. Государыня изволила сказать Александру Андреевичу, что она, предложа мнѣ сіе мѣсто, имѣла намѣреніе представить себѣ впередъ случай оказать мнѣ ея милостивое, въ разсужденіи меня, расположеніе. Послѣ сего можно ли мнѣ было отказать? Съ другой стороны, сколько трудностей мнѣ предстоятъ, чѣмъ жить въ Венеціи, имѣя обыкновенное восьмитысячное жалованье и тоже самое, что̀ имѣетъ холостой Бѣлосельской въ Дрезденѣ! Какъ завестись домомъ, не имѣя, что̀ называется, ни ложки, ни плошки;

какъ везти младенца, котораго я здѣсь ни за что не оставлю? Однимъ словомъ, милость велика, но хлопотъ еще болѣе, такъ что я совсѣмъ теряюсь.

118.

6-го Іюля 1782 года.

Вслѣдствіе моей посылки въ Венецію я опять принятъ въ службу, и старшинство мое считается такъ, какъ бы я не оставлялъ никогда службу, за тѣмъ я теперь пятой или шестой генералъ-маіоръ по всей арміи. Я не могу довольно нахвалиться милостію Ея Величества и былъ-бы весьма доволенъ, еслибъ не безпокоили меня со стороны недостатки въ заведеніи дома, а наипаче не вижу никакой возможности сдѣлать себѣ сервизъ серебряной, и еслибъ возможно было вамъ, милостивой государь, ссудить меня вашимъ, то я бы избавился необходимости или входить въ долгъ, или стыдить дворъ, которой меня употребляетъ и фамилію, которой я ношу имя. Я принужденъ буду давать обѣды на фаянсовомъ сервизѣ, что̀ въ чужихъ краяхъ не только министры или дворяне, но и средняго состоянія купцы не дѣлаютъ.

О Ѳедорѣ Ѳедоровичѣ Сенявинѣ представленіе уже не нужно, ибо его помѣстили въ Казань въ счетную экспедицію; онъ того отказать не могъ, ибо, будучи недостаточенъ, опасался пробыть долго безъ помѣщенія и слѣдовательно безъ жалованія.

119.

18 Іюля (1782) г.

Я получилъ вчерась милостивыя ваши два письма, въ коихъ берете толь чувствительное участіе въ неожидаемой перемѣнѣ моего состоянія. Я могу подлинно назвать оное неожидаемымъ, ибо не токмо не искалъ того, но и не думалъ; за тѣмъ гораздо лестнѣе для меня образъ, коимъ я возвратился въ службу. Участіе что̀ примать изволите по сему случаю и помочь, что̀ дѣлать мнѣ изволите, снабдя меня сервизомъ, преисполнили меня благодарностію. Вы не пропускаете, милостивой государь, никакого случая, не смотря на ваше состояніе, чтобъ не оказать мнѣ милость и щедрость. Мнѣ и женѣ моей весьма было утѣшительно видѣть изъ письма вашего къ брату желаніе ваше имѣть при себѣ моего сына, но горячая любовь его матери никакъ сего сдѣлать не дозволяетъ; она такую разлуку никакъ не выдержитъ, ибо съ той поры, что̀ его имѣетъ, на часъ съ нимъ разлучиться не можетъ, никуда для того не ѣздитъ, а когда бываетъ у родныхъ, то его съ кормилицей и нянькой съ собой таскаетъ; держитъ его подлѣ себя, и какъ его горница отъ нашей черезъ одинъ только покой, то ночью встаетъ неоднократно, чтобъ его видѣть. Однимъ словомъ, сей ребенокъ дѣлаетъ все ея счастіе и всю утѣху. Сестра Катерина Романовна была вчерась въ Сарскомъ Селѣ съ сыномъ и дочерью, была принята отмѣнно милостиво, а сынъ сегодня пожалованъ въ капитанъ-поручики гвардіи. Онъ того достоинъ; ибо безъ пристрастія могу сказать, что толь добраго, милаго, скромнаго и съ большимъ знаніемъ молодого человѣка я никогда не видывалъ; въ немъ есть много такого, что̀, раздѣля на разныхъ, много бы хорошихъ людей составило.

120.

21-го Іюля 1782 г.

Я думаю, что курьеръ сегодня отсель отправится, за тѣмъ оканчиваю мое письмо. Вы не можете себѣ представить, милостивой государь, сколь мнѣ хлопотъ и заботъ, кои у меня теперь покой отымаютъ. Наиглавнѣйшая причина оныхъ есть мой младенецъ. Здѣсь его ни для чего на свѣтѣ не оставлю, а дорогою онъ можетъ встрѣтить гдѣ нибудь на почтѣ или въ трактирѣ оспу и получить ее на дорогѣ натуральную и самаго дурнаго роду, да еще въ то время, когда зубы выходятъ, что̀ можетъ быть его кончиною. За тѣмъ рѣшился я, по прошествіи трехъ мѣсяцевъ на четвертомъ, привить оную ему здѣсь въ Петербургѣ. Послѣ сихъ безпокойствъ слѣдуютъ тѣ, какъ заводиться, не имѣя ничего и какъ жить, чтобъ не навести безчестія своему имени. Потомъ хлопоты отправлять вещи моремъ, заказывать дорожныя кареты, и за тѣмъ за всѣмъ ходить въ школу, ибо я такъ называю ученіе, что̀ принужденъ дѣлать дѣлъ политическихъ. Читаю теперь всѣ бумаги, кои есть въ Колегіи касательно до Венеціи и около лежащихъ мѣстъ и сношенія, что̀ сіе мѣсто имѣетъ съ Россіей, Вѣною и Царемъ-градомъ, такъ что отдохновенія не имѣю.

121.

Спб. 28-го Ноября 1782 г.

Я вижу къ крайнему моему сожалѣнію, что мнѣ нельзя отсюдова къ вамъ отправиться прежде послѣднихъ чиселъ Февраля мѣсяца, то есть по прошествіи всѣхъ жестокихъ морозовъ; ябо сколь ни пріучали мы Мишиньку къ вольному воздуху, дабы не боялся простудъ, катая его повседневно въ каретѣ, что̀ продолжали и при наступленіи зимы, гдѣ зачали его болѣ кутать и имѣвъ поднятыя стекла въ каретѣ: но, со всѣмъ тѣмъ, отъ двѣнадцати-градусной стужи онъ такъ застудился, что получилъ насморкъ и такой кашель, что пятой день, какъ покою не имѣетъ, не спитъ ночи и не можетъ откашлять мокроты, коими грудь его наполнилась. Что жъ бы съ нимъ случилось, когда бъ на дорогѣ засталъ насъ морозъ въ 20 и 25 градусовъ, что̀ въ Декабрѣ и Генварѣ обыкновенно бываетъ! Галеди мнѣ сказалъ, что онъ за него ни какъ не ручается, если его повеземъ въ жестокую стужу, тѣмъ наипаче, что зубы уже стали прорѣзываться, изъ коихъ два третьяго дня вышли, и въ семъ случаѣ обыкновенно ребята больны бываютъ, и застудить ихъ опасно.

Жена моя, по своей горячности къ сыну, всѣ сіи ночи не спитъ и такъ безпокоится, что̀ я опасаюсь, чтобъ и она не занемогла, какъ во время оспы Мишинькиной. Вотъ, милостивой государь батюшка, что̀ принуждаетъ меня умедлить мою къ вамъ поѣздку. Мнѣ и женѣ весьма сіе прискорбно; но необходимость заставляетъ насъ повиноваться судьбѣ, которая лишаетъ насъ отсрочкою сего удовольствія, что̀ мы чрезъ 15 дней имѣть надѣялись, а теперь три мѣсяца позже онымъ пользоваться будемъ.

Архивъ Князя Воронцова, XVI. 10.

Братъ уже увѣдомилъ васъ конечно объ орденѣ, что онъ получилъ 24-го числа сего мѣсяца.

Своячина моя, Марія Алексѣевна, идетъ замужъ за Александра Львовича Нарышкина.

Алексѣй Наумовичъ [1]) завтра ѣдетъ въ Москву на 20 дней по причинѣ смерти Сергѣя Наумовича.

Князь Григорій Григоріевичъ [2]) отъ часу въ часъ хуже, я и почитаю его неизлѣчимымъ, что оскорбляетъ меня несказанно, ибо я въ вѣкъ не забуду дружбу, которую онъ мнѣ оказывалъ.

Графъ Романъ Ларіоновичъ Воронцовъ скончался въ слѣдующемъ 1783 году, 30 Ноября, будучи намѣстникомъ во Владимірѣ на Клязьмѣ. Онъ погребенъ въ тамошней соборной церкви. Сколько намъ извѣстно, онъ такъ и не видѣлъ своего внука, которому суждено было наиболѣе прославить Воронцовское имя. П. Б.

1) Сенявинъ, тесть графа Воронцова.

2) Орловъ, уже страдавшій умопомѣшательствомъ.

ГРАФЪ МОЦЕНИГО.

ЗАПИСКА ГРАФА С. Р. ВОРОНЦОВА.

Записка, эта въ видѣ письма, была послана къ графу Завадовскому во время его дворскаго вліянія, очевидно для представленія Государынѣ. П. Б.

Письмо графа С. Р. Воронцова къ П. В. Завадовскому.

О графѣ Моценигѣ.

(1777).

Плачевное положеніе графа Моцениги, происшедшее отъ привязанности его, вѣрныхъ и знаменитыхъ услугъ имперіи нашей, заслуживаетъ несумѣнно вниманія Государыни. Онъ не токмо не награжденъ по мѣрѣ заслугъ своихъ, но еще потерялъ оными большую часть своего имущества и претерпѣваетъ по сіе время немалый ущербъ въ чести, принадлежащей знатности его имени. Въ семъ дѣлѣ не Государыня виновна, конечно. Всѣ знаютъ ея великодушіе, щедрость и сколь она ревнительно (какъ и должно) уважаетъ на достоинство свое и имперіи ей подвластной и какъ вслѣдствіе сего наградила Кантакузина, Аргирія и многихъ тому подобныхъ, коихъ заслуги были велики, но никакъ не равняются съ оказанными г. Моценигою. Несчастіе сего человѣка произошло отъ того, что не во время онъ былъ въ Россіи; что тотъ, который его употреблялъ къ великой выгодѣ нашей и больше всѣхъ былъ въ состояніи объяснить его службу и страданія и испросить, наконецъ, достойно-должное ему награжденіе, былъ съ пріѣзду своего въ Москву не въ состояніи или (думая, что не въ состояніи быть за кого нибудь заступникомъ) отрекся помогать ему. Потомъ тотъ же въ Петербургѣ, дѣльно или недѣльно (ибо я судить о семъ не могу), почитая себя огорченнымъ, сказалъ ему напрямикъ, что онъ „по-

мнитъ весьма, коль велики его заслуги, коль много онъ потерялъ и страдалъ за оныя и коль достоинъ помѣрнаго награжденія; но что онъ въ такомъ положеніи, что никакъ ни за кого заступить не можетъ; что если о немъ спросятъ, онъ отдастъ ему справедливость, но въ самое то время ничего за него просить не можетъ“ [1]). Къ большему несчастію г. Моцениги, во все время его у насъ пребыванія, графъ Микита Ивановичъ [2]) сначала былъ не въ силахъ, а потомъ былъ боленъ. И такъ онъ попалъ въ руки Григорія Александровича [3]) и вицъ-канцлера: первой ему не доброжелательствовалъ, а другаго ты самъ знаешь.

Позволь, мой другъ, чтобъ я изъяснилъ теперь для собственнаго твоего свѣдѣнія прошедшее и настоящее положеніе сего несчастнаго человѣка, состояніе его фамиліи и все, что̀ онъ для Россіи дѣлалъ, почему и пропалъ.

Фамилія Моцениго—наипервѣйшая въ Венеціанской республикѣ какъ древностію своею, такъ знаменитостію великихъ дѣлъ; что̀ оная учинила, всѣми историками прославляется. Нынѣшній дожъ есть восьмой, что̀ она дала республикѣ, и ни которая другая столь большаго числа дожей у себя не имѣла. Во время второй Крестовой войны [4]), когда Французы и Венеціанцы измѣннически овладѣли Цареградскимъ престоломъ, симъ послѣднимъ достались на долю большая часть Мореи, Кандія, Негропонтъ и всѣ почти острова, что̀ мы въ прошедшую войну имѣли въ Архипелагѣ. Нѣсколько лѣтъ спустя, Греки, выгнавъ Французовъ изъ столицы, изъ Ѳракіи и отвсюду изъ земель Греческихъ, съ Венеціею помирились, уступя ей все ею

---

[1]) Кого тутъ разумѣетъ графъ Воронцовъ, мы не знаемъ. Не графа ли А. Г. Орлова?

[2]) Графъ Панинъ.

[3]) Потемкина.

[4]) Т. е. во время втораго Крестоваго похода.

заграбленное. Тогда она, дабы вѣрнѣе удержать сіи земли, отдѣлила туда часть своихъ гражданъ и дворянство, учредя вездѣ, по примѣру древнихъ Римлянъ, колоніи. Между дворянствомъ, въ Морею переселеннымъ, былъ одинъ Моцениго. Потомки сего, а предки нашего, получили въ той странѣ великія маетности, кои не токмо что въ старыхъ ландкартахъ именемъ сей фамиліи означены, но и нынѣ еще тако тамъ называются, и множество домовъ въ Коронѣ и Медонѣ стоятъ съ ихъ гербами, чему свидѣтели суть графъ Өедоръ Григорьевичъ [5]) и генералъ Аннибалъ. Сначала первые переведенцы сохраняли законъ свой Римскій, но въ продолженіи времени многіе стали брать въ супружество знатныхъ дѣвицъ той земли и Греческаго исповѣданія; умирая, оставляли иногда дѣтей малолѣтнихъ, коихъ матери перекрестили въ свою вѣру. Республика сему не мѣшала, желая какъ наиболѣе привязать къ себѣ тогда Греческую націю, отчего произошло, что одной фамиліи одни въ Венеціи Западной церкви, другіе въ Греціи Восточной поклонялися. Сіе точно случилось съ Моценигами. Одинъ изъ предковъ нашего, будучи уже въ нашей вѣрѣ, по вышеозначеннымъ случаямъ, женился на дочери князя Токи, владѣтеля острова Занта. Сей князь умеръ, не имѣя сыновей и оставилъ наслѣдство дочери; но сей изобильной островъ прельстилъ Венецію. Затѣмъ она (какъ сіе изпредавна между правленіями водится) овладѣла онымъ, оставя законной наслѣдницѣ нѣсколько собственныхъ маетностей покойнаго князя, чѣмъ и понынѣ владѣетъ тотъ, о которомъ пишу и отъ чего онъ получалъ, до его аресту, отъ 9 до 10 тысячъ рублей доходу, а теперь ничего. Когда султанъ Баязетъ выгналъ совсѣмъ Венеціанцовъ изъ Мореи, республика наградила всѣхъ, кои поте-

---

[5]) Орловъ.

ряли тамъ земли, другими въ Кандіи, гдѣ Моцениги получили знаменитыя около Ретимо, коими владѣли до завоеванія Турками сего острова, послѣ чего переселились въ Зантъ. Тѣ изъ дворянъ Венеціанскихъ, кои сохранили законъ Римской, вазвратились въ Венецію, гдѣ потомки ихъ пользуются преимуществами и правомъ соправленія республики. Моцениги Венеціанскіе повторительно уговаривали однофамильцовъ своихъ Зантскихъ, дабы возвратились къ прежней ихъ вѣрѣ, но безъ успѣху. Сіи послѣдніе, хотя потеряли владѣнія свои въ Греціи, но сохранили привязанность, почтеніе и довѣренность въ земляхъ и островахъ того народа, такъ что безпрестанно надлежало республикѣ употреблять ихъ какъ во времена разрывовъ съ Портою, для диверсіевъ въ Греціи, такъ и во времена мира для сохраненія непрерывной связи съ несчастною сею землею, почему уважала и ласкала Моцениговъ Зантскихъ паче всѣхъ фамиліевъ въ Левантскихъ островахъ ея владѣнія. Отецъ нашего, въ послѣднюю войну между республикою и Портою, командовалъ двумя Венеціанскими военными кораблями, чтò никогда не случалось человѣку другаго закона: ибо сухопутныя свои силы она поручаетъ иностраннымъ и иногда людямъ не-Римскаго исповѣданія, но морскія никому кромѣ своихъ патриціевъ, кои всѣ Западной церкви, не ввѣряетъ. При рожденіи нашего былъ ему отцемъ крестнымъ однофамилецъ его, нынѣшній дожъ, а тогда кавалеръ Saviogrande и прокураторъ св. Марка, т. е. имѣя наипервѣйшія достоинства того правленія. Онъ испросилъ его отъ отца къ себѣ въ домъ для воспитанія и взялъ въ Венецію о 14-ти мѣсяцахъ, имѣлъ попеченіе какъ о сынѣ и держалъ до 20 лѣтъ, доколѣ окончилъ свое ученіе; между тѣмъ всячески старался уговорить его къ перемѣнѣ закона, но всуе. Въ ребячествѣ г. Моцениго отрицался, боясь отца своего; а пришедъ въ совершен-

ный возрастъ, когда уже и отецъ умеръ, отрекся то учинить не для суевѣрія, но почитая весьма гнуснымъ перемѣнить законъ своихъ предковъ, оставляя сіе разбирать Богу, чья мольба Ему угоднѣе. Воспитатели не перестали любить его за то; ибо болѣе для собственной его выгоды на землѣ, нежели для спасенія его души въ небѣ проповѣдывали. Живучи въ Венеціи, онъ былъ, по причинѣ однофамильцовъ своихъ, всегда въ обществѣ наипервѣйшихъ членовъ сей республики, почему и знаетъ ее совершенно.

Видя, наконецъ, что по причинѣ закона надлежитъ ему остаться навсегда въ праздности и безъ мѣста сходственнаго съ достоинствомъ его фамиліи, возпамѣрился онъ принять чужую службу, имѣвъ сему примѣръ въ своемъ домѣ, гдѣ дядя его родной былъ въ службѣ курфирста Гановерскаго (которой послѣ былъ королемъ Англійскимъ), у коего былъ подъ конецъ тайнымъ совѣтникомъ и министромъ въ Венеціи, гдѣ въ сей должности и умеръ. По причинѣ вѣры онъ весьма желалъ служить Россіи, но, не имѣвъ ни малаго у насъ знакомства, опасался не успѣть и сдѣлать предальнее путешествіе втунѣ. И такъ былъ въ нерѣшимости. Однакожъ, для всякаго случая, взялъ дозволеніе у штатскихъ инквизиторовъ принять иностранную службу и получилъ его формально. Онъ бы могъ и безъ того обойтись, поелику всѣ дворяне подданства республики, лишь бы не были патриціи и соправители оной, вольно могутъ брать иную службу; почему Австрійской домъ множество ихъ имѣетъ между своими генералами, какъ то Пелегрини и т. п. Но онъ сіе сдѣлалъ изъ уваженія къ сродственникамъ своимъ въ Венеціи. Скоро потомъ необходимыя нужды не дозволяли ему помышлять о семъ дѣлѣ, а надлежало ѣхать въ Зантъ и пробыть тамъ нѣсколько лѣтъ сряду. Потомъ, за годъ до войны нашей, былъ онъ

въ Венеціи, помышляя пуще прежняго искать нашей службы; но въ самое то время возвратился изъ Россіи Маруцци съ знатнымъ чиномъ и лентою. Тогда началъ онъ размышлять, что естьли, поѣхавъ въ Петербургъ, возвратится менѣе отличенъ чѣмъ Маруцій, которой весьма далекъ отъ него породою и прочимъ, сіе оскорбитъ сродственниковъ и однофамильцовъ его и нанесетъ ему въ Зантѣ и во всей Греціи стыдъ и посмѣяніе. Онъ отложилъ свое намѣреніе, уважая и на то, что уже былъ тогда въ такихъ лѣтахъ, что метаться, какъ молодому человѣку, неприлично; положилъ возвратиться въ домъ свой, упражняться воспитаніемъ своего сына и послать онаго, какъ придетъ въ возрастъ, къ намъ для принятія службы.

Въ Зантѣ будучи, свѣдалъ онъ о разрывѣ нашемъ съ Портою и, какъ не приготавливалъ себя никогда къ военному ремеслу, то и не считалъ, чтобы сіе приключеніе завело его къ Россійской службѣ, тѣмъ наипаче, что ни онъ и никто вообразить себѣ не могъ, чтобы флотъ нашъ появился въ Левантѣ; за тѣмъ и жилъ спокойно, какъ вдругъ, по несчастію его, можно сказать, присталъ къ острову, противъ самыхъ его владѣніевъ, первый Россійскій фрегатъ, нагруженный военными припасами, необходимо нужными для флота и Морейскаго предпріятія. Оной потерялся отъ флота около Магона и занесенъ былъ впередъ, въ страны неизвѣстныя нашимъ мореплавателямъ, безъ должныхъ картъ тѣхъ морей, безъ лоцмановъ, знающихъ тѣ гавани, ни къ кому не адресованный, имѣя нужду во всемъ и вмѣсто помощи видя всевозможныя себѣ препятствія (ибо Венеціанской губернаторъ съ фрегата на берегъ никого пустить не дозволилъ и своимъ къ судну подъѣзжать запретилъ). На другой день фрегатъ сей попалъ на камень и погибъ бы несумнѣнно, ибо наполнялся уже водою. Тогда г. Моцениго, изъ жалости, изъ усердія къ вѣрѣ и импе-

ріи пашей, не смотря на запрещеніе, послалъ болѣе 300 человѣкъ своихъ подданныхъ въ разныхъ баркахъ съ искусными лоцманами, кои, работая полторы сутки, съ трудомъ и противъ чаянія, судно спасли и привели въ портъ, гдѣ тотъ же Моцениго удовольствовалъ экипажъ всѣми потребностями и склонилъ губернатора просьбами и подарками, дабы онъ позволилъ сему судну исправиться въ Зантѣ. Капитанъ, всѣ офицеры и матросы не иначе признавали г. Моценигу какъ ихъ спасителя. При отправленіи изъ Занта онъ снабдилъ ихъ картами и искусными лоцманами.

Графъ Алексѣй Григорьевичъ [6]), увѣдомясь отъ офицеровъ того фрегата о семъ происшествіи и узнавъ отъ всѣхъ Грековъ, коль великой кредитъ имѣетъ г-нъ Моцениго въ Греціи, Албаніи и Далмаціи, написалъ къ нему письмо преблагодарное, прося при томъ, дабы принялъ Россійскую службу и остался бы въ Зантѣ для пользы оной, помогая флоту всячески и подавая ему нужныя извѣстія о всемъ, чтò происходитъ въ областяхъ непріятельскихъ смежныхъ съ мѣстомъ, гдѣ онъ находится, и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ онъ имѣетъ сношеніе, обнадеживая его объ отличности и награжденіяхъ, чтò Государыня не преминетъ ему сдѣлать, и между тѣмъ посылая ему патентъ подполковничій. Онъ сему весьма удивился и хотѣлъ патентъ отослать назадъ, какъ человѣкъ въ семъ ремеслѣ не упражнявшійся и желающій служить въ штатскомъ или политическомъ, да и не съ такимъ малымъ чиномъ, помня особливо Маруцція. Сей подполковничій чинъ польстилъ бы его въ 25 лѣтъ, а не въ 43, кои онъ тогда имѣлъ. Но, размышляя, что огорчитъ невиннаго человѣка, котораго, можетъ быть, и сила далѣе не простиралася; надѣясь при томъ, что графъ Алексѣй Григорьевичъ не оставитъ о немъ представительствовать и что,

---

[6]) Орловъ.

отказавъ, самъ у себя отъиметъ способъ оказать ревностную свою службу къ государству, къ коему онъ уже издавна усердствовалъ, отвѣчалъ графу Алексѣю Григорьевичу, что благодаритъ его не за патентъ (поелику онъ уже въ такихъ лѣтахъ, что, не служа доселева въ войскѣ, теперь поздно сему ремеслу учиться), но за то, что подаетъ ему случай оказать свое усердіе толь великой Государынѣ, для которой онъ готовъ жертвовать себя и свое имущество, и что съ сей поры онъ всѣ свои дѣла оставитъ, чтобъ упражняться порученными ему отъ графа. Тутъ стали давать ему какъ оба графа, такъ и Спиридовъ, безпрерывныя комисіи, поручили ему снабжать всѣ приставающія суда наши, стали требовать лоцмановъ, карты морей и острововъ, описанія разныхъ мѣстъ непріятельскихъ, желали имѣть обстоятельныя извѣстія о пріуготовленіяхъ Турецкихъ въ тамошнихъ округахъ, для чего онъ долженъ былъ содержать шпіоновъ въ Мореѣ, въ Дульциніи, въ Кандіи и Тунисѣ, принужденъ былъ возобновить старыя свои переписки въ Цимарѣ, въ Албаніи и Далмаціи, гдѣ его предки великой кредитъ имѣли, которой онъ и по сіе время, не смотря на несчастное свое положеніе, сохраняетъ. Изъ сихъ трехъ провинціевъ онъ болѣе 5 тысячъ солдатъ вооруженныхъ въ разныя времена подговорилъ и доставилъ къ флоту, такъ наблюдая интересъ казенный, что сіе отправленіе ничего не стоило и что имъ жалованье началось по прибытіи въ Паросъ, когда прочіе господа ни одного человѣка не поставили Грека, Албанца или Далмата, чтобъ оной въ 60 рублей не сталъ еще до прибытія.

Извѣстія, кои онъ давалъ о вооруженіяхъ непріятельскихъ, были толь вѣрны и обстоятельны, что никто прежде его не зналъ и вѣрить не хотѣлъ, чтобъ во время перемирія Дульциніоты и Тунискоe правленіе могли бы переслаться и уговориться между собою вооружить какъ можно болѣе фре-

гатовъ и шембековъ и, соединясь съ третьею эскадрою, что̀ ожидали изъ Кандіи, идтить прямо въ Аузу, портъ при Паросѣ, гдѣ наши спокойно стояли, надѣясь на перемиріе и гдѣ бы были сожжены несумнѣнно, какъ Турки въ Чесмѣ. Но графъ Моцениго тотчасъ извѣстилъ какъ о намѣреніи, такъ и о силахъ, что̀ въ вышеозначенныхъ мѣстахъ приготовлялися и представилъ, что неотмѣнно надлежитъ идтить въ Дульциньо, гдѣ наибольшая часть силъ непріятельскихъ собирается, и разбить оную до соединенія съ прочими. Графъ Алексѣй Григорьевичъ сперва не вѣрилъ, потомъ опасался войтить или послать кого въ Адріатическое море, думая, какъ и многіе, что въ оное кромѣ Венеціанскихъ военныхъ судовъ прочимъ военнымъ судамъ другихъ державъ входить не можно для мнимаго владычества сей республики надъ симъ моремъ; но онъ ему доказалъ, что сіе мнимое право неосновательно, не всѣми признано, и что коли есть авторы, кои оное утверждаютъ, есть столько же, кои торжественно его опровергли; представилъ ему примѣръ Французскихъ кораблей, кои какъ при Людовикѣ XIV-мъ, такъ и при правительствѣ герцога Орлеанскаго, входили въ Адріатику; наконецъ, представилъ, что когда Дульциніоты, непріятели наши, живущіе на берегу сего моря, противу насъ вооружаются, мы имѣемъ неоспоримое право искать ихъ въ ихъ гнѣздѣ и истребить, поколику сіе возможно будетъ. Онъ убѣдилъ сими доказательствами. Послана была эскадра, и велѣно ей зайтить въ Зантъ для полученія подробныхъ объясненіевъ отъ г. Моцениги. Онъ снабдилъ ее всѣмъ потребнымъ, далъ лоцмановъ, знающихъ тѣ берега и пристани и увѣдомилъ, что надлежитъ спѣшить (ибо Дульциніоты уже вышли въ море), что надлежитъ ихъ встрѣтить до выходу изъ Адріатики и что, упустя сіе, въ Средиземномъ трудно будетъ помѣшать соединенію непріятеля. Эскадрѣ удалось счастливо; ибо, встрѣтя Дульциніотовъ въ

морѣ, дралася съ оными, гнала до Патроса, подъ коимъ городомъ было другое сраженіе, къ коемъ 17 наибольшихъ непріятельскихъ судовъ сожжено, остальныя 11 успѣли завернуть (хотя весьма поврежденныя) въ портъ того города, подъ защиту крѣпости. Тунисцы, услышавъ о семъ несчастіи, не смѣли войтить въ море, и какъ они, такъ и Кандійское вооруженіе и Дульциніоты во всю войну нигдѣ болѣе ужъ не показывались.

Вотъ какія полезныя извѣстія онъ подавалъ по флоту! Онъ увѣдомлялъ нашихъ не только что̀ дѣлается въ пограничныхъ областяхъ непріятеля, но и о томъ, что̀ въ Царѣградѣ происходило; ибо всегда имѣлъ, способомъ вѣрныхъ друзей въ Венеціи, реляціи баила или по нашему посла Венеціанскаго при Портѣ. Онъ имѣлъ способъ сообщать и о томъ, что̀ въ Венеціанскомъ Сенатѣ происходило. Затѣмъ онъ получалъ благодарныя письма отъ графа и Спиридова, въ коихъ точно сіе изображено (ибо я ихъ читалъ): ты нашъ спаситель, ты нашъ вѣрный сторожъ, мы за твоею прозорливостію пребываемъ спокойны; не сумнѣвайся о награжденіяхъ, помѣрныхъ [7]) отличности службъ твоихъ.

Венеціанцы (опасаясь Турокъ по привычкѣ, а насъ еще болѣе по причинѣ, что всѣ подданные ихъ въ Левантѣ и Далмаціи суть нашего исповѣданія и такъ намъ суевѣрно преданы, что явно, пренебрегая повелѣнія республики, къ нашимъ приставали, подавали всевозможную помочь и воевали противу Турокъ, не смотря на то, что многіе претерпѣли за сіе казнь прежестокую) стали подозрѣвать графа Моценигу и привязываться къ оному. Но сіе было трудно, поелику онъ объявилъ уже предъ тѣмъ губернатору, что онъ находится въ Россійской службѣ, показалъ патентъ

---

7) Т. е. соразмѣрныхъ.

свой и что имѣетъ повелѣніе пребывать въ Зантѣ неотлучно для исправленія нуждъ флотскихъ, для чего и оставленъ былъ на время въ покоѣ. Графъ Алексѣй Григорьевичъ поручилъ ему примать въ свое покровительство тѣхъ несчастныхъ Мореотовъ, кои, спасаясь отъ мщенія и меча Турецкаго, въ Зантъ приставали. Тутъ онъ вздумалъ первой и послалъ о томъ проектъ къ графу, чтобъ забрать дѣтей отъ наипервѣйшихъ изъ сихъ несчастныхъ и отправить ихъ въ Россію для воспитанія, чѣмъ возстановится наипаче въ будущія времена связь межъ Россіею и Греками, что̀ и учинилось. Но, не довольствуясь малымъ числомъ тѣхъ дѣтей, кои были тогда въ Зантѣ, онъ посылалъ еще вѣрныхъ людей въ Морею и Албанію, гдѣ, способомъ довѣренности, что христіане тамо живущіе къ нему и его фамиліи имѣютъ, удалось ему украсть множество сихъ несчастныхъ ребятъ изъ самыхъ рукъ Турецкихъ, что̀ паши вмѣсто залогу при себѣ держали. Сіе надмѣрно [8]) взбѣсило тѣхъ пашей и Порту, которые съ угрозою требовали отъ республики выдачи уведенныхъ и наказанія графа Моцениги, какъ Венеціанскаго подданнаго; но онъ успѣлъ укрыть несчастныхъ сихъ отъ пагубы, отправя ихъ заблаговременно на судахъ нашихъ, а Венеціанцамъ отвѣчалъ, что, будучи въ службѣ Россіи, которая въ войнѣ съ Портою, онъ дѣлаетъ что̀ ему приказано, и имъ за него отвѣчать не надлежитъ.

Венеціанцамъ онъ столь несносенъ сталъ, что всячески избавиться отъ него желали и возрадовались сему случаю, какъ способному для его изгнанія; но, боясь флота нашего, не смѣли то учинить явно. Правленіе сдѣлалось какъ будто невѣдомо, что онъ въ нашей службѣ, якобы Зантской губернаторъ о томъ оное не увѣдомилъ, и разглашать

---

8) По нынѣшнему—чрезмѣрно.

стало, что графъ Моцениго бунтуетъ, не слушается губернатора въ Зантѣ и заводитъ вражду межъ республикою и Турками. Губернаторъ началъ подъ рукою стращать его и что, если онъ не спасется бѣгствомъ, то предстоятъ ему великія напасти; наконецъ, видя, что графъ Моцениго съ мѣста не трогается, сталъ онъ подсылать къ нему людей, кои, уговаривая его къ оставленію острова, объявили ему, что правленіе негодуетъ на его тамъ пребываніе и что неизбѣжно будетъ несчастливъ. Онъ отвѣчалъ на сіе, что онъ не въ своей волѣ, что безъ посрамленія и достойнаго наказанія онъ не можетъ, презрѣвъ данныя ему повелѣнія, оставить свое мѣсто изъ малодушія, что всякая напасть ему гораздо менѣе оскорбительна безчестія, что онъ писалъ къ графу Алексѣю Григорьевичу, прося дозволенія выѣхать изъ Занта, что до полученія онаго онъ никакъ самъ собою не поѣдетъ, развѣ губернаторъ пришлетъ къ нему письменное повелѣніе оставить островъ: тогда онъ конечно противиться не будетъ, имѣя симъ оправданіе у своихъ начальниковъ; что онъ дивится при томъ, для чего (если онъ такъ неповинно сдѣлался несноснымъ правленію) уже давно ему не послали сіе письменное повелѣніе вмѣсто словесныхъ совѣтовъ, кои ничего не значутъ и отъ коихъ всегда отпереться можно, а онъ въ дуракахъ останется. Онъ дѣйствительно увѣдомилъ уже графа, что дѣло дойдетъ до крайности и что въ положеніи, въ коемъ находится, его въ Зантѣ пребываніе не можетъ ужъ быть полезно службѣ. Но долго не получалъ отвѣта; а Венеціанцы, потерявъ терпѣніе и позабывъ должное къ Россіи уваженіе, арестовали его, чт̀о произошло слѣдующимъ образомъ.

Какъ всѣ жители города и острова Занта суть Греческаго исповѣданія и всѣ весьма привязаны къ гр. Моценигѣ, то губернаторъ, опасаясь возмущенія отъ обывателей въ пользу онаго, послалъ подполковника съ 400 солдатъ вооружен-

ныхъ для взятія его подъ караулъ; но, не смотря на число сихъ воиновъ, народъ, который тамъ всегда вооруженъ бываетъ и гораздо храбрѣе никуда негодныхъ Итальянскихъ солдатъ, что республика тамъ держитъ, окружилъ тотчасъ домъ графа Моцениги съ тѣмъ чтобы, разбивъ солдатъ, выручить плѣннаго. Подполковникъ былъ внѣ себя отъ страху; а плѣнный, видя, что онъ окруженъ солдатами, кои во время бою его бы застрѣлили, принужденъ былъ выйтить на балконъ и уговорить народъ, чтобъ правленію не мѣшали и чтобъ о немъ не сумнѣвались: ибо, какъ въ службѣ ея императорскаго величества, онъ на защиту ея уповаетъ. Съ трудомъ, но уговорилъ онъ обывателей. Въ благодарность сего, подполковникъ съ офицерами и всѣмъ причетомъ разграбили весь домъ, разломали кладовыя, вытащили серебро, деньги, женины брильянты. Къ сему несчастію соединилось то, что при арестѣ жена его такъ оному испугалась, что въ тужъ минуту пала въ параличъ, отъ котораго по сіе время ходить не можетъ и только что въ церковь, съ помощію двухъ человѣкъ, кои ее поддерживаютъ, разъ въ мѣсяцъ таскается.

По взятіи перевезли его на островъ Корфу и посадили въ цитаделѣ въ темницу, гдѣ пробылъ 8 мѣсяцевъ и гдѣ бы удавили его конечно, и онъ самъ ежечасно ожидалъ своей кончины, и для того сдѣлалъ свою духовную, препоручая бѣдныхъ своихъ дѣтей призрѣнію Государыни и попрося попа, котораго ему отказать не могли, вручилъ ему оную для пересылки ея по смерти его въ Россію. Но спасъ его адмиралъ Спиридовъ (ибо графъ былъ тогда въ Петербургѣ).

Надо знать, что графъ Моцениго, предвидя свое несчастіе, всѣ бумаги свои успѣлъ за нѣсколько времени тайно перевезти въ одинъ отдаленный свой загородный домъ и наканунѣ ареста получилъ письмо отъ адмирала

весьма дружеское и въ коемъ онъ ему даетъ множество коммисіевъ, касающихся до службы. Сіе письмо схвачено было подполковникомъ и переслано въ Венецію, гдѣ стали опасаться слѣдствія сего дѣла. Затѣмъ Сенатъ повелѣлъ генералу своему въ Левантѣ Реньеро, чтобъ онъ послалъ къ Спиридову того же подполковника съ письмомъ слѣдующаго содержанія: Графъ Моцениго, подданный республики, впадшій въ непослушаніе и почти явный бунтъ, посаженъ оною въ темницу; но какъ слухъ носится, якобы онъ находится въ Россійской службѣ, то, если сіе неложно и господинъ адмиралъ его потребуетъ, онъ возвращенъ будетъ безъ задержанія.

Адмиралъ, который увѣдомилъ уже дворъ о семъ арестѣ и думая, что оной конечно съ твердостію, сходною съ достоинствомъ имперіи, не токмо потребуетъ его возвращенія съ честію (наблюдая, чтобы по выдачѣ не раззоренъ былъ въ имуществѣ), но что потребуетъ должную сатисфакцію или извиненіемъ республики, или наказаніемъ губернатора,—не смѣлъ принять графа Моценигу и за тѣмъ отвѣчалъ весьма благоразумно, что хотя дошелъ до него слухъ о семъ странномъ происшествіи, но онъ вѣрить тому не хочетъ, чтобъ республика, столь мудростью издавна прославляемая, допустила, чтобъ мимо оной господинъ генералъ повелѣлъ подкомандующему своему, губернатору острова Занта, арестовать, противъ права народнаго, уполномоченнаго штабъ-офицера Россійской императрицы, который, по публичнымъ повелѣніямъ ея, исправлялъ Россійскія дѣла въ Зантѣ; что онъ паче всего дивится, что теперь какъ будто сумнѣваются о бытности его въ службѣ императорской, когда уже нѣсколько лѣтъ сряду сами губернаторы Зантійскіе чрезъ него, какъ повѣреннаго отъ флота, доставляли въ оной разныя свои представ-

ленія; что онъ его принять теперь не можетъ, поелику извѣстилъ о семъ уже Государыню, которая конечно съ республикою объяснится о семъ необычайномъ дѣлѣ, а между тѣмъ надѣется, что графъ Моцениго будетъ сохраняемъ съ честью и почтеніемъ, принадлежащимъ его имени и особливо величеству Государыни, которой онъ служитъ. Но какъ адмиралъ опасался, чтобы арестантъ не былъ отравленъ ядомъ (что̀ въ Венеціи нерѣдко бываетъ, когда инако ей отъ кого отдѣлаться не можно), то повелѣлъ нашимъ судамъ всячески привязываться къ Венеціанскимъ купеческимъ и арестовавъ приводить въ Паросъ, аки бы доставляющихъ непріятелю нашему припасы. Генералъ Левантскій Реньеро писалъ къ нему о семъ жалобы, на кои онъ ничего не отвѣчалъ, сказавъ только словесно, что онъ сіе дѣло и разбирать не станетъ, пока не окончено будетъ дѣло графа Моцениги. При томъ, какъ онъ опасался отравы сего несчастнаго, то и разгласилъ умышленно, такъ что сіе дошло до Венеціи, что все что̀ приключится съ арестантомъ нашимъ, тожъ самое будетъ съ Венеціанцами, взятыми на корабляхъ, что̀ испугало Сенатъ и спасло при томъ того, о комъ пишу.

Наконецъ, пока изъ флота дошло извѣстіе ко двору и отъ онаго хотя незамедленно послано требованіе въ Венецію, прошло 8 мѣсяцевъ, республика тотчасъ выпустила графа Моценигу, объявя ему при томъ, что подъ смертною казнію запрещается ему показываться во владѣніяхъ оной. Спиридовъ принужденъ былъ его принять, послѣ того какъ дворъ такъ кончилъ. Но, ежели бы дворъ нашъ, требуя усильно арестанта, заключилъ тѣмъ, что окончаніе сего дѣла адмиралу препоручаетъ, сей бы принудилъ Венеціанцовъ отступиться отъ запрещенія, сдѣланнаго арестанту толь безчестно и разорительно. Онъ, и въ темницѣ буду-

чи, усердіемъ, разумомъ и не щадя своего разореннаго имущества, нашелъ способъ служить флоту, какъ будто находился въ Зантѣ и на волѣ: ибо, подкупя стерегущихъ его офицеровъ, сталъ сначала переписываться съ знакомыми ему богатыми Корфіотами, кои давали ему взаймы денегъ, коими онъ награждалъ офицеровъ и чрезъ то имѣлъ способъ продолжать всѣ старыя свои переписки и по онымъ увѣдомлять о всемъ адмирала, который теперь въ Петербургѣ и можетъ о всемъ засвидѣтельствовать.

Ты видѣлъ всю его службу. Знай же теперь все, что онъ потерялъ оною. Въ семь лѣтъ, что онъ былъ въ оной, не получалъ ни полушки ни жалованья, ни награжденія; за шпіоновъ, коихъ онъ содержалъ въ Мореѣ, во многихъ мѣстахъ Румеліи, въ Кандіи и Тунисѣ и коимъ платилъ богато (поелику сіе ремесло водитъ на висѣлицу), ему ничего не заплатили; за почту, по пространной его переписке по дѣламъ нашимъ въ Левантѣ, ничего же не дано. Трижды призывали его въ Пизу, куда надлежало изъ Занта ѣздить моремъ до Неапольскаго королевства, а оттоль чрезъ всю Италію до Пизы и тако назадъ; дважды посылали его въ Венецію, не давъ никогда ничего на дорогу. Домъ его разграбленъ болѣе какъ на 20,000 рублей. Чтобъ содержать жену, сына и дочь въ Италіи, чтобъ съ чѣмъ ѣхать въ Россію, чтобъ заплатить долгъ, что онъ по причинѣ аресту, подкупленія офицеровъ и пересылки въ разныя стороны и къ адмиралу, сдѣлалъ въ Корфу, онъ принужденъ былъ истратить остатокъ своего имущества, ибо вынулъ изъ Венеціанскаго банка 5000 своихъ червонныхъ, кои ходили въ процентѣ. Въ Россіи проволочили его 15 мѣсяцевъ, въ кои онъ такъ прожился, что еслибъ Государыня не пожаловала ему 2000 рублей на дорогу, ему бы выѣхать не съ чѣмъ было. Какъ ему запрещено въѣзжать въ Венеціанскія области и какъ онъ

подъ явнымъ негодованіемъ того правленія, то всѣ тамошніе отъ него отступились. Ни одинъ адвокатъ не примается стряпать по дѣламъ его, отчего онъ и потерялъ ужъ много процессовъ; должники ничего ему не платятъ, прикащики его отъ смотрѣнія за деревнями отказались. Сіи деревни всячески раззоряются, и онъ ни полушки доходу съ нихъ не получаетъ и, слѣдовательно, безъ конфискаціи оныя дѣйствительно конфискованы. И такъ онъ потерялъ, служа намъ, все что̀ дошло ему отъ предковъ. Сравни же, прошу, его съ Кантакузинымъ, съ Аргиріемъ, съ Маруціемъ. Первые два служили конечно, и воздаяніе имъ надлежало; но ихъ услуги не равняются съ тѣми, что̀ оказалъ графъ Моцениго. Они ничего не претерпѣли и, какъ ты самъ знаешь, себя не позабывали, и всякій изъ нихъ, не въ зачетъ будущаго награжденія сами себя награждали, такъ что, при окончаніи войны, они очутились гораздо богаче, какъ при началѣ оной. Я никакъ не порочу то, что̀ для Маруція сдѣлано; ибо Россія неотмѣнно должно привязывать къ себѣ Греческую націю, а чины и ленты въ той странѣ сильнѣе, какъ у насъ дѣйствуютъ. Фортуна, что̀ сдѣлалъ у насъ Рагузинскій, подѣйствовала сильно во всемъ Левантѣ. Отличности, что̀ получилъ Маруцій, сугубую возжгли надежду на призрѣніе Россіи къ народамъ одновѣрнымъ съ нею. Но что̀ учинилось съ графомъ Моценигою, удивляетъ всѣхъ неизобразимо: ибо никто понять не можетъ, отчего произошло, что человѣкъ, которой во всѣхъ тѣхъ странамъ знатностію породы и кредитомъ ни съ кѣмъ не равняется, которой не искалъ въ насъ нужды, который изъ усердія служилъ отлично, жертвовалъ жизнію, потерялъ все имѣніе, брошенъ пуще всѣхъ. Я его и съ славнымъ Кантемиромъ не равняю, ибо что̀ тотъ сдѣлалъ? Развѣ онъ или какой господарь Молдавской или Волосской могъ бы, когда Турокъ нѣтъ въ землѣ ихъ (какъ

то тогда случилось), выгнать собственными своими силами сильное и регулярное войско, которое полтора года предъ тѣмъ разбило славную и страшную Шведскую армію? Отъ него ничего другаго не требовалъ фельдмаршалъ Шереметьевъ (который за нѣсколько мѣсяцевъ прежде Государя вступилъ въ Молдавію и зимовалъ въ Яссахъ) какъ провіанту для будущаго лѣта. Но, провождая всю зиму въ винѣ и въ банкетахъ, онъ за Кантемиромъ не смотрѣлъ, а тотъ или не въ состояніи былъ, или самъ былъ обманутъ, провіанту не собралъ, что̀ главною причиною было къ тому Прутскому безчестію: ибо хотя Петръ I-й имѣлъ дѣйствительно (какъ то видно по журналамъ) 40 тысячъ пѣхоты, кромѣ кавалеріи; но, не имѣвъ духа общаго нашего благодѣтеля [9]), который смѣло повелъ 17 тысячъ голодныхъ отнять обѣдъ у 150 тысячъ непріятеля, принужденъ былъ за недостаткомъ провіанта учинить миръ безчестный и возвратиться во свояси съ Турецкими сухарями, кои даны были изъ милосердія. Вотъ дѣло Кантемира, и за что потомки его пребогаты, когда прочихъ господарей дѣти безъ хлѣба часто въ Цареградѣ шатаются?

Разсуди пожалуй, справедливо ли, что графъ Моцениго, котораго для тысячи причинъ отличить бы надлежало, служа болѣ и претерпѣвъ болѣ какъ Кантакузинъ, и раззоренъ совершенно, однакожъ не награжденъ и не отличенъ по сіе время.

Онъ въ Петербургѣ просилъ вицеканцлера: 1) о удовлетвореніи за претерпѣнные убытки и за службу не награжденную; 2) о истребованіи отъ Венеціанцовъ разрѣшенія отъ запрещенія ему сдѣланнаго; ибо, хотя онъ не хотѣлъ жить въ областяхъ республики, но надлежало ему хоть изрѣдка свидѣтельствовать своихъ повѣренныхъ и учре-

---

[9]) Т. е. графа П. А. Румянцова-Задунайскаго.

ждать свою экономію; 3) о полученіи мѣста министерскаго въ Тосканѣ [10]) или гдѣ въ другомъ мѣстѣ, въ Италіи или гдѣ бы то ни было, съ чиномъ и жалованьемъ сходнымъ съ его должностью. Онъ мнѣ божился, что еслибъ онъ получилъ равное награжденіе съ Кантакузинымъ, онъ бы тотчасъ натурализировалъ себя Русскимъ и переселился бы и со всею фамиліею въ Россію. Вицеканцлеръ ему отвѣчалъ только, что онъ въ первые два артикула не входитъ, а на третье ему сказываетъ, что о семъ и докладывать не хочетъ, ибо въ Италіи нигдѣ у насъ нѣтъ министровъ, а въ Тосканѣ нельзя имѣть затѣмъ, что Тосканской дворъ у насъ своего не имѣетъ. Сей отвѣтъ неоснователенъ, поелику великій герцогъ нигдѣ ихъ не держитъ, ниже во Франціи, въ Гишпаніи и Неаполѣ, съ коими онъ въ толь тѣсномъ сродствѣ, за тѣмъ, что всѣ дѣла его дѣлаютъ во всѣхъ дворахъ министры брата его императора; все же сіи дворы и Аглицкой съ ними имѣютъ министровъ своихъ во Флоренціи. Графъ Моцениго, какъ не былъ еще въ нашей службѣ, когда бывалъ во Флоренціи, былъ допущенъ, по причинѣ знатной своей породы, во внутренніе покои великаго герцога, куда только наипервѣйшее дворянство Тосканское и министры дворовъ впускаются; а нынѣ, съ чиномъ комисара (котораго съ консулами равняютъ) онъ ужъ не впускается. Двѣ тысячи жалованья, что̀ онъ имѣетъ, никакъ ему недостаетъ съ семьею, что̀ онъ имѣетъ. Естьлибъ онъ предвидѣлъ, что нашъ дворъ (какъ-то теперь случилось), разъ трактуя о немъ съ Венеціанцами, по отказѣ оныхъ отступится: онъ бы не просилъ инаго, а занявъ тысячъ 7 или 8 червонныхъ, деньгами бы досталъ свое разрѣшеніе; ибо лучше потерять оныя, нежели 10 тысячъ рублей доходу. Но онъ на дворъ надѣялся, и ему

---

10) Мы не знаемъ, чѣмъ кончилось дѣло графа Моцениго; но извѣстно, что онъ получилъ должность нашего представителя въ Тосканѣ.

казалось, что неблагопристойно для онаго и для себя стыдно искать милости у своихъ враговъ и тѣмъ доказать, что онъ у насъ въ презрѣніи. Естьлибъ, при требованіи, что̀ еще можно сдѣлать, была бы какая угроза, какъ-то что дворъ нашъ не можетъ сіе такъ оставить и что онъ не преминетъ вспомнить сіе дѣло при случаѣ: Венеціанцы, угнетаемые Турками, еще болѣе дворомъ Вѣнскимъ, бояся всего и страшась насъ всякой разъ что флотъ нашъ гуляетъ по Леванту, не смѣли бы отказать нашему требованію, особливо въ теперешнихъ обстоятельствахъ, что еще не рѣшено, имѣть ли намъ опять войну, которая, естьли будетъ, неотмѣнно надлежитъ флоту нашему быть въ Левантѣ. Теперь уже ему и деньгами того достать нельзя: ибо, отказавъ Государынѣ, кромѣ какъ ей опять въ угодность, для него самого теперь безъ двора нашего не сдѣлаютъ.

Представь себѣ, ради Бога, все злополучіе сего пренесчастнаго человѣка и подумай, кто послѣ толь жестокаго примѣра отважится намъ служить! Я никакъ не сумнѣваюсь, и онъ самъ того же мнѣнія, что естьлибъ Государыня, которая столько же милостью, правосудіемъ, какъ мудростью преисполнена, была обстоятельно увѣдомлена о его службѣ и разореніи, то конечно не оставила бы его безъ воздаянія.

Вотъ, мой другъ, что̀ побудило меня обременить тебя письмомъ безконечнымъ. Надѣюсь, что ты, изъ правосудія и изъ преданности къ Государынѣ, не оставишь учинить должное изъ сего употребленіе.

Прощай и помни, что коли есть рай, то въ оной только тѣ войдутъ, кои невиннымъ и несчастнымъ помогаютъ.

ПИСЬМА ГРАФА С. Р. ВОРОНЦОВА

КЪ

ГРАФУ А. А. БЕЗБОРОДКѢ.

Безбородкинскія письма къ графу С. Р. Воронцову занимаютъ собою XIII-ю книгу „Архива Князя Воронцова“.

Письма графа С. Р. Воронцова къ графу А. А. Безбородкѣ.

ПИСЬМА ИЗЪ ВЕНЕЦІИ.

I.

Венеція, 6 (17) Генваря 1784 (въ цифрахъ).

Я долгомъ моимъ почитаю примѣтить вамъ, что хотя мнѣ съ женою и дѣтьми никакъ нельзя съ малымъ моимъ достаткомъ жить порядочно, не входя въ долги и слѣдовательно не раззорить себя, однакожъ то жалованье, кое Государыня мнѣ здѣсь опредѣлила, напрасно терять изволитъ, по меньшей мѣрѣ половину онаго: ибо тою можно здѣсь содержать резидента. Дѣлъ здѣсь нѣтъ и быть не можетъ, поелику весь секретъ сего правленія, какъ оно его ни таитъ, состоитъ въ томъ, чтобъ дѣлать все въ угодность двору Вѣнскому и ни въ чемъ не отказывать, чего бы оный ни потребовалъ. И такъ, на случай войны съ Турками и по другимъ какимъ либо дѣламъ, будучи въ союзѣ съ императоромъ, мы посредствомъ его во всѣхъ нашихъ желаніяхъ здѣсь всегда успѣемъ.

Я занимаюсь нынѣ собраніемъ разныхъ вѣдомостей, относящихся до числа жителей во владѣніяхъ сей республики, до ея доходовъ, долговъ, расходовъ, войска сухопутнаго и флота. Хотя сіе трудно, однакожъ не отчаяваюсь въ ономъ предуспѣть.

2.

Венеція, 6 (17) Генваря 1784.

Написавъ къ вамъ сего дня предлинное [1]) письмо въ шифрахъ, я еще васъ и простымъ слогомъ обезпокоить долженъ, сообщая вамъ письмо довольно любопытное, что̀ я получилъ отъ Моценига о пребываніи короля Шведскаго въ Тосканѣ. Кавалеръ Псаро, оправившись отъ претяжкой болѣзни, на сихъ дняхъ отселѣ къ своему мѣсту отправляется. Тесть мой Алексѣй Наумовичъ увѣдомилъ меня о поданіи имъ чрезъ васъ просьбы къ Государынѣ, прося меня, дабы я за него предъ вами предстательствовалъ. Кромѣ ближняго свойства я обязанъ съ нимъ дружбою; то вслѣдствіе той, что̀ вы мнѣ всегда оказывали, вы простите мнѣ конечно, что я, въ надеждѣ оной, прошу васъ помочь ему, поколику сіе отъ васъ зависѣть будетъ. Жена моя вамъ кланяется. Прошу засвидѣтельствовать мой поклонъ Николаю Александровичу [2]), поздравя его съ обнародованіемъ своей тайны, которую я однакожъ видѣлъ, но изъ скромности никогда ему не отзывался, хотя не понималъ, зачѣмъ онъ таитъ бракъ съ милою и прекрасною женщиною. Будетъ ли то время, чтобъ я и васъ могъ съ тѣмъ же поздравить? Вамъ токмо сіе и недостаетъ теперь, и по себѣ знаю, что нѣтъ состоянія счастливѣе какъ мужа, которой живетъ хорошо съ своею женою. Желаю видѣть васъ въ такомъ же положеніи. Между тѣмъ живите счастливо и весело и не позабывайте отсутствующихъ, кои васъ искренно любятъ. Я столько имѣю причинъ быть до-

[1]) Выраженіе ироническое: шифрованныя письма обыкновенно бываютъ длинны, такъ какъ нарочно ставятся ряды цифръ безъ значенія, чтобы труднѣе было разгадать ключъ.

[2]) Львову.

вольнымъ Григоріемъ Леонтіевичемъ Брайко, что мнѣ весьма прискорбно будетъ съ нимъ разстаться. Затѣмъ прошу васъ сдѣлать мнѣ дѣйствительное одолженіе не разлучать меня, естьли меня переведутъ въ другое мѣсто. Какъ онъ по именному указу опредѣленъ въ Венецію, то Колегія перевести его не можетъ; затѣмъ-то и прошу васъ: вы одни мнѣ можете помочь въ семъ дѣлѣ, которое мнѣ весьма нужно и коимъ меня паче всего обяжете.

ВЫПИСКА ИЗЪ ПИСЬМА ГРАФА МОЦЕНИГО О КОРОЛѢ ШВЕДСКОМЪ.

Pise, 21 Décembre 1783 (1 Janvier 1784).

Le premier soir de son arrivée il n'a su pas se cacher. Il se plaignait auprès du grand-duc *) de son entrevue avec l'Impératrice, et deux jours après à table il répliqua ses plaintes et marqua son mécontentement. Un soir, à la conversation, le roi, étant avec le marquis Hautefort, m'aborda et me demanda, si j'avais des nouvelles du voyage de mons. Bobrinskoy, quelle est sa suite, si j'avais des ordres, et ayant répondu que je n'en savais rien, m-r le marquis demanda quel personnage il était. J'ai répondu que c'est un seigneur russe. Le roi me regarda fixe entre les yeux et ne voyant de ma part aucun signe ajouta que c'est un seigneur, dont on avait soigné l'éducation, et donna un coup de coude au marquis qui s'éloigna de moi. Il fut instruit dans le moment par le roi et répandit aussitôt la nouvelle dans la ville.

---

*) Говорится про герцога Тосканскаго Леопольда, брата императору Іосифу II-му.

3.

Венеція, 20 (31) Генваря 1784.

Г. Псаро, послѣ продолжительной своей болѣзни, вчера отправился къ своему мѣсту. Я въ бытность его здѣсь, видя его почти ежедневно, нашелъ въ немъ человѣка весьма усерднаго къ Россіи, преданнаго Государынѣ и наполненнаго чувствами благодарности къ своимъ благодѣтелямъ, между коими главнѣйшимъ онъ васъ почитаетъ. Онъ проворенъ и способенъ къ службѣ имперіи. Я видѣлъ отличную довѣренность, кою Греки къ нему имѣютъ. Они, какъ здѣшніе, такъ и пріѣзжающіе изъ острововъ Турецкихъ, всѣ почитаютъ его оракуломъ, и онъ ими ворочаетъ, какъ хочетъ. Онъ не пропускалъ ни малѣйшаго случая, чтобы не вперять въ нихъ преданности къ Россіи, употребляя къ тому разные способы, толкуя имъ виды, кои Государыня имѣетъ въ заведеніи Греческаго корпуса, воспитаніе Константина Павловича и самое приближеніе къ Греціи завладѣніемъ Крыма, какъ средства для избавленія Грековъ и для будущаго ихъ благополучія. Я былъ свидѣтелемъ, какъ одинъ изъ нихъ отважился укорять Россію несчастіемъ бѣдныхъ Мореотовъ, пострадавшихъ и раззоренныхъ до основанія. Онъ въ жару на сіе ему сказалъ: „Потеря нѣсколькихъ тысячъ ничего не значитъ; пусть половина Грековъ погибнетъ, лишь бы другая научилась, возмужала и прославилась, отброся иго Турецкое. Петръ Первый жертвовалъ нѣсколько сотъ тысячъ Русскихъ, дабы возвысить и просвѣтить свое отечество. Не считайте и вы безъ бѣды искупить себя изъ порабощенія“. Сіе убѣдило упрекающаго и наполнило жаромъ усердія къ Россіи. Онъ отвсюду

изъ Греціи имѣетъ извѣстія, знаетъ всѣ мѣста оной, и мнѣ кажется, можно его употребить съ большею пользою, естьли для переду есть какія у насъ намѣренія. При отъѣздѣ своемъ онъ мнѣ сказалъ, что естьли Государыня поѣдетъ въ Херсонъ, то онъ бы желалъ, чтобъ вы ему исходатайствовали дозволеніе отъ поста и къ вамъ пріѣхать. Лѣтомъ изъ Мальты онъ въ двѣ недѣли можетъ быть въ Тріестѣ, а оттоль въ Херсонъ тоже въ пятнадцать дней. У него есть два проекта, кои онъ мнѣ объяснялъ и кои онъ хочетъ вамъ сообщить. Сіи заслуживаютъ ваше вниманіе, поелику могутъ быть полезны службѣ. Описывать ихъ издали не такъ ловко и способно, какъ изустно онъ вамъ ихъ представитъ.

4.

Венеція, 24 Января (4 Февраля) 1784.

Поздравляю васъ и радуюсь съ вами о счастливой развязкѣ дѣлъ Крымскихъ. Славно для Государыни, что для совершеннаго обезпеченія полуденныхъ своихъ границъ пріобрѣла въ миру то, что́ послѣ непрерывныхъ побѣдъ Кайнарджицкимъ замиреніемъ ей пріобрѣсти было не можно. Турки продлили бы тогда войну и не согласились бы на уступку Крыма; да и теперь, хотябъ у нихъ и не было силъ отнять сей полуостровъ, однакожъ безъ войны отъ онаго бы не отступились, естьли бы императоръ не оказалъ себя толь вѣрнымъ нашимъ союзникомъ. Я вижу въ

немъ человѣка, которой, вооруженіями и издержками своими, избавилъ насъ отъ издержекъ, рекрутъ и чумы, коя за Турецкими войсками всегда слѣдовала вкупѣ со славою побѣдъ нашихъ, теряющихъ за тѣмъ всю цѣну, имѣвъ такихъ себѣ сопутниковъ. Поведеніе императора не умаляетъ, но увеличиваетъ наипаче славу Императрицы нашей: должно ей быть весьма великою Государынею, когда наиглавнѣйшія державы въ свѣтѣ ищутъ съ толикимъ тщаніемъ и такими жертвами ея союза. Сей подвигъ Вѣнскаго двора долженъ убѣдить самыхъ пристрастныхъ къ покойной Сѣверной и Пруской системѣ, что нынѣшняя полезнѣе оной. Я уповаю, что сія новая наивяще укрѣпляться станетъ, и что въ подобномъ нашему случаѣ мы императору подобнымъ же образомъ учинимъ воздаяніе. Твердое согласіе сихъ двухъ дворовъ, въ сильномъ и цвѣтущемъ ихъ нынѣ состояніи, достаточно, чтобъ, не боясь никого, страшить всѣхъ сопротивныхъ.

Мнѣ кажется, что поведеніе г. Булгакова много такожде помогло счастливой развязкѣ дѣлъ Татарскихъ: благоразумная его отвага не подать Турецкому министерству, какъ ему приказано было, формальнаго сообщенія о занятіи земель Татарскихъ, была причиною, что симъ замедленіемъ императоръ имѣлъ время наполнить Венгерскія границы войскомъ и устрашить Порту. Франція, не могшая вырвать изъ рукъ нашихъ Крыма и опасаясь другихъ пріобрѣтеніевъ, имѣла время совѣтовать миръ Дивану, и оной успѣлъ приготовить народъ и духовенство къ покойному взиранію нашего толь страшнаго для Турокъ завладѣнія. Но естьли бъ тогда не замедля г-нъ Булгаковъ подалъ свой меморіалъ Портѣ: тогда бъ оная, противу воли своей, опасаясь улемовъ и народа, припуждена бы была зачать войну, отъ которой мы теперь толь выгодно отдѣлались. Прощайте, милостивой государь мой; простите мнѣ мое

болтаніе, какъ слѣдствіе праздности, въ которой я нахожусь. Живите здорово и весело.

5.

Венеція, 26 Іюня (7 Іюля) 1784.

Прокураторы Св. Марка Тронъ и Морозини, сильные поборники по Греческой церкви противу насильства Римской, дали мнѣ знать, чтобъ, при подачѣ моей рекредитивы, я упомянулъ отъ имени Государыни, сколь она желаетъ видѣть спокойствіе и духовную независимость ея единовѣрцевъ. Я сіе тѣмъ охотнѣе исполняю, что оно сходно съ моею инструкціею. Они еще прибавили къ сему, что нужно, дабы имъ было на что упереться противу суевѣрныхъ и преданныхъ Римскому двору сенаторовъ, чтобъ Е. И. В. сама или чрезъ министерство сказала тоже самое наисильнѣйшимъ образомъ пребывающему въ С-бургѣ г. Фоскари. Я съ удивленіемъ и радостью вижу, что важнѣйшіе члены толь недовѣрчиваго правленія сами неосторожно предлагаютъ намъ способъ привязывать къ себѣ нѣсколько сотъ тысячъ своихъ подданныхъ. Я для церкви нанялъ домъ. Утварь вся оной уже привезена, только что иконостасъ не сдѣланъ. Тысячу рублей довольно, чтобъ сдѣлать сей пристойнымъ образомъ. Дѣло сіе поручите г. Брайку: онъ его исправитъ весьма порядочно. Все сіе неотмѣнно нужно для будущихъ дѣлъ съ Турками. Занявъ у Грековъ нѣсколько образовъ, я сдѣлалъ было церковь въ прошедшій великій постъ въ одномъ покоѣ моего дома, къ обѣднѣ, въ которую ходили Греки и Славяне. Священникъ

пашъ знаетъ совершенно погречески и, будучи весьма честнаго и скромнаго поведенія, заслуживалъ любовь и почтеніе отъ всѣхъ нашъ законъ исповѣдующихъ.

6.

Венеція, 5 (16) Іюля 1784.

Свѣдавъ партикулярно, что преемникомъ мнѣ назначенъ г. Криднеръ *), совершенно жалѣю о семъ. Здѣсь должно быть министру нашего закона, въ разсужденіи слѣпой, можно почти сказать, къ намъ Славянъ и Грековъ преданности, которую я на самомъ дѣлѣ испыталъ. Сихъ людей Россійской министръ можетъ употреблять какъ собственныхъ Ея И. В—ва, и столь надежно, что здѣшнее правленіе никоимъ образомъ о томъ узнать не въ состояніи. Къ нему они конечно, яко человѣку не ихъ закона, не будутъ имѣть никакой довѣренности. Славяне особливо (по неразумѣнію Греческаго языка), ходя всегда въ министерскую церковь, безспорно все сообщать могутъ. Сію, мнѣ кажется, не надобно отсюда и трогать. Содержаніе оной двору не болѣе триста рублей можетъ стоить, но польза отъ нея велика всегда будетъ. Министромъ нашимъ Лютеранскаго закона одно здѣшнее правленіе будетъ довольно, зная, сколь подданные его, нашего закона, могутъ его чуждаться.

---

*) Мужъ знаменитой писательницы. Любопытно бы развѣдать, не вице-канцлеръ ли графъ Остерманъ помогъ ему получить это мѣсто.

ПИСЬМА ИЗЪ АНГЛІИ.

1.

Лондонъ, 24 Іюня (5 Іюля) 1785 г.

Господинъ Питъ, отзываясь со многими, что, зная большую связь, которая была между покойнымъ его отцемъ и моимъ братомъ, желаетъ со мною короче познакомиться, просилъ лорда Кармартена, чтобы онъ доставилъ ему случай обѣдать со мною въ самомъ маломъ обществѣ, что̀ и учинилось на прошлой недѣлѣ въ домѣ сего лорда, гдѣ насъ было только четыре: хозяинъ, господинъ Питъ, Гарисъ и я. Я не могу вамъ довольно описать мое удивленіе, видя перваго министра, управляющаго Совѣтомъ и Парламентомъ, коему еще 26 лѣтъ не минуло, которой столь простъ въ обхожденіи, столько же учтивъ и невѣроятно скроменъ въ бесѣдѣ, какъ ярокъ и твердъ въ Нижней Каморѣ, которую водитъ, какъ хочетъ. Послѣ стола рѣчь завелась нечувствительно о дѣлахъ политическихъ, и слѣдов. о промѣнѣ Нидерландовъ, которой всю націю здѣсь тревожитъ. Я увѣрялъ, что о семъ промѣнѣ все уже кончено и что оному не бывать, кой часъ наслѣдникъ Баварской на то не согласился, подтверждая мои увѣренія прочтеніемъ хозяину сообщеннаго мнѣ циркулярнаго письма графа Остермана обрѣтающимся нашимъ въ Германіи министрамъ, что̀, кажется, его и другихъ двухъ собесѣдниковъ довольно успокоило. Но какъ рѣчь продолжалась о семъ промѣнѣ, я отъ себя имъ примѣтилъ, что, какъ извѣстно, что Франція болѣе всѣхъ оному противилась, надо думать, что сіе было бы ей вредно, а что̀ ей можетъ быть вредно, то слѣдовательно должно быть полезно Англіи. Г-нъ Питъ отвѣчалъ мнѣ, съ превеликою скромностью и прося изви-

ненія, что хотя сіе общее правило справедливымъ находитъ, однакожъ есть исключеніе, которое не позволяетъ ему со мною въ семъ случаѣ быть согласнымъ. Въ объясненіе сего исключенія онъ продолжалъ свою рѣчь слѣдующимъ образомъ. „Герцогъ Цвейбрикской *), получа Нидерланды смежные со Франціею, будетъ еще болѣе отъ нея зависимъ, нежели какъ былъ по сіе время. По внутренней своей къ ней привязанности, онъ будетъ издавать отъ имени своего и для своихъ земель сочиненные въ Версали тарифы, и въ мирное время разорять будетъ оными Аглицкую торговлю, на коей основана вся сила оной; а въ военное время, какъ и въ нынѣшнемъ положеніи Голандіи, Англія, зачиная отъ мыса Финистера до Категата, во всемъ пространствѣ сихъ береговъ, будетъ имѣть непріятельскіе порты, изъ коихъ тучами налетать станутъ каперы, разоряющіе здѣшнюю торговлю; что императоръ, хотя бы былъ тогда противу Франціи, не въ состояніи будетъ помѣшать тому, что Англію разоряетъ, а потому на промѣнъ сихъ земель никакъ здѣсь согласиться неможно; что онъ той системы, чтобъ быть въ дружбѣ съ Россіею, потомъ съ императоромъ, и что должно ему помогать всѣми силами, когда онъ на счетъ Франціи или гдѣ въ другомъ мѣстѣ противу воли оной захочетъ увеличиться; но пока онъ съ нею въ столь тѣсной дружбѣ, здѣсь должно его остерегаться, особливо когда онъ такъ съ презрѣніемъ съ Англіею поступаетъ“.—Я оборонялъ, сколько можно, Вѣнской дворъ, относя на привязанность Гановера къ королю Прускому холодность, кою императоръ къ Англіи имѣетъ, что хотя они здѣсь отличаютъ интересы Гановерскіе отъ Аглинскихъ, въ Вѣнѣ конечно трудно понять сіе метафизическое вмѣщеніе двухъ волей въ одной особѣ, ко-

*) Наслѣдникъ бездѣтнаго Баварскаго курфирста.

торая, какъ король Аглицкой, доброжелательствуетъ императору, а какъ курфирстъ дѣлаетъ ему всякія непріязни.

Сіе свиданіе кончилось большими ласками ко мнѣ отъ г-на Пита и сильными увѣреніями желанія его видѣть наши отечества всегда въ согласіи.

2.

Лондонъ, 7 (18) Іюля 1785.

Когда нашъ дворъ рѣшился овладѣть Крымомъ, Французскій посолъ имѣлъ повелѣніе склонять Англію на согласіе и содѣйствіе съ Франціею противъ обоихъ дворовъ императорскихъ, кои, какъ онъ увѣрялъ, хотятъ раздѣлить по себѣ всю Европейскую Турцію. Говоря о семъ съ г. Фоксомъ, бывшимъ тогда статскимъ секретаремъ, получилъ *) въ отвѣтъ, что Англія ни въ какія ни съ кѣмъ противу Россіи обязательства не вступитъ. Посолъ настоялъ, чтобы онъ доложилъ о семъ королю. Статскій секретарь отвѣчалъ ему, что онъ то учинитъ и скажетъ ему тотъ же отвѣтъ что̀ получилъ теперь: ибо король и Совѣтъ съ нимъ одного мнѣнія, что̀ дѣйствительно и учинилось. Не смотря на сіе, посолъ часто приступалъ къ г. Фоксу о семъ дѣлѣ и въ томъ же самомъ видѣ; но тотъ слышать и отвѣчать отрекся, ссылаясь на прежній свой отвѣтъ рѣшительной, что̀ такъ огорчило графа Адемара, что, потерявъ всю скромность, жаловался и бранилъ всегда статскаго секретаря и послѣ явно превозносилъ г. Пи-

*) Т. е. получилъ Французскій посолъ, графъ Адемаръ.

та, когда онъ вошелъ въ министерство. Но удовольствіе его недолго продолжалось. Какъ начались дѣла между императоромъ и Голандцами, онъ имѣлъ повелѣніе отъ двора своего пригласить Англію на сопротивленіе Вѣнскаго двора предпріятіямъ и напомнить здѣшнему министерству торжественныя здѣшней земли обязательства о сохраненіи Соединенныхъ Провинціевъ и какъ возвращеніе торговли въ рѣку Скельду подорветъ Аглицкую. Маркизъ Кармартенъ, донося сіе въ Совѣтъ, нашелъ оный въ нерѣшимости, и многіе изъ онаго, слѣдуя застарѣлымъ предубѣжденіямъ, наклонны были подкрѣпить Голанцевъ; но г. Питъ, вставши, съ превеликимъ жаромъ говорилъ долго, съ силою и краснорѣчіемъ, болѣе еще обыкновеннаго, противъ Французскаго предложенія, утверждая, что Голандія есть теперь Французская провинція, что усиленіе императора въ Нидерландахъ полезно Англіи, что никогда не должно слѣдовать Версальскимъ внушеніямъ, кои всегда пагубны Англіи; что Франція опаснѣе для здѣшней земли своими негоціаціями во время мира, нежели своими хлопотами во время войны. Сказываютъ, что, говоря сію рѣчь, всѣмъ казалось слышать покойнаго отца его; ибо выраженія оной были наисильнѣйшія. И кончилъ тѣмъ, что онъ никогда не согласится на содѣйствіе съ Голанцами противу императора и въ угожденіе Франціи. Какъ тайна не всегда хранится о дѣлахъ въ Совѣтѣ разсуждаемыхъ, то графъ Адемаръ огорчился на г. Пита и жаловался всѣмъ о его неблагодарности, которая основана была на томъ, что г. Пита самъ король Французской и все тамошнее министерство отмѣнно ласкали, когда онъ, уѣхавъ изъ Англіи (чтобы не принять министерства, которое тогда на него навязывали), былъ нѣсколько дней въ Фонтенебло.

Мнѣ кажется, что Англичане недовольны поступкомъ Гановерцовъ. За долгъ почитаю увѣдомить васъ, что ба-

ронъ Альвенслебенъ, управляющій министръ дѣлами Гановерскими, съ коимъ единымъ король о Нѣмецкихъ дѣлахъ совѣтуетъ, есть подданный короля Пруского, будучи изъ земли Магдебургской; что племянникъ и наслѣдникъ его находится теперь Прускимъ министромъ въ Саксоніи, изъ чего ваше сіятельство можете легко понять, въ какихъ рукахъ курфирстъ *) Гановерскій находится.

Я свѣдалъ отъ вѣрной особы, что король Пруской писалъ письмо къ здѣшнему, лаская его несказанно и уговаривая, дабы, какъ курфирстъ, вступился бы на защищеніе упадающей Германской вольности. Здѣсь находится нѣкто баронъ Секендорфъ, который живетъ будто для окончанія счетовъ по субсидіямъ маркграфа Аншпахскаго, а въ самомъ дѣлѣ интригуетъ за короля Пруского разными каналами, а не чрезъ Аглицкое министерство.

---

*) Т. е. тотъ же король Англійскій Георгъ III-й.

3.

Лондонъ, 8 (19) Августа 1785.

Соображая всѣ трудности отвлечь короля отъ заключеннаго уже можетъ быть (какъ я подозрѣвалъ) за Гановеръ въ Берлинѣ трактата, зная его упрямство, вѣдая пристрастіе королевы къ Прусіи, а паче всего ненависть короля къ императору, которая потушила ту, что̀ долго имѣлъ къ королю Прускому, и наконецъ, какъ мужъ и жена водимы подъ рукою Нѣмцами, преданными Берлину, рѣшился я прибѣгнуть, не откладывая нимало, къ Питу, съ которымъ, какъ вы знаете, я имѣлъ счастіе познакомиться и пріучить его слушать представленія о дѣлахъ политическихъ, въ кои доселева онъ не вмѣшивался, да и теперь не имѣетъ охоты оными упражняться, скольбы надлежало для благополучія Англіи. Онъ тогда за два дни токмо какъ отъѣхалъ въ деревню, 140 миль отсель отстоящую, къ матери своей, которая была больна при смерти. Я отправилъ къ нему въ туже ночь курьеромъ Погенполя съ письмомъ и сообщилъ ему приономъ копію съ выписки, что̀ сдѣлалъ для лорда Кармартена. На другой день, поѣхавъ къ статскому секретарю *), прочелъ я ему оную. Зная, сколь на императора здѣсь всѣ досадуютъ и полагаютъ, что онъ всячески Государыню отъ Англіи будто бы отвести старается, будучи ослѣпленъ Франціею, я изобразилъ единственнымъ числомъ что̀ въ письмѣ вице-канцлера было во множественномъ, отнеся на едину Императрицу то, что̀ они бы здѣсь протолковали на оба двора императорскіе, и какъ они Вѣнской никакъ другомъ сей земли не почита-

*) Т. е. лорду Кармартену.

ютъ и не надѣются ни на какія именемъ его обѣщанія, то моя выписка была бы безъ дѣйствія. Я окончилъ оную сильнымъ выраженіемъ, дабы принудить Аглицкое министерство напасть на короля за его поспѣшность Гановерскую и изъявилъ именно, что сію-то Гановерскую съ Берлиномъ связь надо рушить: ибо они здѣсь думаютъ оправдаться, говоря, что все сіе не есть Аглицкое дѣло и что сія земля за курфирста не отвѣчаетъ; а я, вопреки имъ, всегда доказывалъ, что пока курфирстъ и король нераздѣльно во единой особѣ находятся, то кто сердитъ на перваго, досаду дѣлитъ и на втораго и не можетъ быть друженъ съ землею, которою онъ управляетъ. Прочтя ему мою выписку, я напомнилъ ему мои предвѣщанія. Я нашелъ его въ изумленіи и въ огорченіи; ибо я долженъ признать, что онъ усердствуетъ дружбѣ нашихъ отечествъ. А при томъ примѣтилъ я, что онъ сіе дѣло еще не понимаетъ, ибо покушался меня увѣрять, что сіе не мѣшаетъ Россіи быть въ дружбѣ съ Англіей; но я прервалъ праздныя сіи разсужденія, сказавъ, что дѣло идетъ токмо о томъ, чтобы совѣтъ королевскій рѣшилъ, что̀ полезнѣе для Англіи: дружба Гановера съ Берлиномъ или Петербурга съ Лондономъ, что первая опровергаетъ до основанія вторую и чтобъ онъ подумалъ съ товарищами своими въ правленіи, какія вредныя могутъ быть слѣдствія, естьли Нѣмецкіе интересы превозмогутъ въ семъ случаѣ Аглицкіе. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что всѣ почти соучастники правленія разъѣхались по дальнимъ деревнямъ, что по нихъ по всѣхъ пошлютъ, а паче по г-на Пита, безъ коего ничего дѣлать не можно. . . . .

Потомъ, поѣхавъ ко лорду Сиднею, статскому секретарю внутренняго департамента и сообща ему полученныя мною повелѣнія, сказалъ я, что уповаю, что онъ окажетъ въ Совѣтѣ туже твердость въ защиту пользы Англіи, которую

онъ всегда къ славѣ своей и на пользу своего отечества въ парламентахъ оказывалъ; что онъ соучастникъ Совѣта, на который падетъ вся ненависть народная, когда Англія, въ противность явной своей выгодѣ, отдалится отъ Россіи.

Ввечеру того же дня былъ я у канцлера и сообщилъ оному, чтò дворъ нашъ отъ здѣшняго желаетъ, войдя при томъ во всѣ подробности нашей торговой и политической связи, отъ первой изъ коихъ сколь видимо сія земля пользуется и какую отъ другой можетъ имѣть сильную подпору. Я нашелъ, что онъ лучше первыхъ двухъ министровъ понялъ важность сего дѣла.

Со всѣмъ тѣмъ я началъ отчаяваться о удачѣ; ибо, получая со всѣхъ и вѣрныхъ сторонъ доказательства, какъ король окруженъ въ приватной своей жизни людьми совершенно преданными королю Прускому и зная, какъ онъ сильно упрямъ въ своихъ мнѣніяхъ, нельзя мнѣ было вѣрить, чтобъ Совѣтъ могъ его припудить въ дѣлѣ, которое онъ Нѣмецкимъ, а не Аглицкимъ почитаетъ. Чрезъ девять дней я наипаче въ томъ увѣрился, когда г-нъ Питъ, возвратясь въ городъ, просилъ меня запискою къ нему пріѣхать и когда въ два цѣлые часа, чтò мы вмѣстѣ были, нашелъ я его въ непритворномъ огорченіи и видѣлъ, что изъ благопристойности не упоминалъ онъ о упрямствѣ своего государя, но изъявлялъ мнѣ токмо, какъ трудно королю представить о нарушеніи трактата, котораго еще чернилы почти не засохли и который при томъ не подъ Аглицкимъ видомъ сдѣланъ. Тутъ я узналъ, что сей трактатъ уже совершился. Мы разстались съ условіемъ имѣть еще свиданіе прежде министеріальнаго отвѣта, чтò получу я отъ маркиза Кармартена.

На другой день, т. е. вчерась, увидясь съ симъ послѣднимъ (ибо былъ день конференціи, который чрезъ двѣ недѣли по Четвергамъ бываетъ), я нашелъ его въ великомъ

замѣшательствѣ. Я ему чистосердечно сказалъ, что никакъ не понимаю смысла его выраженіевъ, что прошу, дабы вновь истолковалъ бы мнѣ яснѣе, а между тѣмъ буду записывать его рѣчи. Онъ, согласясь на то, разъ пять принимался диктовать мнѣ и не докончa зачиналъ опять новымъ образомъ. Наконецъ, надиктовалъ мнѣ малыя строчки, кои для любопытства вамъ посылаю. Видя, что онъ, окончa ихъ, пересталъ говорить, сказалъ я ему искренно, какъ человѣку, съ коимъ привыкъ обходиться откровенно, что я сію записку за отвѣтъ не приемаю, что вижу его смущеніе и прошу его сдѣлать другую, изображающую отвѣтъ его государя на предложеніе что̀ я сдѣлалъ по повелѣнію Императрицы и надѣюсь, что онъ его сдѣлаетъ сходственно съ уваженіемъ, которое заслуживаетъ сія вопрошающая великая Государыня; что, имѣя въ тотъ же день у него обѣдать, я уповаю, что дастъ ввечеру сію отповѣдь.

Въ тотъ же день было во дворцѣ собраніе и, нашедъ г-на Пита, я разсказалъ ему что̀ у меня съ Кармартеномъ происходило. Онъ мнѣ сказалъ, что надѣется на правосудіе Государыни, что не вмѣститъ въ единый видъ двѣ земли и два народа, кои никакого между собою сношенія не имѣютъ кромѣ того, что имѣютъ единаго начальника, но что Гановеръ никогда Англію за собою не потащитъ. Я примѣтилъ, что онъ взялъ маркиза Кармартена на сторону и говорилъ съ нимъ долго. Обѣдавъ потомъ у сего статскаго секретаря, нашелъ я его спокойнѣе. Ввечеру онъ мнѣ вручилъ записку.

Неудача произошла отъ огорченія что̀ король имѣетъ на императора, отъ малаго увѣренія, что и мы къ сему двору имѣли: ибо они жалуются, что съ ними ни въ чемъ не содѣйствуемъ. Совсѣмъ тѣмъ я думаю, что естьли бы я могъ получить прежде повелѣніе, которое до меня дошло, когда уже все сдѣлано, Берлинское условіе могло даже еще быть

остановлено Англичанами; ибо, не имѣвъ повелѣнія, говорилъ я самъ собою, и мнѣ не вѣрили, чтобъ сіе было Государынѣ такъ противно; а между тѣмъ Нѣмцы короля затащили въ сѣти, коихъ онъ не видитъ и въ коихъ онъ теперь упрямствуетъ. Королева весьма набожна, окружена Нѣмецкими пасторами, кои выдаютъ себя за ученыхъ, а сихъ двухъ состояніевъ люди во всей Нѣмецкой землѣ фанатики суть хитраго Фредерика, который, пренебрегая законъ и духовныхъ, дурача непрестанно Германскихъ педантовъ, нашелъ однакожъ уловку увѣрить ихъ всѣхъ, что онъ одинъ ихъ покровитель. Таже королева имѣетъ при себѣ въ чинѣ чтеца нѣкоего ученаго человѣка, именемъ Deluc, родомъ изъ Женевы и коего весьма любитъ. Онъ писалъ о натуральной исторіи, и король Пруской, не читая конечно его сочиненія, написалъ ему превыхваляющее письмо, которое ему свернуло голову, какъ и покойному Даламберу, который съ тѣмъ умеръ, что нѣтъ государя добродѣтельнѣе, какъ король Пруской. Она еще имѣетъ одну женщину именемъ Швалембергъ, которую весьма горячо любитъ и другомъ себѣ почитаетъ. Сія, будучи Нѣмка и Протестантской вѣры, предана совсѣмъ королю Прускому. У сей-то ежедневно бываетъ сборище всѣхъ вышеозначенныхъ поборниковъ Прусіи. Тутъ, сверхъ того, стекаются разные скрытные Берлинскаго двора агенты, между коими баронъ Секендорфъ есть главный и который теперь, по просьбѣ королевы, выписалъ сюда жену свою изъ Германіи, что доказываетъ его намѣреніе долго здѣсь остаться. На сихъ собраніяхъ ежедневно также бываетъ сама королева и отъ сего сообщества не чувствительно сдѣлалась Прусачкою; а какъ она съ нѣкоего времени, хотя въ тайнѣ, но несумнѣнно пріобрѣтаетъ великую власть надъ своимъ супругомъ, то и недивно, что онъ перемѣнился. Король Пруской, какъ самъ, такъ и черезъ разныхъ Нѣмецкихъ князей, насылаетъ

сюда выдуманныя извѣстія, яко бы императоръ съ Государынею и королемъ Французскимъ въ тайнѣ согласны на нѣкоторыя важныя перемѣны въ Германіи; потомъ писалъ самъ къ королю Аглицкому весьма лестное письмо, дабы спасъ Германію, аки члепъ оной, отъ угрожающаго ей порабощенія. Гановерцы непрестанно ему твердятъ, что онъ одинъ можетъ своимъ примѣромъ ободрить прочихъ къ сопротивленію. Однимъ словомъ, ослѣпили его и заразили столь сильно его честолюбіе, что онъ мысленно уподобляетъ себя Вильгельму Третьему, который былъ глава и духъ Аугсбурской конфедераціи въ прошломъ столѣтіи противъ надмѣрнаго короля Французскаго. Такъ онъ думаетъ быть противъ императора, не подозрѣвая, что первую роль играетъ король Пруской, и онъ токмо его послѣдователь вкупѣ съ разными мелкими Нѣмецкими князьками.

Теперь осталось мнѣ показать вамъ способы, коими вся Аглицкая нація, вознегодовалъ на короля и министерство, принудила бы оное принудить короля къ разрушенію связи намъ непріятной, или оставить свои мѣста, чтò для короля всего опаснѣе: ибо онъ принужденъ будетъ взять дюка Портланда и Фокса (который первымъ управляетъ), а его величество сего послѣдняго безмѣрно ненавидитъ и, что пуще, онъ его принудитъ, отброся Прусію, съ Россіею соединиться. И такъ, не избѣжа того, чтò не хотѣлъ сдѣлать, будетъ еще имѣть ненавистное для него министерство. Ему нельзя, потерявъ Пита, не взять онаго; затѣмъ что никакое другое не можетъ устоять противъ нынѣшней опозиціи, когда съ оною соединится сынъ покойнаго лорда Чамата.

Предложите Фицгерберту *) чрезъ меня сдѣлать трактатъ оборонительной, но съ тѣмъ, чтобъ и Гановеръ вошелъ въ оной подъ видомъ, что никакъ персону короля и курфирста

---

*) Англійскому посланнику въ Россіи.

раздѣлить не можно, объявя при томъ, что коли на сіе не подадутся, то не возобновимъ трактатъ комерческой; напротивъ, сдѣлаемъ его съ Франціей и сближимся съ оною и въ политическихъ связяхъ. Дайте на то короткое время отвѣтствовать. Надо знать, что здѣшняя нація ни на что такъ не уважаетъ, какъ на торговлю, для которой всѣ прочіе интересы жертвуетъ, и что даже и тѣ сами, кои не участвуютъ въ какой ни есть отрасли оной, кричатъ, когда она пресѣчется, какъ будто у нихъ самихъ всю собственность отымаютъ. Аглицкая здѣсь съ Россіею торгующая компанія въ толь почтенномъ и цвѣтущемъ состояніи находится, что есть первая изо всѣхъ послѣ Остъ-индской, богатствомъ, важностью и кредитомъ конторъ, ее составляющихъ. Многіе члены изъ оной въ Нижней Каморѣ засѣдаютъ. Когда вы въ Петербургѣ объявите, что трактатъ торговый не возобновится, а между тѣмъ умышленно станете ласкать Французовъ и говорить о трактатѣ съ ними: здѣсь сіе свѣдаютъ на биржѣ отъ Петербургскихъ комисіонеровъ, вся оная взволнуется, пойдутъ адресы къ королю съ жалобами на него и на министерство, опозиція умножится членами сей компаніи и всѣми независимыми членами Парламента; однимъ словомъ, король принужденъ будетъ сдѣлать то, чтò намъ будетъ угодно. Я не вижу, чтò помѣшало бы двору нашему войтить въ обязательство съ державою, которая намъ никогда не вредила, можетъ, напротивъ, помогать по разнымъ случаямъ. Мы сильны на землѣ, она сильна на морѣ. Чтò можетъ тогда Франція сдѣлать своими флотами, коими токмо можетъ помогать Портѣ и Швеціи? Симъ же самымъ мы докажемъ королю Прускому, отвлеча отъ него Гановеръ, за коимъ пойдетъ всегда король и другія Нѣмецкія земли, что мы и силою, и негоціаціею его превозможемъ. Если же не соединимся съ сею землею, то, усиля короля Прускаго, мы не прі-

обрѣтемъ союзника искренняго на свою сторону; ибо тщетно будемъ ласкаться, чтобы Франція намъ и императору помогала или къ приращенію нашему усердствовала. За тѣмъ, зная, что сія коварная и ненавидящая насъ держава старается заключить съ нами трактатъ комерческой, усердно желаю, чтобъ у насъ на то никогда не подавались.

Не дозволяйте, ради Бога, Французской націи вселяться въ нашихъ портахъ, а паче Черноморскихъ, гдѣ они со временемъ будутъ на пагубу нашу. Да и во всей Россіи она расплодится такъ своими модными товарами (безъ коихъ мы можемъ и должны обойтиться, когда разумъ имѣемъ), не токмо высосетъ всѣ наши деньги, но, что̀ хуже, развратитъ наши нравы, пріуча насъ къ своимъ вздорнымъ вещамъ, заведетъ контрабанду, обирая насъ и обкрадывая корону; наконецъ, офранцузитъ насъ такъ, что мы будемъ, или дѣти наши, всею душою и тѣломъ въ той же зависимости, въ которой Португалія отъ Англіи находится. Я знаю, что сіе неизбѣжно и что поздно или рано мы будемъ въ рукахъ сей коварной націи; но Государыня, сдѣлавъ намъ уже много милостей, да совершитъ свои благодѣянія, удаливъ развращеніе нашихъ нравовъ. Никто съ Французами не былъ въ связи, не потерявъ свою непорочность, славу и независимость. Генуя, Голандія и Швейцарія то свидѣтельствуютъ, гдѣ, по мѣрѣ усилія Французской инфлюенціи, добрая вѣра исчезаетъ и всѣ развращенія умножаются *).

---

*) Эти отзывы, отчасти оправданные позднѣйшимъ ходомъ дѣлъ въ Россіи, тѣмъ замѣчательнѣе, что еще въ ранней молодости графъ Воронцовъ могъ близко наблюдать Дугласовъ, Деоновъ и братію въ домѣ своего дяди-канцлера.

4.

Изъ Лондона, 30 Сентября (11 Октября) 1785 г.

Вамъ конечно извѣстно уже давно, что здѣшній дворъ желаетъ выдать одну изъ Аглинскихъ принцессъ за Датскаго наслѣдника, которому Еліотъ, бывшій въ Даніи Аглинскимъ министромъ, описывалъ старшую дочь здѣшняго короля, аки весьма прекрасную принцессу, что̀ и правда. Но какъ сей наслѣдникъ находится хотя въ нѣкоемъ принужденномъ и незаконномъ обязательствѣ съ Прускою принцессою (взирая на недозрѣлыя его лѣта, когда его подписать сіе обязательство королева Юлія принудила) и какъ графъ Берисдорфъ безъ согласія Россіи ни на какое родство сего наслѣдника допускать не станетъ, то Еліотъ работалъ о семъ дѣлѣ мимо сего министра съ графомъ Шакомъ. Извѣстно вамъ, что король Пруской ненавидитъ графа Бернсдорфа. Теперь сія ненависть наипаче умножилась за отказъ, что̀ Данія ему учинила въ приступленіи къ Берлинской конфедераціи. Сей мстительный государь навелъ и здѣшняго ненавидѣть Датскаго иностранныхъ дѣлъ министра, и конечно они оба, съ помощью графа Шака, постараются его низвергнуть. Я знаю, что Аглинской король весьма дурно о графѣ Бернсдорфѣ началъ отзываться, какъ за неприступленіе къ Берлинскому трактату, такъ и за то, что онъ весьма къ Россіи привязанъ, и что въ теперешнемъ положеніи дѣлъ помѣшалъ супружеству, столь желаемому. Затѣмъ опасаюсь я, чтобы здѣшній дворъ и Берлинской не содѣйствовали вмѣстѣ для низверженія вышепомянутаго графа, въ чемъ имъ будетъ помогать въ Даніи графъ Шакъ, которой внутренно Бернсдорфа ненавидитъ. Я увѣдомилъ о семъ (нашего) въ Даніи министра и за долгъ почитаю донести мои подозрѣнія.

5.

Лондонъ, 18 (29) Ноября 1785 г.

Я свѣдалъ, что между причинами, побудившими здѣшнее министерство отправить курьера въ Петербургъ, есть повелѣніе Фицгерберту оправдаться предъ нашимъ дворомъ въ клеветахъ, что̀ на Аглицкой дѣлаютъ, аки бы оной предлагалъ Французскому содѣйствовать вмѣстѣ и не допускать наши эскадры, когда оныя въ Средиземное море посланы будутъ; что сія клевета выдумана была будто Симолинымъ *), и что извѣстіе было о томъ получено изъ Берлина. Естьли Симолинъ вамъ сіе писалъ, то конечно по поводу откровенности правдивой или притворной графа Верженя: ибо не можетъ быть, чтобъ онъ сіе доносилъ безъ основанія, и какъ конечно депеша его была писана въ шифрахъ, и естьли король Пруской о томъ увѣдомилъ, то надо признаться, что онъ имѣетъ ключь нашихъ шифровъ или друзей въ Петербургѣ, кои его увѣдомляютъ.

---

*) Симолинъ былъ въ это время нашимъ посланникомъ въ Парижѣ.

Архивъ Князя Воронцова, XVI. 13.

6.

Лондонъ, 19 (30) Декабря 1785 г.

Отъ Симолина я получилъ въ отвѣтъ, что графъ Верженъ не токмо ему, но и графу Мерсію сообщалъ Аглицкое предложеніе. Пользуясь симъ случаемъ, чтобы узнать правду и показать г-ну Питу, въ какую пропасть нечувствительно заводятъ Англію, я сдѣлалъ краткую выписку изъ вышеозначеннаго отвѣта и сказалъ ему въ концѣ нашего разговора о королѣ Прускомъ: „Я не знаю, сдѣлано ли было отъ сей земли или нѣтъ предложеніе Французскому двору, о которомъ вручаю вамъ выписку для собственнаго вашего свѣдѣнія и въ знакъ моей къ вамъ довѣренности. Когда сдѣлано, то Францiя васъ предаетъ; естьли же того не бывало, то она васъ клеветать старается, и слѣдовательно въ обоихъ случаяхъ вы можете познать ясно, сколь вамъ на нее полагаться можно". Онъ, прочтя врученную мною бумагу, былъ въ неописанномъ удивленіи и вскричалъ: „По истинѣ сіе есть клевета пресовершенная! Я васъ увѣряю, что о семъ дѣлѣ ничего не знаю и что безъ меня, какъ и безъ всѣхъ членовъ Совѣта, никто бы изъ министерства не отважился на толь важную и безразсудную мѣру. Я слышалъ, что г. Симолинъ писалъ о семъ въ Россію и думалъ, что то учинилъ по фальшивымъ слухамъ, а не по сообщенію двора, при коемъ онъ находится; но вѣрьте мнѣ (продолжалъ онъ, браня Францію), что сіе на насъ преподлымъ образомъ всклепали". Онъ неоднократно удивлялся, какъ можно толь безчестно дѣйствовать, прибавляя всегда, что уповаетъ на прозорливость Государыни, которая возбранитъ ей вѣрить толь гнуснымъ и невѣроятнымъ внушеніямъ двора,

издавна желающаго перессорить всѣ державы, дабы тѣмъ лучше управлять оными. Потомъ благодарилъ онъ меня за сіе сообщеніе. Я тутъ ему примѣтилъ, что когда есть дворы, кои противу Англіи у насъ внушаютъ, то конечно другіе суть, кои противу Россіи и здѣсь стараются; что естьли не будемъ мы взаимно откровенны и не станемъ сообщать другъ другу злыя внушенія тѣхъ, кои перессорить насъ желаютъ, нечувствительно одна отъ другой наши земли отдаляться станутъ. Затѣмъ, я прошу его поступать со мною, какъ я съ нимъ поступилъ въ семъ случаѣ. Онъ далъ мнѣ слово сообщать мнѣ подобныя противу Россіи здѣсь внушенія, увѣряя меня честію, что по сіе время никто ему такихъ не дѣлалъ. Съ симъ обязательствомъ мы разстались. Ваше сіятельство много мнѣ здѣсь поможете, когда скажете Фицгерберту, какъ я хвалюсь предъ вами доброжелательствомъ г. Пита сохранить дружбу между обоими дворами, и естьли мнѣ напишете письмо на нашемъ языкѣ, дабы не примѣчена была афектація и во ономъ что ни на есть лестнаго для него изъявить изволите, какъ наприм. что у насъ всегда почитали добродѣтель и превосходные таланты отца и видятъ съ удовольствіемъ, что и сынъ тѣмъ же отличается, и другія подобныя выраженія, кои всеконечно лучше и приличнѣе моего сочините. Затѣмъ желаю имѣть сіе письмо порусски, что знаю, что онъ читаетъ всегда здѣшнюю перлюстрацію, а переводчиковъ знающихъ нашъ языкъ здѣсь довольно въ Аглицкомъ кабинетѣ.

7.

Лондонъ, Декабря 19 (30) 1785.

Препровождая при семъ съ курьеромъ Коновницынымъ рисунокъ машины для поднятія воды паромъ, изобрѣтенной находящимся здѣсь Русскимъ механикомъ Львомъ Собакинымъ, который въ прошломъ году былъ сюды присланъ по имянному Е. И. В. повелѣнію, во первыхъ доношу вашему с—ву, что модель сей машины, имъ же самимъ сдѣланная въ мѣди, была показана многимъ славнымъ здѣшнимъ механикамъ, кои всѣ сказали, что простыя и толь хорошо соотвѣтствующія намѣренію оной правила явно доказываютъ, что изобрѣтатель имѣетъ отмѣнную остроту и склонность къ механикѣ; второе, подобной же рисунокъ сей машины былъ представленъ здѣшнему королю, который также имъ былъ очень доволенъ и оказалъ желаніе видѣть модель въ самомъ дѣйствіи оной. Сей механикъ, не смотря на то, что ему уже за сорокъ лѣтъ, съ неусыпнымъ раченіемъ прилежаетъ къ изученію Аглицкаго языка и начальныхъ частей математики, нужныхъ къ чтенію механическихъ книгъ, кои всѣ писаны здѣсь математическимъ порядкомъ. Дѣйствительно, сожалѣть должно, что на мѣстѣ его рожденія, т. е. въ Старицѣ *), не имѣлъ онъ случая получить лучшее воспитаніе; но со всѣмъ тѣмъ неутомимое его стараніе и ревностная охота къ пріобрѣтенію знаній въ механикѣ, кажется, увѣряютъ, что онъ со временемъ въ состояніи будетъ изобрѣсть что ни на есть весьма полезное: ибо всѣ его изобрѣтенія, какъ то сія

---

*) Можетъ быть, гр. Воронцовъ лично зналъ Собакина, проживая въ 1765 году у дяди своего въ Тверскомъ селѣ Кимрахъ, по близости отъ Старицы.

машина и другая, которую онъ изобрѣлъ, колотить сваи и пр., доказываютъ, что онъ болѣе склоненъ къ изобрѣтенію вещей полезныхъ, нежели забавныхъ. И какъ в. с—во, по врожденной вашей склонности благодѣтельствовать достойнымъ, и прежде доставили двумъ Русскимъ механикамъ случай воспользоваться императорскою щедротою, то прошу покорнѣйше къ одобренію и сего, которой дѣйствительно обѣщаетъ пользы отечеству болѣе еще оныхъ, представя сей рисунокъ съ описаніемъ Ея И. В., исходатайствовать высокомонаршее благоволеніе и нѣкоторую помочь; поелику онъ, для лучшаго изученія механики, поѣдетъ въ Единбургъ, что̀ его, какъ на дорогу, такъ и на платежъ учителей, заведетъ въ лишнія издержки; ему же, возвращаясь на будущій годъ въ Россію, надо будетъ завестись разными инструментами.

Приложеннаго рисунка не имѣется; но на письмѣ помѣта, изъ которой видно, что Собакину пожаловано сто фунтовъ стерлинговъ.

8.

Лондонъ, Декабря 19 (30) 1785.

Здѣсь находится уже девять лѣтъ молодой человѣкъ изъ Россійскаго дворянства, Юрій Алексѣевичъ Бахметевъ *), сынъ покойнаго Бахметева Алексѣя Ивановича, что̀ былъ въ Москвѣ при Соляной Конторѣ. Въ 1776 году отецъ его, съ извѣстнымъ вамъ Софійскимъ протоіереемъ Самборскимъ, отправилъ его въ Англію съ тѣмъ, чтобы онъ, выучась тамъ нужнымъ языкамъ, старался бы пріобрѣсти хорошее знаніе въ медицинѣ и получить въ оной градусъ доктора. Я нахожу, что сей молодой человѣкъ, обучась въ Лондонѣ или близъ онаго Аглицкому, Латинскому и Греческому языкамъ, отправился потомъ въ Единбургъ для пріобрѣтенія успѣховъ въ медицинѣ, гдѣ и пробылъ уже около пяти лѣтъ. Слѣдующимъ лѣтомъ намѣренъ онъ принять степень докторскую. Ваше с—во изволите знать, что при семъ случаѣ онъ долженъ будетъ сочинить рѣчь. Прошлаго Августа пріѣзжалъ онъ въ Лондонъ просить дозволенія приписать мнѣ оную; но какъ ваше с—во изволите знать, что посвященіе сей рѣчи Ея Величеству составило бы ему особое счастіе, то я, имѣя личныя и письменныя засвидѣтельствованія ревности его къ наукамъ и слыша, что прилежаніе, острота и хорошее всегда поведеніе сего молодаго человѣка заслуживаютъ всякое ободреніе, смѣю трудить васъ объ исходатайствованіи ему для сего дозволенія Ея И. Величества. Симъ ваше сіятельство сдѣлаете мнѣ крайнее обязательство.

---

*) Это родной и бездѣтный дядя извѣстнаго въ наши дни попечителя Московскаго Университета, Алексѣя Николаевича Бахметева.

9.

Лондонъ, 19 (30) Декабря 1785.

Повелѣваете мнѣ объясниться съ Аглицкимъ министерствомъ о здѣшнихъ ссылочныхъ, коихъ у насъ на поселеніе примать желаютъ. Но какъ ихъ прежде будущей весны отправить къ намъ не можно, то и не спѣшу о томъ говорить для причинъ, кои изъ сего письма примѣтить изволите. Сіи осужденные въ ссылку изъ Англіи отправляемы были сперва въ Канаду и Новую Шкотландію; но, испытавъ, что сіи злодѣи нигдѣ и ни къ чему негодны, стали отправлять ихъ въ Африку. Капитаны купеческихъ судовъ, торгующіе въ тѣхъ мѣстахъ, брали ихъ на свое иждивеніе и попеченіе и, отвозя ихъ въ Гинею и на другіе западной Африки берега, продавали въ работу или мѣняли на Негровъ, коими сіи капитаны торгуютъ въ островахъ Вестъ-Индіи. Но и сей случай прекратился, ибо и въ Гинеѣ никто ужъ ихъ брать не хочетъ. Число ихъ ежегодно бываетъ отъ 90 до 110 человѣкъ, въ числѣ коихъ женщинъ 8 или 10 обыкновенно бываетъ. Позвольте себѣ представить слабое мое разсужденіе о семъ дѣлѣ. Какая можетъ быть польза пространной имперіи нашей, пріобрѣтая ежегодно 90 или 100 злодѣевъ, извергов, можно сказать, рода человѣческаго, кои ни къ хлѣбопашеству, ни къ рукодѣлію неспособны и кои кромѣ грабежей и смертоубивствъ ни къ чему негодятся, ниже къ расплоду своего роду неспособны, будучи всѣ почти наполнены всѣми болѣзнями, кои за мерзкою ихъ жизнію обыкновенно слѣдуютъ? Они будутъ въ тягость правленію и на вредъ прочихъ обывателей; напрасно казна будетъ тратить иждивеніе на жилища и на прокормленіе сихъ новыхъ гайда-

маковъ; да еще надо будетъ умножить разъѣзды и караулы въ той странѣ, гдѣ ихъ поселять намѣряются и гдѣ безъ того они хуже съ нашими спокойно живущими земляками поступать станутъ, нежели бывало Запорожцы съ Поляками на Украйнѣ. Прибавьте къ тому еще: прилично ли, чтобъ въ свѣтѣ думали, что въ счастливое и славное царствіе Великой Екатерины Россія служитъ ссылкою Англіи и что ничѣмъ неславный и еще менѣе великій Георгій Третій осуждаетъ своихъ преступниковъ наказаніемъ ссылки равномѣрно въ Россію, какъ и на Африканскіе берега? Имя Россіи будетъ въ Европѣ какъ въ жестокое царствіе императрицы Анны было у насъ имя Сибири. Я увѣренъ, что тѣ, кои подкрѣпили у насъ сдѣланное отсель предложеніе, сами были обмануты невѣдѣніемъ всѣхъ обстоятельствъ; ибо ни они бы сіе не подкрѣпили, и Государыня, которая толь изобилуетъ разумомъ, прозорливостью и достодолжнымъ честолюбіемъ, отвергнула бы сіе предложеніе. Меня движетъ въ семъ случаѣ привязанность моя къ Государынѣ и къ моему отечеству, усердіе мое къ славѣ обоихъ.

---

10. *)

Лондонъ, 19 (30) Декабря 1785

Я вамъ долженъ примѣтить, что дѣйствительно, по упрямству, слѣпотѣ и пристрастію къ Прусіи здѣшняго царя, нельзя никакъ надѣяться имѣть союзъ съ Англіею; а безъ того я не знаю, что̀ бы могло мѣшать оному: ибо опасаться, что сіе сближитъ Берлинъ съ Версальемъ сіе есть опасаться дѣла уже сдѣланнаго. Вѣрьте, что сіи дворы весьма согласны. Здѣсь Пруской король усерднѣе еще за Францію старается, нежели у насъ въ послѣднія времена графа Панина. Что̀ касается до торговаго трактата съ Франціею, то, прося у васъ извиненія, я признаюсь, что не вижу нужды дѣлать его съ державою, которая, по истиннымъ своимъ интересамъ, въ коихъ никогда не ошибается, насъ ненавидитъ и которая, мало у насъ покупая, продаетъ намъ весьма много. Сверхъ же того я думаю, что весьма вредно допускать Французовъ въ Черноморскія наши гавани: мы сами вселимъ туды вредныхъ для насъ шпіоновъ.

Радуюсь, что имѣете при себѣ господина Трощинскаго, коего я давно репутаціею знаю. Съ нимъ для Русскихъ бумагъ, а съ Сожи для Французскихъ ваше сіятельство можете полагаться на сохраненіе тайны. Сіе письмо для васъ токмо писано; затѣмъ подтвержу вамъ, что все, что̀ кромѣ вашей канцелярiи дѣлается, извѣстно въ Берлинѣ и оттоль сообщается не министерству, а королю прямо. Сей заставляетъ меня вѣрить метампсихозѣ; ибо, взирая на его

---

*) Это письмо одного числа съ предъидущими. Случалось, что, желая воспользоваться надежнымъ случаемъ отправки, графъ Воронцовъ въ одинъ и тотъ же день и къ тому же лицу писалъ по нѣскольку писемъ.

страсть къ королю Прускому, кажется, что душа Петра Третьяго переселилась въ его тѣло. Холодность въ дѣлахъ Фицгерберта доказываетъ его благоразуміе. Онъ, чувствуя конечно неблагопристойное и вредное для Англіи поведеніе своего государя, долженъ избѣгать всякія объясненія и какъ можно стараться держать себя въ отдаленіи всякихъ переговоровъ. Французы опять начали разглашать, что Государыня не здорова и не долговѣчна. Сіи слухи изъ Парижа сюды приходятъ, а изъ Берлина, что Ея Величество къ Вѣнскому двору, а вся Россійская нація (опричь васъ, брата моего; нѣсколько другихъ, гдѣ и я нахожусь, кои всѣ закуплены Вѣною) привязана къ королю Прускому и что сія новая система не можетъ продлиться въ Россіи. Насъ всѣхъ подкупленныхъ угрожаютъ Сибирью.

11.

Лондонъ, 11 (22) Августа 1786.

Третьяго дня явился ко мнѣ нѣкій Ирланецъ, именемъ Дилонъ, объявляя, что присланъ отъ принца Линья, коему, по его сказкамъ, Государыня пожаловать изволила пространныя въ Крыму земли, для населенія коихъ онъ имѣетъ повелѣніе примать здѣсь въ ссылку и на каторгу осужденныхъ, да еще скитающихся по Лондону Араповъ, и что изъ учтивости токмо меня увѣдомляетъ, не имѣя нужды въ моемъ пособіи, зная коль готово Аглицкое правленіе выдавать оныхъ всѣмъ, кои ихъ примать желаютъ: ибо зна-

ли, что отъ здѣшней стороны предложено было о томъ императору, но что сей государь отказалъ принять въ свою землю людей, на каторгу осужденныхъ. Тутъ я у него спросилъ, думаетъ ли онъ, чтобъ Государыня менѣе нежели императоръ уважала на достоинство и благоустройство своей имперіи. Онъ отвѣчалъ, что императоръ то учинилъ по пустому предубѣжденію, но что онъ знаетъ заподлинно соизволеніе Государыни: ибо принцъ Линь писалъ о семъ дѣлѣ къ князю Потемкину и что Ея Императорское Величество на то согласна. На что я ему сказалъ, что, не получа никакого о томъ повелѣнія, думаю совсѣмъ противное его увѣреніямъ. Тутъ онъ покушался меня увѣрять, какъ сіе весьма полезно будетъ для Россіи, гдѣ надобны токмо люди, не разбирая какіе бы то ни были; а я, потерявъ терпѣніе, отправилъ его съ выраженіями, кои дали ему восчувствовать неблагопристойность и наглость, съ коими онъ и кто его послалъ употребляютъ имя Ея Императорскаго Величества на сумазбродныя ихъ предпріятія.

Ваше сіятельство помните, я надѣюсь, мое къ вамъ о сихъ каторжныхъ представленіе. Я опасаюсь теперь, что, не смотря на оное, сіе дѣло можетъ исполниться къ стыду и на вредъ Россіи, безъ вѣдома оной, естьли не возьмутъ на то у насъ строгой предосторожности: ибо, какъ здѣсь правленіе даетъ еще награжденіе всѣмъ частнымъ людямъ, кои сихъ извергов изъ Англіи вывозятъ, то сей Дилонъ или кто другой можетъ ихъ взять и подъ именемъ колонистовъ принца Линья привезти въ Крымъ для населенія его земель; а тамъ, не зная, что они разбойники, примутъ ихъ аки добрыхъ поселянъ. Здѣсь же и во всей Европѣ свѣдаютъ, какими уродами селится Таврическое царство, гдѣ между тѣмъ надо будетъ съ трудомъ охранять старыхъ поселянъ отъ сихъ разбойниковъ, кои, не зная никакого ремесла, ниже хлѣбопашества, обезсилены

будучи болѣзнями отъ распутной жизни, должны будутъ по привычкѣ и необходимости питаться старыми ремеслами, т. е. воровствомъ и мошенничествомъ. Государыня истребить изволила вредное общество Запорожцевъ, а принцъ Линь хочетъ во владѣніе ея вселять Аглицкихъ и Арабскихъ гайдамаковъ: ибо сихъ послѣднихъ, коихъ довольно бродягами здѣсь находится и коихъ тоже намѣреваются выслать, они также къ намъ въ Крымъ переселять желаютъ.

12.

Лондонъ, 18 (29) Августа 1786.

Пріискать человѣка способнаго для расшифрованія цифиръ весьма трудно, ибо надобно найтить преискуснаго въ исчисленіяхъ Алгебры и чтобъ зналъ къ тому сверхъ своего хотя по крайней мѣрѣ языкъ Французской, да чтобъ былъ при томъ скроменъ и пресовершенно честенъ. Здѣсь въ Лондонѣ такой не встрѣтится, поелику всѣ занимаются токмо Парламентомъ, торговлею, мануфактурами и весельями. Есть и здѣсь ученые, и между ими, можетъ быть, и алгебристъ случится; но всѣ, кои знаютъ, или знатны породою и богатствомъ, или такіе, что, имѣя другія упражненія и чѣмъ жить достаточно, въ забаву Алгеброю занимаются и изъ отечества въ дальній край не переселятся. Надобно ихъ искать въ Кембриджѣ, въ Единбургѣ и Гласговѣ. Я далъ въ сіи мѣста разнымъ людямъ комиссіи о пріисканіи надобнаго вамъ человѣка. Между наилучшими буду искать наилучшаго и, отобравъ отъ него цѣну и про-

чія условія, донесу вамъ. Когда станутъ спрашивать, на какую потребу я ищу алгебриста, отвѣчать буду, что не вѣдаю, а подозрѣваю, что для обученія великихъ князей верхнихъ частей Матсматики.—Искусный ученый человѣкъ никакъ отсель не поѣдетъ безъ большаго жалованья и по меньшей мѣрѣ 600 фунтовъ стерлинговъ будетъ требовать, что 3600 р. составляетъ. Я увѣренъ, что не въ сей суммѣ будетъ затрудненіе; ибо, чужому ли, своему ли, кто въ томъ важномъ дѣлѣ упражняться будетъ, надо конечно не уважать на штаты жалованья, а на охраненіе сего человѣка отъ иностранныхъ искушеніевъ, для коихъ иностранные у насъ министры въ предложеніи ему наградъ за измѣну скупы не будутъ; но опасность моя состоитъ въ томъ, что Агличане вообще неугомоннаго нрава и что трудно съ ними ужиться, а между тѣмъ что ихъ будемъ перемѣнять, ни одинъ не успѣетъ въ дѣлѣ, къ которому употребить его желаютъ; ибо, какъ бы онъ ни былъ искусенъ въ самыхъ верхнихъ частяхъ Алгебры, должно будетъ ему нѣсколько времени у господина Епинуса поучиться правиламъ составленія шифровъ и разобранія оныхъ.

13.

Лондонъ, 5 (16) Марта 1787.

Долгой миръ, коимъ король и министры обнадеживаютъ націю, устрашаетъ морскихъ офицеровъ, изъ коихъ многіе приходятъ и просятъ службы нашей; но я, не имѣя о томъ никакого повелѣнія, отсылаю, говоря, что не имѣю на то инструкціи. Позвольте мнѣ, въ откровенности и какъ другу, сказать на то мое мнѣніе. Я бы весьма желалъ, чтобъ въ армію у насъ брали всѣхъ офицеровъ, кои изъ Пруской службы въ нашу бы пожелали, равномѣрно изъ Аглицкаго флота охотно бы съ выгодами бралъ желающихъ служить въ нашемъ. Вы конечно знаете, что ниже четвертой доли нашихъ флотскихъ офицеровъ не осталось изъ тѣхъ, кои въ прошедшую войну служили, ибо разошлись или по намѣстничествамъ или въ отставку; а сія служба требуетъ большой практики для полученія въ ней знанія. Естьли бы у насъ рѣшились брать здѣшнихъ мичмановъ въ лейтенанты, поручиковъ въ капитанъ-лейтенанты втораго ранга, смотря по ихъ здѣсь репутаціи и старшинству въ Аглицкомъ флотѣ (ибо здѣсь изъ поручиковъ прямо идутъ въ капитаны, а при семъ чинѣ можно сказать, что здѣсь уже фортуна человѣка сдѣлана), я вамъ смѣло ручаюсь, что дурныхъ офицеровъ къ вамъ не отправлю; ибо знакомъ я съ адмиралами Говъ и Родней и весьма знакомъ съ лучшими пріятелями адмирала Барингтона; а какъ они три суть первые здѣсь искусствомъ, то всегда бы зналъ мнѣнія сихъ адмираловъ о офицерахъ, кои къ намъ желаютъ, прежде нежели вамъ доносить объ оныхъ.

11.

Лондонъ, 20 Апрѣля (1 Мая) 1787.

Уже давно, какъ получилъ я письмо отъ адмирала Кутузова, коимъ просилъ онъ меня пріискать искуснаго человѣка въ Алгебрѣ для показанія сей науки въ Морскомъ нашемъ Кадетскомъ Корпусѣ, и что, какъ онъ сіе мнѣ пишетъ съ дозволенія Государыни, которое получилъ чрезъ ваше сіятельство, то чтобъ я къ вамъ послалъ и требованія сего алгебриста, когда пріищу онаго. Не будучи въ состояніи самъ судить о искусствѣ такого человѣка, просилъ я въ томъ помощи у разныхъ здѣшнихъ ученыхъ. Межъ многими алгебристами, чтò мнѣ рекомендовали, есть одинъ, коего болѣе всѣхъ похваляютъ и о коемъ спрашивая мнѣніе г-на Маскелина (королевскаго въ Гренвичѣ астронома, человѣка весьма искуснаго въ Алгебрѣ), я получилъ письменной о немъ атестатъ, переводъ съ коего при семъ прилагаю. Видясь послѣ сего съ г-номъ Маскелиномъ, я свѣдалъ отъ него, что сей человѣкъ, кромѣ искусства своего въ вышеозначенной наукѣ, есть еще при томъ весьма тихаго и честнаго нрава, былъ гувернеромъ у молодаго г-на Пита, который былъ въ Россіи во время посланничества г-на Гариса, но тогда же онъ оставилъ своего воспитанника; что теперь имѣетъ вѣрное и весьма достаточное церковное мѣсто, которое однакожъ онъ оставить соглашается, когда ему дадутъ у насъ жалованье, награждающее вѣрный доходъ, чтò переѣздомъ въ Россію онъ потеряетъ. Кажется, что менѣе 600 фунтовъ стерлинговъ ежегоднаго жалованья дать ему не можно. Имя алгебриста—Девисъ (Davis).

15.

Лондонъ, 12 (23) Августа 1787.

Конечно кромѣ Порты, Шведовъ и не далеко видящаго короля Гишпанскаго, нѣтъ двора въ Европѣ, которой бы могъ желать усиленія Французскаго двора. Естьли сей обезсилитъ Англію, которая одна держитъ его въ нѣкоторой принужденной кротости, онъ тогда конечно будетъ для всѣхъ несноснѣе, нежели былъ еще во времена надменнаго Лудвига Четырнадцатаго, тѣмъ паче, что въ Германіи есть двѣ силы, одна другой завиствующія, Австрія и Прусія, кои никогда, за враждою между ими продолжающеюся, не согласятся на противоборство противу Франціи: ибо Берлинской дворъ, для вѣрнѣйшаго сохраненія Шлезіи и вѣрнѣйшаго обезсиленія Австріи, съ удовольствіемъ будетъ взирать на завоеваніе Франціею Фландріи и Брабанта. Вы конечно признаетесь, что Англія никогда въ постороннія дѣла не мѣшалась; но сего не можно сказать про ея соперницу. Воззрите на Швецію и Турцію, гдѣ такъ усердно она дѣйствуетъ. Естьли теперь она посылаетъ офицеровъ артилерійскихъ, инженерныхъ, строителей кораблей къ Туркамъ, что же она станетъ дѣлать, когда не будетъ бояться Англіи и когда Германія раздѣлена на разныя и несогласныя между собою силы?

16.

Лондонъ, 1 (12) Сентября 1787.

Кромѣ честныхъ и благороднаго духа министровъ, кои меня честію увѣряли, что никакъ и никогда не приказано было здѣшнему въ Турціи послу противъ нась дѣйствовать, я не вижу, что̀ Англія можетъ выиграть, поссорясь съ нами и заведя войну, отъ которой ей ничего себѣ полезнаго ожидать не можно. Она ли неотступно въ 1782 году Туркамъ кричала: Императорскіе два двора васъ истребить намѣрены! Вооружайтесь! Она ли посылала къ нимъ канонеровъ, инженеровъ, строителей кораблей и разнаго званія офицеровъ? Я увѣренъ, что Франція, которая все сіе дѣлала, не желала, чтобы Турки сами начали войну противъ Россіи и что ей сіе теперь весьма прискорбно; не для насъ, а для Турокъ, кои конечно будутъ разбиты. Но не въ силахъ ея было то удержать, и она не предвидѣла, что, ободряя и вооружая ихъ шесть лѣтъ сряду, они превзойдутъ цѣль, ею имъ назначенную; ибо сіи шалуны скорѣе могутъ быть двигнуты, нежели удержаны въ начатомъ движеніи. Но лишь сіе сдѣлалось, Французскій дворъ воспользовался по крайней мѣрѣ симъ непріятнымъ для него случаемъ, чтобъ свалить всю бѣду и ненависть на Англію, въ надеждѣ поссорить нашъ дворъ съ здѣшнимъ и притворяясь быть къ намъ усерднымъ, вмѣшаться въ будущую негоціацію мира, предлагая тогда свою коварную медіацію, въ продолженіи которой онъ будетъ стараться выходить Туркамъ сколь можно менѣе бѣдственныхъ кондиціевъ. Но я уповаю, что ваше сіятельство не послѣдуете примѣру графа Панина, который, когда не зналъ какъ развязаться съ Турками и съ Стахіевымъ, прибѣгнулъ къ

Верженю и Сенъ-Пріесту, коихъ толь великолѣпно наградили за конвенцію, а шесть мѣсяцевъ спустя мы еще въ пущихъ недоразумѣніяхъ съ Турками остались, нежели прежде оной.

Я уповаю, что у насъ болѣ будутъ вѣрить дѣйствіямъ Франціи въ Швеціи и другихъ мѣстахъ, нежели лестнымъ ея увѣреніямъ. Надѣюсь тоже, что она не будетъ нашимъ медіаторомъ и что не будутъ у насъ дѣлать перемиріевъ, кои толь вредны: ибо потеря денегъ на содержаніе арміи за границею и, чтò пуще, потеря людей, кои болѣе отъ болѣзней, нежели отъ непріятеля помираютъ, столько же во время перемирія, какъ и въ полномъ дѣйствіи оружія бываетъ. Уповаю тоже, что не пошлютъ болѣе эскадры въ Архипелагъ, оставятъ Грузію, а всѣми силами на Дунаѣ и Чернымъ моремъ будутъ наносить наичувствительной вредъ врагамъ нашимъ. Лучше въ двухъ частяхъ тѣла бить дубиною, нежели палками щелкать по разнымъ частямъ онаго. Раздѣляясь, мы вездѣ будемъ слабы.

Какъ въ продолженіи сей начинающейся войны Французы и ихъ газетчики не преминутъ разглашать здѣсь все чтò можно будетъ имъ выдумать противу славы нашего оружія, я желалъ бы быть увѣдомленъ о операціяхъ нашихъ арміевъ. За тѣмъ покорно прошу ваше сіятельство сдѣлать мнѣ милость при случаѣ, когда будете писать къ графу Стакельбергу *), попросите его, дабы онъ мнѣ сообщалъ все чтò онъ объ оныхъ будетъ вѣдать. При томъ сдѣлайте мнѣ одолженіе, увѣдомя меня, сколько будетъ сооружено арміевъ и кто ими будетъ командовать. Дай Боже, чтобъ славный нашъ графъ Румянцовъ предводительствовалъ бы главною. Прощайте, живите здорово и весело.

---

*) Нашему посланнику въ Польшѣ.

17.

Лондонъ, 14 (25) Сентября 1787.

Господа Французы здѣсь увѣряютъ, что Турецкой флотъ можетъ овладѣть Севастополемъ, коего планъ и недовершенныя укрѣпленія, они сказываютъ, Туркамъ извѣстны. Позвольте мнѣ изъявить вамъ мое удивленіе, что въ Севастополѣ позволяютъ купеческимъ судамъ, купцамъ и консуламъ иностраннымъ имѣть пребываніе. Сіе не дозволяется ни въ какомъ военномъ портѣ здѣсь, во Франціи и въ Гишпаніи. Развѣ не довольно Керчи, Еникoлы, Ѳеодосіи, Балаклавы и Козлова для торговли, гдѣ бы купцы, консулы и суда имѣли свои пристанища? Я уповаю, что вы отдалите изъ военнаго нашего порта, гдѣ всѣ дѣлаются вооруженія, сіи гнѣзда шпіоновъ, кои поселились тамъ подъ именемъ купцовъ и консуловъ.

18.

Лондонъ, 8 (19) Октября 1787.

Покорно прошу ваше с-во приложенное доставить къ графу Петру Александровичу *), такъ какъ и зрительную трубку, что я ему же чрезъ сего курьера посылаю. Естьли вамъ будетъ вѣрной случай, то сдѣлайте мнѣ милость, сообщите мнѣ планъ нашихъ операціевъ. Король мнѣ сказалъ, что онъ имѣетъ извѣстіе о нашихъ арміяхъ, кто ими командуетъ и какъ они велики, прибавя съ насмѣшливою улыбкою, что онъ съ удивленіемъ увидѣлъ, что князь Потемкинъ имѣетъ превеликую, а графъ Румянцовъ весьма предъ оной малую. Я, не знавъ никакихъ обстоятельствъ, до сего касающихся, принужденъ былъ остаться въ молчаніи.

Здѣсь, хотя вооружаются съ великимъ жаромъ, но кажется, что миръ останется неразрывенъ, о чемъ я весьма жалѣю; ибо для насъ полезнѣе бы было, естьлибъ сія земля подралась съ Франціею. Смерть господина Верженя, развратя всѣ политическіе замыслы Франціи, произвела Голандскую революцію. Самъ Гарисъ пишетъ мнѣ въ откровенности, что, по смерти сего министра, Французы токмо что дурачества дѣлали въ Голандіи и тѣмъ помогали его работѣ. Конечно, Верженъ не дозволилъ бы патріотамъ арестовать принцессу Оранжскую, а велѣлъ бы имъ принять ее съ почтеніемъ, совѣтуя токмо усилить гарнизонъ въ Гагѣ, дабы она не могла сдѣлать возмущеніе, чѣмъ Пруской король отвращенъ бы былъ учинить то, что онъ сдѣлалъ, и партія Французская не была бы опрокинута. Сей

*) Румянцову-Задунайскому.

министръ шелъ всегда подкопами, а его наслѣдникъ хотѣлъ все взять штурмомъ. Верженъ такъ былъ искусенъ, что онъ увѣрилъ было здѣшнюю землю о дружбѣ къ ней Франціи; но графъ Монморенъ, видно по какой ни есть неосторожности, обнажилъ хитрые виды своего предмѣстника, такъ что г-нъ Питъ сказалъ одному своему пріятелю, что онъ уже никогда не будетъ вѣрить увѣреніямъ Франціи.

19.

Лондонъ, 29 Августа (9 Сентября) 1788.

Я давно къ в. с-ву не писалъ; но сіе происходило отъ удостовѣренія, что вы теперь должны быть весьма дѣлами озабочены, и слѣдовательно не должно мнѣ было утруждать васъ чтеніемъ ненужнаго писанія. Теперь пишу сіе письмо не къ кабинетъ-министру, не къ члену Совѣта, но къ графу Александру Андреевичу, котораго, по долговременному моему испытанію, я имѣю причину почитать искреннимъ моимъ другомъ. Будучи удостовѣренъ, что здѣсь желаютъ потушить войну, которую началъ къ своему безчестію и вреду король Шведской, я не знаю, примутъ ли у насъ медіацію Аглинскую; но конечно Французская для насъ вреднѣе всѣхъ. Версальской дворъ уже началъ дѣлать внушенія, что равновѣсіе въ Европѣ потерпитъ отъ паденія Швеціи. Многочисленные здѣсь агенты онаго весьма боятся, чтобъ не возстановили въ Швеціи прежняго правленія, отнявъ у короля власть, которую онъ обратилъ на пагубу своего народа. Какъ бы ни кончилась

сія война, я всегда уповаю, что кромѣ перемѣны правленія у насъ настоять будутъ и не заключатъ мира безъ того, чтобы не взять отъ Швеціи, когда не великое герцогство Финляндское, то по крайней мѣрѣ нижеслѣдующіе дистрикты онаго: Ниланды, Тавасти, Саволаксъ и Шведскую Нагоію. Покой столицы нашей того неотмѣнно требуетъ, и какъ, пріобрѣтя сіи четыре дистрикта, мы, кромѣ разныхъ городовъ, получимъ крѣпость Луизу да Гельсингфорсъ и Свеабургъ, то есть два самые наилучшіе порты Финляндскаго залива; тогда токмо и будемъ дѣйствительные владѣтели сего залива. Швеція не будетъ имѣть другаго пристанища моремъ какъ Або, откуда въ будущія войны, естьли она отважится ихъ предпріять, армія ея должна будетъ идти сухимъ, долгимъ и преголоднымъ путемъ къ нашимъ границамъ. Не дѣлайте, ради Бога, другаго мира кромѣ сего. Лучше что ни есть жертвовать изъ нашего любочестія въ разсужденіи Англіи и сдѣлать съ нею торговой трактатъ, коимъ ее къ себѣ привяжемъ, нежели имѣть стыдъ помириться съ Шведами, не отнявъ у нихъ земли и не обезпеча навѣки Россію отъ сихъ коварныхъ сосѣдовъ. Я уповаю тоже, что у насъ не согласятся никакъ на перемиріе, которое можетъ быть токмо полезно Швеціи, дабы имѣть время исправиться, получить новую подпору деньгами отъ Порты и дать способъ своимъ купеческимъ судамъ, запертымъ теперь въ разныхъ портахъ, безвредно во свои возвратиться и доставить еще своей землѣ нужные для войны и прокормленія припасы. Нѣтъ славнѣе и полезнѣе мира, какъ подъ мечемъ подписаннаго. Я весьма опасаюсь, что у насъ сухо откажутъ Аглинскую медіацію, а пуще всего естьли примутъ Французскую, то чтобъ Англія не рѣшилась помогать Швеціи флотомъ и деньгами. Покорно прошу сдѣлать мнѣ одолженіе, доставя при вѣрномъ случаѣ исправную ландкарту на-

шей Финляндіи; также прошу увѣдомить меня, кто генералъ-квартермистрами въ арміяхъ фельдмаршала князя Потемкина и графа Пушкина; да, коли можно, роспись сей послѣдней съ показаніемъ, сколько въ полѣ и сколько гдѣ въ гарнизонахъ. Прощайте, живите здорово и весело и не забывайте искренняго друга вашего.

20.

Лондонъ, 4 (15) Мая 1789.

Усердіе мое къ службѣ моего отечества побудило меня къ подкрѣпленію плана г-на Ечеса, найдя, что оный можетъ быть полезенъ Россіи вредомъ, что̀ нанесетъ онъ Швеціи. Раззореніе, которое можетъ причиниться Готембургу, достойно накажетъ сей городъ, наипаче всѣхъ привязанный къ своему королю, и потомъ, обезпокоя всю Шведскую торговлю, нанесетъ великій вредъ мѣщанамъ и купцамъ той земли, т. е. тѣмъ самымъ, кои болѣ всѣхъ усердствуютъ королю въ пользу самодержавнаго его правленія. Но кой часъ предпріятіе Ечеса успѣетъ въ Готембургѣ, то жители сего города почувствуютъ, что вся ихъ потеря происходитъ отъ сумасбродныхъ предпріятіевъ государя, коего власть они умножали на свою пагубу. Но хотя бы сіе предпріятіе и не удалось, потеря не велика̀, и у Ечеса останется, потерявъ два брилота, еще довольная флотилія на разореніе Шведской торговой навигаціи, послѣ чего нигдѣ, ни за какія цѣны, не захочетъ никто

асикурировать ихъ суда, чѣмъ самымъ пресѣчется вся выгода оной: ибо вся земля, не имѣвъ довольно собственныхъ продуктовъ, обращаетъ около 2000 купеческихъ своихъ судовъ въ перевозѣ чужихъ товаровъ изъ одной земли въ другую, довольствуясь малѣйшимъ фрахтомъ, нежели другія. Но кой часъ сіи суда найдутся въ опасности отъ нашихъ каперовъ, то сія золотая руда прекратится для Швеціи, мѣщане и купцы почувствуютъ, коль много они теряютъ и кому они обязаны сею потерею. Въ нынѣшнемъ положеніи нашемъ, когда не имѣемъ усердныхъ союзниковъ, надо искать, чтобъ нужда заставила самихъ подданныхъ короля Шведскаго быть противу его нашими союзниками. Съ государемъ малодушнымъ я бы не отважился взять на себя безъ дозволенія издержку 2 т. ф. стерлинговъ, и при императрицѣ Аннѣ продали бы по указу часть моего имѣнія для заплаты сихъ денегъ, и меня бы еще наказали за сію отвагу; но Государыня, которой мы имѣемъ счастіе служить, столь великодушна и просвѣщенна, что, взирая на мое усердіе и на возможность успѣха плана, для коего я осмѣлился поручиться въ издержкѣ сихъ денегъ, я увѣренъ, что прикажетъ заплатить ихъ въ назначенное время и увѣренъ притомъ, что не почтетъ мнѣ въ вину мою отвагу. Я столь спокоенъ въ сихъ мысляхъ, что въ донесеніи моемъ къ Государынѣ я даже и не извиняюсь въ моей смѣлости; ибо не имѣю ни малѣйшаго сумнѣнія въ великодушномъ ея разсужденіи *).

---

*) Конечно, Безбородко прочелъ эти строки Государынѣ. Дѣло шло о наймѣ Англійскаго крейсера для поимки Шведскихъ судовъ.

21.

Лондонъ, 8 (19) Мая 1789.

Не смотря на упорныя увѣренія, что мнѣ даетъ графъ Нессельродъ, аки бы не Берлинской дворъ управляетъ Лондонскимъ, но напротиву будто сей онымъ владѣетъ, я совсѣмъ противнаго мнѣнія; ибо два главныхъ довода, на кои онъ упирается въ своемъ мнѣніи, ничего не доказываютъ, а именно: 1) что когда король Пруской хотѣлъ напасть на владѣнія Австрійскія въ Польшѣ, Англія ему въ томъ помочь отказалась; 2) что разумъ Герцберга и другихъ Прускихъ министровъ не таковъ, чтобъ имъ управлять чужими министерствами. На сіе я ему возражаю, что Англія, дѣлая все что можетъ въ угодность Прусіи, не можетъ однакожъ выдтить изъ нѣкоторой мѣры; ибо министерство здѣсь не осмѣлится никогда втащить сію землю въ войну, гдѣ видимо будетъ, что союзникъ Англіи нападаетъ, а не обороняется. Сверхъ сего, сіе случилось во время пущаго королевскаго сумасшествія. Кто бы посмѣлъ за тѣмъ изъ министровъ взять на себя такую отважную мѣру. Ибо трактатъ съ Прусіею обнародованъ, аки оборонительной, а не наступательной. Что жъ касается до головъ Прускаго кабинета, графъ Нессельродъ не унижалъ бы ихъ столь много, естьли бъ зналъ, какова та, что носитъ бывшій Кармартенъ, а нынѣшній дюкъ де Лидсъ. Питъ конечно человѣкъ умной, краснорѣчивой, некорыстолюбивой, твердой; но онъ и мало времени имѣетъ смотрѣть за дѣлами политическими, и я теперь увѣренъ, что онъ ихъ и не очень понимаетъ. Сверхъ того, онъ въ прошедшую зиму поведеніемъ своимъ доказалъ, что, при вышеозначенныхъ добродѣтеляхъ и талантахъ, онъ имѣетъ два

сильные порока, а именно превеликое лукавство и превосходящую мѣрную страсть управлять съ безпредѣльною властію сею землею. Для сей жажды властолюбія онъ все на свѣтѣ жертвуетъ; для сей онъ удалилъ отъ дѣлъ своего учителя и того, кто первый ввелъ его въ дѣла, сдѣлавъ его канцлеромъ ешкіера *). Я сіе говорю о бывшемъ Шельборнѣ, а нынѣшнемъ Ландсдаунѣ. Для сей же жажды онъ подъ рукою противится входу двоюроднаго своего брата маркиза Букингама въ совѣтъ кабинета, чего тотъ болѣ всего желаетъ, но принужденъ довольствоваться вицъ-еройствомъ Ирландскимъ, нежели быть здѣсь безъ всякаго употребленія.

Для сего же властолюбія онъ наполнилъ кабинетъ или людьми, ему совсѣмъ преданными, какъ лордъ Чатамъ его братъ, лордъ Камденъ, дюкъ Ричмондъ, или простяками, какъ оба статскіе секретаря. Одинъ токмо канцлеръ ему солонъ; но кромѣ, что замѣнить его не можно, такъ какъ онъ токмо одинъ часто другаго мнѣнія, сей единый голосъ дѣла не удерживаетъ, и Питъ всѣмъ самопроизвольно ворочаетъ. При началѣ болѣзни королевской, увидя, что принцъ Валискои его ненавидитъ и вышлетъ изъ министерства, онъ сильно соединился съ королевою и сдѣлалъ извѣстный вамъ актъ регентства, коимъ регентъ былъ такъ связанъ, что ничего бы дѣлать не могъ, и королева, получа онымъ что̀ называютъ здѣсь patronage препространный, была бы съ Питомъ начальниками опозиціи, которая бы силою своею и множествомъ связала бы руки регенту. Продолжая теперь связь свою съ королевою, они другъ другу помогаютъ во взаимныхъ видахъ и, какъ по недостатку времени смотрѣть за всѣмъ, такъ и по недостатку свѣдѣнія дѣлъ иностранныхъ, и пуще всего въ угодность ко-

*) Т. е. казначейства.

ролевѣ, онъ все то дѣлаетъ, что̀ ему токмо можно по видамъ Прусіи. За тѣмъ вездѣ Аглицкіе министры имѣютъ повелѣніе дѣйствовать по внушеніямъ Прускихъ; за тѣмъ грозятъ Даніи, зная, что и безъ вооруженія она испугается; за тѣмъ помогаютъ симъ самымъ Швеціи, хотя она болѣ Франціи, нежели Англіи предана.

Въ доказательство, что Прусія намъ болѣ всѣхъ злодѣйствуетъ, бывшій здѣсь ея министръ графъ Лузи, отъѣзжая отсель, сказалъ одному своему другу слѣдующее: „Ежели мы не въ состояніи будемъ заставить Англію сдѣлать существительное вооруженіе для укрощенія Даніи, то по крайней мѣрѣ мы принудимъ Голандію вооружить эскадру". Ваше сіятельство знаете теперь, что бѣдные Голандцы, будучи подъ бичемъ Прускимъ, дѣйствительно, безъ всякой нужды тратя свои деньги, вооружаются.

И такъ, опричь войны, которой Питъ боится для ея слѣдствій, то есть быть самому извергнуту изъ правленія сей земли, все прочее, интриги, негоціаціи, угрозы и до нѣкоторой умѣренной степени денежныя издержки, все онъ употреблять не преминетъ въ пользу Прускую, затѣмъ токмо, что, худо понимая сіи дѣла и угождая королевѣ, онъ думаетъ сохранить свою власть, дѣйствуя не вопреки Аглицкимъ интересамъ и почитая, что нужно весьма сохранить всячески дружбу двора Берлинскаго.

Теперь остается мнѣ отвѣчать в. с—ву на ту часть вашего письма, гдѣ вы касательно до меня и до моего военнаго служенія упоминаете. Я съ самаго малолѣтства предпочиталъ военную службу всѣмъ прочимъ, и когда въ день восшествія на престолъ Петра III, сей государь сдѣлалъ меня камеръ-юнкеромъ, то я его просилъ не быть мнѣ придворнымъ и сдѣлать меня поручикомъ гвардіи, что̀ мнѣ и безъ того слѣдовало, бывши тогда камерпажомъ. Принужденъ будучи для нѣкоторыхъ причинъ оставить службу,

лишь Турки намъ объявили войну, я тотчасъ изъ отставки пошелъ въ армію, гдѣ, награждая усердіемъ и прилежностью то, чего со стороны талантовъ мнѣ не дано отъ Бога, я служилъ во всю войну безотлучно при арміи; но, подъ конецъ войны и послѣ мира, будучи обойденъ Гантвигомъ, Бредихинымъ, двумя Потемкиными, однимъ Разумовскимъ, по неволѣ и съ страданіемъ принужденъ былъ оставить паки службу. Послѣ сего, имѣвъ разныя болѣзни, устарѣвъ и ослабѣвъ тѣломъ и отставъ совсѣмъ отъ всякаго военнаго упражненія, уже тому 13 лѣтъ, я уже болѣ не въ состояніи и еще менѣ прежняго имѣю способность быть паки въ военной службѣ. Я бы теперь околѣлъ въ одну ночь, естьли бъ мнѣ пришлось быть подъ палаткою, на снѣгу, какъ мы были въ 1770 г. нѣсколько дней подъ Фальчами и какъ мнѣ случилось въ 1773 г. быть нѣсколько недѣль въ Булгаріи. Для военной службы, опричь талантовъ, надо сильное здоровье и безпрерывную практику; первыхъ я не имѣлъ, послѣднія потерялъ невозвратно. За тѣмъ остается мнѣ токмо продолжать службу въ такомъ служеніи, къ коему я никогда себя не приготовлялъ, котораго никогда не любилъ, но принялъ на себя изъ единственнаго повиновенія волѣ Государыни и чтобъ не быть безплодному сыну отечества. Остануясь въ сей службѣ, пока употреблять меня станутъ. Сіе служеніе и воспитаніе моихъ дѣтей пребудутъ теперь единымъ предметомъ остатка моей жизни.

Лишь Всевышній наградитъ насъ миромъ, я намѣренъ неотмѣнно представить Государынѣ, дабы приказала сдѣлать учрежденіе, чтобъ всякія семь лѣтъ присылали сюда 30 молодыхъ поручиковъ, кои остротою и ученіемъ отличились въ Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ для опредѣленія ихъ на Аглицкіе военные корабли и фрегаты мичманами, какъ то уже были здѣсь Козляниновъ, Волчковъ, Плещеевы

и Сенявинъ, съ повелѣніемъ здѣшнему нашему посланнику, чтобъ онъ наблюдалъ, дабы они безпрерывно въ морѣ находились опричь тѣхъ мѣсяцовъ, когда должны здѣсь быть, сойдя съ корабля, которой возвратился изъ своей станціи, до того времени, пока другой вооружается. Датскіе и Шведскіе офицеры всѣ почти служили въ здѣшней и Французской службѣ и за тѣмъ вообще лучше нашихъ. Содержаніе сихъ должно быть по тысячѣ рублей на каждаго. Сіи 30 тысячъ наградятся отмѣнною пользою въ будущія наши войны. Опричь сего, можно, всякій разъ что̀ между Англіею и другими державами будутъ войны, давать двойное жалованье тѣмъ нашимъ морскимъ офицерамъ, кои волонтерами на Аглицкой флотъ поѣдутъ. Адмиралъ Родней спрашивалъ у меня не разъ, для чего въ прошедшую войну не были наши волонтеры въ Аглицкомъ флотѣ. Я, не зная что̀ отвѣчать, сказалъ: „За тѣмъ, что мы были неутральные". Но онъ мнѣ отвѣтствовалъ, что Данія, Швеція и даже Неаполь, кои всѣ какъ и Россія были неутральны, посылали сюда для обученія, какъ волонтеровъ, множество своихъ офицеровъ. А какъ я ему сказалъ, что въ то время наши эскадры ходили въ Ливорну, онъ отвѣчалъ: „Такою поѣздкою мало научиться можно. Лучшая наука въ большихъ моряхъ, въ дурныя погоды и въ большихъ сраженіяхъ, а не то чтобы въ хорошее время сдѣлать дорогу изъ Петербурга въ Ливорну, остаться тамъ неподвижно и паки въ хорошее время возвратиться во свояси". Принявъ планъ, о которомъ я намѣренъ во время сдѣлать представленіе, мы выдемъ изъ зависимости другихъ державъ, не будемъ въ нуждѣ со временемъ искать вездѣ чужихъ офицеровъ или со своими неспособными сражаться противу преспособныхъ. Когда бъ всѣ наши капитаны были хороши, Шведской флотъ былъ бы уже истребленъ прошлымъ годомъ.

22.

Лондонъ. 17 (28) Іюля 1789 г.

До меня дошло, что здѣсь имѣютъ извѣстіе, якобы г-нъ Тревененъ недоволенъ нашею службою. Сіе свѣдали тутъ съ большимъ удовольствіемъ; ибо весьма тужили, что офицера столь великаго достоинства и который одинъ токмо можетъ замѣнить неоцѣненную для Россіи потерю адмирала Грейга *), не удержали у себя; и затѣмъ конечно будутъ стараться, чтобы онъ оставилъ нашу службу. Причина неудовольствія г-на Тревенена весьма основательна и не дѣлаетъ чести главному начальнику нашего флота, если то справедливо, чтò здѣсь говорятъ, а именно: будто бы вышеозначенный капитанъ посланъ былъ изъ Ревеля впередъ, имѣя кромѣ своего корабля одинъ или два фрегата и столько же катеровъ; что, отойдя нѣсколько, засталъ его штиль, продолжавшійся три или четыре дни; что онъ, имѣя на своихъ судахъ много рекрутъ, употреблялъ въ пользу сію остановку, обучая ихъ пальбою и разными маневрами, и что выстрѣлы его слышаны были въ эскадрѣ адмирала Чичагова, стоявшей тогда на Ревельской рейдѣ. Сей адмиралъ, возмнивъ, что Тревененъ атакованъ Шведами, вмѣсто того чтобъ идти къ нему на помощь, вошелъ скоропостижно въ портъ; потомъ, когда Тревененъ возвратился, то адмиралъ, спрося у него, отъ чего происходила слышанная имъ перестрѣлка, и свѣдавъ причину, сталъ ему сильно выговаривать, какъ онъ смѣлъ тратить казну государеву, теряя столько пороху. Тревененъ, будучи удивленъ еще болѣе, нежели обиженъ, представлялъ ему, что по-

*) Погибшаго въ Шведскую войну.

рохъ, для обученія рекрутъ употребленный, не должно почитать потраченнымъ, а что тотъ токмо потерянъ будетъ со вредомъ и къ безславію флота, который употребится въ сраженіи людьми къ оному не привыкшими и кои имъ обучаемы не были; но что, не смотря на сіе основательное представленіе, адмиралъ продолжалъ его бранить; что бранимый, потерявъ, наконецъ, терпѣніе, отвѣчалъ ему колко, и что послѣ сего уже впередъ не посылали. Естьли сіе справедливо, то мы потеряемъ человѣка, коего уже никѣмъ замѣнить не можно; да и никто изъ хорошихъ офицеровъ у насъ не останется. Сіе извѣстіе здѣсь получили прямо изъ Петербурга. Весьма сожалительно, что у насъ не подражали покойному королю Прускому, которой въ мирное время на чины былъ скупъ, а въ военное щедръ несказанно. Сейдлицъ, Молендорфъ и Притвицъ въ два года изъ младшихъ подполковниковъ поступили въ генералы-поручики. Во время войны онъ не смотрѣлъ на старшинство, а на таланты. Естьли бы Тревенена сдѣлали контръ-адмираломъ при началѣ кампаніи, то сіе гораздо бы менѣе удивило всѣхъ, нежели таковое же произвожденіе, сдѣланное Поль-Жонесу, который былъ токмо морскимъ разбойникомъ и который, хотя назывался Французскимъ капитаномъ, но никогда не стоялъ въ печатномъ Французскаго флота реестрѣ, который я теперь предъ глазами имѣю. Произвожденіемъ Тревенена выгода была бы та, что онъ могъ бы командовать частною эскадрою, и самъ Чачаговъ имѣлъ бы болѣе къ нему уваженія.

23.

Лондонъ, Сентября 19 (Октября 9) 1789.

Непростительное поведеніе господина Ечеса навело намъ хлопоты, коихъ безъ того никакъ бы ожидать не можно было. Съ нимъ условлено было, что онъ съ флотиліею своею будетъ безпрерывно дѣлать поиски на берегà Шведскіе и на суда сей націи, около оныхъ или къ онымъ идущія. Но видно, что, не пресѣча всю Шведскую около тѣхъ мѣстъ навигацію, онъ вздумалъ самопроизвольно, изъ неоправдаемой корысти, искать и дѣлать призами на Аглицкихъ берегахъ все, чтò Шведскаго ни попадется, на какихъ бы то судахъ ни было, позабывъ данную ему инструкцію, въ коей ясно ему предписано было наблюдать въ самой точности всѣ правила вооруженнаго неутралитета.

Я видѣлъ уже нѣсколько тому недѣль въ здѣшнихъ газетахъ, что одинъ Россійской каперъ безпрерывно гуляетъ около Аглицкихъ береговъ, но надѣялся, что сіе есть ложное извѣстіе, какъ то часто въ сихъ бумагахъ бываетъ. Я тѣмъ паче сему вѣрить не могъ, что баронъ Криднеръ мнѣ писалъ, что пять судовъ Ечесовой флотиліи плаваютъ въ Сѣверномъ морѣ и Категатѣ и что Жоли *), на возвратномъ своемъ пути, видясь съ Ечесомъ въ Глюкстатѣ, настоялъ, чтобъ сей послѣдній напрягъ бы всѣ свои силы, чтобъ раззорять Шведскіе берегà, чтò онъ ему и обѣщалъ конечно. Но вдругъ получилъ я письмо отъ Волстонкрофа, командира люгера Grand Duc, что его сняли съ корабля, такъ какъ и большую часть матросовъ, аки Аглицкихъ подданныхъ, и привели въ Плимутъ, гдѣ ихъ задерживаютъ.

---

*) Частный секретарь графа Воронцова, ѣздившій тогда въ Петербургъ.

Чтд послѣ произошло, вы изъ моихъ писемъ къ вице-канцлеру усмотрите. Потомъ отъ Фаціуса я получилъ извѣстіе, что другое Ечесово судно взяло и привело Аглицкой купеческой корабль въ Остандъ, не имѣвъ другаго къ тому предлога, какъ токмо, что на ономъ были Турки и нѣсколько вещей подозрительныхъ. Тутъ я увидѣлъ, что Ечесъ обратилъ во зло вооруженія свои и дѣйствительно безпокоить сталъ Аглицкіе берегà и Аглицкую навигацію; а какъ здѣсь, угождая Прусіи, которая всѣмъ здѣсь ворочаетъ, того токмо и ожидаютъ, чтобъ имѣть случай къ намъ придраться и подъ видомъ охраненія торговли послать семь или восемь кораблей, кои хотя прямо намъ вреда не сдѣлаютъ, но побочнымъ образомъ подымутъ духъ короля Шведскаго, которой, пользуясь симъ, разгласитъ у себя въ народѣ, что сія эскадра прислана ему въ помощь и тѣмъ удержитъ будущее и весьма возможное волнованіе своихъ подданныхъ, кои, видя непрестанныя его въ войнѣ неудачи, съ умноженіемъ народныхъ податей и пресѣченіемъ торговли, излечились уже отъ невѣроятнаго восторга, чтд къ нему имѣли: сіе принудило меня отправить господина Лизакевича въ Остандъ, гдѣ теперь, какъ я свѣдалъ, Ечесъ находится. Ваше сіятельство усмотрите изъ писемъ моихъ къ Лизакевичу, который теперь въ Дуверѣ, и къ Ечесу, что я настою объ отпускѣ Аглицкаго корабля и, чтобъ лучше въ томъ успѣть, я взялъ на себя смѣлость грозить сего послѣдняго: ибо мнѣ ясно видима необходимость не подымать на насъ Англію, когда она весьма кажется на то охотна, и когда и такъ мы имѣемъ толь много непріятелей и толь мало союзниковъ. Естьли онъ еще подобныя шалости будетъ дѣлать, то надо неотмѣнно отобрать отъ него всѣ патенты, кои онъ роздалъ своимъ каперамъ, а оставить ему одинъ, которымъ онъ назначенъ токмо агентомъ въ Глюкстатѣ и Остандѣ: ибо ему трудно будетъ здѣсь

явиться безъ претерпѣнія гоненія отъ правленія, аки нарушителя здѣшнихъ законовъ. И ему надо будетъ годъ или два, пока все утихнетъ, жить внѣ Англіи. Сей человѣкъ, хотя поступилъ непростительно, но естьли онъ впередъ удержится отъ такого поведенія и пойдетъ въ Норвежскіе порты, какъ въ послѣднемъ своемъ письмѣ предлагаетъ мнѣ баронъ Кридцеръ, то по близости оныхъ отъ Швеціи онъ можетъ весьма безпокоить оную.

Касательно до власти, что̀ Берлинскій дворъ надъ здѣшнимъ ежедневно пріобрѣтаетъ, можетъ служить въ примѣръ слѣпота Аглицкаго министерства, которое не понимаетъ или не оказываетъ своего понятія, что Прусія обманула Англію въ дѣлѣ родственнаго союза, что̀ нынѣ дѣлается между домами Оранжскимъ, Прускимъ и Брауншвейгскимъ: ибо чѣмъ болѣ власть статгалтера умножилась, тѣмъ болѣе нужно было для Англіи (и здѣсь весьма сего хотѣли для сохраненія Голандіи въ своей зависимости) выдать Аглинскую принцессу за сына принца Оранжскаго. Но Берлинскій дворъ подъ рукою помѣшалъ и выдаетъ свою за сего послѣдняго принца, и тѣмъ доказываетъ явно, что онъ, управляя теперь и впередъ желая исключительно управлять Голандіею, далъ сію землю, можно сказать, на время и въ займы Англіи, а не въ безпосредственную и долгую зависимость, какъ здѣсь желали. Аглицкой дворъ думаетъ, что Берлинской дворъ всегда будетъ къ нему привязанъ и что въ слѣдствіе сего согласія о Голандіи сумнѣваться нечего; но время докажетъ впредъ, какъ здѣшнее министерство сильно ошибается въ своихъ гаданіяхъ.

21.

Лондонъ, 2 (13) Октября 1789.

Не къ министру, но къ члену Совѣта, а къ искреннему моему другу и человѣку, прямо любящему свое отечество, пишу сіе письмо. Съ сокрушеніемъ моего сердца свѣдалъ я, что Бугенвиль берется въ нашу службу. У насъ его не знаютъ, а здѣсь онъ всѣмъ извѣстенъ. Покойный кавалеръ Дугласъ, адмиралъ Родней и много другихъ офицеровъ мнѣ сказывали его исторію, которая всѣмъ извѣстна и есть слѣдующая. Будучи молодъ и хорошъ и подъ покровительствомъ маркизы Помпадуръ, посланъ онъ былъ въ 1757-мъ году служить въ сухопутномъ войскѣ въ Канадѣ съ сильными отъ своей покровительницы рекомендаціями, въ слѣдствіе коихъ командующій тамъ Французской генералъ Монкальмъ при первомъ маломъ выигрышѣ, что ему случилось имѣть противу Англичанъ, послалъ его къ двору съ извѣстіемъ, за что стараніемъ Помпадуръ произведенъ подполковникомъ; потомъ чрезъ другихъ женщинъ рекомендованъ былъ герцогу Шуазелю, который во время своего начальства надъ морскимъ департаментомъ перевелъ его во флотъ и далъ ему малой фрегатъ, посланный объѣхать свѣтъ, въ слѣдъ за тремя Аглинскими, кои были подъ начальствомъ Байрона, Валлиса и Кука въ первомъ его вояжѣ. Возвратясь изъ сей поѣздки, Бугенвиль просилъ и получилъ дозволеніе побывать въ Англіи, гдѣ, ознакомясь съ помянутыми навигаторами и видѣвши ихъ журналы и карты, изъ оныхъ сочинилъ свое описаніе и, возвратясь во Францію, напечаталъ свой вояжъ, гдѣ было много ученаго касательно до навигаціи и астрономіи, все почерпнутое изъ жур-

наловъ Аглицкихъ; поелику онъ ничего изъ сихъ наукъ не знаетъ. Потомъ, получа въ своей землѣ отъ сей книги незаслуженную репутацію, дошелъ онъ до чина шефа эскадры, въ коемъ командовалъ одною дивизіею во флотѣ адмирала Де-Граса, гдѣ былъ, по показанію всеобщему Аглинскаго и Французскаго флотовъ, виною, что сей былъ разбитъ: ибо съ самаго начала сраженія, не потерявъ ни одного человѣка, не получа ни одного ядра въ свои корабли, ушелъ со всею своею дивизіею, оставя бѣднаго Де-Граса на жертву Агличанамъ.

Вотъ какого человѣка у насъ брать сбираются, и который въ совершенномъ презрѣніи какъ здѣсь, такъ и въ своей землѣ находится. Его вступленіе въ нашу службу будетъ вторымъ томомъ Поль-Жонеса и выгонитъ Тревенена, Тизигера и всѣхъ лучшихъ Агличанъ изъ нашей службы. Ради Бога, старайтеся не допустить совершеніе сего вреднаго дѣла. Вы чрезъ то знаменитую услугу сдѣлаете отечеству. Наши адмиралы плохи, конечно; но когда нельзя имѣть оныхъ отсюда и не можно произвести Тревенена, для чего не взять флагмановъ изъ Датской службы, гдѣ всѣ они служили долгое время въ Аглинскомъ флотѣ и между которыми есть много такихъ, кои здѣсь весьма искусными почитаются? Они, правда, не манерны какъ Французы; но естьли на манеры уважать, то лучшіе здѣшніе адмиралы никуда бы не годились; ибо они таковы, что покойный адмиралъ Нольсъ былъ петиметромъ между ними. Изъ Французской службы кромѣ инженеровъ никого брать не надобно; и теперь-то лучшее время доставать офицеровъ сего званія и учителей фортификаціи для нашихъ школъ. Они нынѣ съ голоду умираютъ.

Слышно, что правленіе здѣшнее вознамѣрилось выключить совсѣмъ изъ списка тѣхъ лейтенантовъ, кои вошли въ нашу службу; въ такомъ случаѣ они, теряя здѣсь не токмо

половинное жалованье, но и чинъ свой, заслуживали бы конечно у насъ большее противъ прежняго уваженіе и награжденіе для удержанія ихъ въ нашей службѣ.

25.

Лондонъ, 2 (13) Февраля 1790.

Нашъ планъ общаго примиренія, а особливо съ Турками, показался здѣшнему двору толь надмѣрнымъ, что и не хотѣлъ взять на сообщеніе Портѣ. Здѣсь полагаютъ, что Туркамъ сего принять не можно, что сія независимость трехъ Турецкихъ провинціевъ зародитъ тѣже самыя безпокойства, кои произошли отъ первой независимости Крыма и претворится въ вѣчное сѣмя войны, отъ чего почасту и Европа вплетена будетъ въ сіи неугасимые пожары. Я смягчилъ какъ можно болѣе сіи предубѣжденія, но неудачно; наконецъ, чтобъ чѣмъ ни есть привязать Англію къ Россіи, сослался я болѣ на рескриптъ 3-го Марта прошлаго года, нежели на тотъ, что̀ мнѣ привезъ Марковъ отъ 19-го Декабря, въ коемъ не весьма ясно о торговыхъ предложеніяхъ мнѣ предписано; ибо можно растолковать въ ономъ, что токмо при успѣхѣ прочихъ предложеніевъ я бы и о торговлѣ предложилъ здѣшнему министерству. И для того я предложилъ конвенцію, которая мнѣ была приложена при вышеупомянутомъ рескриптѣ отъ 3 Марта. Естьли дѣло сіе удастся, то труднѣе будетъ Прускому двору вовлечь Англію противу пользы Россіи; а естьли сія конвенція по какимъ ни есть непредвидимымъ

причинамъ и не совершится, по крайней мѣрѣ, видя постоянное наше желаніе сближиться съ сею землею, умягчитъ ненависть противу насъ, возгорѣвшую здѣсь отъ правилъ вооруженнаго неутралитета, умножившуюся когда потеряли здѣсь надежду, что дворъ нашъ отступится отъ оныхъ и, наконецъ, пуще увеличенную происками Прусіи, которая всячески насъ безпрестанно клеветать старается. Еслибъ наши предложенія о мирѣ съ Портою показались здѣсь умѣренными, я думаю, что господинъ Питъ съ радостію взялъ бы ихъ на убѣжденіе Порты къ миру; ибо кажется, что онъ желаетъ мира и радъ бы былъ, чтобъ Нидерланды за Австрійскимъ домомъ при своихъ правахъ остались. Король, напротивъ, во всемъ угождать готовъ Прусіи, но принужденъ уступать первому министру. Теперь намъ остается ожидать, что князь Григорій Александровичъ успѣетъ на конференціяхъ своихъ съ Турками. Искренно желая достиженія мира нашему отечеству, я почти теряю надежду видѣть онаго совершеніе нынѣшнимъ годомъ, ибо Прусія конечно оному въ Царѣградѣ всевозможно будетъ препятствовать.

О уменьшеніи власти короля Шведскаго хотя сначала здѣсь и удивились, что Россія сего требуетъ, но казалось, что наконецъ они поняли право и пристойность сего требованія. Напротиву того, оба министра, съ коими я говорилъ, никакъ о независимости трехъ провинцієвъ согласиться съ нами не могли и чѣмъ болѣ о семъ говорили, тѣмъ болѣ дѣлали возраженіевъ. Вы изволите примѣтить, что и въ письменномъ отвѣтѣ о Швеціи совсѣмъ не упоминаютъ и въ разсужденіи Бесарабіи, Молдавіи и Валахіи изъясняются: des changements de territoires si considérables ne sauront jamais manquer d'affecter les intérêts de plusieurs puissances de l'Europe et lesquelles parraissent au roy plutôt capab-

les de prolonger la guerre actuelle que d'en terminer les calamités.

26.

Лондонъ, 24 Мая (4 Іюня) 1791.

По преданности моей къ вамъ и въ совершенномъ откровеніи, я не могу вамъ не примѣтить, что пребываніе двухъ Россійскихъ министровъ въ Берлинѣ толкуется въ свѣтѣ аки знакомъ лишняго уваженія нашего двора къ Прускому и что оный весьма много симъ мнѣніемъ пользуется, толкуя въ Польшѣ и Германіи, какъ Россія въ немъ ищетъ и его опасается. Если еще къ сему прибавить, что Берлинской дворъ явно противу насъ въ Польшѣ, въ Швеціи, въ Даніи, у Порты и здѣсь дѣйствуетъ, то и не трудно ему увѣрять тамъ гдѣ надо, какъ онъ силенъ и какъ мы слабы, и неудивительно, что находятся легкомысленные, кои сему по одной наружности вѣрятъ. По моему слабому разсужденію, мнѣ кажется, что нѣтъ мѣста во всей Европѣ вреднѣе для нашихъ негоціацiевъ, какъ Берлинъ.

Теперь, обратясь на содержаніе другаго письма графа Остермана въ отвѣтъ Аглицкому предложенію о всеобщемъ перемиріи воюющихъ державъ и о мирѣ между ими, я долженъ вамъ засвидѣтельствовать, что дюкъ де Лидсъ былъ онымъ доволенъ, хотя потомъ до меня дошло, что министерство вообще ожидало откровеннѣйшаго съ нашей стороны объясненія о трехъ Турецкихъ провинціяхъ, кои дворъ нашъ желаетъ, отнявъ отъ Порты, сдѣлать независимыми,

что члены здѣшняго правленія думали и думаютъ совсѣмъ невозможнымъ. Я удивился, что статской секретарь ничего мнѣ не сказалъ о кондиціяхъ, кои непріятели наши предлагать намъ намѣрены. Видно, что Швеція и Турки совсѣмъ въ рукахъ Прусіи и, ободрены будучи оною, о мирѣ еще не помышляютъ.

Весьма въ недавномъ времени я свѣдалъ отъ человѣка препочтеннаго и здѣшнія дѣла весьма свѣдующаго, что жаръ, съ коимъ Англія уже болѣ года безпрерывно старается намъ вредить всячески, произошелъ отъ тайнаго сообщенія, что сдѣлала ей Прусія, аки бы нашъ дворъ и Вѣнской предлагали, тому ужъ 15 или 16 мѣсяцевъ, Франціи и Гишпаніи сдѣлать съ ними союзъ въ перевѣсъ того, что состоитъ между Англіею, Голандіею и Прусіею; что будто Франція, наружно ласкаясь къ намъ и предоставляя себѣ впередъ когда ей нужно будетъ съ нами на время сдружиться, уговорила Гишпанію отказать сей союзъ и тѣмъ на нее сбросила недовершеніе сего дѣла, которое она сама тогда не желала, дабы не потерять навсегда остатокъ своего кредита у Порты. Сіе Пруское сообщеніе крайне осердило на насъ Англію и было главною причиною умноженія Пруской здѣсь силы. Теперь Берлинской дворъ паки началъ разглашать, что Россія въ тѣсной связи съ Гишпаніею; но я уповаю, что дворъ сему не вѣритъ, хотя въ публикѣ многіе за правду сіе почитаютъ. Я надѣюсь, что у насъ будутъ осторожны въ обращеніяхъ нашихъ съ дворомъ Мадридскимъ.

Король Венгерской *) пріобрѣтаетъ въ публикѣ здѣшней земли славу человѣка скромнаго, но твердаго и толь честнаго, что на слова его всегда положиться можно. Онъ и у короля, и у министерства въ хорошихъ мысляхъ; но

---

*) Преемникъ Іосифа II-го, императоръ Леопольдъ.

наивящій его здѣсь стряпчій есть герцогъ Глочестеръ, любимый братъ короля и съ коимъ сей дружески и откровенно обходится. Сей герцогъ долго былъ въ Италіи, зналъ короля Венгерскаго, когда онъ правилъ Тосканою, и много отъ него имѣлъ ласки и привѣтствіевъ и за то превозноситъ его похвалами при всякомъ случаѣ.

Я слышалъ изъ Берлина, что Алвенслебенъ будетъ отсель отозванъ, а на мѣсто его назначенъ другой, о чемъ я весьма сожалѣю; ибо онъ исканіями своими у принца Валискаго нашелъ любовь сего принца, но тѣмъ же самымъ опостылѣлъ у короля и министерства, такъ что дѣла Пруcкія взяли бы здѣсь весьма дурной оборотъ, еслибъ они теченіе свое чрезъ него имѣли; однакожъ онъ довольно имъ вредилъ, хотя все шло чрезъ Юварта, ибо не могъ по крайней мѣрѣ подкрѣплять здѣсь то, что̀ тотъ писалъ изъ Берлина.

Изъ отзыва дюка Лидса о торговой нашей конвенціи кажется, что здѣсь не спѣшатъ заключить оную или желаютъ вмѣсто того сдѣлать трактатъ формальной. Если только они послѣдняго желаютъ, то когда сіе возможно, чтобъ у насъ на то рѣшились, тѣмъ лучше Англія къ намъ сближится, и я весьма радъ буду, когда сіе полезное дѣло сдѣлано будетъ въ Петербургѣ, ибо тамъ можно его способнѣе окончить нежели въ Лондонѣ; и какъ я другаго не желаю и не ищу, какъ пользу отечества, то не токмо не буду сожалѣть, но еще стану радоваться, что не буду въ случаѣ подписать здѣсь вышереченную конвенцію, какія бы она мнѣ ни доставила выгоды: ибо я увѣренъ, что формальной трактатъ поставитъ насъ на лучшую ногу съ Англіею. Но если же трактатъ сей не можетъ быть скоро довершенъ, а однакожъ его заключить у насъ желаютъ, въ такомъ случаѣ, давши всякія увѣренія о желаніи онаго, можно будетъ паки предложить, чтобъ меж-

ду тѣмъ заключить конвенцію, для которой есть уже полная мочь въ Лондонѣ. Трактатъ конечно лучше всего привяжетъ къ намъ Англію, но если нельзя будетъ скоро его заключить, то между тѣмъ и на время сія конвенція будетъ полезна.

Я примѣчаю, что всякій разъ, что прибывшій ко мнѣ курьеръ проѣхалъ чрезъ Берлинъ и оставилъ тамъ письма, то въ тотъ же день его сюда пріѣзда, или на другой, пріѣдетъ сюда курьеръ Пруской, а когда нашъ не чрезъ Берлинъ ѣдетъ, то сего не бываетъ.

Для разныхъ причинъ, кои требуютъ пространнаго описанія, весьма бы было полезно, когда бы именно было запрещено курьерамъ, сюда посылаемымъ, ѣздить чрезъ сіе гнѣздо нашихъ непріятелей. Простите пространность сего письма, но я не могу окончить его, не прибавя еще, что какъ здѣсь вышла прокламація, коею отзываютъ всѣхъ морскихъ служителей, кои изъ Аглицкой службы находятся въ иностранныхъ, то опасно, чтобъ мы не потеряли тѣхъ, кои у насъ находятся. Затѣмъ надо ихъ ободрить выгодами и произвожденіями. Чтò и въ корабляхъ, когда нѣтъ предводителей? Покойный Грейгъ съ шестнадцатью кораблями болѣ сдѣлалъ, нежели преемникъ его съ сорока.

27.

Лондонъ, 8 (19) Августа 1791.

Письмо вашего сіятельства, при коемъ приложена была записка къ вамъ отъ Государыни касательно до бюста господина Фокса, я получилъ по почтѣ тому уже болѣе двухъ недѣль. Оно было открыто и читано министерствомъ, прежде нежели дошло до моихъ рукъ и воспламенило оное неописанною злостію, и какъ господинъ Питъ, паче всѣхъ оскорбленный честью, что̀ Государыня дѣлаетъ его сопернику, вздумалъ, что я сіе письмо тотчасъ публикую, затѣмъ онъ самъ началъ всѣмъ своимъ знакомымъ разсказывать содержаніе онаго и записки Государыни, толкуя, акп бы господинъ Фоксъ имѣетъ неблагопристойное сношеніе съ Россіею. Но, по несчастію его, я никому о томъ не говорилъ и, не зная, гдѣ внѣ города господинъ Фоксъ находится, былъ четыре дни въ исканіи его пребыванія и свѣдавъ, наконецъ, что онъ возвратился изъ дальней поѣздки въ загородный свой домъ подлѣ Сантъ-Анны, въ графствѣ Сорійскомъ, послалъ къ нему секретаря своего Жоли съ письмомъ.

Весь городъ былъ наполненъ жалобами друзей господина Пита о семъ бюстѣ. Одинъ изъ сихъ господъ, говоря о семъ съ моимъ докторомъ, который ничего о томъ не вѣдалъ, прибавилъ: если господинъ Фоксъ сожжетъ Аглицкой флотъ, то императрица Россійская сдѣлаетъ ему еще наивящшую отличность. Наконецъ, многіе изъ друзей сего послѣдняго, свѣдавъ о семъ происшествіи, поѣхали къ нему въ деревню освѣдомиться, правда-ли есть то, что въ городѣ министерство разглашаетъ о желаніи Государыни имѣть его бюстъ и свѣдавъ, что правда, просили прочесть

записку Ея Императорскаго Величества, которую я ему послалъ въ оригиналѣ. Они, прочтя оную, просили его, чтобъ онъ ее далъ въ газетахъ напечатать, но скромность его того ему не дозволила; тогда нѣкоторые изъ сихъ друзей, видя, что она весьма коротко написана, прочли ее разъ десять сряду и, выуча наизустъ, возвратясь въ городъ, ее напечатали, чтò послужило къ наивящшей славѣ господина Фокса и къ несказанному посрамленію господина Пита, особливо тѣ слова, гдѣ Государыня, говоря о первомъ, выражается: „Il a délivré par son éloquence sa patrie et la Russie d'une guerre à laquelle il n'y avait ni justice ni raison".

Ваше сіятельство усмотрите изъ письма скульптора, что графъ Фицъ-Вильямсъ согласился уступить тотъ бюстъ, который былъ сдѣланъ для него. Сія его аттенція къ Государынѣ и важность его въ оппозиціи, въ которой онъ наиглавнѣйшею особою почитается, заслуживаетъ вниманіе Государыни. Онъ есть племянникъ и наслѣдникъ покойнаго маркиза Рокингама и почтенъ во всей Англіи, аки человѣкъ, соединяющій въ себѣ правъ пречестный и большіе таланты. Онъ по нашимъ дѣламъ больше всѣхъ въ Верхней Каморѣ отличался и былъ причиною, что изъ пяти разъ, чтò о семъ дѣлѣ въ оной было трактовано, три раза было сіе сдѣлано по его именно предложеніямъ, а наипаче когда онъ потребовалъ, чтобъ читанъ былъ трактатъ съ Прусіею, по которому случаю онъ доказалъ всей націи, что сей трактатъ весьма вреденъ для сей земли вообще, и въ нынѣшнемъ случаѣ Англія не имѣетъ обязательства вступаться въ сію войну, хотя бы Прусія въ оную и вмѣшалась.

Для сохраненія добраго расположенія къ нашимъ интересамъ толь важнаго человѣка, нужно, чтобъ Государыня нѣсколько строкъ своей руки мнѣ написать изволила, кои

бы я могъ ему показать и кои бы были для него лестны, такъ какъ два мѣсяца тому назадъ она ко мнѣ изволила писать о дюкахъ Девонширѣ и Портландѣ. Сему послѣднему я то показывалъ; онъ былъ тронутъ благодарностію и просилъ меня засвидѣтельствовать его наичувствительнѣйшее признаніе и глубочайшее почтеніе къ Ея Императорскому Величеству. Первому я не могъ показать сіе письмо, ибо онъ еще въ городъ не возвращался. Я сіе представляю затѣмъ, что графъ Фицъ-Вильямсъ головою, правомъ, богатствомъ и инфлюенціею своею въ землѣ весьма почтенъ въ Англіи, искренне привязанъ къ г-ну Фоксу и держится старой системы сохранять дружбу Россіи съ его отечествомъ.

28.

Лондонъ, 8 (19) Августа 1791.

Ваше сіятельство помните конечно, что я представилъ въ нашу службу покойнаго капитана Тревенена, коего достоинства со стороны чести и храбрости, такъ какъ и великое искусство въ морской службѣ, было всѣми признано, а паче всего отъ покойнаго Самойла Карловича*), который меня благодарилъ за присылку толь достойнаго офицера. Я сохранялъ сношеніе мое и переписку съ господиномъ Тревененомъ до самаго того времени какъ проклятое Шведское ядро, раня его смертельно, лишило его жизни, а нашъ

---

*) Грейга.

флотъ, будущаго въ немъ Грейга. Тревененъ мнѣ объ господинѣ Екинѣ писалъ неоднократно и послѣднюю кампанію, будучи весьма боленъ, за нѣсколько дней передъ послѣднимъ сраженіемъ, описывая свое изнеможеніе, говоритъ мнѣ въ своемъ письмѣ: „но я тѣмъ счастливъ, что имѣю Екина, который есть искусный и храбрый офицеръ и на которомъ въ нынѣшнемъ моемъ изнеможеніи я вѣрно могу положиться“. Сей Екинъ потерялъ одинъ глазъ и ногу въ нашей службѣ; но еще можетъ служить. Будучи раненъ тѣмъ же ядромъ, которымъ былъ пораженъ Тревененъ, онъ также потерялъ ногу, которую ему наши неискусные лѣкари худо отпилили и потомъ такъ неискусно лѣчили, что хотя онъ ходитъ на деревянной ногѣ, однакожъ рана еще не затворилась. Сіе заставило его просить дозволеніе ѣхать на годъ сюда въ свое отечество для лучшаго излѣченія, что̀ и дозволено было ему, и по милости Государыни отпущенъ онъ съ жалованьемъ. Но онъ позабылъ, будучи восемь лѣтъ въ нашей службѣ, что съ той поры много положено здѣсь новыхъ податей, что все несказанно вздорожало, хотя и такъ ужъ Англія превосходитъ всѣ земли дороговизною, и что въ самое то время курсъ упалъ такъ, что всѣ тѣ, кои должны получать деньги изъ Россіи, теряютъ 37 и 38 процентовъ на сто, такъ что онъ находится не въ состояніи жить въ Лондонѣ, гдѣ пребываютъ самые искусные доктора и лѣкари, и не имѣетъ чѣмъ имъ платить: ибо не менѣ какъ по гинеѣ сіи господа берутъ за каждое посѣщеніе. Правда, что въ шесть недѣль, что̀ онъ здѣсь находится, рана его стала заживать видимо, и онъ имѣетъ надежду быть не токмо вылѣченъ отъ оной, но и имѣть при томъ нѣкоторое движеніе въ колѣнѣ, такъ что съ деревянною ногою будетъ черезъ 6 или 7 мѣсяцевъ ходить безъ костыля и служить по прежнему; но какъ онъ находится въ совершенной бѣдности,

такъ что принужденъ бы былъ лишиться помощи докторовъ, что̀ бы сдѣлало здѣсь въ публикѣ двору нашему безчестіе и не ободряло бы Агличанъ входить въ нашу службу, я ему далъ отъ себя нѣсколько десятковъ гиней, прося его, чтобъ сіе принялъ заимообразно, увѣряя его, что великодушіе Государыни не допуститъ его до крайности. Для Ея Императорскаго Величества 250 или 300 фунтовъ стерлинговъ суть бездѣлица, а онъ будетъ спасенъ, и честь нашей службы будетъ сохранена. Мы сохранимъ при томъ искуснаго офицера, и въ Аглицкой націи сіе сдѣлаетъ великое дѣйствіе, видя щедрое призрѣніе, что̀ Государыня имѣетъ къ тѣмъ, кои въ службѣ ея пострадать имѣли несчастіе. При семъ прилагаю списокъ его службы и твердо уповаю на ваше человѣколюбіе, что представите объ немъ Ея Императорскому Величеству. Что̀жъ касается до сей великой Государыни, то не сумнѣваюсь, чтобъ она по великодушію своему не подала ему руку помощи. Писавъ вамъ о морскомъ офицерѣ, я вспомнилъ, что третьяго дня, разговаривая съ госп. Линдзеемъ, онъ мнѣ сказалъ, что адмиралъ Крюзъ хочетъ идтить въ отставку. Я надѣюсь, что онъ сіе не съ вѣрной стороны знаетъ: ибо хотя я не знаю сего адмирала и не видалъ его отъ роду, но вѣдаю, что онъ въ здѣшнемъ флотѣ весьма извѣстенъ и почтенъ такъ, что всѣ здѣшніе адмиралы отзываются объ немъ съ превеликою похвалою. Здѣшняго флота капитаны графъ Бентингъ и Гакинсъ, кои третьимъ годомъ были изъ любопытства въ нашемъ флотѣ, отзывались мнѣ объ адмиралѣ Крузѣ какъ объ отмѣнномъ морскомъ офицерѣ; также хвалятъ очень какого-то Повалишина, который, сколько знаю, вицъ-адмираломъ въ нашемъ флотѣ.

29.

Лондонъ, 24 Марта (4 Апрѣля) 1793 г.

Прошу ваше сіятельство доложить Государынѣ, что съ самаго начала Декабря мѣсяца, когда король и министерство внутренно уже желали и рѣшились воевать противу Франціи, но не смѣли то оказывать публикѣ, желая довести Францію, чтобъ она сама объявила войну, здѣсь съ того времени, перемѣнили образъ мыслей въ разсужденіи другихъ державъ, а именно касательно до короля Прускаго: ибо поведеніе сего и его генераловъ и министровъ въ руководствѣ военныхъ операціевъ, которое дано было ему отъ императора въ самой полной силѣ и безпосредственно въ теченіи прошлаго года, дало королю Аглицкому великое подозрѣніе о искренности Прусіи въ теченіи сей войны, и какъ здѣсь увѣрены были, что незамедленно и Англія войдетъ въ оную, то нужно было, чтобы всѣ содѣйствующіе противъ Франціи поступали единодушно и сильно. За тѣмъ разныя особы были посланы во Франкфортъ, иныя съ комиссіями, другія подъ видомъ вояжировъ, чтобъ надзирать прилежно надъ поведеніемъ короля Прускаго и тѣхъ, кто имъ управляютъ. Извѣстія ихъ посланныхъ и словесныя донесенія нѣкоторыхъ, кои сюда возвращались, удостовѣряли короля и министерство, что имъ не можно считать на дѣятельное пособіе двора Прускаго. Сіе еще наипаче удостовѣрилось тѣмъ, что чѣмъ ближе приблизился разрывъ между Франціею и Англіею и чѣмъ болѣ король желалъ сего внутренно, тѣмъ пуще баронъ *), якобы по повелѣнію двора своего, дѣлалъ здѣсь секретныя предложе-

*) Т. е. баронъ Якоби, Прускої посолъ въ Англіи.

нія, дабы удержать Англію отъ войны и, уговаривая ее для предъявленія своей медіаціи всѣмъ воюющимъ державамъ, увѣрялъ здѣшній дворъ, что Франція того желаетъ и не отринетъ Аглицкую медіацію. Принцесса Оранжская, способствуя всегда видамъ своего брата, не преставала дѣлать здѣсь подобныя же представленія. Все сіе озабочивало весьма короля и министровъ, желающихъ войны и опасающихся, чтобъ нація не примѣтила ихъ желаніе. За тѣмъ, во всѣхъ словесныхъ отвѣтахъ Якобію и Нагелю отвѣтствовано, что Англія не можетъ предъявить своей медіаціи, имѣя сильные опыты недоброжелательства противу ея Франціи, которая старается дѣлать возмущеніе въ Англіи; что здѣсь войны не желаютъ и лишь бы Франція оставила всѣ свои завоеванія и дала бы залоги, прямо вѣрить можно, что она не выдетъ болѣе изъ своихъ границъ и не будетъ болѣе безпокоить Европу, то Англія сохранитъ желаемый миръ какъ ею, такъ и всѣми державами. Между тѣмъ сдѣлался разрывъ. Тогда уже явно стали отсель понуждать короля Прускаго на выгнаніе Французовъ изъ той части Германіи, гдѣ они въ близости его находятся, а сіе тѣмъ наипаче, что онъ имѣлъ почти втрое болѣе войска, нежели Кюстинъ. Но всѣ сіи домогательства были тщетны, и письма Аглицкихъ во Франкфортѣ агентовъ были наполнены токмо описаніями баловъ и Нѣмецкихъ оперъ, которыя тамъ съ великолѣпіемъ представлялись. Наконецъ кавалеръ Морей, возвращаясь оттуда сюда, спросилъ по повелѣнію здѣшняго двора у короля Прускаго, чтò онъ можетъ донести своему государю о будущихъ военныхъ операціяхъ его Прускаго величества и получилъ отъ его сей отвѣтъ: Dites que quoique j'ai déjà mon indemnité d'avance pour les frais de cette guerre, je ne laisserai pas de faire ce que mon honneur exige. Я сіе знаю отъ трехъ разныхъ особъ, двумъ изъ коихъ сказалъ сіе лордъ

Гренвиль, а третьему самъ король. Однимъ словомъ, здѣсь всѣ увѣрены теперь, что прошлая кампанія была сдѣлана королемъ Прускимъ и герцогомъ Брауншвейгскимъ нарочно для истощенія Австріи и потери для нея Нидерландовъ.

Вотъ обстоятельства, кои нужно чтобъ Ея Императорское Величество знать изволила и кои я не могу писать обыкновеннымъ каналомъ, не подвергая ихъ знанію подчиненныхъ въ канцеляріяхъ.

30.

Лондонъ, 20 Сентября (9 Октября) 1795.

Кромѣ принужденной моей поѣздки по дѣламъ въ Дюны и оттоль на эскадру нашу и разныхъ курьеровъ, что̀ долженъ былъ посылать къ вице-адмиралу Ханыкову, что̀ мнѣ причинило экстраординарныя издержки, коимъ держу счетъ, которой въ концѣ года ко двору отправлю, мнѣ предстаютъ еще издержки необычайныя отъ прибытія нашей эскадры, коихъ счеты не могу вести подробно по нижеслѣдующей причинѣ.

Всѣ корабли и фрегаты, кои въ отдѣленіяхъ находятся въ разныхъ портахъ и въ крейсированіи, посылаютъ непрестанные рапорты къ вице-адмиралу съ пространными пріобщеніями и, не зная гдѣ онъ находится, въ Норѣ, Ширнесѣ, Дилѣ или въ морѣ, присылаютъ сіи огромные пакеты ко мнѣ подъ моимъ кувертомъ. Тѣ, кои находятся въ крейсированіи, отдаютъ такіе же пакеты встрѣчающимся Аглицкимъ судамъ, кои идутъ въ разные здѣшніе пор-

ты, отколѣ они мнѣ ихъ по почтѣ доставляютъ, такъ что изъ сѣверной части Англіи и Скотландіи безпрерывно сіи пакеты приходятъ и по величинѣ своей и по дороговизнѣ здѣшней внутренней почты стоятъ по 8, 10 и часто по 16 шиллинговъ каждой. А какъ я кромѣ сей не-моей переписки имѣю мои собственныя и веду счеты съ почтою помѣсячно, а тамъ не въ состояніи знать, которые для меня прямо и которые подъ моимъ адресомъ къ вице-адміралу должны слѣдовать, то ставится все на мой счетъ, такъ что я въ прошедшемъ Сентябрѣ мѣсяцѣ долженъ былъ заплатить 18 ф. стерлинговъ и нѣсколько шиллинговъ болѣе, чѣмъ обыкновенно плачу ежемѣсячно.

Естьли-бъ я былъ богатъ, какъ былъ графъ Скавронскій, князь Юсуповъ, графъ Разумовскій, графъ Стакельбергъ и другіе тому подобные, я бы никогда не трудилъ ваше сіятельство; но я изъ дому получаю 21 тысячу, которые составляютъ 2200 ф. стерл., и сія сумма съ тѣмъ что̀ отъ двора получаю, становилась до сихъ поръ прямо въ обрѣзъ моимъ издержкамъ; а по возрастающей ежегодно дороговизнѣ и по умноженію моего расхода, по причинѣ возраста и воспитанія моихъ дѣтей, я принужденъ входить въ долгъ.

Вы очевидной свидѣтель моего поведенія были въ арміи. Я проживалъ больше, нежели имѣлъ доходу, будучи полковникомъ, отъ чего вошелъ въ долгъ и, поѣхавъ для излеченія въ Италію, принужденъ былъ заложить свой домъ, а полкъ оставилъ съ богатою казною, чему призываю въ свидѣтельство господина Уварова, которой мнѣ наслѣдовалъ: кромѣ полковой казны, роты были въ такомъ довольствіи и хозяйствѣ, что не было ни одной, въ которой бы не было по меньшей мѣрѣ 600 рублей артельныхъ денегъ. Я съ той поры какъ служу никогда не пользовался незаконнымъ образомъ оною, а награжденіевъ со стороны имѣнія

никогда не получалъ, ибо оныя не заслужилъ конечно. Но справедливо, чтобъ я и не разорился. За тѣмъ надѣюсь, что ваше сіятельство представите Ея Императорскому Величеству, дабы сіи экстраординарные расходы почты во время пребыванія сей эскадры и кои могутъ превзойти 200 ф. стерл. (хотя не могу я по вышерѣченнымъ причинамъ предъявить документы и росписки оныхъ) были мнѣ удовлетворены заплатою.

Извините, что пишу о такой мелкости; но кто не богатъ, для того 200 или 300 фунтовъ ст. не бездѣлица. У насъ есть пословица: „гдѣ тонко, тамъ и рвется", а мои нитки очень тонки.

31.

Лондонъ, Сентября 26 (Октября 7) 1796 г.

Ваше сіятельство извѣщены уже мною о возвращеніи нашей эскадры въ Россійскіе порты. Съ нею прибудутъ дѣти покойнаго адмирала Самойла Карловича, капитанъ-лейтенантъ и братъ его меньшой лейтенантъ Грейгъ. Получа высочайшее дозволеніе служить на Аглицкихъ корабляхъ, г. капитанъ-лейтенантъ Грейгъ былъ въ Восточной Индіи, Китаѣ и потомъ служилъ въ Средиземномъ морѣ и Архипелагѣ, пріобрѣтая практику и знаніе и дѣлая примѣчанія въ тѣхъ мѣстахъ, наипаче со всякимъ прилежаніемъ, гдѣ покойный отецъ его пріобрѣлъ толикую славу и гдѣ, можетъ быть, и сему достойному его сыну случится когда нибудь употребить пріобрѣтенное свое знаніе къ пользѣ и славѣ Россійскаго флага и къ посрамленію непріятеля.

Услыша о приходѣ нашей эскадры на помощь Англіи, Алексѣй Самойловичъ тотчасъ возвратился сюда и вступилъ въ команду вице-адмирала Ханыкова. Братъ его меньшой съ подобною же охотою и ревностью вступилъ тогда же на Россійскій корабль, оставя Аглицкую службу. Беру смѣлость препоручить ихъ въ высокую милость в. с—ва. Я увѣренъ, что, вспоминая великія заслуги и крайнее усердіе покойнаго ихъ отца, не оставите принять сихъ бѣдныхъ сиротъ въ высокое ваше покровительство и особливую милость, чѣмъ составите навсегда ихъ благополучіе.

32.

Лондонъ, 20 Февраля (3 Марта) 1797.

Спустя нѣсколько времени послѣ моего сюда пріѣзда, я нашелъ, что семь человѣкъ, кои по послѣднему стату опредѣлены были при здѣшней миссіи, были весьма излишни для настоящаго исправленія дѣлъ, и что многіе изъ нихъ, не имѣя упражненія, пріучалися къ праздной жизни и могли бы долгимъ продолженіемъ оной сдѣлаться совсѣмъ неспособными къ службѣ. Узнавъ также изъ испытанія несказанную дороговизну сей земли, я удостовѣренъ былъ, что имъ невозможно было жить жалованьемъ, которое по тому же стату имъ опредѣлено было, и почелъ за необходимой долгъ представить, дабы число канцелярскихъ здѣсь служителей было уменьшено, и то, что̀ доставалось жалованья всѣмъ, было бы распредѣлено на четыре человѣка, кои потребны для порядочнаго исправленія дѣлъ. Не получа ни-

какого отвѣта, я на другой годъ паки о томъ же представилъ и продолжалъ сіи представленія безъ устали чрезъ многіе годы, пока покойная Государыня, примѣтя сіи повторенія и признавъ ихъ основательными, приказала удовлетворить оныя, что̀ и было исполнено.

Теперь же дошло до меня извѣстіе, не знаю основанное ли на истинѣ или нѣтъ, что во всѣхъ миссіяхъ будетъ уменьшено число канцелярскихъ служителей, и если сіе извѣстіе справедливо, то почитаю необходимымъ представить вашему сіятельству, что, какъ я былъ одинъ изъ моихъ сотоварищей, который просилъ о уменьшеніи излишнихъ служителей канцеляріи, то надѣюсь, что ваше сіятельство мнѣ повѣрите, когда я васъ увѣряю, что менѣе четырехъ человѣкъ при здѣшней канцеляріи имѣть не можно безъ остановки исправной службы. Здѣшняя миссія никакъ непохожа на прочія; ибо образъ здѣшняго правленія, совсѣмъ отъ другихъ отличаясь, дѣла не идутъ, какъ въ другихъ земляхъ. Дворъ и министерство не могутъ ничего сдѣлать безъ обѣихъ каморъ Парламента, въ коихъ всегда бываютъ разныя фракціи, а и Парламентъ не такъ независимъ въ своихъ дѣйствіяхъ, какъ то думаютъ тѣ, кои не знаютъ совершенно Англію: ибо Парламентъ самъ весьма зависимъ отъ расположенія мыслей націи, которая во всѣхъ важныхъ дѣлахъ весьма дѣйствуетъ надъ поведеніемъ обоихъ каморъ. Для соображенія всего, что̀ дѣлается и для предвидѣнія, что̀ впредъ здѣсь сдѣлано быть можетъ, надобно неотмѣнно читать и дѣлать переводы и выписки изъ всѣхъ многочисленныхъ ежедневныхъ газетъ, журналовъ и брошюровъ, кои разныя фракціи въ обѣихъ каморахъ и въ самой націи внутри земли каждый день обнародываютъ, такъ что всѣ четыре человѣка, при моей канцеляріи находящіеся, безпрерывно упражнены чтеніемъ, переводами и выписками. Сверхъ сего я имѣю еще частую и пространную переписку,

которой не имѣютъ мои сотоварищи, а именно съ Кабинетомъ, Государственнымъ Казначействомъ и съ Адмиралтействомъ, въ чемъ ваше сіятельство можете удостовѣриться отъ Василія Степановича Попова, отъ Алексѣя Ивановича Васильева и отъ Алексѣя Наумовича Сенявина. Одна Адмиралтейская Коллегія довольно меня и моихъ подчиненныхъ занимаетъ, ибо я здѣсь аки опекунъ всѣмъ ученикамъ, кои сюда для кораблестроенія присылаются. Полезное заведеніе имѣть здѣсь въ Аглицкомъ флотѣ нѣкоторое число нашихъ молодыхъ офицеровъ для пріобрѣтенія практической службы заставляетъ меня еще имѣть разныя сношенія съ здѣшнимъ Адмиралтействомъ, и сіи сношенія и разныя словесныя пересылки съ симъ департаментомъ, превосходя труды находящихся людей при моей канцеляріи, кои и безъ того весьма заняты, принудили меня употреблять на сіе, такъ какъ и на другія переписки съ здѣшними мануфактурщиками по другимъ дѣламъ, на меня налагаемымъ, священника нашей церкви, который, по усердію своему, искусству и познанію здѣшней земли, весьма мнѣ помогаетъ. Я вхожу въ сіи подробности и утруждаю ваше сіятельство затѣмъ, что если есть намѣреніе уменьшить во всѣхъ миссіяхъ число канцелярскихъ служителей, то надѣюсь, что вы представите Государю о необходимости оставить число четырехъ при Лондонскомъ посольствѣ: ибо по чести могу увѣрить ваше сіятельство, что уменьшеніемъ сего числа порядочное исправленіе здѣшнихъ дѣлъ весьма потерпитъ. Я при семъ случаѣ не могу упустить, чтобы не засвидѣтельствовать паки вашему сіятельству о почтенныхъ достоинствахъ, знаніи и усердіи господина статскаго совѣтника Лизакевича и господъ Назаревскаго, меньшаго Смирнова и Сиверса, коихъ не токмо я желаю при себѣ сохранить, но еще осмѣливаюсь препоручить въ милостивое ваше покровительство, прося ваше сіятельство подать имъ руку помощи и пред-

ставить Всемилостивѣйшему Государю, что они, оставаясь уже многія лѣта безъ всякаго производденія, остаются въ уныніи, когда дѣйствительно заслуживают милостивое Его Императорскаго Величества ободреніе. Государь нашъ справедливъ, щедръ и великодушенъ, ваше сіятельство любите помогать добрымъ; и такъ я остаюсь въ полной надеждѣ, что сіи четыре усердные слуги нашего милостиваго Монарха не останутся безъ награжденія.

Остаюсь съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію, вашего сіятельства покорный слуга г. С. Воронцовъ.

33.

Лондонъ, 26 Мая (6 Іюня) 1797.

Англія еще не была никогда въ толь стѣсненномъ и жалостномъ состояніи. Изъ прежнихъ моихъ донесеніевъ ваша свѣтлость изволили видѣть, что первый бунтъ матросовъ въ Портсмутѣ былъ успокоенъ, но по несчастію съ уступкою отъ стороны правленія, что̀, возгордя бунтующихъ, служило поводомъ для втораго и сильнѣйшаго бунта тѣхъ же извергов, и что и сей вторичный мятежъ былъ наконецъ успокоенъ, удовлетворя мятежниковъ въ большей части ихъ требованіевъ, и что, послѣ трехнедѣльнаго безпорядка, сей флотъ пошелъ наконецъ въ море для крейсировки около Бреста. Лишь токмо что правленіе избавилось отъ сего безпокойствія, какъ новое, еще труднѣйшее ему предстало, а именно бунтъ нѣкоторыхъ военныхъ кораблей и фрегатовъ, кои лежали внизу Тамизы межъ Ширнеса и Нора, коихъ матросы, овладѣвъ судами и офицерами, стали требовать

еще болѣ, чѣмъ тѣ, кои бунтовали въ Портсмутѣ. Лордъ Спенсеръ и другіе два лорда адмиралтейства ѣздили въ Ширнесъ и имѣли на берегу свиданіе съ главами сего бунта, уговаривая ихъ къ законному послушанію; но, за неистовыми требованіями сихъ злодѣевъ, ничего не успѣли. Королевская прокламація, которая обѣщаетъ прощеніе, если бунтующіе возвратятся въ повиновеніе, не имѣла также ни малѣйшаго дѣйствія. Но что̀ всего хуже, то то̀, что многіе корабли эскадры адмирала Дункана оставили его и пришли въ Норъ, для соединенія съ бунтовщиками, такъ что число кораблей и фрегатовъ, въ семъ положеніи находящихся, болѣе 20-ти теперь составляетъ, не считая четырехъ, кои остались въ Ярмутѣ, отказавъ слѣдовать за адмираломъ Дунканомъ, который пошелъ въ море съ двумя кораблями, желая сохранить хотя сіе малое число судовъ въ послушаніи. Тѣ, кои въ Норѣ находятся, осмѣлились, надѣясь на свою силу, стрѣлять по одному фрегату, который, не хотя участвовать въ ихъ бунтѣ, прошелъ мимо ихъ и былъ во многихъ частяхъ разстрѣлянъ, поврежденъ и удивительно, какъ не потопленъ, и наконецъ, дошелъ до Портсмута. Тѣже бунтовщики осмѣлились стрѣлять по редутамъ, кои съ обѣихъ сторонъ устья рѣки находятся и останавливаютъ всѣ суда, идущіе въ Лондонъ или выходящіе изъ сего порта, осматриваютъ ихъ прилежно и обираютъ провизію и аммуницію. И такъ что̀ непріятельскіе флоты не могли по сіе время сдѣлать, блокировать Лондонскій портъ, то дѣлаетъ Аглицкая эскадра, овладаема будучи предателями своего отечества. Сіе огорчило до крайности всю націю противъ сихъ изверговъ, и всѣ теперь единодушно желаютъ употребить всѣ средства для наказанія сихъ злодѣевъ, хотя бы то стоило потерь всѣхъ сихъ кораблей, если найдется способъ ихъ сжечь или потопить. Сообщеніе съ ними запрещено, никого изъ нихъ на берегъ не пу-

скаютъ, всѣ берега по обѣимъ сторонамъ устья Тамизы, гдѣ они стоятъ на срединѣ, покрыты войскомъ, ежедневно умножаются тамъ батареи пушекъ и мортиръ. Два акта парламентскіе будутъ сегодня обнародованы одинъ: противъ сихъ матросовъ, а другой противу тѣхъ, кои между сухопутнымъ войскомъ раздаютъ печатные билеты для возбунтованія онаго. Потомъ выйдетъ новая королевская прокламація о семъ флотскомъ бунтѣ, послѣ которой, если сіи бунтующіе корабли не покорятся самовольно и не выдадутъ пачинщиковъ, то будетъ употреблена противу ихъ самая дѣятельная и жестокая сила. Но, по несчастію, сіе можетъ продлиться еще недѣлю и болѣе, а еще и больше того надобно будетъ времени для исправленія порядка и снабженія ихъ водою, провіантомъ и аммуниціею; а между тѣмъ весь восточный берегъ Великобританскій оголенъ и не имѣетъ морской защиты противу покушеніевъ Голандскаго флота, ожидающаго токмо способнаго вѣтра, чтобъ выдти изъ Текселя.

Вчерась, возвратясь изъ дворца, я нашелъ у себя въ домѣ партикулярное письмо лорда Гренвиля, коимъ онъ меня проситъ, дабы я не отказалъ, видя бѣдственное теперь положеніе Англіи, уговорить нашего контръ-адмирала, дабы онъ пошелъ изъ Ярмута на соединеніе съ Дунканомъ, который, соединясь съ нимъ и съ кавалеромъ Куртисомъ, можетъ помѣшать Голандцамъ, кои уже готовы съ войскомъ сдѣлать сюда покушеніе дессанта. Я прилагаю сіе письмо въ оригиналѣ. Ваша свѣтлость изволите примѣтить жалостное состояніе сей земли изъ словъ сего письма, гдѣ лордъ Гренвиль мнѣ говоритъ: Vous vous ferez un nouveau mérite auprès de l'Empereur en le mettant à même de rendre au commencement de son règne le plus grand service à l'Angleterre qu'elle aye jamais reçû de quelque autre nation ou puissance que ce fut.

Видя сію крайность и уважая дружеское расположеніе Государя къ Англіи и его точный союзъ съ нею, я не могъ отказать здѣшнее требованіе, сдѣланное мнѣ необходимою нуждою, и какъ я долженъ былъ вчерась же у него обѣдать, то и не отвѣчалъ ему письменно, а поѣхавъ къ нему сказалъ ему, чтобъ онъ мнѣ написалъ официальное письмо, которое служило бы мнѣ поводомъ къ тому, что̀ я сдѣлаю. Онъ мнѣ прислалъ оное, а я писалъ два письма къ нашему контръ-адмиралу господину Макарову, съ коихъ копіи при семъ прилагаю. Офиціальное же письмо лорда Гренвиля посылаю въ оригиналѣ, пріобщая при семъ же и копію съ моего отвѣта.

Ваша свѣтлость изъ содержанія сихъ бумагъ признаете, уважая бѣдственное положеніе Англіи, какъ жестоко бы было и несходственно съ мыслями Государя и съ его вѣрностію въ союзѣ съ сею землею, если бы я отказалъ то, что̀ отъ меня здѣсь просили и уповаю, что подкрѣпите у Его Императорскаго Величества мое оправданіе. Кто на свѣтѣ могъ бы положиться на союзъ съ Россіею, если-бъ во время сущей гибели ея союзницы, она отказала двухнедѣльное замедленіе возвращенія трехъ кораблей и трехъ фрегатовъ? Безъ толь жестокой крайности, до которой доведены теперь дѣла сей земли, я бы не отважился остановить господина контръ-адмирала Макарова. Если, по несчастію моему, поведеніе мое въ семъ случаѣ не будетъ угодно Государю, то я одинъ виноватъ отъ недостатка въ разсужденіи, а господинъ контръ-адмиралъ Макаровъ не долженъ быть въ отвѣтѣ. Онъ, будучи въ чужой землѣ, имѣя повелѣніе брать мои совѣты, не зная въ подробности политическую связь нашего двора съ Лондонскимъ и не вѣдая всю необходимость, которая мнѣ казалась и теперь еще кажется, долженъ былъ согласиться на то, что̀ я ему

писалъ; и такъ, я одинъ виновенъ, если не встрѣтилъ мысли моего Государя и, въ такомъ случаѣ, надѣюсь на милость Его Императорскаго Величества, что онъ не припишетъ мое поведеніе, какъ токмо къ недостатку разсужденія, а не къ недостатку моей безпредѣльной къ Его Императорскому Величеству вѣрности.

Остальныя изъ отысканныхъ доселѣ писемъ Воронцова къ графу Безбородкѣ напечатаны въ IX и XI книгахъ сего изданія. П. Б.

ПЕРЕПИСКА ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ

СЪ ГРАФОМЪ С. Р. ВОРОНЦОВЫМЪ.

Для предотвращенія войны съ Англіею.

1788—1789.

Переписка эта имѣла столь важное значеніе, что Храповицкій, которому Екатерина поручила переписать на бѣло третье изъ нижеслѣдующихъ писемъ, занесъ въ свой памятный Дневникъ нѣкоторыя выраженія этого письма (подъ 26 Февраля 1789). Дѣло въ томъ, что время, къ которому относится издаваемая нынѣ переписка Екатерины, было одно изъ тяжелыхъ эпохъ Русской Исторіи XVIII-го вѣка. Двѣ разорительныя войны, на Югѣ и на Сѣверѣ, истощали Россію, и хотя Очаковъ взятъ былъ, наконецъ (6 Дек. 1788), но съ Запада грозила новая война съ Пруссіею и съ Англіею. Екатеринѣ удалось предотвратить ее нѣкоторыми политическими мѣрами, столь же мягкими, какъ и настойчиво-твердыми. Она придумала воспользоваться перемѣною во внутреннихъ дѣлахъ Англіи и, получивъ 30 Ноября 1788 г. извѣстіе отъ графа Воронцова о несомнѣнномъ умоповрежденіи Георга III-го („два раза королеву ударилъ, а въ бѣшенствѣ четыре человѣка съ трудомъ его удерживать могутъ", какъ записалъ Храповицкій), рѣшилась войти въ соглашеніе съ предстоявшимъ регентствомъ и главными членами будущаго министерства. Для этого она написала (нарочно пофранцузски, чтобы можно было предъявить кому надлежало) письмо къ гр. С. Р. Воронцову, которое на этотъ разъ хотя и не вполнѣ подѣйствовало, но все таки значительно ослабило Прусское вліяніе въ Англійскомъ кабинетѣ, такъ что исполненіе воинственныхъ замысловъ отсрочилось года на два. Въ 1791 году эти замыслы возникли съ новою силою и, какъ извѣстно, были снова приведены въ бездѣйствіе. Очевидно, что самолюбіе Государыни сильно страдало при этомъ, и ей тяжело было писать нижепомѣщаемыя письма. Наканунѣ подписанія перваго изъ нихъ (8 Декабря 1788) она отозвалась Храповицкому: „Буде и не удастся, то все сдѣлала, чѣмъ должна Имперіи, и невиновата въ послѣдствіяхъ". Въ графѣ Воронцовѣ нашла она искуснаго и дѣятельнаго исполнителя своей мысли. П. Б.

Первое письмо Екатерины.

St.-Pétersbourg, le 9 Décembre 1788.

Monsieur le comte de Worontzow! Le feu roy de Prusse, ayant vu par expérience, durant la guerre de sept ans, à combien de malheurs ses états avaient été exposés, dont une grande partie ayant été conquise par les armes victorieuses de la Russie, lui fut rendue par nous-mêmes, après la paix conclue en 1762, et nommément son royaume de Prusse, ce qui fit une telle impression sur l'esprit d'ailleurs entreprenant de ce prince, qu'il ne se livra jamais au projet spéculatif de son ministre le comte Herzberg qu'avec resèrve et en modifiant ses idées, sachant d'ailleurs leur mettre un frein. Il n'en est pas de même présentement. La faiblesse réconnue de son successeur ne lui permet pas d'user de la même prudence. Le susdit ministre, sous le spécieux prétexte de la ligue des princes d'Allemagne pour le maintien de la constitution germanique à laquelle personne ne pense de donner atteinte, et par les affaires de la Hollande, a sçu attirer la régence d'Hanovre et le roy Georges III dans tous ses projets et menées, quelques incompatibles qu'elles fussent d'ailleurs avec beaucoup d'autres intérêts et avantages réels de l'Angleterre et dont elle se privera, si elle ne rémediait à tems. Accoutumés à estimer la nation anglaise, à la regarder comme alliée naturelle de la Russie, depuis le commencement de notre règne, nous avons souhaité, désiré et nous nous sommes appliqué à

rechercher l'amitié et l'alliance de la Grande-Bretagne dans plus d'une occasion, et assurément il n'a pas tenu à nous que non-seulement le traité de commerce entre nous n'aye été rénouvellé, mais qu'une alliance formelle ne soit parvenue à la perfection. Si d'autres intérêts que ceux qui devaient resserrer les liens de deux nations, qui ont tant de naturels entre elles, ont prévalu dans le cabinet de St. James, l'on ne peut nous l'attribuer, parce que notre intention était toujours de nous rapprocher de l'Angleterre, dès que nous verrions le moindre jour à nos désirs constants sur ce point. La maladie présente du roy d'Angleterre, dont la frénesie non-équivoque paraît devoir donner lieu à une nouvelle face de choses en Angleterre, ne nous permet pas de négliger cette lueur d'espérance, pour vous prescrire de vous appliquer à faire revenir le ministère d'Angleterre, si tant y a, qu'on pourvoye à en établir un patriotique, de le faire revenir, dis-je, de ses erreurs passées, de lui dépeindre les dangers, le peu d'honneur et de profit qu'il y a pour eux de se livrer aux projets imaginés par le comte Hertzberg, pour soutenir son propre crédit et qui, acharné contre nous, parce que nous n'avons pas donné dans ses visions chimériques, entraîne son maître dans une guerre immanquable et tâche de nous susciter partout des ennemis. Déjà le ministère de Georges III s'est-il laissé entraîner jusqu'à employer son ambassadeur Ainsly à Constantinople à se joindre à l'envoyé de Prusse, pour encourager et exciter les Turcs à nous faire la guerre, et en dernier lieu l'envoyé de l'Angleterre à Copenhague a endossé publiquement l'uniforme suédois pour détacher le Danemark de notre alliance et s'est porté jusqu'à menacer d'une déclaration de guerre notre allié et nous-même s'il nous assistait.

Qu'est ce que l'Angleterre peut se promettre, en assistant nos ennemis? En vérité, l'on peut dire qu'en perdant ses trésors à soutenir nos ennemis, il n'y aura que la France qui y gagnera et non pas l'Angleterre. Les démarches que le roy de Prusse s'est permis contre nous en Pologne ne sont plus équivoques, et tout nous annonce qu'au printemps il nous déclarera la guerre. Voilà donc l'Angleterre, si elle n'y prend pas garde, entraînée encore dans un des caprices et des réveries du cabinet de Potsdam, mis-parti mené par un homme, dont les projets n'ont ni frein, ni foi, ni loi et mis-parti par des enthousiastes frénétiques qui se permettent des choses inouïes au propre dire du prince Henry, oncle du roy de Prusse. Nous ne saurions croire que des vrais patriotes anglais que m-r Fox et toutes les bonnes têtes et grandes familles d'Angleterre, telles que les ducs de Devonshire, de Portland et beaucoup d'autres qui possèdent la confiance du prince de Galles, voulussent conseiller à ce prince et puissent avoir aussi peu d'égards à sa gloire que de vouloir lui laisser embrasser dès le premier instant de la régence un parti aussi incertain et aussi contraire aux intérêts naturels du royaume et que de gayété de cœur ils voulussent se déclarer contre moi, leur ami naturel et livrer celui-ci à leurs ennemis et à la merci de ceux dont les intérêts ne sont pas aussi liés aux siens. Vous pouvez leur dire qu'ils peuvent juger par là du désir que j'ai de saisir la première occasion de me rapprocher d'eux, que je mets de côté et que j'oublie tous les sujets de plainte, que j'ai à la charge du ministère de Georges III que vous savez n'être pas en petit nombre. Je vous souhaite de tout mon cœur tous les succès possibles.

Catherine.

Архивъ Князя Воронцова, XVI. 17.

Второе письмо Екатерины.

St.-Pétersbourg, le 9 Décembre 1788.

Monsieur le comte de Worontzow! Vous verrez par le rescript que vous recevrez aujourd'hui et par la lettre ci-jointe signée par moi, quels sont les ordres que je vous envoye. Vous jugerez bien vous-même que le service que vous rendriez à votre patrie et à moi exécutant ces ordres, serait très-important, s'il était couronné du succès, même si vous parveniez seulement par vos insinuations à empêcher l'Angleterre de se laisser entraîner par ce m-r Hertzberg dans ses projets d'agression contre nous et dans lesquels ce ministre fait tout son possible pour précipiter son maître. Le service que vous me rendriez serait bien plus grand' encore, si vous parveniez à détacher l'Angleterre tout-à-fait, du moins pour les affaires du Nord, du systême prussien, auquel elle perdra ses trésors sans y gagner autre chose, si non de se tenir éloignée de son allié naturel, la Russie, et par là d'augmenter le nombre de ses antagonistes. Instruisez-moi de vos succès et surtout employez tous vos soins et ne négligez aucun moyen pour cela. Je vous le recommande instamment et je suis persuadée que plus vous y penserez, et plus vous serez convaincu de l'importance de cette commission.

Catherine.

Отвѣтъ графа Воронцова.

Londres, le 19 (30) Janvier 1789.

Madame!

J'ai reçu par un exprès de la part de monsieur Kalitchew de la Haye la lettre et le rescript dont Votre Majesté Impériale a daigné m'honorer du 9 (20) X-bre. Au moment qu'elle me prescrivait ses volontés, elle croyait, et certainement avec raison, qu'elles m'arriveraient quand la régence serait déjà établie et qu'un nouveau ministère aurait succédé à l'ancien. Mais, contre toute attente, l'établissement de cette régence a souffert tant de délais et de chicanes du parti dominant dans les deux chambres, que cette affaire n'est pas encore terminée et ne le serait que dans dix jours d'ici.

Quoique je n'ai jamais eus des liaisons intimes et particulières avec m-r Fox, je n'ai jamais manqué de lui témoigner, toutes les fois que je l'ai rencontré, les attentions et les prévenances, qui sont dues à un homme d'un aussi grand génie et d'aussi grands talents, et de ma part en particulier pour la profession qu'il a toujours fait, que l'Angleterre devait conserver l'amitié de la Russie *). J'ai toujours été avec le duc de Porthland sur un bon pied; pour ce qui est du duc de Devonshire, j'ai été plus familier avec lui qu'avec les deux autres et je ne puis assez me louer des amitiés que lui et la duchesse m'ont constamment témoignés. Les deux ducs sont parents et amis intimes, et tous les deux très-intimement liés avec m-r Fox, qui est l'âme

*) Фоксъ (1749—1806) въ то время уже былъ знаменитымъ ораторомъ и государственнымъ человѣкомъ, а не за долго до того занималъ мѣсто и перваго министра.

de l'opposition actuelle et sera le principal ressort qui fera mouvoir toute la machine de l'administation qui remplacera celle de m-r Pitt. C'est lui qui gouverne tout le parti, qui a dans les talents et le caractère franc de cet homme prodigieux la confiance la plus implicite.

Quoique malade depuis trois mois d'une fluxion de poitrine qui m'oblige à garder la chambre, ce n'est pas ma maladie qui me retenait d'exécuter les ordres de ma Souveraine; mais l'ambarras était de ne pouvoir les remplir, sans rendre mes démarches d'autant plus publiques qu'on savait que je ne sortais pas de la maison et que celles des deux ducs ne se désemplissent jamais de monde et sont entourées d'espions du ministère encore actuel et de ceux de la cabale prussienne. Le seul parti qui me restait était de tâcher de voir m-r Fox, qui lui-même malade ne recevait personne chez lui à l'exception de ses plus intimes amis et ne sortant de chez lui que pour aller à la Chambre des Communes. Pouvant le voir plus facilement chez lui et cacher avec plus de facilité, même à ma propre maison, ma sortie, j'engageai une personne avec laquelle je suis intimement lié et qui l'est également avec le duc de Devonshire, de prier de ma part ce dernier d'arranger une entrevue entre m-r Fox et moi, ce qui fut fait le lendemain, et m-r Fox me donna rendez-vous chez lui à une heure qui m'était commode à sortir et d'arriver chez lui sans être vu de personne.

Il me reçut avec toute la cordialité de son caractère. Je lui communiquai le contenu des ordres que Votre Majesté Impériale m'a donnés, et je lui ai même montré le passage de la lettre française, dans laquelle, parlant d'un ministère anglais patriotique, elle cite nommément m-r Fox et les ducs de Portland et Devonshire. Il en a été infiniment flatté et me l'a témoigné par les expressions les plus reconnais-

santes. Puis il m'a ajouté qu'il ne pouvait parler à présent qu'en aveugle, ne connaissant nullement les engagements que ce pays a pris avec la cour de Prusse, qu'il croyait cependant qu'on était allé au-dela des engagements qu'il suppose exister; mais que dans quinze jours la régence établie et lui-même devenant secrétaire d'état pour les affaires étrangères, il verra mieux où en sont les choses et me communiquera alors ce qu'il en pense. Je lui ai fait le récit de tout ce qui s'est passé entre la Russie et l'Angleterre depuis que je suis ici, de même que de tout ce qui m'a été communiqué par le vice-chancelier de V. M. Impériale relativement aux affaires de Suède et ce qui regarde la médiation si singulièrement offerte par les cours de Berlin et de Londres, tandis que ces mêmes cours médiatrices agissaient hostilement contre la Russie en Danemark. Je l'ai prié de communiquer le tout aux deux ducs et de leurs dire la confiance qu'a V. M. Impériale dans leurs lumières et leur intégrité. J'ai su depuis qu'ils ont été très-flatté de cette communication.

Je dois ajouter à V. M. Impériale que le duc de Devonshire ne veut aucune place dans le ministère futur, mais lui donnera toujours tout son appui à cause de ses quatre amis qui auront la principale direction, c'est à dire m-r Fox, le duc de Porthland, le lord John Cavendish, qui sera chancelier de l'échiquier et lord Fitz-William, neveu et l'héritier du feu marquis de Rokinham et qui sera, dit-on, premier lord d'amirauté. Ces quatres personnes, très-intimement liées entre elles, sont également attachées au duc de Devonshire et ne font rien sans le lui communiquer.

En me mettant aux pieds de Votre Majesté Impériale, j'ai l'honneur d'être le plus soumis de ses sujets.

S. c. Woronzow.

Третье письмо Екатерины.

Monsieur le comte de Worontzow! Votre lettre du 19 (30) Janvier m'étant arrivée en son tems, j'ai attendue que les affaires de la régence fussent reglées, afin d'y répondre. L'avant-dernière poste nous ayant enfin apporté la nouvelle que le prince de Galles avait accepté la régence, je me trouve aujourd'hui en état de vous dire ce qui suit.

La lettre du prince de Galles à m-r Pitt (quoiqu'on aye divulgué, comme si elle avait donné lieu à des mésentendus entre les amis du prince et nommément messieurs Fox et Cheridan) a fait ici, comme partout ailleurs, une sensation très-favorable pour le prince, qui s'annonce par là vraiment d'une façon brillante. Soit qu'il aye dicté cette lettre, soit qu'il aye adopté un aussi bon conseil, l'un et l'autre lui fait un égal honneur. A en juger par ce début il faut lui supposer des talens très-distingués. Personne n'est plus intéressée à en désirer de tels au prince de Galles que moi, parce que je suis persuadée que le véritable mérite et un grand caractère ne sauraient être sépares d'avec cet amour de la justice qui a pour base l'impartialité nécessaire pour ne pas se laisser entraîner par ceux qui sont d'un avis contraire.

C'est cette impartialité que je souhaite, que je réclame aussi dans ce moment. La Grande-Brétagne, le régent et son ministère ne trouveront jamais une cause plus juste que la mienne.

Dans l'occasion vous ne manquerez pas de faire connaître mes sentimens au partie patriotique, que je regarde comme

celui des amis par principe de la Russie, lesquels sont persuadés, tout comme moi, que les vrais intérêts de la Grande-Brétagne se trouvent naturellement et intimement liés à ceux de la Russie et regardent comme hérésie en fait de politique tout avis contraire à celui-ci.

Je vous recommande très-expressement de cultiver l'amitié que vous témoignent les ducs de Portland et de Devonshire, et d'entretenir avec soin les bonnes dispositions que m-r Fox vous a témoignées avec cette cordialité et franchise qui caractérisent les talens supérieux de cet homme extraordinaire. Je suis persuadée que vous n'aurez aucune peine à le faire convenir de la justice de ma cause vis-à-vis de mes ennemis, et par conséquent de l'injustice de mes adversaires; tout ceçi est trop manifeste et avéré pour pouvoir échapper à des yeux éclairés comme les siens.

Les engagemens ou l'alliance de Georges III au sujet des affaires d'Hollande avec le roy de Prusse, dont il vous a parlé, ont été communiqués à toutes les cours et à moi aussi. Il est connu outre cela qu'il existe des articles secrets entre les deux rois qui n'ont pas été communiqués.

Pour ce qui est des affaires d'Hollande, je ne m'en suis jamais melée qu'une seul fois, et cela encore par le propre désir et à la réquisition même de m-r Fox, lequel se souviendra aisément que lorsqu'il était secrétaire d'état, il s'est adressé à mon ministre à la Haye pour y faire passer des propositions de paix. Il n'a pas dépendu assurément alors de ma bonne volonté que le succès n'aye répondu aux désirs du ministère britannique d'alors. Les intérêts de l'Angleterre par rapport aux affaires de la Hollande et ses liaisons et traités à ce sujet avec le roy de Prusse par conséquent n'ont rien qui choque mes intérêts dans ce pays-là.

Tout ce qui est à appréhender présentement consiste uniquement en ce que la Grande-Brétagne ne se laisse entraîner

au sujet des affaires d'Hollande, par ses engagemens et sous prétexte de ses engagemens, dans les vues et projets aussi diffus que maldigérés et tout-à-fait chimériques du cabinet prussien, dont la vanité et l'orgueil insoutenables vont jusqu'à vouloir dicter des loix aux nations indépendantes. Le roy de Prusse s'étant érigé en dictateur en Hollande, prétend jouer le même rôle partout, sans égard, dis-je, pour l'indépendance des puissances, ni pour leurs engagemens les plus sacrés. Déjà le ministère de Georges III, se contentant d'un rôle secondaire, que l'Europe n'avait pas vu depuis longtemps à l'Angleterre, s'est laissé guider par les cabales de la ligue germanique et les prétendus intérêts de l'électorat d'Hannovre et les sous-employés de ce ministère ayant ordre d'agir en conformité et d'un intime accord avec ceux de la cour de Berlin, se sont livrés aux menées les plus passionnées contre moi, l'amie ancienne et naturelle de la Grande-Brétagne. Témoin la conduite incendiaire des Ainslye et Dietz à Constantinople, des Elliot et Bork à Copenhague; ceux-çi ont même quitté l'emploi de ministre public et de paix pour courir dans le camp animer et combattre avec les ennemis et les infracteurs de la paix et se sont permis des déclarations de guerre et des menaces, auxquelles même ils n'étaient pas autorisés. Toutes ces funestes trames ont été ourdies par la témérité du comte de Hertzberg, ministre plus pédant que prudent, en haine de mon alliance avec l'Empereur contre les Turcs, qui cependant ne regardait en rien l'empire d'Allemagne. Alliée naturelle et de fait de l'Empereur contre les Turcs, on m'a regardé comme ennemie de la ligue allemande.

Ici je ne saurais m'empêcher de faire encore mention de m-r Harris qui a eu sa bonne part aux iniquités tramées contre moi. Il n'a jamais pu oublier deux conversations qu'il m'a demandées et où j'ai eu le malheur de prédire ce qu'il

en arriverait des affaires d'Amérique, le priant de le mander au roy de la Grande-Brétagne, comme l'avis de son amie la plus sincère et la plus intéressée au bien-être et la prospérité de ses royaumes [1]). Il serait à souhaiter que les envoyés d'Angleterre aux cours étrangères fussent soustraits à toute autre direction et qu'ils n'agissent nulle part autrement que par les prescriptions directes du ministère britannique, afin que le cabinet de Berlin ne se servît pas de leurs mains pour tirer les marons du feu.

Sans l'encouragement donné par des boute-feux au roy de Suède, non seulement celui-ci n'aurait jamais osé penser à enfreindre tous les engagemens humains tant extérieurs qu'intérieurs de son royaume, joins aux liens du sang et aux liaisons d'une connaissance personelle, de laquelle assurément il n'avait pas à se plaindre [2]); mais même il y aurait longtems que la paix entre la Suède, le Danemark et la Russie serait rétablie de telle façon, que la durée aurait été assurée pour longtems. Ceçi a été visible encore en dernier lieu. Les événemens de l'été passée ayant tourné aux désavantages du roy de Suède et se voyant dans des détresses de plus d'un côté, les fumées guerrieures de ce prince au bout de trois semaines commencèrent à se dissiper, et il entrevit la nécessité du rétablissement de la paix; mais comme on le flatta d'alliance et de secours de toute espèce dans le même tems, il prit le parti de s'adresser à presque toutes les puissances de l'Europe, exceptée celle de laquelle il pouvait l'obtenir, offrant à chacune d'elles de se jetter entre leurs bras et demandant leur médiation.

---

[1]) Разговоры эти происходили въ бытность Гарриса посланникомъ въ Петербургѣ, 22 Іюля 1779 и 2 Декабря 1780. Они переданы въ депешахъ Гарриса (лорда Мальмсбюри) въ Русскомъ Архивѣ 1874, II, 166 и 419.

[2]) Густавъ III-й, двоюродный братъ Екатерины, пріѣзжалъ къ ней въ 1777 году въ Петербургъ и въ 1783 г. въ Фридрихсгамъ.

Le Danemark, la France, l'Espagne, la Prusse; la Grande-Brétagne et les Etats-Généraux m'offrirent donc à la fois leur médiation. Je laisse à penser à tout homme sensé, si l'intervention de tant de puissances par leur situation locale seule n'apportait pas plus d'entraves à la confection promte de la paix qu'elle ne la favorisait; mais ce qui montrait bien plus au clair les vraies intentions des inventeurs de cet incident et combien le moment de la pacification se trouvait éloigné, c'est la clause que le roy de Suède y inséra de ne pouvoir entendre à la paix que conjointement avec la Porte Ottomane, se livrant à la fantaisie de faire ainsi de deux choses tout-à-fait différentes et qui n'avaient aucun rapport, une même cause, ce qui augmentait encore considérablement les difficultés de s'entendre.

Je n'ai pu que donner une même réponse à toutes les puissances, fondée sur la vérité, la possibilité ou l'impossibilité; j'ai dû décliner un état des choses et des médiations qui, loin d'accélérer la pacification, ne pouvait que l'éloigner. Cependant je n'ai point réfusé comme de raison les bons offices d'aucune des puissances; et pour en donner une nouvelle preuve, à l'entrée de m-r Fox dans le ministère, vous le prierez de ma part d'employer ceux du prince-régent à Constantinople pour l'élargissement de mon ministre, retenu contre le droit des gens depuis près de deux ans aux Sept Tours *).

M-r Fox et le ministère patriotique auxquels je vous ordonne par celle-ci de vous adresser, pourrait se convaincre par la facilité que j'ai montrée ci-devant pour tout ce qui regarde la Grande-Brétagne, du désir que j'ai euë toujours non seulement de ne pas m'éloigner, mais même en tout

*) Я. И. Булгаковъ былъ заточенъ Турками, еще въ началѣ Августа 1787, т. е. вслѣдъ за возвращеніемъ Екатерины изъ Крымскаго путешествія.

tems de me rapprocher de leur patrie. Ils conviendront aussi que les dispositions du roy Georges III et de son ministère ne m'ont guère été favorables; témoin: les peines que je me suis données pendant bien des années pour parvenir à la confection d'une alliance formelle avec la Grande-Brétagne, sans jamais y pouvoir réussir.

Vous n'ignorez pas pareillement toutes les entraves qu'a souffert le traité de commerce qu'il ne s'agissait que de renouveller. Dans celui-ci on m'a refusé ce qu'on avait accordé à la France. Enfin, ayant perdu toute espérance sur ces deux traités, j'ai suivie l'exemple que m'a donné l'Angleterre: j'ai conclue un traité de commerce avec la France; mais celui-ci ne m'empêchera jamais de renouveller mes anciennes liaisons avec la Grande-Brétagne dès que j'y verrai jour. Il est vrai qu'il m'est impossible de revenir sur les principes de la neutralité armée; j'y suis engagée même par des traités, et la Grande-Brétagne ne devrait pas trouver des difficultés à m'accorder ce dont elle est déjà convenuë avec sa rivale. Voilà mon premier mot. Si celui-çi paraît trop difficile, un moyen de s'entendre serait encore de renouveller simplement le traité de commerce pour autant d'années qu'il a subsisté et de renvoyer l'explication des articles sujets aux discussions à un terme limité, tâchant en attendant de trouver des moyens conciliatoires pour les arranger au gré des parties contractantes. Vous êtes au fait de ce qui s'est traité avec le s-r Fitzherbert, qui paraît avoir eu ordre de ne s'entendre sur rien. J'ai trop de confiance dans les lumières du nouveau ministère pour lui supposer des vuës aussi étroites. Du reste, je me refère aux ordres que vous recevrez avec cette lettre par le Collège, et je vous souhaite une réussite conforme à mes désirs.

Catherine.

Четвертое письмо Екатерины.

Monsieur le comte de Worontzow! Je vous prie de tâcher d'engager à mon service quelqu'uns de ceux qui sont marqués sur la liste ci-jointe et cela, s'il est possible, le plus tôt que faire se pourra; et tâchez de les expédier ici avec la même célérité, parce que réellement nous avons un très-grand besoin de quelques bons et entendus marins. Adieu, portez vous bien. St.-Pétersbourg, le 3 Mars 1789.

Catherine.

Пятое письмо Екатерины.

Графъ Семенъ Романовичъ! Въ дополненіе къ наставленіямъ, отъ меня вамъ нынѣ преподаннымъ, я нахожу нужнымъ вамъ примѣтить, что хотя оныя составлены главнѣйше въ чаяніи, что при новомъ правителѣ государства не останется прежнее министерство, которое ему самому толь многіе знаки худыхъ своихъ расположеній оказало; но какъ можетъ быть, подъ видомъ надежды скораго выздоровленія короля, или же при малѣйшемъ облегченіи его, которое королева и г. Питъ и товарищи выдадутъ за совершенное излеченіе, сіе для насъ маловадежное министерство сохранится надолго, а обстоятельства настоящія требуютъ не отлагать времени и не упускать никакого случая къ

удержанію Англіи отъ дѣятельнаго участія въ злобныхъ умыслахъ кабинета Берлинскаго: то и не оставьте пользоваться всѣми тѣми доводами, коими вы снабжены въ письмахъ и рескриптахъ моихъ къ объясненію непріязненныхъ Прусскихъ поступковъ и къ убѣжденію Англіи обратиться на дружбу и доброе согласіе съ Россіею. Слѣдственно, естьли увидите въ нихъ лучшія расположенія и податливость, можете по степенямъ употребить, къ утвержденію ихъ въ томъ и къ укрѣпленію связи съ сею короною, поручаемую вамъ негоціацію о возобновленіи торговыхъ постановленій. Я полагаюся на осторожность вашу, что вы тутъ отвратите все, что̀ могло бы послужить къ малѣйшему предосужденію достоинства моего. Ожидая частыхъ отъ васъ увѣдомленій, пребываю вамъ доброжелательная

„Екатерина".

На подлинномъ приписано еще своеручно.

„Сіе письмо заготовлено потому, что слышно, будто король выздоровѣлъ; но какъ ни я, да никто не знаетъ человѣка, который, бывъ безъ ума, паки очутился съ умомъ, то я сему не вѣрю*), а нынѣшнее министерство не заслужило довѣренность, которую имѣть можно къ патріотическому. И для того прошу васъ быть съ двоякимъ Питомъ осторожну: онъ управляетъ Берлинскими интригами".

Въ С.-Петербургѣ, Марта 4-го 1789.

---

*) Георгъ III-й, какъ извѣстно, нѣсколько разъ выздоравливалъ и окончательно устраненъ отъ дѣлъ лишь въ началѣ нынѣшняго вѣка.

Отвѣты графа С. Р. Воронцова.

1.

Лондонъ, 3 (14) Апрѣля 1789.

Чрезъ курьера Трипольскаго я имѣлъ честь получить повелѣнія Вашего Императорскаго Величества какъ въ письмѣ, такъ и въ рескриптѣ отъ 28 Февраля и Марта отъ 3 и 4 чиселъ. Настоящее положеніе дѣлъ здѣсь не то уже, какъ казалось быть во время, когда я чрезъ курьера доносилъ вамъ, всемилостивѣйшая Государыня, отъ послѣднихъ чиселъ Генваря. Господинъ Питъ сильно привязанъ теперь къ системѣ двора Берлинскаго, и какъ онъ пріобрѣлъ великую власть надъ своимъ государемъ, то ничего отъ него полезнаго для Россіи ожидать не можно. Я бы токмо что подвергнулъ безъ пользы достоинство ваше, естьли бы поспѣшилъ сдѣлать здѣсь откровенныя предложенія. Затѣмъ я долженъ чрезъ весьма надежныхъ и мнѣ откровенныхъ людей навѣдываться, какъ бы здѣсь приняли случай, когда бы оной предстоялъ, возобновить прежнюю торговую связь, не упоминая уже въ оной о ненавистныхъ здѣсь для всей націи правилахъ вооруженнаго неутралитета, почувствуютъ ли пользу возобновленія сей важной для обѣихъ земель связи, примутъ ли на себя точной неутралитетъ въ двойной войнѣ, которую Россія теперь имѣетъ, и за тѣмъ удержатъ ли стремленіе своихъ министровъ противъ Россіи въ Турціи, Швеціи, Польшѣ и Даніи. Прежде нежели я увѣрюсь о податливости на сіи расположенія, конечно никакого откровенія съ моей стороны министерству не будетъ сдѣлано.

Я не могу при семъ случаѣ не повторить Вашему Императорскому Величеству, что причина всей злобы противу насъ всей Лондонской націи единственно происходитъ отъ правилъ вооруженнаго неутралитета, безъ коихъ никогда бы Пруской дворъ не могъ бы поднять Англію противъ Россіи. Сіи правила толь всѣми здѣсь ненавидимы, что и члены опозиціи, всегда готовые порочить министерство, не могутъ совсѣмъ винить правленіе за связь съ Прусіею и за отдаленіе отъ Россіи, пока она настоитъ на оныхъ.

Касательно до старшихъ капитановъ и контръ-адмираловъ, хотя я не премину употреблять всевозможное стараніе, чтобъ исполнить волю Вашего Величества; но не имѣю ни малѣйшей надежды въ успѣхѣ сего дѣла, ибо никто изъ капитановъ, коихъ уже навсегда фортуна сдѣлана, а еще меньше изъ контръ-адмираловъ, не захочетъ потерять оную, пойдя противъ воли правительства въ чужую службу: поелику, во время еще благонамѣреннаго для насъ министерства господина Фокса, когда предмѣстникъ мой подговорилъ было къ намъ капитана Нольса, весьма искуснаго и друга покойному адмиралу Грейгу, то сей капитанъ, не могши достать здѣсь дозволенія, безъ онаго ѣхать отказался. Я опасаюсь, чтобъ сюда не отманили еще изъ службы Вашего Величества и г-на Тревенена, коего искусство всѣми здѣсь признано и коего называютъ будущимъ Грейгомъ: ибо я знаю, что тужатъ, что онъ, да еще одинъ славной строитель кораблей, Кольманъ въ службѣ вашей находится. Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ остаюся вѣрнѣйшій подданный

г. С. Воронцовъ.

2.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Изъ разныхъ повелѣній Вашего Императорскаго Величества, какъ своеручныхъ, такъ и за собственнымъ вашимъ подписаніемъ, и изъ рескрипта, подписаннаго вашими министрами отъ 28-го Февраля и 3-го и 4-го Марта, кои я получилъ мѣсяцъ тому назадъ чрезъ курьера Трипольскаго, къ великому моему ободренію вижу я, что вы довольны были, всемилостивѣйшая Государыня, донесеніемъ моимъ отъ 19-го Генваря и образомъ исполненія прежде полученнаго мною вашего приказанія отъ 9-го Декабря прошлаго года.

Но обстоятельства, прежде манившія меня основательною надеждою, учрежденіемъ регентства и вступленіемъ въ министерство господина Фокса, совсѣмъ уже перемѣнились, когда прибылъ сюда курьеръ Трипольскій. Король уже вылѣченъ былъ отъ сумасшествія; министерство господина Пита и за онымъ тѣсная и слѣпая связь съ Прусіею паки и пуще прежняго утвердилися. Что̀ я ни старался, какъ самъ собою въ разговорахъ, такъ и чрезъ внушенія побочныхъ особъ, мнѣ весьма откровенныхъ, имѣющихъ тоже знакомство съ министерствомъ, но не похваляющихъ преданность, что̀ здѣсь теперь имѣютъ къ Прусіи: все было тщетно, и никакъ господина Пита удостовѣрить было не можно, что онъ, дѣйствуя противу Россіи въ угожденіе двора Берлинскаго, дѣйствуетъ дѣйствительно въ пользу Франціи и противу естественнаго интереса своего отечества.

Я не спѣшилъ возвратить сего курьера въ надеждѣ, что время подастъ какой ни есть удобной случай или новой

каналъ, коимъ бы мнѣ возможно было, не подвергая достоинство Вашего Императорскаго Величества, сдѣлать новое покушеніе для открытія завѣсы, ослѣпляющей короля и его перваго министра. Узнать мнѣніе перваго по дѣламъ политическимъ было невозможно; а чтобъ свѣдать, до какой степени второй связанъ съ Прусіею, я употребилъ господина Фицгерберта, который, разговаривая разъ со мною откровенно и сожалѣя, что здѣсь толь ярко за Швецію вступаются, явно не похвалялъ сіи мѣры. Я у него спросилъ: какой можетъ быть существительный или же мнимый предлогъ сего поведенія? Онъ отвѣчалъ мнѣ (то что̀ я уже 4 года непрестанно отъ всѣхъ слышу): „Все сіе есть слѣдствіе досады за правила вооруженнаго неутралитета“. На сіе, какъ будто отъ себя, я ему сказалъ, что хотя я точно не имѣю повелѣнія увѣрять въ томъ здѣсь, но что я увѣренъ, что естьли бы здѣсь была податливость отстать отъ всѣхъ непріятельскихъ противу насъ политическихъ дѣйствіевъ и естьли Англія, обратясь на чистосердечное безпристрастіе, отказалась бы въ Турціи, Швеціи, Польшѣ и Даніи въ непріятельскихъ противу насъ мѣрахъ содѣйствовать съ дворомъ Берлинскимъ, я несумнѣнно увѣренъ, что Ваше Императорское Величество согласились бы возобновить торговый трактатъ, не упоминая въономъ о сихъ ненавистныхъ здѣсь правилахъ, отложа разбирательство оныхъ до другаго времени и что въ теченіе онаго вѣроятно, что обѣ земли сблизились бы и соединились гораздо тѣснѣе прежняго. Господинъ Фицгербертъ, выслушавъ меня, увѣрялъ, что ежели есть надежда, чтобъ въ Россіи такъ думали, онъ, съ своей стороны, увѣренъ, что здѣсь будутъ сему весьма рады. Но я ему примѣтилъ, что, зная, какъ онъ сего желаетъ, мнѣ кажется, что, судя по себѣ, онъ судитъ и о другихъ, кои, можетъ быть, суть другаго совсѣмъ мнѣнія, на что онъ сказалъ мнѣ слѣдующее: „Правда, по

я могу скоро узнать о семъ мысли господина Пита, имѣя теперь частые случаи его видѣть и говорить съ нимъ о дѣлахъ. Я нарочно, продолжалъ онъ, заведу съ нимъ рѣчь о разныхъ нашихъ торговыхъ связяхъ и, обратясь на Россійскую нашу торговлю, коей важность я совершенно знаю, скажу ему, какъ отъ себя, коль много мѣшаютъ оной всѣ наши политическія дѣянія, безъ которыхъ вѣроятно, что дружба и распространеніе торговли между Россіей и нами паки бы возстановилися". Я благодарилъ его за сіе усердіе, представляя ему, коль славно для него будетъ, естьли онъ будетъ первою причиною толь похвальнаго дѣла. Я часто съ нимъ потомъ встрѣчался; но какъ онъ мнѣ ничего не говорилъ, а и я, не хотя ему никакъ дать мнѣніе, что у насъ весьма нетерпѣливо сего желаютъ, то и самъ о сей матеріи говорить съ нимъ не начиналъ. Наконецъ, недѣли двѣ спустя послѣ нашего разговора, онъ ко мнѣ пришелъ и съ весьма печальнымъ видомъ сказалъ мнѣ слѣдующее: „Нынѣшняя здѣшняя политика не согласна съ вашимъ и моимъ желаніемъ; ибо здѣсь токмо что о спасеніи Швеціи помышляютъ, утверждая, что какое-то равновѣсіе въ Сѣверѣ того неотмѣнно требуетъ". Окончa сіи слова, онъ болѣе о сей матеріи говорить ужъ не хотѣлъ.

Касательно до короля, я съ весьма вѣрной стороны знаю, что его величество, излѣчась отъ сумасшествія, толь ослабѣлъ тѣломъ, а паче нервами, что весьма мало къ дѣламъ прилегаетъ; что королева, соединясь претѣсно интересами съ господиномъ Питомъ, вкупѣ управляютъ королемъ, аки ребенкомъ. Слабость сего толь велика, что онъ не токмо теперь по прежнему обыкновенію не пріѣзжаетъ уже въ городъ на леве *), но что и въ Виндзорѣ видитъ

---

*) Т. е. по нашему на выходъ.

партикулярно токмо тѣхъ, кои королевѣ угодны. Мы всѣ бывшіе тамъ на балѣ примѣтили, что хотя король въ полномъ разумѣ, но слабъ тѣломъ; ибо почти во все время сидѣлъ, чего онъ прежде не дѣлывалъ, а напротиву всегда стоя и ходя часовъ по 8-ми и 10-ти сряду, не садился бывало никогда на минуту. Мы тоже примѣтили, что, говоря съ людьми, смотрѣлъ на свою супругу, какъ будто спрашивая глазами, угодно-ль то сй или нѣтъ, и она имѣла видъ надменный, который прежде никогда брать на себя не осмѣливалась. Итакъ, пока господинъ Питъ, ослѣпленный Пруссіею, пребудетъ первымъ здѣсь министромъ и пока король останется въ опекѣ своей супруги, преданной совершенно двору Берлинскому, Россіи ничего полезнаго отъ Англіи ожидать не можно.

Одна токмо смерть королевская или паки новое и возможное его сумасшествіе или же совершенное разслабленіе тѣла, до степени, что явно всѣмъ будетъ, что управлять дѣлами ему не можно, отъимутъ отъ нынѣшняго здѣсь перваго министра власть, которую онъ, по ослѣпленію, толь во зло употребляетъ по дѣламъ иностраннымъ. Новый государь или регентъ его отошлетъ; вступленіе тогда господина Фокса въ правленіе поставитъ немедленно сію землю въ естественное ея положеніе въ разсужденіи другихъ державъ, чего весьма опасаются Франція и Гишпанія, кои, радуясь, что господинъ Питъ по ихъ игрѣ играетъ, не могутъ скрыть ненависти ихъ къ господину Фоксу, который, всегда противясь видамъ сихъ двухъ земель, никакъ не помогалъ бы Туркамъ и Шведамъ противъ Россіи. Затѣмъ послы сихъ державъ злословятъ его непрестанно.

Итакъ сохраняя безъ употребленія повелѣнія и полную мочь, что̀ дать мнѣ изволили, до того счастливаго времени, когда Англія управляема будетъ симъ просвѣщеннымъ

министромъ, я останусь въ покоѣ, безъ всякой попытки, которая бы могла подвергнуть достоинство ваше, опричь чего развѣ бы чрезъ какое нибудь непредвидимое чудо нынѣшніе министры, открывъ, наконецъ, глаза о вредныхъ ихъ дѣяніяхъ, сами бы начали мнѣ чистосердечно отзываться о искреннемъ ихъ желаніи поправить все зло, что нанесли Россіи. Въ такомъ единомъ токмо случаѣ я почту полезнымъ и вѣрнымъ для службы Вашего Императорскаго Величества открыть имъ ваши мысли и власть, которую мнѣ повѣрить изволили.

Впрочемъ, по мѣрѣ, какъ свѣдомо становится, что королева, вмѣшиваясь во все, стала входить въ дѣла, любовь народная къ ней весьма уменьшается: на прошлой недѣлѣ, она, пріѣхавъ съ принцесами въ оперу, слышала своими ушми столько же ей свистаніевъ, какъ аплодированія. Здѣсь обыкновенно жена хозяйка въ домѣ касательно до стола и служителей, но въ дѣла мужа своего не токмо не входитъ, но даже ихъ не вѣдаетъ; и королева, естьли-бъ ограничила себя въ управленіи внутренности дома королевскаго, сіе было бы здѣсь непротивно; но противно весьма Аглицкимъ правамъ и обычаямъ, чтобъ она вмѣшивалась въ дѣла государственныя и коли сіе продлится, то она наслѣдуетъ всей той ненависти, что здѣсь вообще имѣли къ покойной матери-королевѣ, принцессѣ Валлійской. Остаюсь съ благоговѣніемъ, всемилостивѣйшая Государыня, Вашего Императорскаго Величества вѣрнѣйшій подданный

г. С. Воронцовъ.

Лондонъ, 8 (19) Мая 1789.

*

Къ офиціальному рескрипту на имя графа Воронцова, отъ 3 Іюля 1789 года, Екатерина своеручно приписала:

Je suis très-particulièrement sensible à la confiance personnelle que vous m'avez témoigné dans votre dernière lettre *). Soyez assuré que je ne la démentirai jamais et continuez à me marquer le même zèle que je remarque dans toute votre correspondance.

3.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Прилежно стараясь замѣнить усердіемъ къ службѣ Вашего Величества все, что недостаетъ во мнѣ знанія и способности, я не могъ читать безъ неизрѣченнаго утѣшенія своеручную приписку вашу въ письмѣ отъ 3-го Іюля, въ которой оказываете удовольствіе ваше за надежду и довѣренность, что я въ васъ полагаю. Всѣ тѣ, кои какъ я, имѣютъ счастіе знать личнымъ образомъ Ваше Величество, вѣдаютъ, что царствуя прославляетесь еще болѣе великодушіемъ, нежели силою пресильной вашей Имперіи. И такъ я ничего болѣе не сдѣлалъ, какъ, зная васъ, не усумнился предпріять то, что, служа другому обыкновенному государю, я учинить бы не посмѣлъ.

*) Слова эти, конечно, относятся къ выраженіямъ графа Воронцова въ 21-мъ письмѣ его къ графу Безбородкѣ, отъ 4-го Мая 1789. Это было, къ сожалѣнію, лишь минутное личное сближеніе Екатерины съ графомъ Семеномъ Романовичемъ, къ которому она снова охладѣла, видя, что онъ неподкладенъ и не сочувствуетъ „вооруженному нейтралитету". П. Б.

Счастливы тѣ, кои вамъ служатъ; а никто изъ нихъ не чувствуетъ толь сильно сіе благополучіе, всемилостивѣйшая Государыня, какъ Вашего Императорскаго Величества вѣрнѣйшій подданный

г. С. Воронцовъ.

Лондонъ, 28 Августа (8 Сентября) 1789.

4.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Здѣсь сбывается теперь пословица, что нѣтъ глуше того, который слышать не хочетъ. Аглицкой дворъ почитаетъ себя обиженнымъ Россіею поведеніемъ ея въ прошедшую войну и изданіемъ правилъ вооруженнаго нейтралитета, въ чемъ сей дворъ подкрѣпленъ общимъ мнѣніемъ всей націи, которая по сему дѣлу никакого разсужденія не принимаетъ, и никакими убѣдительными доказательствами нельзя вывести изъ заблужденія, въ коемъ находится, что сіи правила ей совсѣмъ пагубны, а напротиву весьма полезны непріятелямъ ея, Гишпаніи и Франціи. Съ другой стороны здѣсь весьма недовольны императоромъ за то, что въ прошедшую войну, когда ему отсель предлагали помочь въ намѣреніи его открыть свободное судоходство по Скельдѣ, онъ сіе отказалъ и сообщилъ о томъ графу Верженю, который тотчасъ увѣдомилъ Голандію, отчего сія наипаче огорчилась на Англію и пуще привязалась къ Франціи. Потомъ, заключеніе торговаго трактата между Россіею и Франціею и продолжающаяся довѣренность

Вѣнскаго двора къ Версальскому умножили здѣсь неудовольствіе противу Россіи и Австріи. Въ теченіи сихъ обстоятельствъ Пруской король опровергнулъ Французскую партію въ Голандіи, и хотя онъ сіе сдѣлалъ въ пользу своей сестры и своихъ племянниковъ, однакожъ, какъ здѣшняя земля отъ сего получила себѣ великую пользу, то какъ для сего, такъ и за искусныя внушенія двора Берлинскаго, старающагося увѣрить Лондонской дворъ, что онъ себя жертвовалъ для него (ибо, имѣвъ натуральнаго непріятеля въ императорѣ, еще озлобилъ непримиримымъ образомъ на себя Францію) и что безъ сильнаго отъ здѣшней стороны въ случаѣ нужды вспомоществованія онъ можетъ погибнуть: все сіе вмѣстѣ ослѣпило Аглицкое министерство, и ничто оное отъ сего ослѣпленія по крайней мѣрѣ на долго отвратить не можетъ. Нравъ Аглицкой націи наклоненъ ко всякимъ чрезвычайностямъ; она въ дружбѣ и ненависти всегда надмѣрна. Примѣры тому суть: война за Гишпанское наслѣдство и страшныя ея издержки въ Семилѣтнюю войну Прусіи. Теперь дѣло состоитъ въ томъ, чтобы оборонять Прусію, которую никто не атакуетъ; но пойдетъ ли за нимъ Англія, когда Берлинской дворъ начнетъ самопроизвольно войну? Ибо въ первомъ случаѣ и сумнѣваться нечего, что здѣсь всѣмъ на свѣтѣ пожертвуютъ для спасенія союзника; въ другомъ невѣроятно, чтобъ сіе было пріятно націи, и трудно вѣрить, чтобъ первый министръ отважился на такое дѣло, которое можетъ его низвергнуть. Но кромѣ явно-наступательной войны, кажется, что Англія во всякомъ случаѣ угождать будетъ своему союзнику, простирая свое снисхожденіе и до такихъ мѣръ, кои впередъ причинятъ ей много безпокойства, какъ то теперешнее подкрѣпленіе Швеціи и отдѣленіе Нидерландовъ отъ Австрійской монархіи, чѣмъ Франція, когда оправится, болѣе нежели Англія получитъ

полезное: ибо хотя здѣсь еще не даютъ помощи Нидерландцамъ, однако можно думать, не оклеветывая Аглицкое министерство, что оное не совѣтуетъ бунтующимъ примириться на выгодныхъ предложеніяхъ, что̀ имъ законной государь теперь предлагаетъ. Въ нѣкоторыхъ земляхъ думаютъ, что Лондонъ управляетъ Берлиномъ; но сколько я могу здѣсь примѣтить по слабому моему разсужденію, то Англія водима Прусіею.

Вашего Императорскаго Величества вѣрнѣйшій подданный графъ С. Воронцовъ. Въ Лондонѣ, 14 (25) Января 1789.

ПИСЬМА ГРАФА СЕМЕНА РОМАНОВИЧА ВОРОНЦОВА

КЪ

РАЗНЫМЪ ЛИЦАМЪ.

Къ неизвѣстному лицу [1].

Londres, le 9 Août n. s. 1791.

M-r Pitt a dit à plusieurs personnes et à quelqu'une visiblement dans l'intention que je le sache, qu'il est très-mécontent de moi, parce qu'il n'y a pas de doute que je n'ai communiqué bien de choses à m-r Fox et à d'autres membres de l'opposition. Il a parlé de moi avec beaucoup d'aigreur et a fini par ces paroles remarquables par leur insolence: «On a sçu foit bien faire rappeler d'ici le frère de ce monsieur, et on saura aussi le faire rappeler de même». J'ai trouvé cette indécente menace si impertinente que j'ai répondu ce qui suit: «Je ne veux ni avouer, ni désavouer rien de ce que j'ai fait, n'ayant à rendre comte de ma conduit qu'à l'Impératrice seule; mais admettant par supposition que j'ai fait ce qui déplaît tant à m-r Pitt, je n'ai fait que mon devoir. Envoyé ici pour entretenir la bonne intelligence entre les deux pays, s'il arrivait qu'un ministre imprudent voulût de gaiété de coeur entraîner l'Angleterre dans une guerre injuste contre la Russie, qu'il allât pour cela en Parlement pour enflammer la nation par des exposées absolument faux, qu'il entreprît même un ar-

---

[1]) Это и нижеслѣдующее Французское письмо писаны вѣроятно къ графу Моркову, съ которымъ графъ Воронцовъ познакомился въ Италіи въ 1784 году и который съ 1786 года сдѣлался третьимъ членомъ Иностранной Коллегіи.

mement effectif pour commencer la guerre; si après toutes ces données j'instruisais ceux qui peuvent éclairer la nation sur le vrai état de l'affaire et que la nation fut par là éclairée et la guerre empêchée en dépit du ministre; enfin, si dans tout ceci j'aurais pu avoir la moindre part: je me croirais très-heureux et je me consolerais bien facilement du mécontentement de ce ministre. Quant à mon rappel, c'est ce qui m'est absolument indifférent; c'est la chose à laquelle je songe le moins: car, supposant que j'eusse empêché la guerre, j'ai exécuté l'objet de ma mission qui est d'entretenir la paix entre la Russie et l'Angleterre».

Le billet écrit de la main de l'Impératrice au comte Bezborotka au sujet du buste de m-r Fox et qui m'a été envoyé par la poste, fut lu par m-r Pitt avant que je l'ai reçu et l'enflamma encore davantage, ainsi que tout le ministère. Ils ne purent cacher leur dépit et croient que j'en parlerai à tout le monde. Ils en parlèrent comme d'une insulte pour eux de la part de l'Impératrice et répandirent par là la chose, ce qui tourna à leur grand honte.

Je ne doute plus nullement qu'on n'employent tous les moyens imaginables pour me faire rappeller. Le suis pourtant très-tranquille. J'ai servi ma Souveraine et ma patrie, et si, en faisant mon devoir, j'ai à souffrir un jour pour cela, j'ai à me consoler d'idée que je me suis conduit comme je devais le faire. Quant à l'Impératrice, j'ai une si grande confiance dans sa justice et sa grandeur d'âme que je ne doute nullement qu'elle ne me soutienne. Je suis même persuadé que si elle voyait les choses comme je les vois, elle trouverait moyens sans affectation de dire quelque chose de flatteur sur mon comte et qui marquât son contentement de mes services, quand elle fait l'honneur de parler aux deux ministres anglais à Pétersbourg. Ce n'est pas par vanité que je le désire, mais pour le bien de son service;

car il faut ou me rappeler ou faire voir qu'on approuve ma conduite et en ôtant ici l'espérance de me nuire chez nous, on me donne par cela la considération qu'il est nécessaire que j'aie pour les affaires présentes et futures.

Je vous envoie celle-ci par mer, par l'occasion de m-r Sournine, maître armurier de Toula, homme d'une habilité extrême et d'une conduite exemplaire *). C'est un homme qui mérite tous les encouragemens possibles; car il a préféré de retourner dans son pays, quoiqu'il pouvait gagner ici plus de 200 guinées par an à Londres. Son compagnon, qui est un ivrogne et qui n'a pas son habilité à beaucoup près, a refusé de retourner et gagne ici plus de 100 guinées annuellement.

2.

Londres, le 8 (19) Août 1791.

Vous pouvez vous représenter avec quelle joie j'ai reçu la nouvelle que toute cette fastidieuse affaire entre les augustes alliés, les génies tutélaires de la Porte, et notre cour a été enfin terminée, à leur honte et à la gloire éternelle de l'Impératrice. Le ministère anglais tâche de faire la meilleure contenance possible, mais il ne peut cacher toute son humiliation. Quand je suis entré chez mylord Grenville, il a été si humilié qu'il fallût que je fis presque une oraison, en me réjouissant avec lui et en appuyant et répetant sans cesse que la chose s'est arrangée à la satis-

*) О Сурнинѣ. См. Архивъ Князя Воронцова, книга XVII, стр. 106.

faction mutuelle et que l'harmonie si longtemps interrompue allait sans doute se rétablir, enfin tant d'autres lieux communs, pour qu'il puisse se remettre, ce qu'il fit à la fin et il me fit à son tour beaucoup de complimens diplomatiques, après quoi nous nous sommes séparés très-amicalement. Je soutiens toujours dans le monde que la chose s'est terminée à la satisfaction commune et à l'honneur de toutes les puissances. Cette affaire a pourtant porté un grand coup à la réputation de m-r Pitt, et il aura bien de mauvaise nuit à passer dans la session prochaine du Parlement.

M-r le baron de Nolken, ministre de Suède, m'ayant abordé hier, me demanda avec un air inquiet pour quoi notre escadre des galères est sortie de Cronstadt. «Parce qu'étant armée, lui répondis-je, il vaut mieux que les gens mangent leurs provisions en s'exerçant qu'en restant a l'ancre». —«Mais pourquoi avez-vous armé»? — «Parce que vous avez armé vous-même, et que quand les voisins sont en armes, la prudence exige qu'on fasse de même».—«Mais nous ne pensons pas à vous attaquer».—«Je le crois bien, mais nous ayant déjà trompé une fois, il est bon de se fier plus à sa force qu'à la bonne foi. On a la raison des autres, et notre ministère sera hautement condamnable si à l'avenir toutes les fois qu'on arme chez vous un vaisseau ou une galère, on n'armerait pas chez nous tout de suite un nombre triple: car vous savez, mon cher baron, que nous en avons les moyens». Après cette étrange dialogue, jugez de mon étonnement, quand il me dit: «Ecoutez, mon cher comte, il y a un vrai moyen pour nous lier à tout jamais et n'avoir jamais de guerre. Vous avez une étendue de pays si considérable qu'une legère cession ne vous ferait rien et nous arrangerait parfaitement; si votre cour voulait nous céder Friedrichsham, Wilmanstrand et Nyslot, jamais la Suède ne vous ferait plus la guerre».—«Vous êtes bien

modéré dans vos dísirs, mon cher baron, et je m'étonne que vous n'avez pas compris parmis nos cessions amicales Kexholm et Wibourg; car entre amis plus on est près, mieux on se trouve».—«Je vois que vous plaisantez, mais je vous parle très-sérieusement».—«Et moi, je soutiens que c'est à présent que vous plaisantez le plus, et je vous donne ma parole que je ne marquerai rien à ma cour de ce que vous venez de me dire, parce qu'on ne nous permet pas chez nous de rapporter des plaisanteries dans nos dépêches».

Que dites-vous de cette impertinence? Cela passe toute croyance!

Къ вице-канцлеру графу Остерману.

I.

Лондонъ, 12 (23) Іюня 1785.

Милостивый государь мой графъ Иванъ Андреевичъ. Получа на прошедшей недѣлѣ отъ графа Румянцова изъ Франкфорта извѣстіе о слухѣ, въ Нѣмецкой землѣ ходящемъ, якобы курфирстъ Гановерской вступилъ въ союзъ съ Берлинскимъ дворомъ противъ Императора, подъ видомъ защищенія правъ Германскихъ, желая вѣдать подлинное сего происшествія, я поѣхалъ къ лорду Кармартену и показалъ ему письмо графа Румянцова, прося, дабы вывелъ меня изъ сумнѣнія, вѣрить или нѣтъ сему увѣдомленію. Я нашелъ его въ нѣкоторой нерѣшимости утверждать или опровергать сіе извѣстіе. Главная его отговорка упиралася на невѣдѣніи дѣлъ Гановерскихъ, для коихъ король имѣетъ здѣсь министра изъ той земли, съ которымъ его величество прямо о тѣхъ дѣлахъ совѣтуетъ и который находится въ совершенной независимости Аглицкаго министерства, такъ что обыкновенно оное о Гановерскихъ дѣлахъ ничего не вѣдаетъ. Но невѣроятно, чтобы и въ семъ важномъ случаѣ король бы рѣшился безъ вѣдома Аглицкаго министерства, почему и должно думать, что статскій секретарь не смѣлъ открыться въ семъ новомъ по Нѣмецкимъ дѣламъ союзѣ, который, я однакожъ надѣюсь, что еще не совершился, не смотря на извѣстную къ оному Гановерскаго совѣта наклонность и что правители той земли столько же привязаны къ королю Прускому, какъ ненавидятъ Императора.

2.

Я задержалъ куріера, ожидая, что здѣшнее правленіе, взирая па важность торговли сей земли съ нашею, посиѣшитъ принять мѣры къ возобновленію трактата, коего конецъ приближается, и который такъ вообще здѣсь желаемъ, что министерство не знало какъ славнѣе предстать предъ націею, какъ объявя торжественно съ удовольствіемъ, при открытіи нынѣшняго парламентскаго засѣданія, что трактатъ съ Россіею возобновится и что для сего Императрица назначить уже изволила полномочныхъ для трактованія объ ономъ съ Аглицкимъ въ Петербургѣ министромъ. Но взирая, что болѣ уже трехъ мѣсяцевъ какъ прибылъ сюда отъ г. Фицъ-Герберта курьеръ съ нашимъ проектомъ и что по сіе время ни съ членами здѣшней Россійской компаніи, ни съ королевскимъ морскаго департамента адвокатомъ, министерство по сему дѣлу не совѣтовало и что между тѣмъ доходятъ до меня извѣстія, какъ правила вооруженнаго неутралитета, кои въ семъ проектѣ объяснены подробно, Аглицкому королю весьма непріятны: то (я) долженъ думать, что подъ видомъ недостатка времени будутъ отсель у насъ извиняться, что не могли окончить сіе дѣло, а между тѣмъ станутъ искать о продолженіи стараго трактата годовыми отсрочками. О пользѣ или неудобствахъ оныхъ я судить не въ состояніи. Токмо уповаю, что правосудіе Ея Императорскаго Величества побудитъ ее, конечно, дозволить отсрочку на продолженіе нынѣшняго года навигаціи, дабы невинно не потерпѣли частные люди, кои, считая на непремѣнное возобновленіе сего трактата, дѣлали свои спекуляціи и въ слѣдствіе того заключали контракты съ нашими купцами.

Архивъ Князя Воронцова, XVI. 19.

Но за долгъ почитаю примѣтить в. с., что, читая съ вниманіемъ проектъ, который мнѣ сообщить изволили, такъ какъ и перечень вашихъ съ г. Фицъ-Гербертомъ конференцій, я усмотрѣлъ, что хотя вы изволили предвидѣть и предупредить всѣ почти возможные случаи къ спорамъ и предохранить отъ будущихъ похищеній наши торговыя суда во время войны Аглицкими каперами, и хотя Аглицкой у насъ посланникъ отзывался в-му с-ву, что тутъ взяты излишнія и пространныя предосторожности, будучи здѣсь на мѣстѣ я вижу, что не токмо они не лишни, но что еще къ нимъ надлежитъ нѣчто прибавить, а именно: положить, чтобъ никакое военное судно и никакой каперъ въ военное время не могъ отправляться въ море не имѣвъ копіи сего трактата, и что кромѣ заплаты всѣхъ убытковъ въ неправедномъ арестованіи Россійскаго корабля, похититель еще имѣетъ быть наказанъ аки нарушитель дружбы и взаимныхъ постановленій между договаривающимися державами. Безпорядки прошедшей войны произошли отъ нерадѣнія милорда Сандвича, который не наблюдалъ старыхъ обыкновеній, состоящихъ въ томъ, чтобъ не дозволять никакому вооруженному судну отправляться въ море, не имѣвъ на ономъ печатнаго экземпляра одной нарочно сочиненной отъ правленія книги, въ коей находятся всѣ артикулы до мореплаванія принадлежащія изъ всѣхъ трактатовъ, что Англія съ другими землями имѣетъ. Я ее видѣлъ. Послѣдняя едиція оной напечатана была въ 1758 году и во всѣ войны кромѣ прошедшей всегда всѣмъ морскимъ капитанамъ раздавалася. Еще нужно будетъ именно поставить, что арестованіе кораблей имѣетъ быть разбираемо, судимо и рѣшено въ Аглицкихъ, а не Шотландскихъ или Ирландскихъ адмиралтействахъ, не смотря въ какой бы то ни было портъ сихъ трехъ королевствъ арестованное судно приведено было: ибо всѣ наши суда (опричь

одного, котораго процессъ еще не конченъ, по причинѣ что ниже усмотрѣть изволите), кои приведены были въ Англію, незамедленно отпущены были съ такою заплатою убытковъ, что хозяева оныхъ были довольны; а корабль называемый „Князь Потемкинъ", который одинъ токмо приведенъ былъ въ Шотландію, не можетъ еще послѣ четырелѣтняго процесса быть освобожденъ и хозяинъ онаго удовольствованъ; ибо въ Шотландіи обрядъ гражданскихъ судовъ не тотъ что въ Англіи и, не смотря на частыя предмѣстника моего и мои словесныя и письменныя представленія статскому секретарю и его частыя Единбургскимъ судьямъ понужденія, дѣло сіе еще не кончено, да и не уповательно чтобъ кончилось, естьли въ Петербургѣ сильно словесно и письменно господину Фицъ-Герберту о томъ не предложатъ.

Требованіе, дабы всѣ морскія похищенія были судимы въ однихъ токмо Аглицкихъ адмиралтействахъ, тѣмъ основательнѣе, что сіи токмо одни, а не Шотландскіе и не Ирландскіе, даютъ паспорты и дозволенія вооружать суда во времена военныя. Нужно при томъ предоставить нашимъ истцамъ право апелляціи въ совѣтъ королевской, и назначить особеннымъ артикуломъ именно цѣну за неводьный простой въ портѣ, куда приведенъ корабль, полагая оную поденно и по величинѣ судна, то есть по числу ластовъ онаго. О чемъ я, взявъ мнѣніе г. Бакстера, пространнѣе объяснилъ президенту Комерцъ-Колегіи, который конечно объяснитъ сіе в-му с-ву, ибо отъ самовольнаго толкованія убытковъ продержки, здѣшніе судьи ниже половины оныхъ не назначили заплатить кораблю, о коемъ выше упоминалъ, называемому «Иванъ Давидовичъ», который приведенъ былъ въ Ярмутъ и коего процессъ тоже четыре года продолжается и о коемъ тоже безъ сильныхъ требо-

ваній къ г. Фицъ-Герберту въ Петербургѣ здѣсь ничего не сдѣлаютъ.

Нельзя Агличанамъ жаловаться на сіи подробныя постановленія, ибо для предупрежденія ссоръ и несогласія въ трактатѣ помѣщены быть имѣютъ.

Вотъ, милостивый государь мой, примѣчанія, кои я осмѣливаюсь на разсмотрѣніе ваше представить, обратно отправляя куріера, покорно благодаря при томъ за сообщенія разговоровъ вашихъ съ Аглицкимъ министромъ, кои мнѣ было знать весьма нужно.

3.

Лондонъ, 24 Марта (4 Апрѣля) 1797. Чрезъ преміеръ-маіора Николая Васильевича Кретова.

Аглицкой курьеръ, прибывшій сюда съ заключеннымъ торговымъ трактатомъ въ Петербургѣ $^{10}/_{21}$ Февраля, привезъ къ графу Старамбергу отъ графа Кобенцеля и отъ кавалера Витворта къ лорду Гренвилю извѣстія о злонамѣренныхъ условіяхъ короля Прускаго съ неистовою Французскою республикою на счетъ и въ ущербъ знаменитой части Германіи, и какъ Его Императорское Величество, нашъ Государь Всемилостивѣйшій, былъ удивленъ сими наглыми постановленіями и сколь его добродѣтельное сердце почувствовало негодованіе, видя, до какого крайняго безстыдства жадность къ незаконнымъ пріобрѣтеніямъ дѣйствуетъ во дворѣ и министерствѣ Прускомъ. Они оба немедленно сообщили мнѣ сіи важныя извѣстія, и самъ ко-

роль мнѣ говорилъ, въ первый разъ, чтò я имѣлъ честь видѣть во дворцѣ его величество послѣ прибытія сего курьера. Онъ изволилъ отзываться съ ужасомъ о семъ зломъ намѣреніи короля Прускаго и говорилъ съ восхищеніемъ о нашемъ великодушномъ Государѣ, коего проницаніе, благоправіе и чистосердечность онъ признавалъ, аки добродѣтели, всегда Его Императорское Величество украшающія.

Сегодня я видѣлъ еще лорда Гренвиля, который мнѣ сказалъ, что онъ имѣетъ копіи съ секретныхъ артикуловъ Базельскаго трактата и секретной конвенціи, подписанной въ прошломъ Августѣ мѣсяцѣ въ Берлинѣ между графомъ Гаугвицемъ и Кальяромъ, послѣ чего онъ мнѣ далъ на прочтеніе сіи невѣроятныя, но существующія однакожъ обязательства. Онъ прибавилъ, что сіе доказываетъ виды короля Прускаго жертвовать Германію и хотя онъ теперь, устрашенъ будучи Россіею, толкуетъ, что сіе есть токмо положеніе впередъ могущее (éventuel), но и все положеніе уступокъ и пріобрѣтеніевъ, пока война не кончена, никогда другимъ образомъ не дѣлается; а сей параграфъ доказываетъ точное усердіе Прусіи раздѣлить по себѣ и Франціи все, чтò можно заграбить отъ несчастной Германіи, которая имѣла слѣпоту взирать на Прусію аки на усердную свою покровительницу.

4-й артикулъ сей же конвенціи доказываетъ, по мнѣнію лорда Гренвиля, что Прусія желала овладѣть еще Гамбургомъ, Любекомъ и Бременомъ и что Франція того не дозволила.

Потомъ онъ весьма смѣялся о 6-мъ артикулѣ, гдѣ жадность нетерпѣливо и нагло простирается даже на будущія времена противу всякаго права, поставляя, что, по пресѣченіи Оранжской мужской линіи, Вюрцбургъ и Бамбергъ должны пасть во владѣніе Бранденбургскаго дома, чѣмъ

на тогдашній случай будутъ лишены сего наслѣдства побочныя линіи Насаускаго дома.

Однимъ словомъ, онъ не могъ читать вмѣстѣ со мною сіи артикулы безъ крайняго негодованія, а иногда оное было прерываемо смѣхомъ, отъ коего трудно было удержаться при чтеніи сихъ странныхъ бумагъ.

Послѣ сего онъ мнѣ сообщилъ, что кавалеръ Иденъ пишетъ ему изъ Вѣны, что по взятіи Мантуи Бонапарте предлагалъ Вѣнскому двору, чрезъ Манфердинія и потомъ чрезъ архигерцога Карла, самыя выгодныя кондиціи мира, коими Франція за уступку ей Нидерландовъ обязывалась доставить и утвердить Австріи Баварію и другія пріобрѣтенія, но что Вѣнскій дворъ, не смотря на потерю пяти своихъ арміевъ въ Италіи, великодушно отбросилъ сіи приманчивыя предложенія.

При семъ случаѣ онъ также увѣдомилъ меня, что Прускій посланникъ бар. Якоби писалъ къ нему, прося свиданія и что онъ ему далъ часъ на оное завтра поутру и что онъ знаетъ содержаніе сообщенія, что̀ сей баронъ ему сдѣлаетъ; ибо, бывъ вчерась у подстатскаго секретаря Гамона, сей посланникъ показалъ ему письмо къ нему своего государя, въ коемъ онъ ему приказываетъ объявить здѣшнему министерству, что Кальяръ отозвался формально въ Берлинѣ, что Французская республика отступается отъ распространенія своихъ границъ на Рейнъ, желаетъ умѣреннаго мира и мира, заключеннаго подъ Прускою медіаціею и что вслѣдствіе сего король Прускій предлагаетъ сію свою медіацію его Великобританскому величеству. Поблагодаря его за сіе сообщеніе, я спросилъ у него, что̀ онъ будетъ отвѣчать на такое предложеніе? „Ничего“, отвѣчалъ онъ мнѣ, „а возьму токмо на донесеніе моему государю; впрочемъ вы можете сами представить“, прибавилъ онъ, „можно-ли намъ положиться на дворъ, который

взялъ за правило обманывать всѣхъ самымъ наглымъ и безстыднымъ образомъ?"

Сего вечера будутъ великіе споры въ Нижней Каморѣ, ибо господинъ Шериданъ объявилъ заранѣе, что сего вечера онъ будетъ предлагать, дабы Англія не истощалась бы посылкою денегъ на помощь Австріи и чтобы такія мѣры были разъ навсегда оставлены.

Господинъ Питъ сбирается отвѣчать сему члену оппозиціи, что война продолжается по неволѣ со стороны Англіи и для явнаго нежеланія мира, что̀ Франція оказала всему свѣту; что при такихъ обстоятельствахъ должно почитать за отличное счастіе, что Австрія дѣлаетъ толь полезную диверсію, безъ которой всѣ силы, деньги и напряженія Франціи пали бы на Англію, и при семъ случаѣ господинъ Питъ намѣренъ объявить каморѣ выгодныя для Австріи предложенія, что̀ Франція ей неоднократно дѣлала, дабы отдѣлить ее отъ здѣшней земли и какъ Вѣнскій дворъ, постоянно твердый въ своемъ союзѣ, отрекся отъ всякаго мира, когда оный долженъ быть заключенъ съ оставленіемъ своихъ союзниковъ, и затѣмъ господинъ Питъ будетъ настоять, дабы не оставленъ былъ сей вѣрный союзникъ помощію денегъ, поколику сіе будетъ возможно Англіи. Можно надѣяться, что его основательныя доказательства убѣдятъ Нижнюю Камору.

Записка графа С. Р. Воронцова о дворянствѣ.

(Писана въ царствованіе Екатерины II-й).

Il faudrait être bien ingrat ou bien stupide pour ne pas voir avec quelle assiduité l'Impératrice est continuellement occupée du bonheur de ses sujets, et pour n'être pas reconnaissant pour toutes les peines qu'elle se donne.

Il n'y a aucune branche de l'administration si compliquée du plus vaste des empires de l'univers, qui n'aye attirée son attention particulière. Les loix et les ordonnances émanées d'elle, respirent toujours l'amour de l'ordre et l'intention la plus pure de rendre la Russie heureuse.

Dans cette multiplicité d'affaires il est humainement inévitable qu'il ne se soit glissé dans quelques ordonnances par l'inadvertance des redacteurs, contre leurs propres intentions et encore plus contre l'intention de l'Impératrice, quelques mots et quelques phrases qui affaiblissent en quelque façon le but de l'ordonnance même. Il y en a deux qui m'avaient frappé à leur publication il y a déjà quelques années; et j'ai été étonné que personne ne les a fait observer à une Souveraine, dont la plus grande passion est de faire le bien de son pays et qui y met toute sa gloire.

Les deux inadvertances qui se sont glissées sont une dans l'édit promulgué à Moscou par rapport aux livrées et équipages, et l'autre est dans celui qui parut depuis que je suis ici et qui est relatif aux privilèges de la noblesse russe.

Le but du premier est très-louable; c'était celui de mettre une borne au luxe. C'était l'objet de l'Impératrice, et il était bien louable; mais le prince Wiasemskoy y glissat une phrase à laquelle on ne fit pas attention alors, mais qui fit un tort infini à la noblesse. C'est qu'un gentilhomme qui n'est pas officier ne peut pas aller en carosse, tandis que dans le même édit un negociant le peut. Ce bon prince a cru sans doute que ce serait un excellent moyen d'engager les gentilshommes à servir; mais il n'a pas considéré, qu'un homme qui ne servirait sa patrie et sa Souveraine que pour un motif si vil, ne servirait qu'avec des sentiments d'une bassesse qui devraient plutôt le faire chasser de service.

L'autre inadvertance que je soupçonne avoir été introduite par ce même prince est dans l'édit des privilèges de la noblesse et a été sûrement introduite par le même but d'encourager les gentilshommes de servir: c'est la clause que dans les assemblées de la noblesse pour les élections et pour les affaires de la province, il n'y a que ceux qui sont officiers ou ayant un grade répondant à celui d'un officier qui peuvent y intervenir, les autres étant exclûs du droit de venir à ces assemblées. C'est autant que de dire: il n'y a plus de noblesse, et la Russie est composée du souverain, des officiers et du peuple. Ce n'était sûrement pas l'intention de l'Impératrice. Elle est si éclairée, elle est si savante dans la législation qu'elle a particulièrement étudiée, et dans laquelle elle a fait voir au monde une sagacité et une profondeur, qui feront passer son nom comme celui de Justinien dans la postérité la plus reculée. Son instruction pour la formation d'un code de loix est traduite dans toutes les langues et fait l'admiration de tous les peuples; aussi personne ne lui attribuera cette clause, qui, dé-

gradant et anéantissant la noblesse, ferait à la longue un mal infini à l'état.

Un gentilhomme né avec une tête bien organisée, possesseur des grandes terres, par conséquant plus intéressé qu'un autre au maintien du bonheur de sa patrie et ayant reçu une éducation conforme à ses biens et par conséquent ayant des lumières acquises, qu'il peut employer dans ces assemblées, mais qui ayant une constitution physique trop faible pour servir, ne sera pas admis dans ces assemblées, tandis que le sera un officier, qui a été son paysan, qui est parvenu à être officier et à acheter deux ou trois arpens de terre dans la même province, ou, ce qui est plus souvent, un подъячей, qui après avoir friponné est parvenu à être secrétaire et à acheter une trentaine des paysans, assistera à ces assemblées et décidera de la fortune des grands propriétaires, lui qui n'en a presque aucune et qui par là même est peu intéressé au maintien du gouvernement. C'est cette maudite espèce d'avocats, de procureurs et des legistes subalternes, qui après les prétendus philosophes, ces grands prédicateurs d'une égalité chimerique, ont le plus contribués au renversement de toutes choses, à l'anéantissement de toutes les propriétés et enfin à toutes les horreurs et à toutes les abominations que nous voyons en France.

Il n'y a pas de monarchie sans noblesse, qui a des droits et des privilèges réels et honorifiques; et plus elle est distinguée par ces droits et ces privilèges du tiers-état et du peuple, plus elle les contient dans les bornes du respect, et plus elle est attachée au trône d'où toutes ces jouissances personelles sont émanées. L'ouvrage immortel de l'Esprit des Loix prouve cela avec une clarté mathématique; mais qu'il y a de plus singulier, c'est que des scélérats qui ont vécu avant et après l'apparition de ce livre admirable,

et qui ne savaient pas lire, ont agi conformement à sa théorie. Степька Разинъ и Пугачевъ, voulant bouleverser la Russie, ne virent aucun autre moyen pour y réussir qu'en détruisant la noblesse. Combien de gentilshommes périrent par le glaive et les tourments les plus inouis de ces deux scélérats! Ils ne touchèrent ni aux bourgeois, ni au peuple; aussi il n'y a que la noblesse qui s'armât volontairement et s'opposât partout à ces traîtres.

Dans toute l'histoire Russe vous ne trouvez qu'un bourgeois, qui par là est devenu fameux, Кузьма Мининъ, qui marquat un amour ardent pour la patrie, tandis que d'un autre côté les Пожарскіе, Шереметевъ, Искра, Кочубей et tant de milliers des gentilshommes, dans différentes époques de notre histoire, se sont distinguées par des efforts généreux pour leur patrie, qui ont versé leur sang, qui en ont été la victime, qui ont délivré la Russie du joug des étrangers, qui ont maintenu le trône, qui se sont opposés aux révoltes et les ont dompté. Pour un Хованской qui prit part à la révolte de streltzy, combien de milliers des gentilshommes dans le même tems se rendaient à Троица pour couvrir de leur corps leurs souverains légitimes!

Je n'aurais jamais osé faire des observations sur ces deux édits, persuadé qu'à la longue on se serait apperçu de leur conséquence et que des personnes plus habiles et d'un plus grand poids que moi avertiraient l'Impératrice; mais comme ces personnes sont surchargées d'affaires, tandis que je n'ai d'autre occupation que d'écrire quelques lignes deux fois par semaine, et que le cas est devenu plus urgent, tant par une considération générale que par une autre particulière que cette année vient de produire.

La première est cette fermentation générale et épidémique qui travaille avec une violence extrême tous les pays. C'est cet esprit de réforme et d'égalité universelle prêchée

pendant 50 ans par les économistes et les encyclopédistes en France, dont les ouvrages traduits dans toutes les langues ont tourné la tête de tout ce qui est tiers-état et peuple pour saper tous les gouvernements, et qui attaquant partout la noblesse, comme la garde naturelle des trônes, cherche à la renverser, pour renverser après les trônes mêmes, comme cela est arrivé en France. Il importe donc à tous les gouvernements de veiller à la conservation de cette noblesse, et bien loin de l'avilir, on doit l'exalter par des droits et des privilèges, qui la rende plus respectable aux yeux du tiers-état et du peuple.

La considération particulière m'est venue par les nouvelles acquisions que l'Impératrice a fait sur la Pologne. Tout homme qui connaît ce pays sait, qu'un préjugé superstîcieux et absurde fait regarder les Juifs comme les êtres les plus vils de la terre en les considérant moins que des chiens. Que diront les gentilshommes polonais de ces nouvelles provinces, quand ils sauront qu'un Juif, qui sera négociant, peut tenir carosse, tandis que les princes Четвертинскій, Воронецкой и Сангуской doivent aller en cariole, parce qu'ils ne sont pas officiers, et que ces mêmes princes ne pourront pas avoir de voix pour l'élection de leur propres juges, ce qu'ont les bourgeois et paysans (государственные крестьяне) dans l'assemblée de leurs ordres, et cela uniquement parce qu'ils ne sont pas officiers; tandis que dans la même assemblée, qu'on appelle de la noblesse, des officiers qui ne sont pas gentilshommes d'origine et qui n'ont qu'une misérable propriété qui ne les attache que peu à la patrie et qui par leur misérable éducation n'ont qu'une ignorance crasse et des sentiments ignobles et bas, élisent les juges et règlent les intérêts du prétendu corps de la noblesse: cela ne fera-t-il pas fuire cette classe élevée des nôbles polonais? Cela ne les obligera-t il pas à vendre leurs biens

et à emporter encore hors de Russie une nouvelle masse du numéraire qui commence à devenir rare? Fera-t-on une exception en faveur des acquis et conquis, ce qui humilierait les acquéreurs et les conquérants? Non! L'Impératrice est trop juste pour faire cette distinction. Elle est trop clairvoyante aussi, pour ne pas remédier au mal qui s'est fait contre son intention originaire et à son insçu: car elle est trop savante dans la législation pour ne pas voir l'importance de ne pas confondre les ordres de l'état et permettre que la noblesse, qui par son essence est toujours la plus attachée au souverain, soit confondue avec le peuple et méprisée par lui. Je suis persuadé qu'elle rectifiera même un abus extrême introduit pas Pierre Premier, ou mal interprêté par ses successeurs immédiats, abus qui dure et qui avilit la noblesse russe. C'est celui qui fait passer pour gentilshomme, lui et ses descendants, tout homme qui est officier ou qui a un emploi civil avec un grade équivalent à celui d'officier. Ce même abus s'était introduit en France, où tout roturier pouvait acheter la charge de secrétaire du roi pour 100 ou 200 écus et acquérissait par là la noblesse. Cela introduisit un tas de misérables dans cet ordre autrefois si respecté, ce qui diminuant son lustre le rendit méprisable au peuple. Cela multiplia tellement le nombre de nouveaux et mauvais gentilshommes, qu'à l'élection pour les états généraux il y a eu des baillages, où leur nombre surpassa celui des anciens et fut cause des mauvaises élections qui s'en suivirent. Il n'y a eu qu'une chose, qui se conserva en France jusqu'au dernier moment: c'est la distribution du cordon bleu, qu'on ne donnait qu'aux individus des anciennes familles nobles. Aussi l'Assemblée Nationale proscrivit tous les cordons.

Il est incontestable qu'un homme qui a du bien, qui a reçu une bonne éducation, qui sait que tel et tel des ses

ancêtres s'est distingué, aura l'envie et les moyens de les imiter. On ne peut pas attendre la même chose d'un parvenu. Marat et Brissot ne se conduiront jamais comme un Monmorency ou un La Trémouille.

Cet abus qui menace d'étouffer notre ancienne noblesse par des nouveaux intrus mérite qu'on y fasse des réglements pour y remédier en faisant examiner par une commission composée du heraut d'armes, de quelques personnes intègres et respectables par leurs lumières, presidée de quelques sénateurs, pour vérifier et examiner tous les titres de ceux qui se disent nobles, faire tenir des registres, comme l'était notre ancienne Бархатная Книга, et comme cela est en Livonie et en Estonie, et faire imprimer ces régistres. Il serait très-utile qu'on statuât quel est le grade qui peut donner la noblesse à celui qui la possède; en l'admettant par exemple à celui de brégadier et conseiller d'état, exiger que celui qui l'a obtenu s'adressât au Souverain pour avoir la patente de noblesse, faute de quoi ses descendants ne jouiraient pas du droit de gentilhomme.

Un autre abus qui exige une attention particulière est que des étrangers qui sont dans la classe du peuple, entrant dans notre service, se disent gentilshommes et se donnent même des titres des comtes. J'ai connu en 1763 des Esclavons et des Dalmatiens à Venise, que je ne veux pas nommer, qui étaient capitaines de petites barques marchandes, et j'ai été surpris de les retrouver 12 ans après chez nous officiers et comtes, parce qu'on les prenne pour ce qu'ils se donnent sans faire examiner dans le pays, d'où ils viennent, leurs vrais noms et familles. Les patentes d'avancement leur donnent les titres qu'ils se sont donnés eux-mêmes, et ils restent titrés pour l'éternité.

L'Impératrice ayant donné pendant tout son glorieux régne tant de preuves éclatantes de sa bonté pour la noblesse,

fera changer certainement ce qu'à son insçu, contre son entention et contre l'entention peut-être du rédacteur même, s'est glissé dans ces deux édits. Comme toute nouvelle loi abroge l'ancienne, quand elle est sur la même matière, et qu'elle n'est pas d'accord avec la première, on peut sous prétexte d'étendre plus en détail et ajouter des nouvelles loix revoquer les deux anciennes sur les équipages et sur les privilèges de la noblesse.

Il y a une chose à observer sur les équipages et les livrées, qui est, que tant que les carosses, les chevaux, les harnois, les galons tant de soye que d'argent, ne viennent pas de l'étranger, il n'y a pas là de luxe dangereux: car jamais la rage d'aller à six chevaux ne fut si grande à Moscou, que du tems de l'impératrice Elizabeth: tout bas-officier aux gardes n'avait pas d'autre équipage et avait des livrées toutes couvertes des galons de soye; mais tout cela était du pays, et la balance du commerce était en notre faveur, et le rouble valait 50 et 51 stievers. La distinction des livrées, suivant les grades qu'on a, augmente la dépense, au lieu de la diminuer; car un père avec trois fils, tous quatre de différents grades, doivent avoir quatre livrées différentes, et avoir pour cela plus de domestiques. En même tems l'idée des grades toujours presentée au public aux dépens de la considération de la noblesse, rend méprisable celle-ci. Фалѣевъ ira à six chevaux, tandis qu'un Нарышкинъ, un Шереметевъ n'aura pas de carosse ou ne pourra aller qu'à deux à Moscou où on n'arrive nulle part avec ce petit train dans cette ville immense.

Le luxe qui abîme la Russie est celui de la profusion de nos tables, de nos meubles, surtout celui des diamants: car c'est un capital mort et improductif, celui des bijoux et celui des modes. C'est celui de nos petits-maîtres et de nos pe-tites-maîtresses qui ont été à Paris, et que ceux et celles

qui n'y ont pas été, ont la rage d'imiter. Il y a tel fat qui sur ses deux chaînes de montre a pour plus de 2000 roubles des berloques, et a pour plus de cette somme des manchettes de dentelles, qu'il faut renouveller tous les ans, parce qu'elles se déchirent. Mais quand je songe à ce que coûte aux pauvres pères et maris l'habillement de nos extravagantes, dont le nombre est immense dans les deux capitales et dans toutes les principales villes de nos gouvernements, je ne conçois pas comment il est resté encore un sol du numéraire en Russie.

Mais je vois que les vues bienfaisantes de l'Impératrice se sont étendues sur cet article important. Des négociants anglais m'ont montré l'édit qu'elle vient de publier contre ce luxe étranger et abominable. C'est un nouveau bienfait qu'elle vient de faire à ses sujets.

Que Dieu la benisse et nous la conserve pour notre bonheur!

Два письма графа С. Р. Воронцова

къ контръ-адмиралу Михаилу Кондратьевичу Макарову, начальнику Русской эскадры въ Английскихъ водахъ.

(По поводу бунта въ Английскомъ флотѣ).

I.

25 Мая (5 Іюня) 1797.

Увѣдомляю ваше превосходительство, что лордъ Гренвиль, статской секретарь, именемъ своего государя мнѣ сего дня писалъ, что, какъ здѣсь навѣрно знаютъ, что Голандскій флотъ намѣряется выдти изъ Текселя и какъ Аглинская эскадра, подъ командою адмирала Дункана, по причинѣ бунта въ Норѣ продолжающагося, не довольно теперь сильна для сопротивленія оному, то онъ и проситъ меня, нельзя ли нашей эскадрѣ, подъ командою вашею находящейся, остаться на время въ Аглинскихъ моряхъ и, совокупясь съ помянутымъ адмираломъ Дунканомъ, идти для поиску непріятеля и для защиты здѣшнихъ береговъ.

Дружба и оборонительный союзъ между нашимъ дворомъ и Аглинскою короною вашему превосходительству довольно извѣстны, почему я никакъ не сомнѣваюсь, что вы не откажетесь подать помощь притѣсненному нынѣ союзнику нашего Государя Императора, будучи увѣрены, что ежели сіи обстоятельства умедлятъ нѣсколько возвращеніе ваше въ Россійскіе порты, то Его Императорское Величество никакъ на васъ не прогнѣвается, но конечно похвалитъ, что послушать меня изволили. Я же съ своей стороны не премину донести нашему двору о замедленіи, которое можетъ послѣдовать отъ нынѣшней крейсировки, и что я на себя взялъ, зная утѣсненное состояніе здѣшней земли и

Архивъ Князя Воронцова, XVI. 20.

дружбу нашего Всемилостивѣйшаго Государя къ оной, совѣтовать вашему превосходительству, дабы вы не отказали содѣйствовать съ адмираломъ Дунканомъ.

P S. Лордъ Гренвиль, коего я видѣлъ послѣ подписанія сего письма, объявилъ мнѣ, что здѣсь надѣются, что ваше превосходительство, будучи присланы на помощь Англіи, не откажете сію помощь во время самой крайней нужды, въ которой она находится, и что пойдете немедленно на соединеніе съ адмираломъ Дунканомъ, а гдѣ онъ находится и сколько съ нимъ кораблей, при семъ прилагаю листъ.

2.

Того же числа. Понедѣльникъ, въ 11 часу вечера.

Хотя я уже писалъ вашему превосходительству, тому три часа, съ нарочнымъ Аглинскимъ курьеромъ, но почитаю еще нужнымъ повторить вамъ мое представленіе о крайней надобности, дабы вы шли какъ можно поспѣшнѣе на соединеніе съ адмираломъ Дунканомъ: спасеніе Англіи, вѣрной союзницы нашего Государя, того требуетъ, и я Его Императорскому Величеству завтра доносить буду, что я, зная его доброжелательство къ сей землѣ и видя ее въ опасности, по просьбѣ здѣшняго министерства, взялъ на себя совѣтовать и просить васъ, дабы вы шли на соединеніе съ Аглинскимъ адмираломъ. Итакъ, послушась меня, вы не будете въ отвѣтѣ, и конечно будетъ негодовать на васъ Государь, если отъ несоединенія вашего съ Дунканомъ послѣдуетъ какое ни есть несчастіе слабому въ силахъ Аглинскому адмиралу. Всякое замедленіе можетъ усугубить сіе несчасіе. Письма мои будутъ вамъ служить въ оправданіе.

Къ императору Павлу Петровичу.

1.

Лондонъ, 10 (21) Іюня 1797.

Ваше Императорское Величество, письмомъ за своеручнымъ подписаніемъ изъ Павловска отъ 16 Іюня, одобряя мое поведеніе по случаю временной задержки эскадры контръ-адмирала Макарова, осчастливили меня совершенно. До полученія сей милостивой апробаціи, я былъ въ страхѣ и въ изумленіи, и положеніе мое было тѣмъ паче жестоко, что какимъ бы я образомъ ни рѣшился на просьбу здѣшняго двора, находившагося тогда въ крайней опасности, я могъ, не встрѣтясь съ мыслями Вашего Императорскаго Величества, навлечь на себя несчастіе вашего неблаговоленія: ибо, если бы я отказалъ, то адмиралъ Дункапъ, имѣя токмо два корабля противу 10-ти Голандскихъ, былъ бы разбитъ конечно, и Голандскій флотъ, господствуя на здѣшнихъ берегахъ, прикрылъ бы десантъ сухопутныхъ войскъ въ Англію, когда сія земля, бывши тогда удручена бунтомъ своихъ эскадръ, была бы приведена въ совершенное разстройство, и Ваше Императорское Величество могли бы на мнѣ взыскать, для чего я въ такой крайности отказалъ просьбу здѣшняго правленія. Съ другой стороны, я много конечно отважился остановить на двѣ недѣли возвращеніе сей эскадры и могъ ожидать вашего негодованія. Въ такомъ трудномъ положеніи рѣшился я на то, что̀ могло спасти государство вашего союзника и что̀ было достойно великодушія Вашего Императорскаго Величества. Блаженны подданные, служащіе великодушному Государю, какъ Ваше Императорское Величество. Милос-

тивое ваше ко мнѣ списхожденіе и лестная ваша апробація моему поведенію успокоили и осчастливили мою душу. Приношу вамъ, Всемилостивѣйшій Государь, наиглубочайшую мою благодарность за чувства, коими по милости вашей сердце мое теперь наполнено.

2.

Лондонъ, 17 (28) Іюля 1797.

Третьяго дня, на леве *), король, подошедъ ко мнѣ, изъявилъ свою благодарность къ Вашему Императорскому Величеству за новый знакъ вашей къ нему дружбы по случаю временнаго здѣсь задержанія вашей эскадры; что онъ увѣренъ былъ, что Ваше Императорское Величество, свѣдавъ о крайней опасности, въ которой была тогда сія земля, не токмо не прогнѣвались бы на меня, но что и похвалили бы мое по симъ тогдашнимъ обстоятельствамъ поведеніе и теперь радуется, что не ошибся въ своей надеждѣ и наипаче подтвержденъ, что имѣетъ въ Вашемъ Императорскомъ Величествѣ вѣрнаго друга и союзника; что онъ признателенъ и привязанъ къ особѣ вашей и что если полезно для Англіи имѣть союзникомъ Россійскаго Императора, то еще полезнѣе и счастливѣе, когда сей Императоръ признанъ справедливо отъ всѣхъ аки преисполненный добродѣтелью и великодушіемъ; что онъ всегда читаетъ съ крайнимъ удовольствіемъ донесенія кавалера

---

*) Т. е. во время пріема.

Витворта, извѣщающія всегда неусыпное ваше стараніе о благоденствіи вашихъ счастливыхъ подданныхъ; что онъ хотя поручилъ своему посланнику изъявить Вашему Императорскому Величеству свою благодарность, однако проситъ равномѣрно и меня, дабы и я засвидѣтельствовалъ, сколь много онъ вамъ благодаренъ. Я не пропустилъ сей случай, чтобы не изъявить его величеству то, что̀ Ваше Императорское Величество неоднократно приказывали, то есть увѣрять его величество о искренней вашей къ нему дружбѣ и какое горячее участіе примаете во всемъ, что̀ до его особы или владѣніевъ касается. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что сіи увѣренія тѣмъ паче ему пріятны, что когда Ваше Императорское Величество изъявляете оныя, то конечно и чувствуете, что̀ не всегда съ другими бываетъ и что не всѣ чистосердечны и великодушны, какъ вы.

По окончаніи сего леве, новый Турецкій посолъ Измаилъ-Ферукъ-ефенди имѣлъ свою аудіенцію. Виртембергскій посланникъ баронъ Ригеръ, будучи отозванъ, имѣлъ также свою отпускную аудіенцію. Сей посланникъ былъ здѣсь любимъ и почтенъ отъ всѣхъ, будучи человѣкъ умный, скромный и весьма благороднаго духа.

Завтра ночью, для избѣжанія жару, ихъ величества и принцессы отправятся въ Веймутъ, гдѣ пробудутъ около шести недѣль. Сія поѣздка бываетъ ежегодно въ началѣ Августа, и его величество пользуется тамъ морскими банями. Отъ лорда Малмсбюри прибылъ вчерась курьеръ, который ничего не привезъ важнаго; да и трудно, чтобъ негоціація шла поспѣшно, когда мы знаемъ изъ Французскихъ журналовъ несогласіе, которое завелось между совѣтами и директоріею и которое ежедневно умножается.

Къ К. С. Рындину.

I.

(Іюнь 1797).

Братъ мой писалъ мнѣ, что онъ, надѣясь на дружбу вашу къ намъ, просилъ васъ, дабы вы взяли на себя трудъ объ отказѣ за меня деревень, что̀ Государь мнѣ пожаловалъ и взяли бы также на себя трудъ и попеченіе о управленіи сихъ деревень, выбравъ на то человѣка способнаго, который бы вамъ давалъ отчетъ. Братъ мой, утруждая васъ сею въ пользу мою просьбою, не въ состояніи будучи за отдаленіемъ самъ смотрѣть за сими деревнями, надѣялся и не напрасно, что вы по дружбѣ вашей къ намъ не откажетесь сдѣлать ему, мнѣ и дѣтямъ моимъ сіе одолженіе. Сія основательная его надежда удостовѣрена мнѣ теперь письмомъ вашимъ отъ 22 Мая, которое я получилъ въ тоже время какъ и то, которымъ братъ предувѣдомлялъ меня о просьбѣ, что̀ онъ вамъ по сему дѣлу сдѣлалъ.

Кромѣ одолженія, что̀ вы мнѣ теперь дѣлаете, снисходя на его просьбу, отъ чего я и получу облегченіе и спокойство, я еще наипаче обязанъ моему счастливому жребію, что нахожу себя привязаннымъ благодарностью къ человѣку вашего нрава и коего я искренно люблю и къ коему я издавна преданъ.

Покорно прошу васъ, любезной мой Кирила Степановичъ, вѣрить, что я понимаю и чувствую всю благодарность, которую я долженъ имѣть къ вамъ; ибо одна только искренняя дружба, что̀ вы ко мнѣ и къ брату моему имѣете, могла васъ заставить взять на себя новые труды и хлопоты, когда и безъ того вы уже отягощены важными дѣлами.

Какъ послѣ сорокалѣтней службы я получилъ награжденіе, превосходящее малую цѣну неважныхъ моихъ услугъ, то въ старости и когда слабыя мои силы еще наипаче ослабѣваютъ, нельзя мнѣ надѣяться въ послѣдніе остатки моей жизни заслужить новыя награжденія, т. е. еще ту половину деревень, кои изъ данной мнѣ волости за Государемъ осталися. И за тѣмъ, при раздѣлѣ и отдачѣ мнѣ во владѣніе половины сей волости, я желаю, чтобъ цѣлыми деревнями и селеніями сія отдача мнѣ была закрѣплена; ибо я крайне боюсь процесовъ, а еще пуще съ короною, и для того покорно прошу постараться, дабы не лоскутками, а цѣлую половину куска мнѣ отрѣзали и въ такомъ случаѣ сто или двѣсти душъ, что̀ перейдутъ лишняго на часть оставшуюся за короною, не сдѣлаютъ разницы въ доходахъ, лишь бы мельницы и другія угодія, на кои должно болѣ уважать, удовлетворили бы мнѣ сего числа душъ потерю.

Что̀ касается до человѣка, который бы, пребывая въ сихъ деревняхъ, имѣлъ за оными подъ вашимъ руководствомъ смотрѣніе и отдавалъ бы вамъ отчетъ, то я въ выборѣ его полагаюсь на дружбу вашу; а если вы такого человѣка сами пріискать не можете (что̀ и не легко, ибо и права и экономія сихъ деревень, будучи совсѣмъ Чухонскія, ни мало не походящія на наши Русскія, что не всякій понять ихъ можетъ), въ такомъ случаѣ покорно васъ прошу посовѣтовать съ тридцати-трехъ-лѣтнимъ моимъ другомъ барономъ Николаемъ, который, имѣя самъ деревню въ Финляндіи, писалъ мнѣ, что какъ по уничтоженіи Финляндскаго намѣстничества много людей въ ономъ употребленныхъ остаются безъ мѣста, изъ коихъ онъ знаетъ нѣкоторыхъ, кои сами въ той землѣ помѣщики, люди честные и знающіе тамошнюю экономію и тамошніе законы,

могли бы смотрѣть за моими деревнями и отдавать отчетъ той особѣ, которая будетъ отъ меня уполномочена въ главномъ за сими деревнями смотрѣніи.

Впрочемъ отдаю все на волю вашу и дружеское ваше о мнѣ попеченіе и остаюсь съ совершеннымъ почтеніемъ и привязанностію.

2.

Милостивый государь мой Кирила Степановичъ!

Увѣренъ будучи въ искренней вашей ко мнѣ дружбѣ, я съ великимъ удовольствіемъ получилъ письмо ваше отъ 1-го Мая. Благодарю васъ, мой милый другъ, что удовлетворили моему желанію вѣдать число вашихъ дѣтей и состояніе вашего семейства. Радуюсь, что имѣете двухъ сыновей и четырехъ дочерей. Желаю, чтобъ всѣ честные люди имѣли много дѣтей; ибо они одни могутъ только своими примѣрами давать добродѣтельное воспитаніе и затѣмъ умножить число добрыхъ людей въ отечествѣ. Что касается до стѣсненнаго состоянія, въ коемъ находитесь съ большою семьею въ толь дорогомъ городѣ, каковъ есть Петербургъ, я надѣюсь, что, служа теперь въ знаменитомъ мѣстѣ, въ резиденціи Государя, вы не останетесь въ забвеніи. Естественные таланты ваши, присоединенные къ преблагородному духу, отличатъ васъ отъ многихъ, будутъ извѣстны Государю и доставятъ вамъ отъ сего справедливаго и добродѣтельнаго Монарха достодолжное награжденіе. Зная Государя, зная добродѣтельныхъ особъ, кои при немъ находятся и зная васъ, я нимало не сумнѣваюсь, чтобъ вы не получили все то счастіе, котораго вы толь достойны.

Братъ мой ознакомилъ васъ уже конечно съ княземъ Александромъ Андреевичемъ и Дмитріемъ Прокофіевичемъ. Графа Петра Васильевича вы уже знаете, а естьли вы не знакомы съ Өедоромъ Васильевичемъ Ростопчинымъ, то вы будете немедленно съ нимъ ознакомлены; ибо онъ есть мой другъ, и я къ нему писалъ, сколь мнѣ будетъ пріятно, чтобъ онъ съ вами подружился.

Съ радостію свѣдалъ я отъ брата о произведеніи вашемъ въ оберъ-прокурора въ третій Сенатскій департаментъ.

Покорно прошу прислать мнѣ роспись всѣхъ сенатскихъ департаментовъ, кто въ нихъ суть члены и оберъ-прокуроры и какія дѣла какому департаменту принадлежатъ; а когда будете писать ко мнѣ, то прошу отдавать письма ваши Дмитрію Прокофіевичу Трощинскому, который мнѣ ихъ доставлять будетъ.

Пріемлю съ благодарностію поздравленія ваши по случаю разныхъ милостей, коими Государь меня наградилъ въ день своей коронаціи. Я крайне желаю и надѣюсь быть въ положеніи поздравить васъ равномѣрно подобнымъ образомъ.

Живите здорово и весело, продолжайте мнѣ вашу дружбу и будьте увѣрены въ искренности моей, которую я къ вамъ имѣю.

Къ фельдмаршалу Суворову.

Лондонъ, Апрѣля 8 (19) 1799.

Милостивый государь графъ Александръ Васильевичъ!

Вручители сего лордъ Вилліамъ и лордъ Фридрикъ Бентинкъ суть дѣти дюка Портланда. Первой изъ нихъ полковникъ и адъютантъ королевскій, а второй капитанъ въ кавалеріи. Они, съ дозволенія короля своего государя, ѣдутъ служить волонтерами въ арміи, находящейся подъ предводительствомъ вашего сіятельства. Отецъ ихъ есть главной статской секретарь внутренняго здѣшняго департамента, и человѣкъ не токмо знатностію своей фамиліи, но и собственными своими достоинствами и заслугами отлично всегда уважаемый. Отъ насъ же онъ тѣмъ вящшее заслуживаетъ почтеніе, что во всякихъ обстоятельствахъ, въ согласіи ли Англія съ Россіею или не въ согласіи, въ министерствѣ ли онъ или въ оппозиціи, внѣ ли Совѣта или въ Совѣтѣ, гдѣ онъ имѣетъ превеликое вліяніе, онъ всегда оказываетъ особливое усердіе къ Россіи, и всѣ силы своей важности устремляетъ на дружелюбіе и согласіе сихъ двухъ земель. Покойная наша Императрица имѣла къ нему отличное уваженіе, да и нынѣ счастливо царствующій всемилостивѣйшій нашъ Государь Императоръ извѣстенъ о его усердномъ къ Россіи расположеніи.

Съ вышеупомянутыми сыновьями дюка Портланда, также съ дозволенія королевскаго, ѣдутъ другіе два офицера, полковникъ Клинтонъ, двоюродный братъ дюка Нюкастеля, сынъ генерала и кавалера Клинтона, который въ 1773-мъ году былъ волонтеромъ въ арміи графа Румянцова; да ка-

питанъ Свинбурнъ. Всѣ сіи офицеры имѣютъ крайнее желаніе служить подъ предводительствомъ славнѣйшаго въ наши времена полководца. За тѣмъ, прося дозволенія препоручить ихъ въ особенную вашу милость и благосклонность, остаюсь съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію вашего сіятельства покорный слуга.

Къ Дундасу.

À m-r Dundas.

Londres, 30 Décembre 1799.

Monsieur.

Ayant été à Portsmouth pour voir les troupes russes, dont l'Empereur m'a confié le commandement, j'ai vu à mon grand regret qu'il en reste encore cinq mille, qui, faute de petits bâtiments, ne pouvant pas aller à Jersey et Guernsey, restent à Spithead sur des grands vaisseaux, qui ne peuvent pas entrer dans les ports de ces deux îles. Restant ainsi ballottés dans la rade et vu la rigueur de la présente saison, le nombre des malades augmente d'une manière effrayante. Il y en a déjà actuellement au delà de 700. J'ai fait les applications nécessaires à mylord Spencer pour avoir des vaisseaux propres à transporter les troupes à leur destination, et j'espère qu'on en trouvera. En attendant, ces malades ont été placés sur trois vaisseaux de ligne qui sont dans le port, et monsieur le sous-secrétaire Huskisson trouva un hopitâl militaire à Gosport, qui pouvait aussi recevoir trois ou quatre cents de nos malades, et il arrangea avec le général Whitlocke pour que cet emplacement leur soit destiné.

Je ne puis à cette occasion manquer de faire part à votre excellence combien j'ai à me louer des soins infatigables que s'est donné monsieur Huskisson pour mieux accommo-

der nos troupes, et je regarde comme un grand bonheur pour moi de l'avoir rencontré à Portsmouth pendant le séjour que j'ai fait dans cette ville, et je vous supplie de vouloir bien témoigner tant au général Whitelock, qu'à monsieur Huskisson, combien j'ai à me louer de leur conduite et des efforts qu'ils ont faits pour diminuer les souffrances des troupes russes; mais c'est surtout à monsieur Huskisson que j'ai le plus d'obligation.

Comme votre excellence se trouve à présent en Ecosse et qu'il se pourrait, qu'il y eut là quelque détachement de nos troupes, je la supplie de donner ses ordres pour qu'elles soint expédiées directement aux îles sans se détourner pour aller inutilement à Portsmouth.

Приватное.

Къ генералъ-маіору Завалишину.

3 (14) Генваря 1800.

Милостивый государь мой Иринархъ Ивановичъ!

Я почитаю долгомъ моимъ извѣстить ваше превосходительство, что господинъ генералъ-лейтенантъ Гордонъ, главнокомандующій въ островѣ Жерзи, непрестанно пишетъ сюда его высочеству, герцогу Іоркскому и въ военный департаментъ статскому секретарю господину Дундасу съ великими похвалами о порядкѣ и дисциплинѣ, которыя ваше превосходительство наблюдали въ войскѣ нашемъ, во время вашего начальства надъ онымъ, о попечительности надзираній, чтò вы надъ онымъ имѣли. Хвалится онъ также вашимъ ласковымъ съ нимъ поведеніемъ и усердіемъ, которыя при всякомъ случаѣ оказывали, о сохраненіи дружбы и откровенности, такъ нужной и весьма приличной между обѣими націями и войсками. Тоже самое гражданскіе чины того острова здѣшнему правленію доносятъ; а какъ сіе благородное и благоразумное поведеніе соотвѣтствуетъ вполнѣ желанію и точному предписанію Государя Императора, то я почитаю за долгъ благодарить ваше превосходительство. Я не премину донести о семъ Его Императорскому Величеству, который тѣмъ паче будетъ симъ доволенъ, что онъ не невѣдаетъ все, чтò невѣжествомъ или недоброхотѣніемъ нѣкоторые люди старались, подлымъ образомъ, вну-

шать ложные слухи въ войскѣ, акибы Агличане ищутъ изъ недоброжелательства къ Россіи жертвовать оное и, при всякомъ случаѣ, не упускали заводить распри и вмѣсто того, чтобы утушать оныя, когда онѣ случались, растравливали оныя всякими непростительными образами, удаляясь отъ всякихъ объясненіевъ, могущихъ возстановить то доброе согласіе, которое сохранить такъ нужно между двумя союзными народами, коихъ государи находятся въ препскренной и взаимной дружбѣ. Изъ первыхъ вашихъ рапортовъ я видѣлъ въ вашемъ превосходительствѣ благоразумнаго и попечительнаго генерала; а изъ послѣднихъ извѣстіевъ, о коихъ выше упомянуто, я вижу поведеніе просвѣщеннаго и благороднаго Россійскаго дворянина. Мнѣ весьма лестно имѣть честь командовать такою особою, которая вперяетъ во мнѣ искреннее къ ней почитаніе, съ которымъ навсегда пребуду.

Къ лорду Спенсеру.

Harley Street, le 16 Janvier 1800.

A mylord Spencer.

- Commandant du corps auxiliaire russe, qui se trouve dans les domaines de sa majesté le roi, j'ai été obligé malgrès moi de porter des plaintes à son altesse royal le duc d'York, mon chef, contre le capitaine Danson du vaisseau „le Diadème“. La cour martiale, que l'amirauté a ordonné d'après la communication qu'elle a eu de son altesse royal pour examiner l'affaire, avant condamné le dit capitaine à perdre son vaisseau, a prouvé leur justice; mais les plaignants se plaignent à présent de la sévérite de cette justice et étant amplement satisfaits de la réparation qui leur a été faite, ils intércèdent actuellement pour le pardon du condamné, et c'est avec une satisfaction extrême, que je me trouve dans le cas de faire une nouvelle application à son altesse royal pour qu'il prie l'amirauté de rétablir le dit capitaine sur le vaisseau qu'on vient de lui ôter. Autant que j'ai eu de chagrin d'être obligé de me plaindre, autant j'en aurai de savoir le capitaine Danson malheureux à cause de cette plainte. Je n'ai pu m'adresser qu'à son altesse royal, le duc d'York, parce que dans ma qualité de général je suis sous ses ordres; mais en particulier c'est à vous, mylord, qui m'honorez de votre amitié, que je recours à présent, et je vous supplie de m'accorder la faveur de rétablir le capitaine Danson sur le „Diadème“. Je serais en vérité malheureux d'avoir été malgré moi la cause du malheur de cet officier. Je vous envoie la copie de la lettre, que j'ai reçu du général-major Sedmiratzkoy au sujet de cette affaire, et je suis avec le plus profond respect et attachement etc.

Къ неизвѣстному лицу.

Londres, ce 7 Janvier 1800.

Monsieur.

Je prends la liberté, d'après la permission que vous m'avez donnée quand j'ai eu l'honneur de vous voir, de vous faire les questions suivantes:

1) Avez-vous été informé par le commandant du corps auxiliaire russe en Hollande qu'il y avait des provisions arrivées de Russie et débarquées au Helder? Vous a-t-on informé en quelle quantité et en quoi elles consistent?

2) Vous a-t-on demandé de les faire arriver au camp et, si vous avez donné des ordres pour leur transport, vous a-t-on fait savoir qu'on les a reçues?

3) Vous a-t-on informé, quand la trève a été signée et qu'il fut connu à l'armée qu'on allait évacuer la Hollande, qu'il fallait rembarquer ces provisions? Vous a-t-on jamais requis de bouche ou par écrit du rembarquement des dites provisions même au moment de votre départ, et si ce départ a précédé ou suivi celui du lieutenant-général Essen?

4) Pendant tout le tems de la campagne en Hollande, la provision que vous avez distribuée aux troupes russes était-elle la même que vous donniez aux troupes anglaises et, s'il y avait quelque différence, en quoi cette différence était-elle?

5) A-t-on distribué du bétail aux troupes russes?

6) A quelle date avez vous commencé à livrer les provisions aux troupes russes?

Pardonnez-moi, monsieur, cette importunité, et croyez, je vous prie, à la parfaite estime et considération avec lesquelles j'ai l'honneur d'être etc.

Архивъ Князя Воронцова, XVI, 21.

Къ графу Растопчину.

(1800).

Monsieur le comte.

Votre excellence verra par les différents papiers que le comte de Vioménil et moi avons transmis à l'Empereur sur l'expédition projetée en Bretagne, que cette entreprise ne peut avoir du succès et être raisonnablement tentée que par le concours de deux circonstances, et que si l'une d'elles venait à manquer, l'autre ne servirait de rien, et les troupes envoyées pour l'expédition seraient absolument sacrifiées. De ces deux circonstances, une est la force du corps qui doit être débarqué, qui ne peut être moins que de 35,000 hommes; l'autre, que la maison d'Autriche, faisant enfin la guerre pour le rétablissement de la monarchie en France et pour le salut de l'Europe, et non pour son propre agrandissement dépouillant ses voisins innocents et faibles, que cette maison d'Autriche, devenue honnête et franche, commençât la guerre avec chaleur sur les confins de la Provence, du Dauphiné, de la Franche-Comté et de l'Alsace, qu'elle pénétrât dans ces provinces et attirât par là toutes les forces et l'attention de Bonaparte.

Votre excellence voit bien que si la première des circonstances dépend de la volonté de l'Empereur, la seconde ne dépend de personne que de Thugut lui-même, tant que cet homme reste en place et gouverne l'Autriche, et comment peut-on espérer, fourbe et ambitieux comme il est, n'ayant ni foi, ni loi, qu'il puisse tout d'un coup changer de caractère?

On est assez bon ici pour croire à ce changement; je voudrais aussi le croire, mais je n'y parviens pas. Vous avez sans doute des meilleures données que moi, monsieur le comte, sur ce qu'on peut espérer de la conduite future de cet homme, et ce n'est que d'après les informations que l'Empereur aura à ce sujet, qu'il pourra se déterminer en envoyant ici plus de troupes pour suivre l'expédition projetée en France. Je dois à cette occasion supplier votre excellence de vouloir bien donner ses ordres à monsieur de Kolytcheff de me tenir au courant des affaires de Vienne plus qu'il ne le fait jusqu'à présent; car je n'apprends des nouvelles de ce pays-là que par l'amitié qu'a mylord Grenville de m'en informer, et il est bien important pour le bien du service de Sa Majesté Impériale que je sache ce qui se négocie entre notre cour et celle de Vienne, qui peut-être tient un langage différent à m-r Kolytcheff et à mylord Minto.

Par ces mêmes papiers que nous envoyons à la cour, elle verra que le plan de l'expédition a été principalement fait par le marquis de la Rosière, qui a été longtems employé en Bretagne par Louis XVI. C'est un homme d'une grande capacité dans le militaire, particulièrement dans la partie qui regarde le service de maréchal-général des logis. Cet homme, ayant émigré avec les princes au commencement de la révolution, étant ancien maréchal de camp, fut pris au service de Russie comme général-major par l'Impératrice défunte, avec ordre de rester ici pour suivre de plus près les mouvements internes de la France. Quelque tems après, le Portugal, se croyant dans un danger imminent d'être envahi et manquant de généraux, tâcha d'engager à son service le marquis de la Rosière, dont le mérite était bien connu, lui fit des offres très-considérables et pria aussi le ministre britannique de l'engager à accepter

ces offres. Le ministre britannique lui en parla, et sur la réponse qu'il donna, qu'il ne pouvait rien faire sans l'agrément de l'Impératrice, on lui représenta que le tems presse et le Portugal est en danger; il vint alors chez moi, et c'est la seule occasion où je l'ai connu. Il m'exposa toute cette affaire et les scrupules qu'il avait d'aller en Portugal. Je lui ai répondu que l'Impératrice est trop zélée pour la bonne cause, pour ne pas le prêter à la cour de Lisbonne, grandement menacée par la république-régicide; qu'il peut partir en toute sûreté de conscience, et que je suis persuadé qu'elle approuvera le conseil que je lui donne. Il le fit, et l'Impératrice approuva ma conduite. Pendant son séjour de plusieurs années en Portugal, il visita toutes les places de frontières, examina tous les postes pour les campements et fit un plan de défense, qui fut approuvé par tous les connaisseurs de l'art militaire. Dès qu'il fut question, l'année passée, de la possibilité qu'une des armées alliées entrât en France pour seconder les voeux des royalistes, il retourna à Londres, et c'est là qu'il apprit qu'il a été exclu du service russe, ce qui le chagrina infiniment.

Le ministère britannique l'employa beaucoup au plan d'une descente en Bretagne, pays qu'il connaît mieux que personne autre; or, si cette expédition aura lieu, sa présence sera d'une très-grande utilité. Elle sera même indispensable d'après ce que m'en dit m-r le comte de Vioménil; mais m-r de la Rosière se regarderait d'être avec une armée russe sans uniforme russe, qu'il a eu déjà l'honneur de porter. Votre excellence peut voir d'après ceci combien il serait utile pour l'Empereur et pour la bonne cause, si Sa Majesté Impériale voulait bien le reprendre à son service. Je laisse à la prudence de votre excellence à faire usage de cette lettre, suivant qu'elle le croira convenable, et je suis avec la plus haute considération etc.

Къ лорду Гренвилю.

(О Русскихъ войскахъ въ Англіи).

(1800)

Mylord!

Dès le mois de Novembre, quand les troupes russes revenaient de Hollande dans les domaines britanniques, j'ai vu l'impossibilité pour nos officiers et généraux de subsister dans ce pays si énormément cher, avec leurs appointements qui sont analogues au bon marché de la Russie, et j'ai fait des applications à ce sujet au bureau de la guerre. J'eus des espérances qu'on y ferait attention, et voyant que cela traînait, j'ai cru qu'on avait écrit de la part de ce gouvernement à Pétersbourg pour convenir d'un arrangement sur cet objet et qu'on attendait d'un jour à l'autre la réponse. C'est ce que vous m'avez confirmé hier; mais comme, par un concours de circonstances fatales, la communication entre cette île et le continent a été souvent interrompue cet hiver pour des mois entiers et qu'elle l'est encore actuellement, Dieu sait quand vous pourrez avoir la réponse que vous attendez de Pétersbourg. En attendant, les souffrances de nos généraux et officiers ne font que croître, car la cherté dans les îles de Jersey et Guernsey est infiniment supérieure à celle qui existe à Londres.

Il m'est impossible de voir cette continuation de détresse parmi tant de braves gens, qui ne sont pas venus ici par choix, mais par devoir, et je serais même responsable envers mon Souverain, qui désire le bien-être de ses fidèles sujets, si je n'y appliquais le topique le plus convenable.

Puisque vous m'avez dit hier, en commun avec m-r Pitt et m-r Dundas, en présence de m-r le comte de Vioménil, que les dépenses pour le corps russe vous sont déjà beaucoup plus fortes qu'on ne pouvait s'y attendre; que vous ne pouvez faire des dépenses additionnelles et extraordinaires sans avoir de réponse de Pétersbourg, je prends sur moi, assuré d'être approuvé par l'Empereur, de vous demander qu'il soit alloué à nos généraux et officiers dès le 1-r Mars, autant d'argent par mois ajouté à leurs appointements ordinaires, pour que le tout arrivât à être égal aux appointements que le gouvernement britannique payait aux généraux et officiers des troupes hessoises et autres pareilles troupes allemandes subsidées par l'Angleterre, et que ce secours indispensable qui leur sera accordé, soit défalqué des subsides qui courront dès le 1-r du mois de Mars.

Le bureau de la guerre a l'état des appointements que les dits généraux et officiers reçoivent en Russie; il sera donc facile de calculer la somme qu'il faudra ajouter pour les mettre au pair avec ceux des troupes allemandes ci-dessus citées.

Je vous supplie, mylord, de me répondre aussitôt que cela vous sera possible et de vouloir bien être persuadé de la haute considération avec laquelle j'ai l'honneur d'être etc.

Къ графу Віомениню.

A monsieur le comte de Vioménil, général de cavalerie et commandant les troupes russes dans les domaines britanniques, grand' croix de l'ordre militaire de St. Louis. Du Mars n. s. 1800, à Londres.

Monsieur le comte.

En vous remettant le commandement du corps des troupes de Sa Majesté Impériale, qui se trouve actuellement dans les domaines de la Grande-Bretagne et dont je n'ai eu le commandement que par intérim, j'ai donné ordre que tous les rapports vous soyent adresses directement, comme au général que Sa Majesté Impériale a choisi pour commander ce corps. J'ai l'honneur de vous remettre tous les papiers relatifs à ce corps, comme je les ai reçus du lieutenant-général Essen, et je joins aussi tous ceux qui ont passé pendant le tems que j'en a eu le commandement.

Comme votre excellence sera dans le cas d'avoir besoin d'argent pour les dépenses extraordinaires, je vous fournis pour le présent 3000 l. s., et dès que cette somme sera près de sa fin, je ne manquerai pas de vous faire parvenir, monsieur le comte, tout l'argent que vous croirez être nécessaire pour les mêmes dépenses.

Si à votre arrivée aux îles, le principal commissaire du département du commissariat, monsieur Gorbounoff, n'aura pas encore fait les calculs de ce qui manque pour l'habil-

lement des troupes, votre excellence, en le pressant de terminer cet ouvrage, verra tous les différents articles et la quantité des choses qui manquent et qu'il faudra acheter dans ce pays. Elle verra en même tems, si elle pourra se procurer ces choses dans les deux îles et à quel prix; et si elle peut les avoir là, il sera plus expéditif sans doute de les acheter sur les lieux; dans le cas contraire, elle jujera mieux s'il faut envoyer ici une personne à son choix pour aller dans la province d'York pour les draps, à Borish pour les croisés des doublures, à Londres pour les toiles ordinaires, ainsi que pour les cuirs; ou, si elle voudra que ce soit la maison des Harmans, qui a la confiance de notre trésorerie générale, qui m'a prescrit d'avoir affaire à elle: car, quant à moi, je n'ai plus rien à faire avec tous ces détails, sinon de vous fournir l'argent pour toutes ces emplettes, et cela même uniquement parce que c'est à mon nom que notre trésorerie a envoyé les lettres de crédit sur la maison des Harmans, en me prescrivant de payer les appointements et autres dépenses du corps russe et de l'escadre du contre-amiral Breyer, qui ont servi en Hollande.

Quant aux autres besoins et affaires du corps que vous commandez, monsieur le comte, il faut vous adresser au secrétaire d'état, monsieur Dundas, et si vous voulez bien me communiquer le sujet de vos demandes, j'aurai soin de les appuyer ici et de presser leur exécution.

Votre excellence verra, par les papiers et journaux du corps, que j'ai l'honneur de vous remettre, que non-seulement il y avait une grande quantité des vivres apportés de Russie en Hollande, dont on ne voit pas l'emploi qui en a été fait, puisqu'il n'existe pas d'ordre pour la distribution de ces provisions parmi les troupes, qui doit pourtant avoir eu lieu, puisqu'au moment du départ de Hollande cette pro-

vision a été jetée ou prétendue jetée dans la mer, dans une quantité infiniment diminuée; mais elle verra aussi par le journal de monsieur Essen, qu'il y avait de l'eau-de-vie de France et du vin de pays, que par un rapport, qui s'est trouvé faux après la vérification, ces liqueurs étaient représentées comme gâtées; que monsieur Essen a ordonné qu'on informe de la cause de ce faux rapport, mais jusqu'à présent on n'a présenté jamais aucun résultat de cette recherche. Cette eau-de-vie et ce vin ont été donnés, ainsi que d'autres provisions, par l'Angleterre à Elseneur, et ces liqueurs ont disparu tout d'un coup; car elles ne se trouvent pas parmi les choses qu'on a prétendu jeter dans la mer.

Ne pouvant obtenir aucune réponse satisfaisante, ni de monsieur Essen, ni de monsieur Berg, chef de la commission du département des vivres du corps, j'ai ordonné au général Kapzéwitch de nommer une commission pour la recherche de tout ce qui regarde les vivres, et je me flatte dans la justice et l'exactitude de votre excellence, qu'elle approfondira cette scandaleuse fraude et ne permettra pas que ceux qui en sont coupables puissent être protégés par ceux qui les soutiennent et qui veulent couvrir ces honteuses transactions; parce qu'en les assoupissant, ils ne découvrent pas la fausseté des rapports envoyés en Russie, par lesquels, pour calomnier l'Angleterre, on avait l'impudence de dire que nos troupes mouraient de faim. Votre excellence exigera sans doute un état de ce qui a été fourni par les Anglais au passage de nos troupes par Elseneur; car il devait y être bien d'autres choses que de l'eau-de-vie et du vin de pays, et quant à ces deux articles, il est nécessaire de savoir d'où vient qu'ils ont disparu tout d'un coup de tous les rapports, quoiqu'ils n'ont pas été consommés, ni jetés dans la mer. En un mot, parmi mille désordres du commandement de monsieur Essen, la partie

de la comptabilité des provisions est une des plus scandaleuses par son inexactitude et le désordre mis exprès dans les documents, afin d'y rendre la recherche de la vérité plus difficile ou plutôt impossible. Ayant vu monsieur Berg et l'ayant trouvé simple et borné, je ne doute pas qu'il ne soit innocent; mais il a été instrument des autres plus relevés en grades et la dupe des subordonnés de son département, qui en ont profité.

Dans votre correspondance avec monsieur Dundas, le duc d'York et quand vous me ferez l'honneur de m'écrire, je vous supplie d'adresser tous les paquets sous l'enveloppe de m-r Huskisson, sous-secrétaire d'état du département de la guerre et membre du Parlement. Vos rapports à Sa Majesté Impériale et votre correspondance avec le Collége de guerre et le comte de Lieven, si vous me les envoyez, je vous supplie de me les adresser égalcment sous la même adresse ci-dessus citée. J'enverrai vos paquets pour la Russie par des courriers, s'il y en a; mais autrement je les enverrai à m-r Harmans pour qu'il les fasse mettre à la poste en payant le port et en tenant compte de cette dépense, qui doit être payée par la caisse de l'extraordinaire du corps; car je n'ai pas d'argent pour cette dépense et j'en ai déjà dépensé beaucoup de ma poche depuis le tems que ce corps a été sous mes ordres.

Comme, outre les affaires politiques, pour lesquelles je suis ici, je suis accablé d'une correspondance immense avec notre trésorerie et m-r le baron de Vassilieff, notre amirauté et le comte Koucheleff, avec le cabinet, et qu'outre cela j'ai continuellement des affaires avec différentes branches du gouvernement anglais pour toutes les affaires qui regardent les escadres du vice-amiral Makaroff et contre-amiral Breyer: les personnes attachées à ma chancellerie ne peuvent suffire qu'à peine au travail dont je suis forcé

de les surcharger. Les affaires que vous aurez à traiter avec le gouvernement anglais doivent, suivant l'ordre de l'Empereur, passer par mes mains, et me mettent dans le cas d'avoir l'honneur de correspondre avec vous et de faire des copies de différents papiers. Je serai dans l'impossibilité de le faire, si vous ne permettez pas, m-r le comte, que le sous-lieutenant Chérapoff reste auprès de moi pour m'aider à ce travail; comme il est un des 4 et l'officier le plus jeune en grade du département du quartier-maître général, il n'est d'aucune utilité actuellement aux îles, où les troupes, étant en casernes, n'ont ni marches, ni campement à faire. Mais dès que vous serez sur le point de partir avec votre corps, soit pour l'expédition projetée, soit pour retourner en Russie, si elle n'a pas lieu, je ne manquerai pas de vous renvoyer le dit officier.

Votre excellence verra par le papier ci-joint, ce que j'ai pu ramasser sur le nombre de nos troupes, parmi lesquelles il y en a encore plusieurs qui sont peut-être dans des endroits que nous ignorons; car quoique m-r Essen a fait inscrire dans son journal un ordre donné à tous les officiers qui commandaient sur les vaisseaux de transport de m'annoncer leur arrivée dans tel pays que ce soit, cet ordre n'a jamais existé que dans le journal, et inséré avec une date antidatée depuis qu'il a su que j'ai eu le commandement. C'est ainsi qu'arrivé à Londres le $^{11}/_{22}$ IX-bre, il a écrit le $^{15}/_{26}$ un faux rapport à l'Empereur sur une affaire où il ne s'est jamais mêlé, en datant son rapport de Yarmouth. . . . .

Par la liste ci-jointe, votre excellence verra qu'il y a 66 hommes dans l'hôpital de Sherness. Je dois lui dire à cette occasion qu'il y avait là un officier avec plus de 200 hommes, qui, revenant de la Hollande, fut porté là par le vent et ne donnait signe de vie ni à m-r Essen, ni à moi;

parce qu'il était parti sans aucun ordre, ni instruction quelconque. C'est par hasard que je l'ai appris du vice-amiral Makaroff, la dernière fois qu'il était ici; il repartait pour Sherness, et je le priai de me faire savoir le nombre d'hommes qu'il y avait et de dire à l'officier de me faire un rapport; mais il ne le trouva plus, car il était parti pour les îles, en laissant 66 hommes de malades, que notre vice-amiral fait inspecter par un de ses officiers et les enverra aux îles dès qu'ils sortiront de l'hôpital anglais. Pareille chose est arrivée à Plymouth, et pareille chose est sans doute dans plusieurs endroits; j'ai prié l'amirauté anglaise et le duc de Portland, secrétaire d'état pour les affaires internes, de prendre des informations le long de toutes les côtes de la Grande-Bretagne, s'il n'y a pas des vaisseaux de transport avec des troupes russes, et de m'en donner voix. Dès que j'en aurai la nouvelle, je ne manquerai pas de vous en informer, monsieur le comte.

J'ai eu l'honneur de vous parler du commissaire civil m-r Eton, que vous trouverez aux îles; c'est un honnête homme tout dévoué à la Russie et que j'ai fait nommer pour la place qu'il occupe, afin de prévenir tous les mésentendus entre nos généraux et les gouverneurs de ces îles: c'est en quoi il a réussi, excepté auprès de l'entêté et grossier général Kapzéwitch, qui, en dépit de ce que je lui ai expliqué verbalement et par écrit, de s'abstenir de correspondance inutile et d'employer Eton pour toutes les explications et discussions qu'il pourrait avoir avec les gouverneurs et le commissaire militaire, le colonel Walker, a voulu faire à sa tête et a écrit ses lettres grossières et impertinentes au lieutenant-général Gordon, qui m'ont été envoyées par le duc d'York, par le département de m-r Dundas et par Kapzéwitch lui-même, qui par ignorance ne sentait pas le sens et la valeur des phrases dont il se servait. Ce

général est assidu au mécanique du service, mais n'a ni les connaissances d'un général qui commande, ni la politesse nécessaire pour traiter honnêtement les affaires. Il est d'ailleurs exact dans le service, mais disciple d'Essen, dont il a prit toute la morgue et la haine pour l'Angleterre. Il est gouverné par un Freitag et un Kesow, le premier Courlandais et l'autre Saxon, tous les deux de très-mauvais garnements et de principes très-suspects.

Cet Eton vous donnera des détails sur un club découvert dans une des deux îles, et il est à même de vous avertir s'il y a de nos officiers qui y ont été. Ce club est dispersé, mais s'il s'en forme d'autres. Eton vous avertira de tout. Je sais que tous ceux de la clique d'Essen qui restent encore dans le corps, ont mis en tête à Kapzéwitch que cet homme est mon espion; mais qu'ai-je besoin d'espionner, quand je puis tout savoir du gouvernement anglais, qui est informé de tout? Je l'ai fait nommer pour l'avantage du service et pour empêcher des mésentendus. Je le recommande à votre excellence et je puis vous assurer qu'il vous sera d'une grande utilité.

Parmi nos généraux, d'après tout ce que j'ai vu de leurs faits et rapports, c'est Sedmoratskoy et Zavalichine qui méritent le plus votre confiance: ils se sont toujours comportés avec la plus grande assiduité et zèle pour le service et ont mis dans leurs procédés une noblesse digne des généraux d'un aussi grand souverain que l'Empereur de Russie.

Je ne manquerai pas de représenter à Sa Majesté Impériale combien il serait utile pour que vous fussiez autorisé à choisir un autre major de brigade; puisque vous avez vu par les détails verbaux que j'ai eu l'honneur de vous donner, combien il est nécessaire de rompre et supprimer ce mauvais esprit que m-r Essen a inculqué dans l'âme de ceux qui avaient la direction de la chancellerie du corps.

Je manquerais à moi-même et à ce que je sens dans mon âme, si je ne vous témoignais la joie sincère que me donne votre nomination, monsieur le comte, au commandement de ce corps. L'Empereur ne pouvait le confier dans des mains plus pures. Vos talents, votre zèle sont connus, et ils sont des garanties certaines des succès que vous aurez indubitablement, si on vous fournit ce qui est nécessaire et si l'expédition a lieu.

De mon côté je me croirais heureux, si par ma place je pouvais en quoi que ce soit vous être de quelque utilité; je vous prie de ne pas en douter.

Къ лорду Гренвилю.

Le 9 Mars n. s. 1800.

Mylord.

Ayant reçu votre billet, avec la réponse en anglais aux questions par écrit que le général comte de Vioménil vous a remises à la conférence qui a eu lieu entre vous, m-r Pitt, m-r Dundas, lui et moi, je l'ai fait traduire en français et je l'ai tout de suite communiquée au dit général. Nous n'avons pu être que très-satisfaits de cette réponse, qui, toute préliminaire et éventuelle qu'elle est, puisqu'elle dépend de tant de circonstances futures et indépendantes de notre volonté, nous prouve certainement le zèle éclairé que le ministère britannique met dans une entreprise, qui peut décider du sort de la France et par conséquent du repos de l'Europe.

Il est mutuellement reconnu par vous et par nous que l'entreprise ne peut s'effectuer que par une force imposante, et telle que nous n'avons pas ici actuellement; ainsi il faut attendre quelle sera la résolution de l'Empereur à cet égard.

Il est également reconnu que si on aura cette force, il serait bien imprudent de la hasarder avant que la guerre ne soit bien vivement allumée sur la frontière de la Provence, du Dauphiné, de la Franche-Comté et de l'Alsace, où Bonaparte serait forcé de porter ses armées, ce qui affaiblirait ses moyens de résistance en Bretagne et en Normandie, et par conséquent l'époque de notre expédition ne peut être mieux fixée que vers la fin de Mai ou au com-

mencement de Juin, comme l'a très-judicieusement marqué m-r le comte de Vioménil.

Il reste à répéter le besoin de quelque cavalerie, qui nous manque et sans laquelle on ne pourrait rien faire, si même l'Empereur enverrait deux régiments d'hussards démontés; car pour cette espèce de troupes on pourrait trouver des chevaux en Bretagne; mais pour des dragons on n'en trouvera pas, parce que, suivant m-r le comte de Vioménil, qui connaît le pays, la race des chevaux y est d'une taille trop petite. Nous espérons donc que le gouvernement britannique, accordant tous les autres points, ne refusera pas aussi de donner quatre régiments de cavalerie légère, avec leur monture.

Pour ce qui est de la réponse au 13-me article, je dois observer que les vaisseaux de guerre russes, ainsi que les vaisseaux anglais de la même espèce, ne peuvent servir pour le transport des troupes, parce qu'ils ne peuvent même aller aux îles pour prendre les troupes, vu que les ports de ces parages ne peuvent recevoir que des petits bâtiments et des frégates. Nous n'avons pas des premiers et fort peu des secondes. Il faut donc des bâtiments de transport, qui seront protégés par les escadres combinées, et cette combinaison d'escadres est d'autant plus nécessaire, que nos amiraux et capitaines ne connaissent pas les côtes de France et qu'il faut d'ailleurs être en grande force, pour ne courir aucun risque de la part des flottes combinées de France et d'Espagne à Brest, et qui peuvent sortir par les mêmes vents qui empêchent à vos escadres le blocus de ce port.

Voici, mylord, ce que j'ai cru devoir soumettre à votre considération et à celle de monsieur Pitt et monsieur Dundas, auxquels je ne doute pas que vous ne communiquiez ces observations.

Вопросы графа Віоменила и отвѣты графа Воронцова.

Questions remises au comte de Woronzow par m-r le comte de Vioménil.

1 Question. L'événement de Quiberon et en dernier lieu celui de la Hollande, sont faits pour convaincre que la politique des cours coalisées n'est ni aussi franche, ni aussi désintéressée que celle de l'auguste Paul Premier. Cette persuasion doit exiger la plus grande circonspection de la part des généraux qui commanderont les troupes russes, lorsque des troupes étrangères leur seront réunies, afin d'éviter que les premières ne soyent la victime des mauvaises dispositions ou de la mauvaise foi des autres. D'après cette réflexion il est important de savoir, si l'on peut affirmativement compter sur les engagements qui seront pris par la cour de Londres.

Réponse.—Les événemens de Quiberon et de la Hollande ne portent aucune empreinte de trahison. Le premier était un projet des Français royalistes, qui ont insisté et persécuté le gouvernement anglais, pendant plus de 8 mois, pour le mettre en exécution. Ce gouvernement s'y est toujours refusé jusqu'à ce que m-r Windham, secrétaire de la guerre, persuadé par m-r de Puisaye, un des auteurs du plan, insista auprès des ministres du cabinet (dont il est aussi membre) de ne pas se refuser aux instances des royalistes. Cette expédition coûta à l'Angleterre en armes, munitions, argent de transport des troupes, que commandait

Sombreuil, du continent en Angleterre et de là à Quiberon, des sommes immenses; et cette expédition manqua par la bêtise, ou peut-être quelque chose de plus, du comte de Vauban, par le trop de vivacité du comte d'Hervilly, et par la vanité coupable de Sombreuil, qui ne voulait pas obéir à d'Hervilly, son ancien, et qui a fini par perdre la tête en se rendant, et en faisant une capitulation plus que précipitée: car il pouvait se défendre sur une hauteur où il était, jusqu'à la marée montante, où, protégé par les frégates anglaises, il pouvait se rembarquer avec son corps. C'est ce qu'a fait d'Hervilly; quoique blessé à mort, il fut porté jusqu'au bateau et de là sur les frégates; plusieurs autres suivirent son exemple. Cette expédition a été donc faite sur les pressantes et très-obstinées demandes des royalistes, et sur le plan qu'ils ont présenté, plan appuyé non-seulement de m-r de Puisaye, mais du comité composé des chefs du corps des royalistes en Bretagne, tel que Georges et d'autres. Il n'y avait pas un seul Anglais qui fût de cette expédition, parce que les royalistes n'en voulaient, pas. L'escadre qui a protégé le débarquement et le rembarquement était anglaise, et s'est exposée dans la dernière circonstance au point de risquer de se faire échouer. Cette escadre sauva m-r d'Hervilly et le duc de Lévi, tous deux dangereusement blessés, et plusieurs autres, et aurait sauvé Sombreuil et sa troupe, s'il avait conservé sa tête et ne s'était pas hâté de faire une capitulation aussi peu nécessaire que peu sûre, comme les faits l'ont prouvé. Je sais que peu de tems après cet événement, quelques emigrés constitutionnels et ignorants, par méchanceté, ont tâché de faire circuler le bruit aussi absurde qu'injurieux au gouvernement britannique, comme s'il n'avait fait cette expédition que pour détruire la marine française, en y envoyant un corps d'officiers de l'ancienne marine royale. Or,

ce petit corps était formé depuis longtems à la réquisition de ces mêmes officiers, et il n'a été envoyé à Quiberon que d'après les sollicitations aussi importunes que continuellement répétées de ces mêmes officiers, dont les $^3/_4$ étaient Bretons et par conséquent des têtes chaudes et obstinées, qui voulaient absolument revoir leur pays natal. Il en périt 40 à 50 lieutenants. Or, est-il probable qu'une aussi grande puissance, et la plus formidable sur mer par la plus nombreuse et la plus belle flotte de l'univers, eût dépensé plus d'un million de livres sterling, eût compromis son honneur et sa réputation, pour arranger exprès une expédition, afin qu'elle manquât, uniquement pour détruire 40 à 50 lieutenants de la marine française; tandis qu'elle avait elle-même des Howe, des St.-Vincent, des Duncan, des Gardner, des Curtis, des Nelson, et sur près de 1000 capitaines de haut-bord, tous excellents, plus de 100 capables d'être tout de suite amiraux et de commander des flottes? Il faudrait que le gouvernement britannique fût composé d'une bande de scélérats aussi infâmes que stupides, et que la marine britannique fût aussi composée d'amiraux et d'officiers d'une lâcheté et d'une bassesse inouïes, pour perdre des trésors et la réputation du pays, par une expédition arrangée exprès pour être manquée, pour l'unique désir de faire tuer 40 à 50 lieutenants, de crainte qu'ils ne deviennent tous, ou quelques-uns, des amiraux plus habiles que ceux dont l'Angleterre se glorifie à si juste titre, et dont les pareils ne lui manqueront jamais, par sa position locale, par le goût dominant de la nation pour le service de mer, qui mène à la gloire, aux honneurs héréditaires et aux richesses, par l'éducation de cette même nation, et par la pratique, multipliée et continuelle, qu'ont les marins anglais dans les quatre parties du globe, où leur

patrie a des colonies florissantes qu'elle doit protéger, ainsi qu'une navigation marchande de plus de 15000 bâtiments.

Quant à l'expédition de Hollande, elle a été malheureuse, parce que les difficultés se sont trouvées supérieures aux talents du commandant en chef, qui, brave et honnête, n'a certainement pas les talens d'un Marlborough ou d'un Turenne. Des gens mal instruits ont supposé et ont fait répandre le bruit que cette expédition n'a été faite que pour s'emparer de la flotte hollandaise, et qu'y ayant réussi on a fait échouer exprès le reste de l'entreprise; mais peut-on avoir cette idée, quand on sait que cette misérable flotte consistait ne 9 vaisseaux de ligne, dont 7 étaient pourris, et les 2 qui ne le sont pas, sont mal construits, à fond plat, comme ils le sont tous, à cause des bas-fonds de Hollande; et que les premiers pourriront ici dans la Tamise, et les deux autres ne serviront que comme vaisseaux d'hôpital dans les ports britanniques; que la valeur de ces prises n'approche pas à la dixième partie de l'argent qu'a coûté l'expédition dont la non-réussite a indigné la nation et prodigieusement embarrassé et compromis le ministère. Cette idée de trahison de la part des Anglais a été insinuée et propagée par le lieutenant-général Essen, ses alentours, et plusieurs officiers allemands et étrangers qui se trouvent dans le corps, et qui continuent à nourrir entre eux une haine contre l'Angleterre. Il a écrit en Russie que les Anglais ont laissé mourir de faim les Russes en Hollande, tandis que nos troupes ont eu les mêmes provisions que les troupes anglaises, et même on leur donnait plus qu'aux derniers, ce qui est constaté par le rapport du commissaire des vivres, m-r Motz. Mais outre cela m-r le comte de Vioménil verra par l'état des vivres, que le corps russe a apporté avec lui de Russie, qui est considérable et dont il est resté une partie non consommée, qu'on

prétend avoir jeté dans la mer, au moment qu'on se rembarquait. Comment est-il donc possible, qu'ayant des vivres à soi et recevant des Anglais plus qu'on ne donnait aux troupes britanniques, les nôtres puissent mourir de faim? M-r Essen a aussi écrit en Russie que le duc d'York a cherché partout à sacrifier nos troupes; mais la preuve que c'est une calomnie est que nous n'avons eu que 44 officiers de tués ou pris et 92 de blessés, en tout 136, tandis que les Anglais ont eu 217 officiers tués et blessés. C'est ainsi que ce général était exact dans ses rapports. Je puis démontrer qu'ils sont tous faux. Il y a des officiers qu'il a mis dans le nombre des tués tandis qu'ils vivent et servent dans leurs régiments. Il n'a pas fait mention des officiers qui, grièvement blessés, se sont distingués à la face de toute l'armée, quand il recommandait à l'Empereur un officier de marine, qui n'avait aucun commandement et n'a eu rien à faire; mais c'est qu'il se proposait de l'envoyer à Pétersbourg, pour répandre et accréditer les calomnies. — Je me suis étendu sur cet article, parce que le bien du service et la justice la plus stricte exigent que je fasse voir à m-r le comte de Vioménil, que les bruits que les malintentionés ont fait courir en Allemagne et qui ont pu parvenir à lui, sont destitués de tout fondement; qu'ils ont été propagés en Russie et en Allemagne par des gens qui avaient les vues les plus criminelles, qui n'allaient qu'à mettre la zizanie entre la Russie et l'Angleterre au détriment de la bonne cause et à l'avantage direct de l'exécrable République Française.—Le ministère anglais actuel est composé de gens vertueux; on peut compter sur ce ministère.

2 Question. Comme une guerre défensive ne remplirait sûrement pas les vues de Sa Majesté Impériale de toutes les Russies, il me paraît impossible d'agir offensivement sans cavalerie; on ne pourrait même pas compter sur celle

des Anglais, qui n'a aucune instruction pour éclairer les mouvements des ennemis. Je désirerais qu'il fût possible d'avoir deux régimens d'husards russes ou de cosacks réguliers, pour remplir cet objet important. Si la difficulté d'embarquer des chevaux y faisait obstacle, la cour de Londres pourrait en fournir.

Réponse.—C'est un objet à traiter avec le ministère britannique et dont m-r le comte de Vioménil a déjà parlé, quand nous étions ensemble avec lord Grenville, m-r Pitt et m-r Dundas, et qu'il leur a remis un aperçu, dans lequel parmi les choses nécessaires pour l'expédition cet objet se trouve.

3 Question. Dans le cas où une armée anglaise se joindrait au corps des troupes, ces dernières serviraient-elles comme auxiliaires des premières, et aurais-je quelque compte à rendre à l'officier-général qui commandera la dite armée, ou au ministère britannique? Avec qui dois-je correspondre directement?

Réponse.—C'est un article qui n'aura pas de discussion, car il n'y aura pas de commandant anglais dans l'expédition en France. Pour ce qui est des besoins du corps russe, comme il est aux frais de l'Angleterre, il faudra s'adresser pour tous les besoins du dit corps au duc d'York et au secrétaire d'état du département de la guerre, m-r Dundas, leur envoyer des rapports du nombre d'hommes et de chevaux, et de la quantité des vivres et fourrages; car il ne pourront rien fournir sans avoir ces états, qu'ils doivent après produire au Parlement pour justifier les dépenses. En outre m r le comte, en faisant ses rapports à l'Empereur sur ses opérations, en fera aussi au secrétaire d'état m-r Dundas, comme le faisait le duc d'York.

4 Question. Si les troupes russes doivent agir offensivement avec des troupes anglaises, il serait très-avantageux

pour le succès des opérations, que le commandement de ces dernières fut donné au lord Moyra, dont la loyauté est connue; ou si la cour de Londres se décidait à ne donner que de la cavalerie, il serait à désirer que le lord Cathcart la commandât.

Réponse.—Lord Moyra est de l'opposition, et lord Cathcart est attaché à la personne du roi par une charge militaire dans la maison de sa majesté; mais comme on donnera sans doute deux ou trois régiments de cavalerie légère, elle aura de bons officiers: car c'est la meilleure dans l'armée anglaise, et elle est bien supérieure à la cavalerie républicaine.

5 Question. Son excellence est-elle instruite de la force à laquelle sera porté le corps de troupes russes qui doit se réunir en Angleterre?

Réponse.—C'est une chose que j'ignore et qui est ignorée du ministère britannique, qui attend sur cela des nouvelles de Russie.

6 Question. Ce corps servira-t-il séparément, et dans ce cas lui donnera-t-on de la cavalerie? Dans la supposition où il se réunirait à une armée anglaise, quel sera le commandant de cette armée? Et celui des troupes russes lui sera-t-il subordonné, ou devra-t-il seulement coopérer avec lui au succès des opérations de la campagne?

Réponse.—Il n'y a pas de doute qu'on ne donne de la cavalerie; le reste sera discuté et arrangé par m-r le comte de Vioménil avec le ministère britannique. Ce qu'il y a de certain est que le corps russe ne sera pas sous les ordres d'un général anglais.

7 Question. M-r le comte de Woronzow connait-il le plan des opérations de la campagne prochaine, et sur quel point devra se faire le débarquement?

Réponse.—Cet article a déjà été discuté, et m-r le comte de Vioménil sait à présent l'aperçu du plan, qui est celui de m-r de la Rosière, plan qu'il a approuvé lui-même et qui doit être suivi ou modifié, suivant les circonstances, qui peuvent varier encore; mais l'ensemble de ce plan a été approuvé par m-r le comte, et le ministère en est content.

8 Question. Doit-on compléter les régiments qui ont fait la campagne de Hollande?

Réponse.—La réponse au 5-e article servira aussi de réponse à celui-ci.

9 Question. La cour de Londres donnera-t-elle de l'argent, de l'artillerie, des fusils et des munitions de guerre?

Réponse.—Elle les donnera sans doute, à moins qu'elle n'abandonne le projet de descente et ne se détermine à renvoyer nos troupes en Russie.

10 Question. Donnera-t-on aux troupes russes leur nourriture habituelle, et a-t-on des moyens assurés pour la subsistance des hommes et des chevaux?

Réponse.—Elle le fera si elle persiste dans l'idée de l'expédition projetée, excepté l'habillement, qui est fourni par la Russie.

11 Question. Je crois indispensable d'obtenir que l'argent, l'artillerie, les fusils de remplacement, les munitions de guerre, ou approvisionnemens destinés au corps de troupes russes soient mis à bord des bâtiments de guerre de cette nation, afin de pouvoir y compter.

Réponse.—Les deux articles précédents doivent s'appliquer à celui-ci, et avoir la même certitude.

12 Question. Donnera-t-on au corps russe de l'artillerie de position? Quelle sera la quantité de pièces de diffé-

rents calibres qu'on lui donnera? Et la cour de Londres lui fournira-t-elle les chevaux destinés à cette artillerie?

Réponse.—De même.

13 Question. Dans la supposition où un officier, de quelque grade qu'il soit, se conduirait mal soit à la guerre, soit pour cause d'indiscipline, serai-je autorisé à lui interdire ses fonctions, jusqu'à ce que Sa Majesté l'Empereur ait décidé de la punition qui devra lui être infligée?

Réponse.—Hors d'activité du service militaire depuis plus de 20 ans, j'ignore si le code militaire fait par Pierre-le-Grand a été abrogé ou modifié; mais dans cette incertitude je ne serais pas incertain sur le maintien de la discipline, et je mettrais aux arrêts tout général qui oserait me désobéir, et j'en ferais mon rapport à l'Empereur: car une armée insubordonnée n'est plus une armée, mais une troupe de bandits à charge au souverain à qui elle appartient, et nuisible au pays où elle est employée, et déshonorante pour celui dont elle porte le nom.

14 Question. La cour de Londres fournira sans doute la quantité nécessaire de pontons pour jeter au moins trois ponts sur les rivières des provinces de France où se portera le théâtre de la guerre.

Réponse.—On les donnera sans doute.

15 Question. Le gouvernement britannique fournira-t-il aussi les voitures et les chevaux nécessaires au transport des hôpitaux et des bagages des officiers et soldats?

Réponse.—De même.

16 Question. Y aura-t-il un nombre suffisant d'officiers du corps du génie ou de l'artillerie russe? Dans le corps de Condé il y a beaucoup d'officiers de ces deux armes, qui lui seront inutiles, du moins en totalité; il serait d'une grande utilité d'en faire passer en Angleterre 4 du génie et 4 de

l'artillerie, qui connussent parfaitement la partie des côtes de France où les opérations devront se diriger.

Réponse.—M-r le comte de Vioménil allant à Jersey et Guernsey, verra le nombre de nos officiers de génie et d'artillerie, et saura mieux que moi apprécier leurs talents, et s'il est besoin de prendre des officiers français, le gouvernement britannique prendra à sa solde ceux qui lui seront proposés par lui.

17 Question. Y aura-t-il des fonds destinés pour les dépenses secrètes, comme espions ou grands services rendus par les habitans des provinces où l'on pénétrera?

Réponse.—Cet article a été proposé par l'aperçu de m-r le comte, qui a été remis par lui à m-r Dundas, et je ne doute pas qu'on ne l'accorde.

18 Question. Y a-t-il des médecins et des chirurgiens, en quantité suffisante, attachés au corps des troupes russes? Cet objet est essentiel pour le soin des hommes qu'exige l'humanité, et par les difficultés que présente l'éloignement pour remplacer ceux que l'on perdra à la guerre ou dans les hôpitaux.

Réponse.—De même.

19 Question. Si les royalistes doivent agir conjointement avec les armées russes et anglaises, il n'y a pas un instant à perdre pour les organiser et leur donner de bons officiers-généraux, sur les talents desquels on puisse compter.

Réponse.—C'est une chose qu'il faudra discuter entre m-r le comte et le ministère britannique, qui a déjà vu cet article dans l'aperçu qui lui a été remis.

20 Question. Y a-t-il en Angleterre des officiers français qui ayent une connaissance exacte des côtes de France? Dans la supposition où il n'y en aurait pas, il est indispen-

sable de s'en procurer qui habitent à portée du point où devra s'opérer le débarquement.

Réponse.—Depuis que ces articles m'ont été proposés, m-r le comte a eu déjà les meilleures informations possibles et telles que je n'aurais pas pu avoir, tant par les mémoires de m-r de la Rosière que par les rapports qu'il a eus des officiers royalistes fraîchement revenus de la Bretagne.

21 Question. Il ne serait pas moins essentiel de se rendre maître de quelque place qui pût servir à entrepôt pour les subsistances et le dépôt des armes ou munitions de guerre.

Réponse.—Cet objet a déjà été discuté verbalement et a été renouvelé dans l'aperçu, qui est senti et adopté.

22 Question. Monsieur et monsieur le duc de Bourbon seront-ils portés à la Vendée? Leurs opérations seront-elles indépendantes de celles du corps russe, ou devront-elles être concertées pour opérer conjointement et d'un parfait accord?

Réponse.—C'est un objet de discussion future, et m-r le comte a vu que les royalistes le demandent, et le ministère croit la présence d'une nécessité absolue; mais cela doit dépendre des circonstances futures: car d'ici au mois de Juin, la face des affaires peut et doit même varier sur plus d'un objet.

23 Question. Dans le cas où quelques régiments républicains déserteraient de leur armée pour passer de notre côté, serai-je autorisé à les recevoir, et quelle serait la capitulation que je pourrais leur promettre?

Réponse.—Objet à discuter avec le ministère, soit à présent, soit après que m-r le comte, ayant été aux îles, reviendra ici pour concerter les préparatifs de l'expédition, si elle a lieu.

24 Question. A-t-on des relations bien sûres avec les royalistes du Poitou, de la Bretagne et de la Normandie, et sait-on le nombre d'hommes que ces provinces pourront fournir en infanterie et en cavalerie? Ont-elles assez d'artillerie, de fusils et de munitions de guerre, pour pouvoir agir avec succès? Il est encore essentiel de savoir si ces provinces pourront rassembler les approvisionnements nécessaires à la subsistance des hommes et des chevaux en proportion de la force de l'armée qui y sera employée.

Réponse.—M-r le comte aura de meilleures informations sur cet objet par le ministère anglais, et par les commissaires du roi de France, et par les royalistes, Bretons et Normands, qui se trouvent ici.

25 Question. Pourra-t-on se procurer de bonnes cartes des côtes de France et des provinces où s'établira le théâtre de la guerre?

Réponse.—Celle que j'ai eu l'honneur de lui donner passe pour être la plus détaillée du pays entre la rive gauche de la Seine et la rive droite de la Loire; elle est faite d'après celle du celèbre Cassini, et sur une grande échelle.

Къ англійскому адмиралу.

(1801).

Monsieur l'amiral.

Je demande pardon à votre excellence de la liberté que je prends de l'incommoder par l'application suivante en faveur d'un de mes anciens amis. Voici le fait: m-r Michel Halliday, post-capitaine depuis l'année 1799, fils d'un père et d'une mère écossais, est né à Pétersbourg, où son père était médecin de la cour et avait inoculé la petite vérole à l'Empereur actuel, à ses trois frères et à ses quatre soeurs. Ce capitaine Michel Halliday fut envoyé ici par ses parents à l'âge de 13 ans pour servir dans la flotte britannique; il fit 6 campagnes aux Indes Orientales sous les ordres de l'amiral Hughs, passa l'examen, fut jugé digne d'être lieutenant, mais, n'ayant pas de protection, ne fut pas avancé. Il retourna en Russie, où il servit pendant 4 campagnes comme lieutenant dans la guerre qui eut lieu entre la feue impératrice Catherine et le feu roi de Suède. Au moment que cette guerre se terminait, commença celle de la révolution française; il quitta le service russe pour servir dans la flotte britannique, fut fait lieutenant, puis master et commandeur et eut un bâtiment à commander dans la station du Cap, d'où il escorta jusqu'à Portsmouth une riche flotte de la compagnie des Indes, et quand l'empereur Paul fit présent au roi du vaisseau le «Léandre», il fut fait post-capitaine et eut le commandement du dit vaisseau jusqu'à ce que, ce vaisseau ayant été mis en répara-

tion, il restât sans emploi sous l'administration de lord St.-Vincent. Feu lord Melville, qui avait des bontés pour lui, lui promit de lui donner un vaisseau et en attendant l'employa dans les sea-fencibles. Malheureusement pour lui, l'administration de lord Melville dura peu de tems, et il resta toujours sans avoir de vaisseau, quoiqu'il faisait annuellement des applications à l'amirauté pour en obtenir.

J'ai pris la liberté d'écrire à lord Melville l'année passée pour lui recommander mon ami le capitaine Halliday, comme un officier qui peut être employé très-utilement dans la Baltique, où il a servi sur la flotte russe plusieurs années, dont il connaît tous les passages et, sachant le russe, il peut être très-utile pour les communications entre les flottes britannique et russe dans cette mer, vu l'amitié qui s'est renouvelée entre ces deux pays. Lord Melville m'a répondu qu'il se ferait un plaisir de le faire dès qu'il en aura l'occasion.

Je puis assurer votre excellence que tous les amiraux, comme lord Nelson, l'amiral Troubridge et autres qui l'ont connu, lui ont rendu justice pour son habileté, et comme j'apprends que votre excellence va commander la flotte de la Baltique, je prends la liberté de le recommander à sa protection, en l'assurant que ce digne capitaine, connaissant le service, les ports et la langue russe, pourra être employé avec beaucoup d'utilité.

En vous demandant pardon de la liberté que j'ai prise, je suis avec la plus parfaite estime etc.

Переписка графа С. Р. Воронцова съ О. А. Жеребцовой *).

(1803).

1.

Милостивой государь, графъ Семенъ Романовичъ.

Прошу покорно ваше сіятельство взять трудъ представить меня ко двору, чѣмъ много меня одолжите. Я желаю знать, когда вы назначите день, чтобъ имѣть время мнѣ сдѣлать нѣкоторыя учрежденія на счетъ моего убора. За тѣмъ съ моимъ почитаніемъ къ вашему сіятельству навсегда пребуду покорная ко услугамъ

Ольга Жеребцова.

17 Марта.

P. S. Я третьяго дни была у вашего сіятельства, но къ сожалѣнію моему не нашла васъ у себя.

2

Милостивая государыня моя, Ольга Александровна.

Не имѣвъ времени вчерась отвѣчать вамъ на содержаніе письма вашего, имѣю честь дѣлать сіе теперь, увѣряя васъ, что мнѣ было бы весьма пріятно сдѣлать то, что

*) Сестрою графовъ Зубовыхъ, пріятельницею Витворта и Англійскаго принца-регента.

вы желаете; но я, съ той поры какъ нахожусь въ нынѣшнемъ моемъ служеніи, имѣю непремѣнное правило, которое не могу никакъ нарушить, а именно: представлять здѣсь у двора токмо тѣхъ особъ, принадлежащихъ Россіи, кои мнѣ привозятъ рекомендательныя письма отъ нашего министерства.

Если вы, какъ я слышалъ, намѣрены оставить сей островъ въ будущемъ Апрѣлѣ, пробывъ здѣсь 8 или 9 мѣсяцевъ, не бывъ представленною, то на 4 или 5 недѣль, что̀ еще останетесь, нѣтъ нужды вамъ брать сей трудъ. Ежели же вы намѣрены остаться въ сей землѣ гораздо долѣе, то вамъ будетъ довольно времени, чтобъ писать въ Петербургъ и получить чрезъ 7 недѣль тѣ письма, кои мнѣ дадутъ способъ имѣть честь доставить вамъ представленіе, которое теперь желаете.

Правило, котораго я держусь, есть всеобщее, и мнѣ не можно оное оставить ни для какой частной особы, затѣмъ и предлагаю вамъ вышеозначенный способъ для достиженія вашего желанія. Ежели бы съ начала пріѣзда моего вы изволили меня увѣдомить о намѣреніи вашемъ, то въ сіе время вы бы уже имѣли означенныя письма изъ Россіи и были представлены. Остаюсь съ совершеннымъ почтеніемъ и пр.

3.

Милостивый государь, графъ Семенъ Романовичъ.

Къ крайнему моему удивленію и соболѣзнованію вижу изъ письма вашего сіятельства недоброжелательство ваше ко мнѣ. Могу васъ увѣрить, больше двухъ лѣтъ какъ вояжируя по Европѣ, я всегда и вездѣ была представлена и принята Россійскими послами и посланниками безъ реко-

мендательныхъ писемъ кромѣ васъ. Но какъ не имѣвъ счастія нравиться вашему сіятельству и не привыкнувъ быть никѣмъ и никогда уничтожена, то рѣшилась оставить Англію въ нѣсколько дней. Расположеніе мое было еще прожить годъ въ Англіи для поправленія моего здоровья; но по отказу вашего сіятельства, не могу сносить той образы (sic), въ которую вы меня ввергаете, нахожусь принужденною возвратиться въ Россію: то и прошу покорно доставить мнѣ паппортъ для проѣзда въ Россію, пребывая съ моимъ къ вамъ почитаніемъ покорная ко услугамъ навсегда

Ольга Жеребцова.

18 Марта.

4.

Лондонъ, 19 Марта н. ст. 1803.

Милостивая государыня моя, Ольга Александровна!

Я съ сожалѣніемъ вижу изъ письма, которое я имѣлъ честь получить отъ васъ вчерась, что вы думаете, аки бы я былъ недоброжелателенъ вамъ, милостивая моя государыня. Не имѣя чести знать васъ, ни вашихъ ближнихъ, я не могу имѣть никакого предубѣжденія противу васъ. Естьлибы, когда я имѣлъ честь васъ видѣть тому уже два мѣсяца, вы бы мнѣ изволили изъявить желаніе ваше быть представленною у двора здѣшняго, то я, объясня вамъ непремѣнное мое правило, которое никакъ не относится собственно личнымъ образомъ противу кого бы то ни было, вы бы имѣли время писать въ Петербургъ и теперь уже имѣли бы тѣ письма, кои мнѣ доставили бы способъ сдѣлать то, что вамъ угодно.

Я не могу не примѣтить вамъ, что ежели по причинѣ здоровья вашего вы намѣревались прожить здѣсь еще цѣлый годъ, вы еще имѣете время два мѣсяца, чтобъ получить изъ Россіи необходимо нужныя письма для достиженія вашего предмета. Вѣрьте, что, отвѣчая вамъ вчерась, я отвѣчалъ бы всякой изъ нашихъ госпожъ, которая бы не имѣла ко мнѣ писемъ отъ нашего министерства; а затѣмъ повторяю вамъ мое увѣреніе, что вы несправедливо полагаете въ моей душѣ недоброжелательство противу васъ, которое никогда въ ней не существовало. Удовлетворяя вашему желанію, прилагаю при семъ пашпортъ, который вы требуете и остаюсь съ совершеннымъ почтеніемъ, вашъ, милостивая государыня моя, и пр.

Къ графу Стакельбергу.

Du 4 (16) Mars 1804.

Je prends la liberté de m'adresser à vous, monsieur le comte, pour vous prier de m'aider à rendre service à une personne très-respectable et avec laquelle je suis lié depuis onze ans par l'amitié la plus étroite. C'est de mylord Grenville que je parle. Mylord Camelford, qui vient de mourir, ayant laissé son héritage à sa soeur lady Grenville, épouse de mon ami, on a trouvé parmi les papiers du défunt, qu'il avait des fonds en France. Il a laissé le nom de l'ami auquel il les avait confiés et qui se trouve à présent à Paris. Il est question maintenant de retirer ces fonds sans compromettre cet ami du défunt, qui est Français et se trouve sous le pouvoir de Bonaparte. Lord Grenvillle trouva une lettre que lord Camelford avait commencée à son ami, mais qu'il n'a pas eu le tems d'achever. C'est sur le reste de ce qui est en blanc dans cette lettre, que lord Grenville ajouta devant moi ce qui suit à peu près: «La personne qui avait commencé cette lettre et dont vous connaissez l'écriture, monsieur, ne vit plus. Les héritiers vous prient de leur faire passer dans ce pays de la manière que vous jugerez la plus prudente, les fonds qui lui appartenaient et qui ont été confiés à votre amitié». Lord Grenville n'a pas signé ce billet, il l'a cacheté devant moi avec une oublie et, par discrétion, n'a pas mis l'adresse sur le couvert, afin de ne pas compromettre l'ami auquel elle est adressée.

Je vous transmets ici cette adresse, qui est la suivante: «m-r Colin de la Brunerie, № 396, rue de l'Université à Paris».

Mylord Grenville, ne voulant pas se permettre d'écrire quoi que ce soit dans un pays avec lequel celui-ci est en guerre, sans l'aveu de lord Hawkesbury, auquel il confia la chose de gentilhomme à gentilhomme, quoiqu'ils sont de différents partis, le secrétaire d'état l'a approuvé, a promis de garder le secret, et c'est de son aveu que je m'adresse à vous, monsieur le comte, pour faciliter cette affaire. Je vous supplie de trouver quelque moyen pour faire parvenir l'incluse à son adresse que j'ai marquée dans cette lettre; il y a tant d'occasions, parmi lesquelles il y en a de sûres, entre la Hollande et Paris, que vous pourrez à ce que j'espère, la faire parvenir, et s'il n'y a pas d'autres moyens que d'employer à cela la maison de Hope à Amsterdam, je vous supplie de le faire. S'il faut envoyer quelqu'un à Paris sous un prétexte qui ne donnât pas d'ombrage, on paiera la dépense; mais il me paraît que la maison de Hope serait la plus propre pour cette affaire. Au reste, je me remets tout-à-fait à votre prudence et à votre caractère si porté à obliger ceux qui recourrent à votre aide. Il s'agit seulement de faire parvenir en sûreté l'incluse, sans compometttre la personne à laquelle elle est adressée, et d'obtenir de cette personne une réponse que je vous supplie de m'envoyer par m-r Henry Hope, qui est à Londres et qui se charge de vous faire parvenir celle-ci. J'ai observé que toutes les lettres que vous m'avez fait l'honneur de m'écrire, ont été fidèlement rendues sans être décachetées, toutes les fois que je les ai reçues par le chevalier Baring ou par m-r Henry Hope.

Къ лорду Гарровби.

Copie d'une lettre particulière à mylord Harrowby par le comte de Worontzow.

Londres, ce 14 (26) Mai 1804.

Mylord,

Quoique dans le long entretien que j'ai eu l'honneur d'avoir avec vous Lundi passé, je n'aye pas manqué de vous communiquer tout ce qui s'est passé entre ma cour et la vôtre depuis le mois d'Avril de l'année passée jusqu'à ce moment, je crois néanmoins qu'il est utile de revenir sur le même sujet. Considérant qu'obligé, comme vous étiez, mylord, à prendre lecture de tous les papiers qui ont passé entre votre cour et les autres puissances du continent dans la même époque, afin d'être au courant des affaires présentes, cette énorme masse de papiers n'a pu naturellement que fatiguer votre mémoire; aussi c'est pour cette raison, et considérant l'importance des affaires sur lesquelles on m'a écrit de St-Pétersbourg depuis environ deux à trois mois, que je crois nécessaire de vous le récapituler par un résumé le plus brief qu'il m'est possible de faire.

Par des dépêches que j'ai reçues de Pétersbourg de la date du 26 Février v. s., votre excellence a vu combien l'Empereur a été sensible à la manière franche et amicale dont cette cour a répondu aux ouvertures confidentielles

que j'ai été chargé de faire ici sur le danger que court dans ce moment la Porte Ottomane, et qu'en réciprocité Sa Majesté Impériale communique avec la même franchise ses idées sur la position de la Porte et sur le plan qu'il serait à propos d'adopter dans des circonstances aussi délicates; que le but unique de la Russie est la conservation de l'Empire Ottoman, et d'empêcher qu'il ne soit entamé par qui que ce soit, ce qui servira au bien général de l'Europe, ce qui est de l'intérêt de l'Angleterre et qui coïncide avec celui de la Russie, qui désire sincèrement le maintien d'un voisin tranquille, conciliant et qui n'inspire aucune alarme; que toutes les démarches de l'Empereur, tant vis à-vis de la Porte que vis-à-vis des sujets grecs de cet Empire, ne tendent qu'à les maintenir dans l'union et la tranquillité la plus parfaite; que c'est cette seule nécessité qui a engagé Sa Majesté Impériale à agir sur les Grecs et les Esclavons, à les tenir éloignés des vues sinistres de Buonaparte et à leur prêcher l'union et la soumission à leur légitime souverain; — que des ordres sont donnés au comte Mocenigo, notre ministre plénipotentiaire à Corfou, d'organiser une surveillance sur le continent de la Dalmatie, de l'Albanie, de l'Epire et de la Grèce, et qu'on a de nouveau nommé des consuls dans ces contrées des personnes que leurs anciennes connaissances et leurs qualités rendent capables à ramener les Grecs égarés par les intrigues françaises; tandis que, par le droit que nous avons acquis par nos traités avec la Porte, notre ministre à Constantinople, m-r d'Italinsky s'efforce continuellement d'arrêter le gouvernement turc dans ses mesures oppressives contre les Grecs, et de le convaincre combien il lui importe pour sa propre sûreté de s'attacher au lieu de s'aliéner tant de millions de sujets, sur l'esprit desquels les machinations françaises ne cessent de travailler sans

relâche; —que les soins bienveillants de l'Empereur pour la république des Sept-Iles Ioniennes ont fait une impression favorable sur la généralité des Grecs; que la forteresse de Corfou, quand elle sera mise en état de défense, doit être regardée comme le boulevard de la Grèce, d'où les troupes russes seront aussi à portée d'agir avec avantage sur le continent voisin, si les Français voulaient l'envahir; qu'à cet effet on fait passer des renforts de troupes russes à Corfou, et qu'on s'occupe à mettre cette place dans un état de défense respectable; que l'Empereur espère que des ordres seront donnés à lord Nelson de protéger par des bâtiments de son escadre les côtes de l'Albanie et de la Grèce contre une descente française, et qu'en outre on donnera des ordres très-précis à m-r Foresti et autres agents que le gouvernement britannique a dans ces pays, de se concerter en tout avec le comte Mocenigo, afin qu'il y ait un concert parfait entre les agents de nos deux cours, comme il existe entre elles pour le bonheur de l'Europe.

Nonobstant cet arrangement préalable pour le cas que les Français voulussent attaquer l'Empire Ottoman, l'Empereur croit qu'il ne faut en aucune manière provoquer ce moment par quelque démarche imprudente qui précipiterait l'explosion de l'attaque française. L'état délabré de la Porte exige qu'elle ait le tems de se mettre dans une posture plus respectable de défense, que celle dans laquelle elle se trouve maintenant; qu'il faut donc lui prêcher le maintien de sa neutralité et avoir grand soin de ne pas la compromettre par quelqu'imprudence de nos agents respectifs; que le lien de la religion, qui unit la Russie avec les sujets ottomans qui professent la religion grecque, et les vues d'une politique aussi loyale que saine, obligent l'Empereur de leur prêcher la soumission à leur gouvernement, et à la Porte des maximes de justice et de tolérance envers ces

mêmes sujets. Aussi Sa Majesté Impériale ne doute nullement que Sa Majesté le roi de la Grande-Bretagne concourra à cette saine politique, en prescrivant à son ambassadeur à Constantinople et à tous ses agents au Levant de tenir le même langage, et de leur prescrire la plus parfaite union avec les nôtres; et que ces ordres seront donnés à l'ambassadeur, pour qu'il agisse en tout de concert avec notre ministre près de la Porte.

Sur tous ces points je me réfère à la dépêche que j'ai citée et que votre excellence a lue.

Par une autre de la même date, votre excellence aura vu que l'Empereur a envoyé au Monténegro le lieutenant-général comte Ivelitsch, natif de ce pays-là, pour ramener les esprits des habitants à leurs vrais intérêts.

Par une troisième dépêche de la même date, votre excellence a vu que l'Empereur est prêt à entrer en lice; mais s'il ne craint pas d'être forcé à la guerre, il ne veut pas y être entraîné par ses propres démarches ou celles de ses amis: car ce serait imprudemment plonger la Porte, qu'on veut sauver, dans un abîme d'où elle ne pourrait plus se tirer, n'ayant pas non-seulement complété, mais à peine même commencé à mettre en oeuvre ses moyens de défense contre une explosion de la part des Français et de la malveillance de ses propres sujets, prêts à se révolter pour s'unir aux ennemis de leur propre souverain; que ce n'est qu'en travaillant avec assiduité et un parfait concert entre la Russie et la Grande-Bretagne à Constantinople, pour inspirer au gouvernement turc, si ombrageux par sa nature, une confiance dans ces deux puissances également intéressées à sa conservation, qu'on peut le porter à suivre nos conseils réunis pour tout ce qui regarde les démarches qu'il doit faire tant pour regagner l'affection des Grecs, que de s'armer par terre et par mer, afin d'être

en force dans toute l'étendue de ses côtes, qui prêtent quelque facilité aux attaques françaises. C'est de cette manière qu'on pourra déjouer les intrigues que les employés de Buonaparte ne cessent d'employer pour inspirer de la méfiance au gouvernement turc contre la Russie et la Grande-Bretagne. Aussi c'est avec autant de surprise que de chagrin que l'Empereur a appris par son ministre à Constantinople, que m-r Stratton a eu l'imprudence de demander au reiss-effendi qu'Alexandrie soit livrée à une garnison anglaise, sous prétexte de garantir l'Egypte contre une invasion française, tandis que la flotte britannique, maîtresse de la Méditerranée par sa supériorité en nombre et en équippement sur celle de l'ennemi, ôte toute idée même de la possibilité aux Français de faire une tentative sur l'Egypte, et que le même ministre a demandé un port en Albanie à la disposition de la flotte anglaise. Ces propositions, ayant justement choqué le ministère turc, le mirent dans une perplexité à ne plus savoir qui sont ses amis ou ses ennemis réels; car les uns menacent en secret d'envahir, et les autres demandent ouvertement la permission de s'emparer de ses villes et de ses ports sous prétexte de les défendre, et que si on accordait aux Anglais leur demande, la suite naturelle et inévitable en serait une attaque des Français sur l'Empire Ottoman, ce qui non-seulement l'exposerait à des dangers incalculables, mais se trouve même en contradiction directe à tout ce que la Russie et la Grande-Bretagne lui avaient prêché, nommément, de se tenir prêt pour n'être pas pris au dépourvu, mais en même tems de tâcher de se maintenir dans une neutralité parfaite; qu'il est aussi très-urgent que tous les employés du gouvernement britannique au Levant agissent avec la plus grande prudence et modération, ce que m-r Foresti à Corfou n'a pas assez observé. On reconnaît l'intégrité et le zèle de

cet homme; mais ce zèle l'emporte trop loin, et il fait des imprudences qu'il se serait épargnées s'il consultait, avant que de faire quelque démarche dans ses correspondances et relations dans l'Albanie, l'Epire et la Macédoine, le comte Mocenigo, dont la prudence et la connaissance parfaite de ces pays lui auraient donné les moyens de détourner le dit m-r Foresti de son activité trop irréfléchie.

Par une autre dépêche du 20 Mars v. s. le prince Czartoryski, entrant en détail sur le même sujet, m'annonce une seconde expédition de nos troupes pour Corfou.

Enfin, par le dernier courier arrivé ici, votre excellence a vu par le contenu des dépêches que j'ai eu l'honneur de lui lire, que dans la lettre du prince Czartoryski datée du 14 Avril v. s., ce ministre m'informe par ordre de l'Empereur avec quelle douleur et indignation Sa Majesté Impériale a appris le meurtre de l'infortuné duc d'Enghien, précédé par une violation du territoire germanique contraire au droit des gens, dont il n'y a pas d'exemple; — ce qui engagea l'Empereur à faire remettre à Paris et à Ratisbonne les notes dont j'ai remis des copies à votre excellence, après quoi le reste de cette dépêche est tout employé à des intérêts majeurs et qui regardent un concert à établir pour la sûreté non-seulement du Levant, mais du royaume des Deux-Siciles, ainsi que des intérêts de l'infortuné roi de Sardaigne. L'Empereur a droit de s'attendre à la coopération chaude et énergique de Sa Majesté le roi de la Grande-Bretagne à ce sujet; car, quoique ces mesures étaient dans l'intention de Sa Majesté Impériale, elles ont été pourtant renforcées par le désir qu'elle a de complaire au roi, qui par le canal de son ambassadeur, le chevalier Warren, a demandé l'appui de la Russie pour les intérêts de la cour de Naples.

Cet objet présente des difficultés très-compliquées, vu l'état critique où se trouve le royaume de Naples, dénué de forces, ayant une armée française stationnée dans plusieurs de ses provinces, et n'ayant jusqu'à présent que la Russie et la Grande-Bretagne sur lesquelles le roi des Deux-Siciles puisse compter. Quoique la sincère amitié que ces deux puissances lui portent, ainsi que la plus saine politique, leur prescrivent d'assister ce souverain, comme cela est incontestable, leur éloignement local est tel que le royaume de Naples serait complétement subjugué avant que ces deux puissances puissent venir à son secours. Cette position de circonstances doit prescrire la plus grande prudence dans cette affaire. Tout ce qu'on peut faire de mieux, est de se préparer sous main et avec le moins d'éclat possible à préparer les secours et à les stationner le plus près possible du théâtre de la guerre, quand elle éclatera dans l'Italie méridionale: car tant que d'autres puissances, plus à portée à secourir le roi des Deux-Siciles, ne prennent la résolution de le faire, ce serait exposer gratuitement ce souverain aux mêmes désastres qui ont eu lieu quand, sans aucun appui sur le continent et ne consultant que la générosité de son âme, il marcha à Rome pour délivrer l'état eclésiastique du joug des Français. Il vaut mieux attendre avec patience et se préparer en attendant, que d'accélérer la ruine d'un pays allié et qui pour plusieurs considérations ne doit pas être livré à la rapacité de Bonaparte. On connaît chez nous la triste vérité, que le royaume de Naples est sans cela perdu toutes les fois qu'il conviendra au Premier Consul de ne plus le ménager; cependant, quelqu'affligeant que cet événement puisse être, n'est-il pas préférable pour l'Europe et pour le sort à venir de sa majesté sicilienne, qu'elle succombe seule momentanément, que si une entreprise entamée par la Russie

et la Grande-Bretagne devenait infructueuse et que le sort et la réputation des armes, en qui gît l'espoir de l'Europe, soient compromis inutilement et sans aucun avantage pour l'infortuné souverain qu'on voulait assister?

L'Empereur est prêt d'employer tous les moyens qu'il a à sa disposition, aussitôt qu'il verra qu'il le peut avec succès pour le bien général et celui de ses alliés; mais il croit toujours devoir rester à son système de prudence, de ne point précipiter et provoquer les malheurs que l'on veut empêcher, et ne point amener des événemens dont on n'est pas sûr de sortir avec sûreté. Il pense donc qu'il doit, ainsi que la Grande-Bretagne, préparer en silence les secours qu'ils pourront porter et qui pourront être nécessaires et réellement utiles au roi de Naples. Sa Majesté Impériale fait passer de nouvelles troupes à Corfou, dont le nombre sera de 10,000 hommes et pourra même être augmenté, afin qu'elles puissent agir suivant les occurrences, soit en Grèce, soit au secours du royaume de Naples. La cour de Londres de son côté pourra, en augmentant le nombre de ses troupes à Malte et le nombre de ses vaisseaux dans la Méditerranée, concourir à la défense du même royaume de Naples et de celui de Sicile, dès l'instant que les Français envahissent le premier, ou qu'un concours d'autres grandes puissances amène des circonstances plus favorables pour pouvoir aller au devant du danger, au lieu de l'attendre, comme on est réduit à le faire actuellement.

Il y a un autre souverain dont le sort est encore plus malheureux que celui du prince, de la défense duquel on vient de faire mention. C'est le roi de Sardaigne, ami et allié de la Russie et de la Grande-Bretagne, qui, ayant perdu la partie principale et la plus riche de ses domaines, n'a aucune sûreté à pouvoir se retirer et à se main-

tenir dans l'île qui lui reste, et qui en attendant se trouve obligé de vivre dans un état tellement dépendant de Bonaparte, qu'il peut être compté comme une de ses provinces. Telle est sa malheureuse position à Rome. Et quand on songe à ce qui est arrivé à l'infortuné duc d'Enghien, on ne peut songer sans effroi à la situation critique où se trouve ce malheureux souverain. Il est digne de l'attention la plus sérieuse de sa majesté le roi de la Grande-Bretagne, dont la maison de Savoye est depuis plus d'un siècle et demi l'allié le plus constant et le plus fidèle.

Après avoir exposé ainsi le sens de tout ce que j'ai reçu de ma cour pour communiquer à la cour de Londres, il me reste à résumer ce qu'il est urgent de convenir entre elles. Je ne doute pas que votre excellence ne voye dans sa sagesse, qu'il est nécessaire:

1°. De donner des ordres très-précis à m-r Stratton de se conduire conformément aux vues ci-dessus mentionnées, en lui prescrivant de ne faire aucune démarche sans se consulter préalablement avec m-r d'Italinsky, et de lui témoigner la confiance que je sais que ce dernier lui témoigne en toute occasion; que ces mêmes ordres soient strictement prescrits au nouvel ambassadeur qui part d'ici pour Constantinople; que tous les consuls, vice-consuls et autres agens britanniques qui sont au Levant, soient tellement subordonnés au dit ambassadeur, qu'ils ne puissent jamais agir de leurs propre tête, mais suivre ses instructions et lui rapporter tout ce qu'ils font et tout ce qu'ils apprennent; que ces mêmes agens soient dans la meilleure intelligence avec les agens et employés russes dans les pays où ils se trouvent, d'autant plus que ces derniers sont tous ou en grande partie des gens du pays même et qui ont déjà la confiance des habitans, tandis qu'il y a quelques-uns des employés britanniques qui sont tout-à-fait nouveaux aux

pays où ils sont envoyés. Tel, par exemple, est m-r Morrier, qui, né à Constantinople, fut envoyé par ses parens, en bas âge, en Angleterre, d'où il ne retourna en Turquie qu'après avoir achevé ses études et ne resta à Constantinople que si peu de tems, qu'il n'a pas eu le tems d'apprendre le grec et le turc, qu'il ne connaît pas, ce qui a été vérifié ici par un homme qui savait parfaitement ces deux langues. Il est parti dernièrement pour être consul en Macédoine, Albanie, Epire et la Morée, pays qu'il ne connaît pas du tout, et il est sûr qu'il ne comprend pas le vrai objet dont il doit s'occuper, soit qu'on lui ait donné des instructions insuffisantes, soit qu'il ne les ait pas comprises. Je parle de ceci, parce que j'en ai la preuve, et il est très-important de rectifier les idées de ce jeune homme.

2°. Il est également nécessaire de prescrire à m-r Foresti à Corfou de se concerter en tout avec le comte de Mocenigo, qui, étant né dans les Iles Ioniennes, ayant été employé depuis longtems dans les affaires politiques et ayant un vrai mérite personnel avec des talens renforcés par une excellente éducation et une grande expérience dans les affaires, jouissant de la confiance de sa cour, voit certainement beaucoup mieux les affaires politiques que Foresti, petit marchand de Corfou, et qui de vice-consul vient de devenir résident de la cour de Londres. Il n'y a rien à dire contre son moral ni contre son zèle; au contraire, il est trop zélé, ce qui l'emporte à des mesures précipitées et que la prudence doit désavouer.

3°. Qu'il est également très-nécessaire de prescrire à m-r Elliot à Naples, au commandant de Malte et à l'amiral-commandant l'escadre britannique dans la Méditerranée, de tâcher de ne donner aucune occasion par leur conduite à faire soupçonner aux Français qu'il y ait quelqu'accord secret entre la Grande-Bretagne et le roi des Deux-Siciles,

afin de ne donner aucun prétexte aux généraux français d'envahir le reste du royaume de Naples.

4°. De tâcher de préparer le plustôt possible un renfort de vaisseaux et de troupes pour être stationnés aussi près que la prudence l'exige du lieu du danger, afin de venir au secours des Deux-Siciles et de la Grèce. Le nombre des vaisseaux de ligne qu'a mylord Nelson est certainement plus que suffisant pour bloquer la flotte enemie à Toulon, ou pour la détruire si elle osait sortir de la captivité où il la tient; mais c'est en frégates et encore plus en petits bâtimens, comme sloops, brigs, cutters, luggers etc. que le nombre est tout-à-fait insuffisant pour la grande étendue des côtes qu'on sera dans la nécessité de garder ou de surveiller, dès l'instant que la marche des troupes françaises sur Naples force le souverain à abandonner ce royaume pour se retirer en Sicile. Quant au renfort de troupes, on peut, sans donner aucun ombrage, faire passer 3 ou 4,000 hommes de plus à Malte et autant à Gibraltar, d'où ils pourront facilement être transportés soit à Messine soit en Calabre, dont il est à espérer que les Français ne pourront pas s'emparer, pour agir conjointement avec les troupes napolitaines et russes, qui à l'explosion de l'attaque française n'auront de Corfou qu'un très-court trajet à faire pour se joindre aux défenseurs des domaines du roi des Deux-Siciles.

Je sais par tout ce que vous m'avez dit, mylord, par ce que m'a dit m. Pitt et par tout ce que j'entends de tout côté, combien il vous est difficile de faire dans ce moment ces expéditions de renforts navals et de troupes dans la Méditerranée; mais ce qui est impossible dans ce moment, pourra s'effectuer dans 3 ou 4 mois, pourvu que la résolution décidée en soit prise et que l'assurance de ces expéditions soit donnée tant à St-Pétersbourg qu'à Naples.

5°. Pour ce qui regarde les intérêts de l'infortuné roi de Sardaigne, au sort duquel l'Empereur et le roi de la Grande-Bretagne doivent s'intéresser et s'intéressent réellement par justice et par les liens de l'amitié et l'alliance qui les unissent à lui, il y a malheureusement peu à faire dans les circonstances présentes. Ce que ce prince désire est si modéré et si modeste, comme votre excellence le verra par le mémorandum que m'a donné son ministre m. le comte de Front, qu'il n'est pas possible de croire que ce qu'il demande ne lui soit tout de suite accordé. Je joins ici ce mémorandum en original.

Il me reste à supplier votre excellence de vouloir bien m'instruire du résultat des observations que je viens de lui soumettre, après que vous les aurez communiquées à vos confrères dans le cabinet. Je ne doute pas que vous ne sentiez, mylord, l'importance d'une prompte réponse, ayant vu vous-même le désir ardent qu'a l'Empereur de voir ce concert, qu'il propose, s'arranger dans le moins de délai possible. Je suis persuadé, mylord, que, quand vous rendrez compte au roi des efforts généreux de l'Empereur pour organiser un accord salutaire contre l'ennemi commun de l'Europe, sa majesté appréciera, comme elle mérite de l'être, la conduite de Sa Majesté Impériale.—La position locale de la Russie et les forces immenses qu'a réellement cet empire, le mettent à l'abri de toute crainte de la puissance de Bonaparte. Aussi ses soins magnanimes et la persévérance qu'il continue de mettre à faire concourir avec lui d'autres souverains, qui ne se sont pas encore déclarés, ne proviennent que de l'ardent désir qu'il a d'assurer le repos futur de l'Europe, en la délivrant du joug honteux dont elle est opprimée.

Agréez les hommages de la haute considération etc.

(Signé) S. c. Woronzow.

Къ Павлу Васильевичу Чичагову.

Лондонъ, 7 (19) Апрѣля 1805.

Г. Ваксель при семъ письмѣ вручитъ вамъ, милый другъ, сдѣланные имъ чертежи съ описаніемъ Лондонскаго здѣшняго купеческаго доку, при отдѣлкѣ котораго онъ Ваксель находился близко двухъ годовъ, упражняясь со всякимъ прилежаніемъ и усердіемъ и конечно съ пользою для службы, какъ вы сами судить можете, разсматривая сіи его труды. За тѣмъ рекомендую его въ вашу милость, не сомнѣваясь ни малѣйше, что примѣрное его здѣсь поведеніе, усердная ревность и достоинства привлекутъ къ нему ваше вниманіе, благосклонность и милостивое предстательство не токмо въ теченіи шестимѣсячнаго его пребыванія въ Россіи, но и на будущія времена.

Г. Ваксель предъ своимъ отъѣздомъ сдѣлалъ небольшую поѣздку по Англіи для осмотрѣнія каналовъ въ Ливерпулѣ, Манчестерѣ, Глазговѣ и на обратномъ пути въ Гулѣ и Бирмингамѣ, о коихъ конечно онъ дастъ вамъ надлежащее свѣдѣніе, буде полюбопытствовать изволите; но какъ сія поѣздка была сдѣлана токмо вскользь, а кромѣ того есть здѣсь и многіе другіе очень любопытные и примѣчанія достойные каналы въ разныхъ мѣстахъ Англіи и Шотландіи, то и желательно, чтобы г. Ваксель по прошествіи шестимѣсячнаго сроку опять былъ сюда возвращенъ для

усовершенствованія въ своей наукѣ и для подробнаго обозрѣнія всѣхъ каналовъ, находящихся въ Англіи. Сдѣлали бы преполезное для Россіи дѣло, если бы постарались доложить Государю и испросили бы позволенія выбрать полдюжину либо и болѣе съ хорошими дарованіями и добраго поведенія учениковъ, знающихъ чертить, сколько нибудь геометрію и начальныя основанія своего и Французскаго либо Нѣмецкаго языка и прислали бы ихъ вмѣстѣ съ г. Вакселемъ на кабинетскомъ, какъ и онъ, жалованьи, для обученія той же инженерной наукѣ. Деньги, на таковые предметы употребляемыя (буде есть присмотръ за учениками, такъ чтобы лѣнивые либо безпутные могли быть отсылаемы назадъ), никогда не были бы потеряны для государства: либо если изъ восьми либо двѣнадцати четыре токмо удадутся, то Россія черезъ то впередъ отъ ихъ трудовъ выиграетъ милліоны; устроятся новые каналы внутри государства, сдѣлаются соединенія судоходныхъ рѣкъ съ морями, и вездѣ ускорится сообщеніе и доставленіе продуктовъ для торговли; либо, если бы и ничего новаго не сдѣлали, то по крайности поручили искуснымъ людямъ находящіеся уже у насъ каналы и водяныя коммуникаціи, не такъ какъ теперь, что барки съ хлѣбомъ по два года съ ряду не доходятъ С.П.-бурга, что̀ никогда не бывало и что̀ происходитъ отъ дурно сдѣланныхъ и еще хуже содержанныхъ шлюзовъ, чрезъ кои вода понапрасну теряется. Сіи необходимые для столицы и многіе другіе продукты для торговли (которая должна обогащать Россію, но которая по невѣжеству начальника останавливается въ своемъ приращеніи всякими моральными и физическими препонами) станутъ доходить въ резиденцію въ свое время и порядочно, какъ то бывало во время императора Петра Перваго до послѣднихъ двухъ лѣтъ, отъ чего и злоупотребленія

монополіи уничтожатся, обыватели будутъ покойны и довольны, и столица перестанетъ быть угрожаема голодомъ и послѣдственными язвами, чего ежегодно опасаться должно до тѣхъ поръ, пока доставленіе толь необходимыхъ для жизни и коммерціи припасовъ будетъ зависѣть отъ глупаго управленія пустыхъ и высокоумствующихъ головъ.

Къ лорду Каннингу.

Harley-street, ce 24 Janvier 1806.

Par l'affliction d'âme que j'éprouve, je comprends celle que vous devez sentir, mon cher Canning, après l'événement funeste qui a privé ce pays du plus grand ministre qu'il ait jamais eu, et le monde du plus parfait des hommes. Ceux qui ont eu le bonheur, comme vous et moi, de le voir de près et de le bien connaître, ont dû, en admirant ses talents supérieurs, admirer aussi sa vertu sublime, la pureté de ses moeurs, la douceur de son caractère, cette candeur, cette franchise et cette modestie qui relevaient ses talents. Ils ont dû voir que jamais l'ambition, l'orgueil ou la vanité n'ont eu place dans sa belle âme. Elle était aussi étrangère à tout sentiment de haine et de vengeance, quoiqu'elle ait été souvent provoquée à ce sentiment par les plus noires ingratitudes de plusieurs de ceux à qui il n'a fait que du bien. Il n'a jamais été homme de parti; il aimait sa patrie et s'était dévoué tout-à-fait pour la servir; et c'est en la servant non au dessus de ses forces intellectuelles, mais au dessus de ses forces physiques, qu'il est tombé victime de son amour pour sa patrie: l'excès de travail a abîmé son corps et a amené sa destruction finale. Nous avons perdu, vous et moi, un ami dont nous chérirons la mémoire tant que durera notre existence. Attaché comme je suis à ce pays, je tremble pour tout ce qui lui arrivera après cette perte irréparable. La nation, qui avait pleine confiance dans cet homme prodigieux, était

tranquille quand elle le voyait à la tête du gouvernement. Avait-il des coopérateurs qui eussent de grands talents? Ces coopérateurs sentaient si fort la supériorité de son grand génie, qu'ils n'en étaient pas jaloux et l'aidaient avec zèle. Manquait-il de coopérateurs habiles, il faisait à lui seul toute leur besogne, et le pays était content d'avoir un tel pilote. Comme ministre, il était supérieur à tout ce que nous connaissons dans l'histoire; et comme particulier, la pureté de ses moeurs et la douceur de son caractère faisaient de lui l'honneur et l'ornement de l'espèce humaine.

Quant à ce pays, il lui doit tout: c'est lui qui pendant la première maladie du roi a maintenu l'ordre, a écarté l'anarchie et peut-être une guerre civile. C'est lui qui en arrangeant les finances, sauva la patrie d'une banqueroute inévitable et porta sa richesse et sa splendeur toujours croissante à un degré inconcevable. C'est lui enfin qui dans les années 1792 et 1793 sauva ce pays d'une révolution certaine; et l'invasion aurait été exécutée avec assez de probabilité de succès, si sa fermeté et son application infatigable à opposer des moyens de défense n'avaient découragé l'ennemi.

Cet homme prodigieux, qui a enrichi son pays, qui a fait la fortune de tant de milliers d'hommes, après avoir été plus de 20 ans premier ministre, est mort si pauvre que je ne sais aux dépens de qui il sera enterré: car il n'a laissé que des dettes et un modèle de vertu à suivre. Je ne sais qui acquittera les premières, et quel est l'homme qui sera en état de suivre le modèle qu'il a laissé après lui.

Si j'étais en état de sortir, je serais venu chez vous, mon cher Canning, pour pleurer ensemble sur la perte que nous venons de faire. J'avais un autre motif pour vous

voir; et ne pouvant, par l'accablement où je suis, vous le communiquer de bouche, je vous exhorte par ce billet à recueillir soigneusement tout ce qui regarde la vie, publique et privée, de cette homme si grand, si vertueux, si peu ressemblant aux autres, et qui était d'ailleurs votre ami. En faisant sa vie, vous instruirez les contemporains et la postérité; vous le ferez connaître tel qu'il était à ceux qui ne le connaissent que de nom. Je m'adresse à vous, parce que vous êtes capable de le faire avec la dignité et la vérité qui conviennent pour ce sujet digne de vous. Vous le devez à votre patrie, au monde, à la mémoire de ce grand homme et votre ami; vous le devez à tous ses amis, vous le devez à vous-même. Cent plumes ignorantes ou vénales vont griffonner des prétendus mémoires et vies de m-r Pitt, et le monde sera offusqué par ces ténébreuses et infidèles publications.

Attaché pour la vie à la mémoire de m-r Pitt et profondément reconnaissant pour l'amitié et la confiance dont il m'honorait, si j'étais à votre place, si je savais l'anglais, si j'avais vos talens et votre style, l'histoire de cet homme ferait mon unique occupation: je consacrerais le peu qui me reste à vivre à faire connaître aux contemporains et à la postérité l'homme que nous pleurerons toujours. Soyez son Plutarque, soyez le Tacite de cet homme bien plus grand que son héros Agrippa.

J'espère que vous sentirez que c'est un devoir sacré qui vous reste à remplir. Je ne puis croire que vous puissiez avoir moins de zèle et moins d'attachement pour la mémoire de cet illustre ami, que n'en a eu Roscoe pour un Florentin qui a asservi sa patrie, et pour un Pape qui, manquant de toutes les vertus nécessaires à la sainteté de son état, n'a eu d'autre mérite que de protéger ceux qui faisaient des vers.

Je vous conjure, mon ami, de vous appliquer à l'ouvrage que je vous indique et qui est si digne de vous.

Adieu, mon cher Canning, aimez-moi toujours, et soyez persuadé que je vous suis attaché pour toujours.

Votre vrai ami Woronzow.

Къ нему же.

Cavendish-square, le 19 Avril 1808.

Les circonstances dans lesquelles se trouvent respectivement nos deux patries, m'obligent de quitter ce pays; mais comme la voie d'aller par la France est tout-à-fait fermée par la prohibition absolue qu'elle a proclamée d'admettre dans ses ports aucun bâtiment venant d'Angleterre, même ceux qui allaient jusqu'à présent sous pavillon de trève, et que l'autre voie, qui est celle d'aller par la Suède, vient de m'être aussi fermée par la guerre qui est survenue entre elle et la Russie, il ne me reste plus d'autre chemin que d'aller par mer à Riga.

Je supplie donc votre excellence de vouloir bien m'instruire, s'il ne serait pas trop présomptueux de ma part de prier qu'on me donne, dès que la saison pour aller par mer sera favorable, un bâtiment sous pavillon de trève pour aller jusqu'à Riga.

Je sais que le gouvernement britannique a souvent accordé des bâtiments pour transporter les ministres étrangers qui ont résidé ici et qui voulaient retourner sur le continent. J'ai résidé auprès de cette cour en qualité d'envoyé et puis d'ambassadeur pendant vint et un ans; c'est pourquoi

j'ose me flatter que ce long séjour et le manque absolu de tout autre moyen de retourner dans mon pays, ainsi que la nécessité dans laquelle je suis de quitter l'Angleterre, me serviront d'excuse pour la liberté que je prends de prier qu'on me procure ce passage.

J'attendrai la réponse que votre excellence voudra bien me faire, et en attendant, ainsi que toujours, je la supplie de croire que c'est avec la plus haute considération que j'ai l'honneur d'être etc.

Къ Дютану.

Londres ce Mai 1806.

A m-r Dutemps.

Permettez-moi, mon bon ami, de me plaindre de vous par rapport à ce que vous avez inséré de moi et de mon fils dans votre ouvrage que je viens de recevoir de Debosse. J'ai vu avec autant de surprise que de douleur, que vous vous êtes obstiné, par excès d'amitié, que j'ose dire mal placée, à m'attribuer ce que vous dites avoir entendu du général Clinton, qui, sans connaissance de cause et contrairement à la vérité, m'attribuait la victoire de Kahul. Vous devez vous souvenir que je vous ai dit et répété à plusieurs reprises, en vous assurant même sur mon honneur, que cela est faux, et malgré cela vous imprimez ce conte du défunt général anglais. Il y a ici m-r Fawkener, qui a été à la bataille de Kahul; il y a en Russie 200 officiers et généraux qui ont été à cette bataille et savent que ce qui est dans votre livre est dénué de vérité. Quelle opinion aurait-on de moi si je gardais le silence sur ce passage imprimé dans un livre pendant que je suis en Angleterre et écrit par un homme qu'on connaît être de mes amis? Ne passerais-je pas pour le plus impudent menteur, pour un impertinent fanfaron, qui veut se pavaner d'un mérite qu'on lui attribue, et qui sait bien de ne l'avoir pas mérité? Ceux qui ne me connaissent pas pourraient croire même que j'ai accrédité cette opinion, et certainement j'ai fait tout ce qui a dépendu de moi pour l'effacer de votre croyance.

Une autre chose sur laquelle j'ai à me plaindre de vous, c'est d'avoir mis dans le même ouvrage comme si le prince Tsitsianoff appelait mon fils son bras droit. Jamais de ma vie ni moi, ni mon fils, ni personne de ma famille, ne vous avons dit pareille chose. Je vous ai dit que le prince avait beaucoup de bonté pour Michel, parce qu'il trouvait en lui beaucoup de zèle et d'application, et qu'il lui donna l'emploi qu'il a eu pour l'habituer d'avantage aux détails d'un service actif. C'était donc pour le favoriser et non qu'il en eût besoin pour lui-même. Comme le prince Tsitsianoff était à plus de 1000 lieues d'ici, que vous n'avez vu aucune de ses relations, la phrase dont vous vous êtes servi prouverait que c'est de moi que vous avez entendu que Michel était le bras droit de son général. C'est au moins ce que le public doit croire. Or, jamais vous ne l'avez entendu ni de moi, ni de personne de ma famille, et je passerais pour fanfaron, pour un homme rempli de vanité, peu délicat sur la véracité et l'honneur, si je gardais le silence. Je suis donc forcé malgré moi d'insérer dans les papiers l'article suivant, dont je vous envoye la copie.

Je suis au désespoir de me voir imprimé dans un livre et encore plus d'adresser des lettres à des rédacteurs de papiers-nouvelles.

S'il y a des gens qui aiment à se voir imprimés, je suis de ceux qui désirent à n'être connus que de leurs amis et qui croient qu'il y a bien peu d'hommes au monde, qui par leurs grandes actions utiles à l'humanité méritent de voir leurs noms imprimés, et qu'il vaut mieux rester ignorés que d'être présentés au public, qui n'a aucune raison de prendre intérêt à eux.

Je ne doute pas que ce que vous avez fait n'est que la suite d'une amitié trop exaltée, mais néanmoins vous m'avez exposé à l'alternative ou de passer pour un fat impertinent,

si je garde le silence, ou de contredire le passage qui me regarde dans votre livre, si je veux conserver mon honneur et mon caractère; et dans cette alternative, je pris le dernier parti: car il n'y avait pas à balancer. Je sens que c'est par excès d'amitié et croyant me rendre célèbre, que vous avez, malgré moi et sans me communiquer, fait imprimer cette anecdote, qui n'est pas exacte, et que par amitié pour mon fils vous avez ajouté le bras droit du prince Tsitsianoff; mais je ne puis, si je veux conserver mon caractère et l'estime des hommes, ne pas contredire ces assertions. Je me mépriserais moi-même si je gardais le silence, qui dans ce cas serait criminel pour un homme d'honneur. Telle est la position critique dans laquelle vous m'avez mis et que sans le vouloir, tout en vous reposant, vous avez troublé mon repos.

*

Londres, ce 28 Mai 1806.

Monsieur.

Ayant vu dans un ouvrage français qui vient d'être imprimé dans cette ville sous le titre: Mémoires d'un voyageur qui se repose, qu'il est question de moi dans le 2-d volume, page 278 et 279,—j'ai été surpris de trouver que l'auteur dit avoir entendu du feu général Clinton, que c'est moi qui avec deux bataillons décidai de la glorieuse victoire remportée par les Russes sur l'armée ottomane à Kahul en 1770.

Si je laissais passer cette assertion sans la réfuter, mon silence pourrait être pris comme une confirmation d'un fait qui n'a jamais existé, et je serais coupable de la plus impudente fanfaronnade. Je commandais un bataillon de gre-

nadiers à cette bataille, dans laquelle je me flatte d'avoir fait mon devoir, mais je n'ai fait rien de plus qu'aucun autre officier ou soldat de 17,000 Russes, qui composaient cette armée; et la bataille ne fut gagnée que par l'habileté supérieure, le courage et la présence d'esprit du maréchal comte Roumianzoff. Le général Clinton n'y était pas présent; il n'est venu à l'armée russe que trois ans après, sur la fin d'une campagne, n'y resta que trois semaines, et je me souviens de l'avoir vu une fois au quartier-général. J'assure aussi sur mon honneur qu'à plusieurs reprises j'ai positivement dit, il y a quelques années, à l'auteur de l'ouvrage, que l'anecdote que, sur la foi du général Clinton, il m'attribuait sur la bataille de Kahul, était fausse, l'assurant que l'information de ce général était absolument erronée. Je dois à la justice, à la vérité et à mon honneur de vous donner, monsieur, cette explication, en vous priant de l'insérer dans votre papier; parce que ceux qui ne me connaissent pas pourraient croire que, par mon silence, je veux accréditer ce qui m'est attribué dans cet ouvrage de contraire à la vérité.

J'ai observé aussi que dans la page suivante du même livre il est dit que mon fils, qui servait en Perse sous les ordres du prince Tsitsianoff, était appelé par lui son bras droit. Je ne sais pourquoi on s'est servi de cette expression; car ni moi, ni mon fils, n'avons jamais dit à qui que ce soit au monde chose pareille, parce qu'elle n'est pas vraie, et qu'elle n'est pas même vraisemblable. Le prince Tsitsianoff (qui vient de tomber victime de la trahison d'un assassin persan) marchait sur les traces des Roumianzoff et des Souvoroff, était un si grand homme de guerre qu'il n'était pas dans le cas d'appeler qui que ce soit son bras droit; encore moins aurait il employé cette expression pour un jeune officier de 22 ans, quelque bonté qu'il eût pour

lui, comme effectivement il en avait beaucoup pour mon fils; et s'il lui donna un emploi distingué, c'était parce qu'il voulait l'habituer aux détails d'un service actif dans une armée agissante, mais non parce qu'il avait besoin de lui. Ainsi jamais ce général n'a pu ni dire ni écrire qu'un jeune officier de 22 ans était son bras droit.

Къ князю Александру Борисовичу Куракину.

Au prince Kourakine, le 5 (17) Mai 1809.

Monsieur le prince.

N'ayant pas d'autre occasion que celle que me procure à son passage par Paris m-r Sass, quand il sera expédié par m-r l'amiral Séniavine, je la saisis avec empressement pour accuser la réception de la lettre de votre excellence du 12 (24) Mars, qu'elle a bien voulu m'écrire et qui m'a été remise par le même porteur qui vous remettra celle-ci. Je vous suis bien reconnaissant, monsieur le prince, pour la bonté avec laquelle vous avez bien voulu faire parvenir ma lettre à mon fils. J'ai été aussi affligé que surpris quand à l'arrivée ici de m-r Sass il m'apporta quelques lettres de mes amis de Pétersbourg, sans qu'il s'en trouvât une de mon fils; il m'a dit qu'il avait, quelques jours avant son départ, rencontré Michel, qui l'a assuré d'avoir envoyé sa lettre pour moi dans la chancellerie du comte Soltikoff; ce sera donc par l'insouciance de quelqu'un de la dite chancellerie, que la lettre resta sans être expédiée. Quelque tems après un voyageur étranger venu de Russie m'envoya une lettre de mon fils du 22 Janvier v. s., dans laquelle il me dit qu'il m'a écrit une autre et qu'il a pris la liberté de me l'envoyer par l'entremise de votre excellence, et je ne l'ai pas reçue. Je n'en suis pas surpris du tout, car je vois une certaine fatalité du sort, qui semble se jouer et prendre

plaisir à empêcher que les lettres qui passent entre mon fils et moi ne puissent nous parvenir. Outre cent mille autres irrégularités dans les communications épistolaires, que les circonstances extraordinaires de l'Europe amènent dans les tems où nous avons le malheur de vivre, comme preuve de ces irrégularités je vous dirai, monsieur le prince, qu'il n'y a que trois semaines que ma fille et moi, nous avons reçu, sans savoir par qui et comment, les lettres que vous nous avez écrites du 3 (15) Décembre de l'année passée.

Par celle du 12 (24) Mars, vous désirez que je vous communique confidentiellement l'état actuel des affaires de ce pays et ce que pensent sur la paix les membres de l'administration actuelle. Je puis vous assurer bien sincèrement que, connaissant votre caractère personnel, pour lequel j'ai autant d'estime que de confiance, je me serais fait un vrai plaisir de satisfaire à ce que vous désirez de moi, si j'étais en état de le faire; mais je ne suis pas en état de le faire: car du moment que j'ai obtenu la faveur de quitter mon emploi d'ambassadeur, qui m'était devenu trop lourd à cause de mon âge (ayant déjà 65 ans), avec une santé délabrée et des yeux qui ne peuvent plus me servir ni pour lire ni pour écrire, j'ai pris pour règle de ne plus me mêler directement ou indirectement d'aucune affaire publique et surtout de la politique, et depuis la brouillerie entre notre pays et celui-ci, j'ai renoncé non-seulement d'aller à la cour, mais aussi de ne plus aller chez aucun des secrétaires d'état; j'ai refusé toutes leurs invitations de dîner chez eux; en un mot, je ne vais plus à aucune assemblée dans les maisons particulières. Je vis à la campagne, et si je me trouve à présent dans cette ville, ce n'est que parce que ma fille y est venue pour faire ses couches, et comme elle a accouché heureusement depuis 6 semaines,

elle sera en état de quitter Londres dans un mois au plus tard, et je la suivrai alors. En attendant je vis ici très-retiré, ne fréquentant que les parents du mari de ma fille et 5 à 6 anciens amis, qui n'ont aucune part à l'administration.

Je ne puis donc vous donner aucune nouvelle qui puisse être fondée et authentique sur les sentiments et les vues politiques du gouvernement de ce pays; mais tout ce que je puis vous assurer de positif, d'après tout ce qui s'imprime ici, où le sentiment de la nation est exprimé sans détour, est que la nation est persuadée que la guerre contre Bonaparte ne doit finir qu'avec sa vie; qu'il faut la continuer et n'épargner aucun sacrifice, et que l'Angleterre ne peut périr que par la paix; qu'il y ait guerre ou non sur le continent, cela ne fait rien à la chose: car la guerre contre lui doit continuer quand même tout le continent serait en paix, parce qu'il n'est pas dangereux pour ce pays comme ennemi, mais le serait infiniment si on faisait la paix avec lui. Je puis vous dire ceci, parce que depuis le recommencement de la guerre après la paix d'Amiens, les ministres différents qui se sont succédés ont trouvé la nation dans cette intime persuasion et dans cette décision inébranlable, au point que Fox, qui voulait la paix, n'à pas pu la faire, et la nation a témoigné une joie aussi vive que publique quand elle apprit que lord Lauderdale est revenu de Paris et que la négotiation pacifique a été rompue. Depuis cette époque les fonds publics ne font que hausser graduellement, particulièrement depuis 18 à 20 mois, et c'est la marque certaine du contentement public. Cela doit vous étonner, car vous ne pouvez avoir de notion sur l'Angleterre que ce que les gazettes et les journaux français publient sur elle; mais ce que je vous dis est d'après la

vérité et l'état actuel du pays, sur lequel, grâce à la liberté de la presse, personne ne peut imposer et faire passer des faussetés à la place de la vérité.

Je vous supplie, monsieur le prince, de me faire la faveur de faire parvenir l'incluse à mon fils par le canal de m-r le prince Alexis votre frère.

Къ неизвѣстнымъ лицамъ.

1.

Wilton, près de Salisbury, 30 Novembre 1811.

Monsieur,

Si je réponds si-tard à la lettre que vous avez bien voulu m'écrire, c'est qu'ayant quitté Londres il y a deux mois, pour faire un tour dans différentes provinces, votre lettre m'ayant manqué dans un endroit, m'a suivi dans plusieurs autres avant que de me parvenir, et je ne l'ai reçue ici que depuis avant-hier. Je puis vous assurer, monsieur, que j'aurais été sincèrement bien aise, si j'aurais pu vous être de quelque utilité dans l'affaire de l'indemnité que vous réclamez de ma cour; mais je n'ai aucun moyen de pouvoir vous servir comme je l'aurais désiré. Il y a 28 ans qu'ayant quitté la Russie pour aller en Italie d'où je suis venu dans ce pays, depuis ce tems je n'ai revu la Russie que pour deux mois, quand je suis allé il y a huit ans voir le feu chancelier, mon frère.

J'ai eu le malheur de survivre à la plupart de mes amis, et le peu qui m'en restent sont retirés ainsi que moi du service et vivent loin de Pétersbourg. Je dois ajouter encore que je n'ai non-seulement aucune liaison, mais pas même la moindre relation directe ou indirecte avec ceux qui sont en places et ont du pouvoir dans mon pays. Vous pouvez juger par tout ce que je viens de vous dire, mon-

sieur, si je puis être de quelque utilité pour ceux qui y ont des affaires.

Quand au dictionnaire dont vous entreprenez une nouvelle édition, je serais charmé d'en prendre un exemplaire, ne connaissant pas la première, et je le reprendrai chez m-r Debosse, qui me fournit les livres dont j'ai besoin. Je ne suis pas surpris du tout si dans la première édition de ce dictionnaire il est très-peu mention de moi, à ce que vous me dites; au contraire, je suis même étonné de ce que mon nom s'y trouve, n'ayant rien fait qui puisse mériter l'attention des contemporains, et encore moins celle de la postérité, à laquelle on ne doit transmettre que les noms de ceux dont la mémoire doit être conservée à cause de leurs faits mémorables et avantageux pour le bien public.

2.

Londres, le 10 (22) Juin 1812.

Madame la comtesse.

Je profite du départ de m-me Pitt pour me rappeler à votre souvenir et pour vous remercier pour le bien que vous et votre digne époux avez fait à Longuinoff, au sort duquel je m'intéresserai toujours. Je sais que ce que vous avez fait n'est que la conséquence de l'amitié que le comte Strogonoff a pour lui; mais je ne vous suis pas moins reconnaissant pour cela: car quand on fait du bien à mes amis, c'est pour moi tout autant que si on le faisait à moi personnellement. J'ose vous assurer qu'il est digne du bon-

heur que vous lui avez procuré. Je le connais depuis 14 ans, pendant lesquels j'ai eu le tems et les occasions nécessaires pour bien étudier son caractère: je l'ai toujours trouvé un homme rempli d'honneur et d'une humeur très-douce.

Je voulais écrire aussi au comte Strogonoff pour le remercier, mais c'est par pure discrétion que je me prive de cette satisfaction, en réfléchissant qu'au milieu des opérations militaires, il n'a pas le tems de lire et de répondre; je vous supplie donc, madame la comtesse, d'être mon interprète auprès de lui la première fois que vous lui écrirez.

Je fais des voeux bien sincères pour les succès de cette campagne, si elle a lieu. Entre nous, je ne crains pas les événements militaires, si on en vient à eux; mais je crains bien les événements politiques et les négociations, qui probablement seront le résultat unique et final de tout ce grand appareil si imposant.

Ma fille me prie de la rappeler à votre souvenir. Comme vous avez eu toujours beaucoup de bonté pour elle, je crois vous faire plaisir en vous disant qu'elle est une des plus heureuses femmes qu'il y ait au monde. Si cela n'était pas trop hardi et présomptueux pour elle et moi, nous vous aurions supplié de nous mettre aux pieds de Sa Majesté l'Impératrice.

3.

Londres, le 5 (17) Décembre 1812.

Si je tarde à vous répondre, monsieur le comte, c'est parce que vous avez voulu que je le fisse par l'occasion des courriers, et comme je suis retiré du monde par le besoin de repos qu'exigent mon âge et mes infirmités, et que je n'ai conservé aucune liaison intime avec les membres de toutes les administrations qui ont succédé à celle de m-r Pitt, je ne suis jamais informé du départ des courriers. Je devais donc attendre une occasion comme celle de mon ami l'amiral Greig, qui compte de partir dans 5 à 6 jours, et comme je compte de quitter Londres avant ce tems, pour aller à Wilton chez ma fille, je lui laisserai cette lettre, qu'il vous remettra en mains propres. Je suis on ne peut pas plus sensible et reconnaissant pour la part que vous avez prise au sujet de la blessure de mon fils et pour l'amitié avec laquelle vous vous êtes empressé de m'assurer qu'elle n'est pas dangereuse. Je dois vous dire que, grâce à l'attention de ce bon garçon, il m'a évité les souffrances les plus cruelles: car au moment même que je voyais, dans le papier du matin, le rapport du prince Koutousoff où il est question de la blessure de mon fils, je reçus dans la minute, dans la seconde, dans l'instant même que j'avais ce papier en main, une lettre de sa part, qu'il m'écrivit de Mojaïsk, et qui dissipa toutes mes craintes. Il a eu l'attention de m'écrire deux lettres, qu'il envoya par Pétersbourg et Moscou, pour que l'une ou l'autre m'arrivât au plus tôt, en m'assurant que la balle a été déjà tirée de sa cuisse, que l'os n'est pas endommagé et que dans peu il sera guéri. Le lendemain je reçus son autre lettre; j'en ai

eu une de Moscou et trois d'Andréewskoé, et maintenant je le crois déjà retourné à l'armée. J'espère qu'il arrivera quand il ne sera plus question de bataille, mais de capitulation du reste de la formidable armée que le Corse a traînée après lui de toutes les parties du continent, pour nous démembrer et subjuguer. En considérant tout ce qu'on a fait chez nous depuis 9 ans, j'ai tremblé pour ma pauvre patrie, dès le commencement de cette guerre; mais великъ Богъ Русскій. Ce grand Dieu, cet Être Suprême, que nous devons tous adorer plus que jamais, a daigné préserver le caractère national dans toute sa pureté. On a vu dans toute la vraie et ancienne Russie, dans les vrais Russes de l'intérieur, l'âme de Пожарскій et de Кузьма Мининъ. Elle a sauvé l'état d'une ruine qui semblait inévitable, et elle s'est acquise une gloire immortelle, une gloire unique.

4.

(1812).

Quelques papiers-nouvelles ont assuré, et tous les autres continuent à le répéter, que le plan de guerre que la Russie a adopté à présent lui a été suggéré par le général Bernadotte, prince de la couronne de Suède. Cette assertion est absolument fausse. Au mois de Juin de l'année passée le ministre de la guerre proposa ce plan à l'Empereur comme le meilleur à suivre, si Bonaparte voulait lui donner la loi ou entreprenait de l'attaquer. Alexandre agréa ce plan, et dès lors on commença à préparer son exécution; on fit marcher des troupes de tous les points

vers les frontières occidentales de l'Empire; on organisa mieux le commissariat, on fortifia Dinabourg, Witebsk, Polotsk et Smolensk. Cela prouve qu'il y a 13 à 14 mois qu'il était déjà résolu de ne pas sortir de ses propres frontières et qu'on était décidé à ne faire qu'une guerre défensive.

On n'avait pas besoin d'aucun conseil étranger pour adopter ce plan; car on en avait un bel exemple, tiré de l'histoire russe, sous le règne du plus grand souverain que ce pays ait jamais possédé. Pierre-le-Grand le mit en pratique, et précisement dans le même pays où se trouve à présent le théâtre de la guerre: c'est sur les bords du Niémen, aux environs de Kovno et de Grodno, en 1708, que Pierre rencontra Charles XII, lequel, après avoir subjugué la Pologne et la Saxe et tiré de celle-ci tout le numéraire qu'elle possédait, par les énormes contributions qu'il lui avait imposées, allait pour attaquer la Russie dans son centre, disant qu'il irait tout droit à Moscou, pour détrôner son rival. Il menait la plus belle et la plus grande armée qu'a eue jamais la Suède, ayant des généraux renommés pour leur habileté et ayant avec lui un trésor immense. Il cherchait à pouvoir livrer bataille à Pierre; mais celui-ci était trop habile pour ne pas l'éviter; il savait qu'en traînant la guerre en longueur, il finirait par accabler son ennemi s'il avait l'imprudence de s'avancer trop loin de ses dépôts, de ses magasins et des secours qui pouvaient lui venir. Il évita donc les batailles, se retirant toujours en bon ordre, gâtant les chemins, emportant ou détruisant les vivres et les fourrages, inquiétant et harcelant l'ennemi sans cesse par ses troupes légères, lui enlevant les convois. Par cette conduite il obligea Charles de renoncer à Moscou et de regarder son salut dans la trahison de Mazepa, qui, se révoltant contre son Souverain,

invitait Charles XII, de venir en Ukraîne, où il lui avait préparé des magasins. Ceux qui connaissent l'histoire savent les détails de ce qui s'est passé en 1708, dans quelle malheureuse situation le roi de Suède passa l'hiver de l'année 1708 à l'année 1709, et que le bataille de Poltava ruina complétement sa puissance. Le plan que l'Empereur de Russie a adopté est donc celui de Pierre-le-Grand; il fut décide au mois de Juin de l'année passée, quand, bien loin de prendre les conseils de la Suède, on se méfiait d'elle à Pétersbourg: car l'amitié de ces deux cours n'a commencé que vers le commencement de cette année, 6 ou 7 mois après que le plan de la guerre défensive fut décidément adopté.

Письмо князя Кутузова-Смоленскаго къ графу С. Р. Воронцову.

Милостивой государь мой графъ Семенъ Романовичъ! Отправленіе сего дня куріера въ Лондонъ даетъ пріятной случай напомянуть о себѣ вамъ, покровителю и милостивцу моей младости. Нѣсколько счастливыхъ обстоятельствъ, для меня стекшихся въ 812 году, тѣмъ болѣе осмѣливаютъ меня напомянуть милости вашей, что можетъ быть счастливыя происшествія, частію и на меня относящіяся, пріятны будутъ вамъ, истинному патріоту. Занятіе въ короткое время Кенигсберга, Варшавы и Берлина войсками нашими произвести должно важное впечатлѣніе въ Германіи.

Генералъ лейт. графъ Михайла Семеновичъ командуетъ корпусомъ и имѣетъ всѣ случаи показать, что̀ онъ есть и будетъ для Россіи *).

Примите увѣреніе истиннаго почтенія и нелицемѣрной преданности, съ которою навсегда пребуду вашего сіятельства,

милостиваго государя моего,

всепокорный слуга

Князь Михаилъ Кут. Смоленскій.

23 Февраля 1813.
Калишъ.

---

*) Эти три строки приписаны съ боку. На письмѣ помѣта: Reçue à Londres, le 13 (25) Mars 1813.

Отвѣтъ графа С. Р. Воронцова на письмо князя Кутузова-Смоленскаго.

Милостивой государь князь Михаилъ Ларіонычъ.

Ничто не могло быть лестнѣе для меня, какъ письмо вашей свѣтлости отъ 23-го Февраля изъ Калиша, коимъ вы меня удостоить изволили. Любезное и пріятельское ваше напоминовеніе о времени нашей молодости и сотовариществѣ въ полевой службѣ, мнѣ есть столькоже утѣшительно какъ и лестно; но признаюсь, что мнѣ стыдно видѣть, что ваша свѣтлость меня упредила въ томъ, что̀ я давно желалъ и что̀ я былъ долженъ сдѣлать. Давно и при разныхъ случаяхъ сбирался я писать къ вамъ; но всегда удержанъ былъ опасностію васъ обезпокоить, начальника большой арміи, принявшаго начальство надъ оной, когда она была изнурена, уменьшена, и въ упадающемъ духѣ отъ двухмѣсячныхъ ретирадовъ, а послѣ славной, но кровопролитной побѣды наипаче будучи обезсилена и требовала всенеусыпное тщаніе командира, дабы ободрить, снабдить и устроить оную. Нельзя было безъ крайней нескромности писать вамъ въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ, когда все вниманіе ваше было устремлено на оныя.

Первое побужденіе писать къ вамъ, которое я въ себѣ почувствовалъ, но удержалъ, было послѣ прочтенія вашего перваго донесенія къ Государю о занятіи Москвы Французами, въ которомъ вы двоекратно напоминаете ему, что сіе занятіе не есть овладѣніе всего государства. Сія двоекратная пометка ознаменила васъ на вѣки, ибо она содержитъ въ себѣ преглубокой смыслъ и великость духа, кои суть первѣйшія качества государственнаго вельможи-полководца.

Вы притомъ ознаменовали ваше совершенное познаніе права Русскаго народа, коего свойства, превышая всѣ похвалы, даютъ оному неоспоримое преимущество надъ всѣми другими, кои прославились въ исторіи свѣта. (Упоминая о Русскомъ народѣ, я разумѣю токмо коренныхъ Русскихъ, а не тѣхъ иноплеменныхъ и разноязычныхъ съ нами, кои покорены Русскимъ мечемъ и присоединены къ Россіи, ничего Русскаго въ правахъ и поведеніи не имѣютъ).

Зная всю цѣну вышеозначенной наметки, которая не допустила помышлять о мирѣ, которой въ тогдашнихъ обстоятельствахъ былъ бы препостыдной и превредной отечеству, я въ восторгѣ моемъ намѣрялся писать вамъ мои поздравленія; но помышляя я, сколь много оставалось еще заботы и трудовъ нашему достойному преемнику Пожарскаго, то я остался въ молчаніи.

Потомъ, когда движенія ваши для охраненія Рязани, Тулы и Калуги, когда выборъ лагеря, что вы укрѣпили, дали вамъ способъ дѣйствовать для пресѣченія сообщенія сграждующаго въ Москвѣ Корсиканца съ Вильною и Смоленскомъ, откуда онъ ожидалъ подвозовъ и помощи, и когда сей извергъ помышлялъ оставить сожженную Москву, вы разбили знаменитую часть его арміи; а когда хотѣлъ насильно пробиться чрезъ Малой Ярославецъ на Калужскую дорогу, то, разбивъ его, принудили паки возвратиться на разоренную имъ самимъ Смоленскую и, идучи паралельно съ нимъ по пути во всемъ для васъ изобильномъ, когда онъ бѣжалъ мѣстами опустошенными, что усугубляя его пагубу рѣшило оную совершенно подъ Краснымъ, планъ сей кампаніи, толь мудро основанной и толь искусно исполненной, дѣлаетъ вамъ безсмертную славу. Послѣ Краснаго дѣянія ваши были толь поспѣшны, что быстрота оныхъ превзошла быстроту Суворова; въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ ваша главная квартира изъ Тарутина перелетѣла въ Калишъ!

Столь много я имѣлъ предлоговъ писать вашей свѣтлости; но достодолжное уваженіе къ вашему положенію, когда вы должны быть обременены дѣлами и переписками всякаго рода, сохраняло меня предъ вами въ молчаніи.

Теперь не вините меня, естьли я васъ обременяю толь пространнымъ писаніемъ. Вы сами мнѣ подали къ сему поводъ. Легче удержать коня на мѣстѣ, чѣмъ, давъ ему волю, удержать потомъ на полномъ его скаку.

Поздравляю вашу свѣтлость, какъ истинной Русской, какъ старой армейской вашъ товарищъ, поздравляю васъ отъ искренняго сердца. Радуюсь душевно о вашихъ преотличныхъ дѣлахъ и заслугахъ и при томъ признаюсь, что мое восхищеніе усугубляется, когда вижу, что всѣ сіи славные подвиги, сіи великія услуги государству суть дѣянія коренпаго Русскаго, а не иноплеменнаго.

По прочтеніи вашего письма, когда я дошелъ до приписки, что̀ собственноручно сдѣлали на боку онаго: то я тотъ часъ понялъ, что письмо было писано для оной, дабы обрадовать внезапно отца, увѣдомя его побочнымъ образомъ, что сынъ его произведенъ. Я чувствую съ наивящимъ признаніемъ сей милой и нѣжной образъ меня обрадовать.

Я не сумнѣваюсь, что произведеніе сына моего въ генералъ-порутчики есть слѣдствіе той милости, которую ваша свѣтлость къ нему оказываетъ съ той поры, какъ онъ имѣлъ счастіе служить подъ вашимъ начальствомъ на Дунаѣ. Счастливъ онъ, что, паки служа подъ командою вашей свѣтлости, находится въ наилутшей школѣ для пріобрѣтенія знанія въ военномъ искусствѣ, которое нужнѣе и мудренѣе всѣхъ, ибо отъ знанія или незнанія онаго сохраняются или погибаютъ наивеличайшія государства.

Прошу васъ, милостивой государь, вѣрить о глубочайшемъ почтеніи и искренной привязанности и благодарности,

которыми я въ разсужденіи васъ преисполненъ. Сіи чувства, кои конечно раздѣляютъ со мною всѣ настоящіе Русскіе, я ихъ чувствую въ себѣ съ веселою гордостію, которая дѣлаетъ утѣшеніе остатка моей погасающей уже жизни.

Вашей свѣтлости
всепокорный слуга
Г. С. Воронцовъ.

Лондонъ 18 (30) Марта 1813.

П. П. Примаю смѣлость поручить въ милость вашей свѣтлости подателя сего письма, графа Бальмена.

Къ императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ.

(1813).

Madame.

La lettre dont Votre Majesté Impériale a daigné de m'honnorer du 7 (19) X-bre ne m'est parvenue que depuis trois semaines. Je n'attendais que l'occasion d'un courrier pour y répondre et lui rapporter que sa lettre à m-me Rootle lui a été remise immédiatement. J'ai l'honneur de lui transmettre ci-incluse celle que cette dame a eu de lui adresser.

Quant à l'espoir que j'avais sur l'heureuse issue de la campagne de l'année passée dès l'entrée des Français sur le territoire de la vraie Russie et surtout depuis leur entrée à Moscou, il était fondé sur la connaissance que j'avais du pays et surtout sur le caractère national, caractère qui, grâce à la bonté divine, n'a pu être altéré en rien, malgré qu'à l'extérieur la classe la plus élevée de la nation avait pris les manières et les tournures des nations étrangères qu'on prônait et qu'on encourageait avec plaisir. Tous les vrais Russes, qui composent plus de 25 millions de la population de ce vaste empire, ont eu le même sentiment que moi. Le noble, le bourgeois et le paysan de Smolensk, de Moscou, comme ceux de toutes les autres provinces où les habitants sont de la même origine, de la même langue et de la même religion, ne se regardant que

comme frères de la même famille, ont fait les plus grands sacrifices. Chacun a fait abnégation de soi-même, tous se sont levés spontanément pour la défense de la patrie. Contre une telle union d'une nation si brave et si généreuse, il n'y a pas de force étrangère, quelque formidable qu'elle puisse être, qui puisse résister; aussi l'orgueilleux Corse, après être entré chez nous avec 400 mille hommes, en est sorti en misérable fugitif après avoir vu toute son armée détruite.

Pénétré de reconnaissance envers cet être Suprême qui régit tout, pour la protection qu'Il nous a toujours accordée, nous Lui devons surtout pour nous avoir conservé notre caractère national, dont la marque la plus caractéristique est la confiance que les Russes ont dans Sa bonté divine. Vous connaissez, madame, le dicton connu de mes compatriotes: „Великъ Богъ Русскій".

Il est bien flatteur pour les Russes de savoir que Votre Majesté Impériale les a étudiés, les a connus et leur a rendu justice; car il nous est revenu ici de tous côtés qu'au moment que l'ennemi était maître de notre vraie capitale, de ce point central de la vraie force et de l'opinion publique du pays, vous avez dit qu'il n'y a rien à craindre avec une nation aussi brave que généreuse et fidèle. Le Corse n'a été maître que du terrain et des maisons vides de cette ville antique.

Les habitants, unis de coeur et d'âme avec la totalité de leurs compatriotes, ont abandonné leurs possessions pour attaquer de tous côtés l'ennemi, lui faire une guerre à mort, pour le détruire, et il a été détruit. Les habitants de la Hollande, de l'Italie et de l'Allemagne et de la Suisse même ne nous ont pas servi d'exemple, et nous appellent encore un peuple non-civilisé! L'empereur d'Autriche et le roi de Prusse auraient bien voulu troquer leurs sujets prétendus

civilisés contre les sujets prétendus barbares de Votre Auguste Epoux.

J'ai vu avant-hier chez m-me Rootle les deux jeunes princes de Brunswic, neveux de Votre Majesté Impériale. Leur physionomie est intéressante, et ils sont d'un caractère très-doux. Il y a un ecclésiastique auprès d'eux, d'un caractère très-respectable; c'est un homme très-estimé et qui a le plus grand soin de ses deux pupiles.

Ma fille se met aux pieds de Votre Majesté Impériale, pénétrée de reconnaissance pour la bonté avec laquelle vous dagnez vous souvenir d'elle, madame. Elle a accouché d'une fille depuis 15 jours, et cette couche a été plus heureuse que les deux premières.

Je suis avec le respect le plus profond, madame, de Votre Majesté Impériale etc.

Къ г-жѣ Бредфордъ.

(Впослѣдствіи издательницѣ „Записокъ Княгини Дашковой").

I.

5 Février 1813.

Madame.

J'ai reçu avant-hier la lettre que vous avez bien voulu m'écrire, ainsi que le manuscrit que vous nous avez permis de lire. Je n'ai pas eu le tems encore d'en faire la lecture, mais je m'en occuperai incessamment; après quoi je tâcherai de trouver un tems favorable où ma fille (qui a tant de devoirs à remplir comme femme, comme mère et comme faisant partie du grand cercle de société de Londres) puisse me donner quelques heures pour lire ensemble un écrit qui doit être d'un très-grand intérêt pour nous.

Cela fait, je ne manquerai pas de m'occuper à faire des observations sur un papier à part, que la franchise, le respect pour la vérité et les égards dûs à la mémoire d'une soeur m'obligeront de faire. En vous renvoyant le manuscrit et les observations, je soumettrai ces dernières à votre jugement et à votre attachement pour votre défunte amie, sans prétendre influer sur le parti que vous prendrez là-dessus. Je n'en ai aucun droit positif: c'est votre propriété, et c'est à vous à en disposer comme vous le croirez le plus conforme à la réputation d'une amie dont la mémoire vous est si chère.

En vous priant de présenter mes hommages à monsieur votre époux, je vous prie de croire à la plus parfaite estime et à la considération la plus distinguée avec lesquelles je serai toujours etc.

Архивъ Князя Воронцова, XVI, 26.

2.

A la fin de l'année 1812 ou au commencement de 1813

A m-e Bradford *).

Madame.

J'ai lu et relu le 1-r volume du manuscrit que vous avez bien voulu m'envoyer. Etonné de plus en plus de ce qu'il contient, je ne pouvais vous laisser ignorer la sensation que cette lecture a produite sur moi.

J'ai cru devoir faire des observations sur tout ce qui était inexact, ce qui non-seulement était faux, mais même invraisemblable, sur les anachronismes palpables et qui seraient relevés par tout le monde chez nous, et par plusieurs ici de ceux qui connaissent les faits constatés dans les gazettes, journaux et brochures. J'ai relu encore pour la quatrième fois ce 1-er volume et j'ai marqué par des chiffres les endroits que j'étais obligé, par respect pour la vérité, de relever et de réfuter pour n'avoir pas sur ma conscience d'avoir par un silence criminel donné une espèce de sanction à une publication qui ne peut que faire un tort infini à la mémoire de ma soeur; mais vu que le nombre des remarques que j'étais obligé de faire serait plus volumineux que l'ouvrage même, j'en ai abandonné l'idée, espérant que vous renoncerez à cette publication par charité pour la mémoire de votre amie, charité à laquelle on doit sacrifier celle de donner le produit de la vente de l'ouvrage au soulagement de ceux qui ont souffert en Russie par l'invasion des Français. Ce que mes compatriotes ont souffert en perte passe de beaucoup 30 millions de l. st., et le mal

*) Позднѣйшая надпись, сдѣланная рукою графа С. Р. Воронцова. Первыя два письма сохранились въ его своеручныхъ черновыхъ подлинникахъ.

sera réparé par la partie de la nation qui n'a rien perdu et qui va au secours avec le plus grand zèle et libéralité pour aider les souffrants. Mille ou 1500 l. st. seraient moins qu'une goutte d'eau jetée dans l'océan. Lord et lady Pembroke sont aussi décidément de l'opinion que cette publication fera beaucoup de tort à la mémoire de la princesse Dachkoff.

Le second volume fourmille également de choses inexactes, d'anachronismes palpables, et dans tous les deux il y a un sentiment de haine et des tracasseries de cour qui n'intéressent personne, contre des gens morts 25 ans avant l'auteur. Quelle idée aura-t-on d'une haine si peu chrétienne, que la mort même ne pouvait éteindre? Il y a aussi des personnes vivantes injustement attaquées. Il y a des enfants de familles les plus respectables, dont les pères sont injustement calomniés, qui, réfutant par devoir ces attaques non provoquées, attaqueront celle qui est supposée avoir écrit ces mémoires. Par respect pour la vérité et pour me justifier d'avoir connivé à cette publication, je serai forcé de m'expliquer ici et en Russie, que j'ai protesté contre cette mesure.

Si j'aurai l'honneur de vous voir à Londres, madame, je vous donnerai tous les détails qui justifieront mon opinion sur ce sujet.

Je me manquerai pas d'envoyer les deux volumes du manuscrit dans la maison que vous avez indiquée à ma fille, et je suis avec les sentiments d'estime et de considération, madame, votre très-humble et très-obéissant serviteur.

3.

Copie de la lettre à m-me Bradford, écrite le 15 ou 16 VIII-bre 1813 [1]).

J'ai reçu la lettre que vous avez bien voulu m'écrire, datée du 12 VIII-bre. Vous êtes tout-à-fait la maîtresse de faire ce qui vous plaira. Je ne puis pas vous empêcher d'imprimer le manuscrit que vous m'avez communiqué et que vous m'avez dit être fait de mémoire d'après un autre, fait par la princesse Daschkoff, lequel avait été brûlé [2]). Je conserve le brouillon de la lettre que je vous ai écrite après avoir lu cet ouvrage; je me souviens de ce que je vous ai dit en présence de monsieur Tatistcheff et de ce qu'il vous a dit sur ce même sujet, et de ce que vous a fait observer aussi le docteur Rogerson. Je vous ai prouvé, madame, que cet ouvrage est rempli d'anachronismes, de faits qui sont non-seulement faux, mais tout-à-fait invraisemblables, même impossibles; qu'il y a des calomnies atroces contre des personnes vivantes et contre d'autres qui sont mortes, mais dont les enfants sont vivants en Russie et dont il y en a quelques-unes qui se trouvent à présent en Angleterre; et tout cela sera imprimé sur la foi et l'exactitude d'un écrit fait par mémoire d'après un autre qui a été brûlé!

---

1) Отмѣтка рукою графа С. Р. Воронцова.

2) Въ архивѣ князя С. М. Воронцова хранится переплетенная Французская тетрадь, писанная рукою переписчика съ помѣтою, которая собственноручно сдѣлана княгинею Дашковою: „Histoire de ma vie". Она появится въ одной изъ слѣдующихъ книгъ настоящаго изданія. П. Б.

Vous croyez, madame, que c'est de votre devoir que de publier une pareille pièce. Il ne m'appartient pas de juger des devoirs des autres; mais je ferai le mien de manière que personne ne pourra croire en Russie et en Angleterre que j'approuve une telle publication. Le public jugera qui de nous deux a témoigné plus d'égards à la mémoire de la feue princesse Dachkoff *).

Notre correspondance, originée par le grand désir que vous avez d'imprimer et moi par le désir d'empêcher l'impression d'un ouvrage qui fera du tort à celle que vous croyez illustrer, cette correspondance n'a plus d'objet après le parti que vous prenez, et elle doit par conséquent être terminée; au moins elle le sera de ma part. Ainsi je n'ai rien à ajouter que de vous assurer que je serai toujours avec tous les sentiments d'estime et de considération qui vous sont dûs, madame, etc.

---

*) Г-жа Бредфордъ издала свою рукопись въ Лондонѣ, въ 1840 году, т. е. черезъ восемь лѣтъ по кончинѣ графа С. Р. Воронцова.

Къ Пельцеру.

(1815).

Le comte Woronzow présente ses compliments à m-r Pelzer et en réponse à sa longue lettre ou mémoire, il nie que c'est lui qui l'a encouragé à ne pas se rendre à Vienne, quand il avait ordre d'y aller. Il a été aussi tout-à-fait contraire à la résolution que m-r Pelzer avait prise de vouloir que sa cour le laissât à Vienne, par la raison toute simple que ce n'est pas au sujet à donner la loi à son souverain. M-r Pelzer manque absolument de mémoire, quand il prétend que le comte Woronzow lui a dit que quand un ambassadeur est mal avec son secrétaire, c'est celui-ci qui est toujours sacrifié; mais il lui a dit que celui-ci est toujours rappelé pour être envoyé autre-part. Cela est aussi naturel que juste: car, séparés, chacun d'eux peut être utiles, mais ils ne peuvent pas rester ensemble sans de grands inconvénients.

Ce n'est pas à cause du comte Woronzow que le comte St. (*) s'est brouillé avec m-r Pelzer. Comme ce ministre autrichien ne l'employait à rien, le bureau à Vienne ne voyant jamais l'écriture de m-r Pelzer dans les dépêches du ministre, celui-ci ne pouvait pas l'accuser de les communiquer au ministre russe. Le comte Woronzow, touché de l'abandon dans lequel s'est trouvé m-r Pelzer par sa

(*) Старембергъ.

propre faute, a écrit pourtant en sa faveur au comte S.; il a tâché de le servir auprès du baron Weissenberg; il a tâché de lui procurer, s'il était possible, quelque place; mais il l'avertissait aussi qu'il n'y a aucun espoir pour qu'un étranger et catholique puisse en obtenir. Après cela qu'est ce qu'il pouvait faire de plus, que de l'aider pendant plusieurs années, autant que ses moyens le lui permettaient? Si ses moyens diminuent, ce n'est pas un crime, mais un malheur pour le comte Woronzow, qui a cela de commun avec tous les Russes à cause de pertes essuyées dans l'année 1812, outre le 20 pour 100 de taxe qu'il supporte depuis ce tems et la perte énorme sur le change, qui depuis 4 ans n'a fait que baisser et se trouve être réduit depuis 32 shillings et plus à 11 sols le rouble. Le comte Woronzow a d'ailleurs de proches parents, complétement ruinés, qu'il secoure et doit secourir de préférence. Jamais le comte Woronzow n'a dit à m-r Pelzer qu'il a une fortune immense; ce serait une bêtise et une fausseté ridicule, et qui le connaît ne croira jamais à une chose aussi absurde. Il se souvient qu'il y a 5 ans, après qu'il a eu déjà la satisfaction depuis quelque tems d'aider m-r Pelzer, il lui a dit qu'il a une fortune à pouvoir donner des secours à m-r Pelzer. Est-ce la faute du premier, que ses revenus diminuaient considérablement, tandis que ses dépenses ne faisaient que d'augmenter par le malheur de plusieurs de ses parents? M-r Pelzer est choqué de ce que le comte Woronzow lui suggéra de se servir de ses talents littéraires pour vivre; il n'y a rien de choquant en cela, puisqu'il y a près de 4 ans que m-r P. lui a dit qu'il espérait dans peu de trouver une place dans la maison d'un particulier. Comme il n'a pas voulu s'expliquer, le comte Woronzow a dû croire que c'était comme secrétaire ou bibliothécaire chez quelque seigneur, ou bien associé à la confection de

quelque journal, ce qui n'est seulement honteux à un homme qui a reçu une éducation classique et qui se trouve dans l'embarras. Il dit que Woronzow a rompu avec lui. Cela est bien étonnant; car quand, il y a quelques mois, il écrivit pour demander 80 ou 100 livres sterling, Woronzow lui envoya 80, en lui exposant la situation très-délaissée où il se trouve de ne pouvoir pas lui envoyer davantage. Depuis ce tems il a invité m-r Pelzer deux fois à venir dîner chez lui et fut refusé, et depuis ce tems il n'a jamais voulu mettre le pied chez lui. Quel est celui des deux qui a rompu? M-r Pelzer lui dit dans sa longue lettre ou mémoire, qu'il le communiquera au comte Michel Woronzow et à lord Pembroke. Il peut non-seulement leur communiquer cette lettre, mais aussi à tous ceux qui connaissent et même ne connaissent pas le comte Woronzow. Ce qui est le plus singulier dans cette lettre ou mémoire, est que m-r Pelzer somme le comte Woronzow de lui procurer une place, comme s'il pouvait disposer des places et comme s'il n'avait pas déjà tenté par ses amis à pouvoir lui procurer quelque emploi, et cela après que m-r Pelzer avoue lui-même que Woronzow lui a dit que cela est impossible à obtenir pour un étranger qui est catholique. Comme m-r Pelzer a été plusieurs mois à faire sa longue lettre ou mémoire en réponse à celle que Woronzow lui écrivit, en lui envoyant le secours qu'il était en état de lui donner, il ne s'étonnera pas de ce que celle-çi ne lui est parvenue que 5 à 6 jours après la réception de la lettre ou mémoire: car on ne sait comment l'appeler, cet écrit si volumineux et si inintelligible; car il était impossible d'en comprendre le but. Il fallait se donner la peine de le lire et relire plusieurs fois sans en être bien avancé, et il fallait réfléchir si on devait y répondre. On a pris ce dernier parti pour n'avoir rien à se reprocher.

ЗАПИСКА ГРАФА С. Р. ВОРОНЦОВА

О ВОИНСКОЙ ТАКТИКѢ.

Писано, сколько можно судить по почерку, въ молодые годы, когда графъ С. Р. Воронцовъ предавъ былъ военной службѣ. П. Б.

Записка о воинской тактикѣ.

Сочиненіе графа С. Р. Воронцова *).

L'histoire de toutes les nations nous atteste qu'à mesure qu'elles ont pris une forme de gouvernement plus solide et plus constante, la nécessité de réduire en art et de soumettre à des règles certaines les opérations de la guerre, s'est aussi manifestée avec plus d'évidence. Soit que le seul motif d'une défense légitime, soit que la crainte d'un voisin ambitieux, ou la joie barbare des conquêtes, aient mis aux hommes les armes à la main, ils ont constamment éprouvé que la victoire dépend moins de la quantité, que de la justesse des moyens mis en oeuvre pour l'obtenir; que la méditation y a plus de part que la force, et qu'inutilement on compte sur de grandes armées, quand l'ordre n'est point l'âme et le principe de leurs mouvements.

L'ordre a toujours triomphé de l'avantage du nombre; et quand la valeur n'a pour règle que la fougue et l'impétuosité, il triomphe de même des efforts puissants que le mépris de la mort et l'amour de la liberté sont capables de produire.

C'est dans le choix des hommes, dans la manière de les dresser, chacun en particulier, et de les former ensuite en troupes, dans un juste rapport entre ces parties et leur

*) Подлинникъ (безъ заглавія) писанъ рукою графа С. Р. Воронцова.

tout, dans l'art de les mouvoir, dans l'intelligence des dispositions, dans la pratique des manoeuvres, dans l'observation d'une exacte discipline, qu'on trouve pour la guerre des ressources inépuisables et l'infaillible moyen de s'assurer en tout tems la victoire.

La tactique embrasse tous ces différents objets; elle se propose essentiellement de nous instruire du meilleur ordre qui puisse être observé dans la formation des troupes, dans leurs évolutions et dans toutes les opérations militaires.

On la divise en tactique élémentaire et en grande tactique: la première a des principes généraux, fixes, invariables, indépendants des tems et des circonstances, et susceptibles de démonstrations.

Il est évident, par exemple, que des hommes destinés à braver les dangers, les plus rudes fatigues, doivent être pris parmi les plus robustes et les plus courageux, et que s'il peut y avoir des signes qui nous éclairent dans un tel choix, il est de la dernière importance de s'attacher à les bien connaître. On convient qu'il faut joindre ensemble un certain nombre de ces hommes, afin qu'ils acquièrent par la pression un plus grand poids, et qu'il faut aussi, pour rendre leurs actions plus vives, que la masse qu'ils forment puisse être mue en tout sens avec facilité. Personne ne doute que les meilleures dispositions ne soient celles qui procurent le moyen de faire à l'ennemi beaucoup de mal et d'en recevoir le moins qu'il est possible.

De ces axiomes préliminaires et de plusieurs autres semblables, dérive tout ce qui concerne le maniement des armes, suivant leurs espèces particulières, la forme primitive convenable à chaque corps, les diverses évolutions auxquelles il convient de les plier, l'habitude des exercices, l'obéissance et la subordination.

La grande tactique a pour but de faire une juste application des règles et des principes de la tactique élémentaire aux grandes manoeuvres de la guerre, ayant égard aux tems, aux lieux, à la diversité des conjonctures; c'est elle qui règle les marches, qui indique les meilleurs postes, qui établit et assure les camps et les places, qui décide de l'ordonnance générale des armées; c'est par elle qu'un général sait se maintenir dans un état d'égalité, contre un ennemi beaucoup plus fort, qu'il parvient même à lui ôter cette supériorité et qu'il se procure enfin le moyen de vaincre, sans courir risque d'être vaincu. Quelle force de génie, quelle sublimité de talent ne faut-il pas pour exceller dans tous ces points? Cependant, malgrès les connaissances infinies que cette science suppose, la variété des objets qu'elle embrasse, la profondeur des réflexions qu'elle exige et les immenses combinaisons qu'elle emploie, ses opérations n'acquièrent le degré de justesse et de précision qui leur est nécessaire, et d'où naissent les plus brillants succès, qu'autant qu'elle s'appuie sur la tactique élémentaire, et qu'elle la regarde comme la base et le fondement de toutes ses manoeuvres: l'une doit mener à l'autre et lui servir d'introduction.

Mais s'il est indispensable à quiconque aspire au grand dans le métier des armes d'approfondir toutes les parties de la tactique, on ose assurer que c'est un devoir pour tous les militaires en général d'en étudier les règles et les principes, et qu'ils sont comptables à l'état des fautes où ils tombent, par une suite de leur négligence à cet égard. Quoique les connaissances qui sont absolument nécessaires à tout officier subalterne, ne soient ni fort étendues, ni bien difficiles à acquérir, elles n'exigent pas moins de l'étude et de l'application. Ne les attendre que de l'expérience, c'est s'exposer à les recevoir toujours trop tard, et lorsqu'il

n'est plus tems de réparer les maux qu'a produits la présomption ou l'ignorance. D'ailleurs les leçons que donne la pratique seule, quand on ne marche point à la lumière des principes connus, loin de nous éclairer, nous égarent souvent et nous précipitent dans l'erreur.

Cette importante vérité n'a point échappé aux peuples de l'antiquité les plus sages et les plus éclairés. Les Grecs, non contents de s'être adonnés à tous les exercices du corps propres à former l'homme pour la guerre, s'appliquèrent encore d'une façon particulière à cultiver la tactique et à la perfectionner. Chez eux l'étude de cette science faisait partie des obligations d'un bon citoyen et entrait sur ce pied dans leur plan d'éducation pour la jeunesse.

Ils avaient établi dans toutes les villes des écoles de tactique, dont les maîtres étaient entretenus aux dépens du public. Personne n'était admis à faire ses premières armes, qu'après s'y être nourri l'âme et l'esprit des principes de ce grand art: par là les dispositions de ceux qui naissaient avec un génie vraiment militaire, se développaient plus rapidement, et ils devenaient capables de rendre plus tôt et plus longtems à leur patrie des services signalés. Quant au commun des autres, ils s'instruisaient au moins de bonne heure de tout ce qu'ils devaient pratiquer et connaissaient avant que d'entrer dans la carrière, toute l'étendue de leurs obligations. On tirait enfin de ces leçons, faites en public et sous les yeux des plus illustres membres de l'état, l'avantage de fixer une uniformité de précepte et de méthode et de ne point abandonner à la fantaisie des particuliers un art sans lequel, suivant Végèce, tous les autres arts ne peuvent subsister. Les Lacédémoniens furent les premiers d'entre les Grecs, qui écrivirent sur l'art militaire et qui instituèrent des écoles de tactique. A leur exemple un si digne établissement s'étendit de proche

en proche dans le reste de la Grèce et de là chez les Macédoniens.

Les Romains, quoique toujours prompts à saisir le bon de quelque part qu'il leur vînt, n'allèrent pas aussi loin que les Grecs sur ce point: ils se formèrent bien par expérience un système de tactique, et ils en mirent même les principes par écrit; mais ils n'eurent jamais d'école où cet art fût publiquement enseigné.

Les Grecs ne s'en tinrent point là: ils établirent les récompenses les plus honorables, ils formèrent des corps d'élite *) où la valeur la plus épurée, jointe à une expérience consommée, pouvait seule prétendre d'être admise; ils mirent enfin en usage tous les moyens les plus capables d'exciter et d'entretenir le zèle et l'émulation de leurs citoyens. Cette conduite était fondée sur les maximes de la saine politique: l'art militaire mis en honneur, assure toujours la liberté commune, affermit au dedans le repos des citoyens, les rend formidables au dehors et multiplie à l'infini, par la noble confiance qu'il inspire, les forces et les ressources d'un état.

La Grèce en est un exemple sensible et bien frappant: resserrée dans des bornes très-étroites, composée d'autant de républiques rivales qu'elle contenait de villes, sans cesse en proie à des divisions intestines ou menacée par des voisins puissants et redoutables, elle demeura libre aussi longtems que la science de la guerre y fut cultivée et que la discipline fleurit dans les armées.

Les grands hommes qu'elle a produits sans interruption, pendant le cours de deux siècles, doivent nous convaincre qu'en ce genre la Grèce ne le cède à nulle autre nation.

---

*) les Squirites à Sparte, la bande sacrée des trois cents à Thèbes; la phalange Macédonienne, le corps des Argyrospides, etc.

Miltiade, Aristide, Thémistocle, Agésilas, Périclès, Epaminondas, etc. feront en tout tems des modèles dignes d'être proposés à quiconque aspire à la gloire du commandement des armées, et leurs exploits justifient hautement l'excellence des principes qu'ils suivaient.

La tactique grecque n'offre rien que de lumineux et de conséquent dans les opérations; la bonté de son ordonnance consiste dans l'union de ses parties, dans la facilité qu'elles ont de se séparer et de se rejoindre, dans leur force et dans la célérité de leurs mouvements. Les manoeuvres en sont simples, faciles à exécuter, et variées autant que les circonstances peuvent l'exiger. Tous les changements de figures qu'elle prescrit, se bornent à celles qui sont les plus faciles et les moins composées: le carré, le triangle, le rond; toute troupe passait rapidement de l'une à l'autre, sans rien changer à sa disposition primitive; elle réunissait donc toutes les qualités essentielles à une bonne tactique.

Aussi l'expérience nous apprend-elle que pour conduire la nôtre à sa perfection, nous ne pouvons mieux faire que de nous borner à la plupart des mouvements et des évolutions qui ont été pratiquées par les Grecs, et de nous renfermer, à leur exemple, dans celles qui sont absolument nécessaires, sans en adopter un trop grand nombre, ni de trop compliquées.

Il serait à souhaiter, pour notre instruction, que les principes de la tactique grecque se trouvassent rassemblés dans des écrits méthodiques, où toutes les parties d'un sujet aussi vaste fussent profondément traitées. D'illustres auteurs, entre lesquels des grands rois même sont comptés, avaient travaillé à nous rendre ce service; mais nul de leurs ouvrages n'est parvenu jusqu'à notre tems. Il est vrai qu'on trouve la plupart des principes de cette science répandus dans Xénophon, Thucydide, Polybe, Plutarque et

jusque dans les oeuvres d'Aristide et de Platon; mais un traité complet de cette matière, et composé par un auteur militaire qui eût vécu dans les beaux siècles de la Grèce, serait bien autrement précieux pour nous.

Il ne nous reste sur ce sujet que la tactique d'Elien, auteur beaucoup plus moderne, et qui écrivait dans un temps où la tactique des Grecs était oubliée, ou seulement connue d'un petit nombre d'hommes studieux et savants. Il faut ajouter encore que ce traité est extrêmement abrégé, qu'il renferme des choses qui paraissent plus appartenir à la tactique des Macédoniens qu'à celle des Grecs, et qu'il est à craindre que nous n'en ayons pas d'exemplaire bien correct. Malgré ces imperfections, comme c'est le seul ouvrage que nous ayons en ce genre, il ne saurait nous être inutile: on y retrouve avec une sorte de satisfaction, les principes de toutes les manoeuvres que nous pratiquons aujourd'hui, et ces dernières se font d'autant plus admirer qu'elles s'éloignent moins de la simplicité des premières. D'ailleurs, quoique la phalange d'Elien ne soit pas tout-à-fait celle des Grecs, il est certain que l'ordonnance, les manoeuvres et les évolutions qu'il enseigne, leur étaient particulières; et c'est là le point essentiel. On sait, au reste, que la tactique Macédonienne différait peu de celle des Grecs. C'était réellement le même système que Philippe et Alexandre s'attachèrent à perfectionner, et que les successeurs de ces deux princes gâtèrent par les changements qu'il y introduisirent.

Nous pouvons donc prendre, dans la lecture d'Elien, une véritable idée de la tactique des Grecs, d'autant plus que l'auteur s'est particulièrement attaché à nous développer la constitution primitive de leur milice, et qu'il nous en a conservé les plus petits détails: c'est ce qui peut en relever le prix à nos yeux, dans un tems surtout où l'amour

du vrai engage nos savants militaires à remonter jusqu'aux sources sur une matière aussi intéressante.

Les éléments d'un art étant la base de toutes ses opérations, il nous importe extrêmement de connaître la manière dont les différents peuples ont traité des premiers éléments de l'art militaire. Les progrès d'une science augmentent à mesure que l'application de ses principes est plus variée, et que leurs divers usages se trouvent consignés dans un plus grand nombre d'écrits. Quand la clarté, l'ordre et la méthode règnent dans ces sortes d'ouvrages, on doit souhaiter que les matières y soient exactement analysées. Un certain détail ne paraît alors déplacé qu'aux yeux de l'orgueil et de l'ignorance: il est regardé d'un oeil bien différent par ces hommes d'un ordre supérieur, qui sont nés pour éclairer leurs concitoyens; l'influence des premiers pas que l'on fait en entrant dans une carrière leur est si bien connue, qu'on les voit se faire un devoir de retourner sur leurs propres traces pour aplanir aux autres les routes qu'ils ont à parcourir, et leur y servir de guides eux-mêmes. Rien de ce qui peut abréger le chemin qui mène à la perfection, n'est au dessous d'eux.

Définition de la tactique.

Le premier objet et le plus important de la tactique est de distribuer avec choix et dans l'ordre le plus convenable cette multitude confuse et indisciplinée d'hommes nouvellement levés pour la guerre; c'est à dire qu'il faut en former des files égales, et de plusieurs files jointes ensembles composer une certaine quantité de troupes particulières, dont la réunion fasse un corps exactement proportionné dans toutes les parties et capable d'exécuter aisément toutes les manoeuvres militaires. Ce qui fait principalement la force d'une armée, soit dans les marches, soit dans les camps,

soit dans les combats, c'est la bonté de son ordonnance: on a vu souvent de grandes armées, parce qu'elles étaient conduites sans ordre *) et sans discipline, être taillées en pièces par un petit nombre de troupes bien ordonnées. Aussi a-t-on défini la tactique: la science des mouvements militaires. Polybe dit que c'est l'art de bien choisir les hommes qui sont admis dans la milice et de les distribuer avec ordre en plusieurs troupes, pour les rompre plus promptement aux différentes manoeuvres de la guerre.

Différents fragments.

Il ne suffit pas de connaître superficiellement les différentes ordonnances ou manoeuvres, on doit se faire une loi d'accoutumer tant sa cavalerie que son infanterie, par des exercices continuels, à les pratiquer toutes également bien; ensuite on se servira, dans l'occasion, de celle qu'on aura lieu de croire la plus avantageuse, et dont on se sera rendu l'exécution plus facile, par une plus longue expérience. L'homme étant capable de se donner les plus grands mouvements et de n'épargner ni peine, ni soin, ni travail, dans la recherche d'une infinité d'objets ou frivoles, ou méprisables, pourrait-il, sans un excès d'aveuglement, négliger ce qu'il lui importe le plus de savoir, et s'exposer au hasard des combats avant que d'avoir appris par des épreuves multipliées, les meilleures manoeuvres qu'il convient d'employer?

Il est souvent avantageux de former la cavalerie de manière qu'elle ait peu de front et beaucoup de profondeur; cela se fait afin de tromper l'ennemi, en lui cachant une

*) L'excellence de l'ordre, suivant la judicieuse addition d'Arrien, supplée non-seulement à la petitesse du nombre, mais encore à la disproportion des armes.

partie de ses forces par le peu d'étendue qu'on lui fait occuper de front, et afin de le rompre plus aisément au moyen de cette masse épaisse et pesante, que l'on fait tomber brusquement sur lui.

Il est très-essentiel d'observer que les commandements de l'exercice doivent toujours être conçus en peu de mots et exempts de toute équivoque. La prompte exécution de ce qu'on ordonne dépend essentiellement de la netteté et de la brièveté des expressions qui sont employées dans les commandements, et ce n'est que par là qu'on peut éviter qu'il ne se fasse à la fois dans une troupe des mouvements différents ou même totalement opposés.

On doit prévenir les suites funestes de l'oisiveté du soldat, et penser toujours à l'importante obligation des continuels exercices militaires et l'accoutumer à la nécessité d'une aveugle obéissance aux ordres des chefs.

Il faut observer de placer à la tête et à la queue les meilleurs combattants, et les autres dans le centre, afin que les moins courageux, se trouvant ainsi renfermés au milieu des plus braves, il ne leur fût pas libre de ne point combattre. Il ne faut pas permettre non plus que dans un avantage remporté, le soldat s'arrête à dépouiller les morts, mais qu'il continue, sans relâche, à presser l'ennemi partout où il résiste encore, et qu'il ne cherche à cueillir les fruits de la victoire qu'après l'avoir rendue complète.

Les armées grecques et romaines avaient un tact, dont malheureusement il ne nous reste que le nom: elles marchaient toujours en cadence au son des instruments et d'un pas égal, sans troubler leurs ordres, ni confondre leurs rangs; elles allaient avec joie affronter la mort.

Lycurgue regardait comme indigne d'une nation libre et généreuse telle que la grecque, de massacrer de sang-froid des gens épars, débandés, hors d'état de se rallier. Cette maxime n'était pas moins avantageuse qu'honorable aux Spartiates: ceux qui combattaient contre eux, assurés qu'en s'opiniâtrant à leur tenir tête ils avaient tout à redouter, et rien en fuyant, préféraient souvent le parti de la fuite à une défense trop obstinée.

Dans les beaux siècles de la Grèce, tout citoyen était soldat; quand il s'agissait du salut de la patrie, ou de la défense de son propre pays, personne n'était dispensé de prendre les armes: les plus vigoureux marchaient en campagne, les jeunes gens et les vieillards demeuraient pour la garde des remparts.

On a déjà senti la nécessité d'avoir des troupes légères, reconnu aussi que les pertes que l'ennemi fait essuyer en détail par leur moyen, se multipliant de jour en jour, ruinent enfin l'armée la plus leste et la mieux composée.

Une armée, semblable au corps humain, reçoit toute sa force de l'exacte proportion de ses membres et du secours mutuel qu'ils se prêtent. Iphicrate disait que les armées à la légère étaient comme des mains, la cavalerie—les pieds, les pesamments armées—le corps, et le général—la tête. Qu'une armée manque d'une des parties essentielles à sa forme, à sa constitution naturelle, à moins qu'on ne lui en oppose une autre avec le même défaut: on verra, malgré l'intelligence du plus grand général, les difficultés se multiplier à chaque instant, les projets les mieux concertés échouer, les plus simples opérations devenir souvent impraticables.

Quant à la cavalerie, on ose dire qu'il n'y a point de troupe qui puisse la remplacer parfaitement. Les Grecs s'en aperçurent bien, eux qui avaient cru suppléer à son défaut par des armées à la légère. Si, pour éviter la dépense qu'elle occasionne, ils entretinrent toujours beaucoup plus de cette infanterie, que de cavalerie, il n'est pas moins certain que la première n'a presque jamais déterminé le succès des grands événements, des batailles célèbres, des combats décisifs, et que l'autre en décida très-souvent.

L'ignorance, la décadence des armées, consistent à mettre tout ou en cavalerie ou en infanterie, ou à avoir de l'une et de l'autre sans proportion. Le rapport qu'il faut garder entre elles varie selon les tems, les lieux et les conjonctures; quoique, pour le déterminer, la constitution essentielle des deux armées soit le principe d'où l'on doit par-

tir, il n'est pas moins nécessaire d'avoir égard à la disposition du pays où l'on fait la guerre, au genre d'opérations qu'on se propose d'exécuter, à la nature des obstacles qu'on rencontrera, à la qualité des forces que l'ennemi peut opposer.

Ce n'est pas le nombre des hommes qui fait la force des armées: elle naît de la dispositon avantageuse que l'on donne à chaque troupe, et de la sage distribution de chaque arme. De là se forme l'ordonnance générale, qui procure d'autant plus de moyens de vaincre que les parties en sont mieux liées, plus solides, et que leurs divers mouvements, dirigés vers le même but, concourent avec plus de concert à l'action principale. Pour que cette action produise l'effet que l'on s'en propose, le plus promptement et à moins de frais possible, il est essentiel que ces différentes troupes dont une armée est composée, contribuent unanimement de toute leur puissance, et que loin de s'entrenuire, elles reçoivent de leur mutuel appui des nouveaux degrés de force.

Plus le front d'une troupe est étendu, plus il est à craindre qu'elle ne vienne à flotter, et que les inégalités du terrain ne la désunissent; mais en voulant parer à cet inconvénient, il faut craindre de tomber dans l'excès opposé. Comme une trop grande profondeur rend le front d'une troupe plus étroit, elle diminue de son impression sur l'ennemi, puisque moins d'hommes agissent à la fois contre lui.

L'ordre en phalange avait pour l'attaque et pour la défense une force à laquelle il était bien difficile de pouvoir résister, et qui surpasse certainement celle de toute autre ordonnance que ce puisse être: cet excès de force propre à la phalange, ne nuisait point à sa légèreté. Quelque énormes que de semblables masses paraissent, il n'est pas douteux que les Grecs étaient parvenus au point de leur imprimer presque autant de vitesse que de poids; et c'est ce qui doit nous faire admirer combien ils s'étaient perfectionnés dans la science des armes. Quand il s'agissait d'attaquer l'enenmi, les rangs et les files se serraient de manière que chaque soldat n'occupait que trois pieds de terrain; les piques des cinq ou six premiers rangs hérissaient le front de la phalange; celles des autres rangs, la pointe haute et à demi penchées en avant, servaient à rompre la force des traits. La phalange ainsi disposée, s'avançait en silence d'un pas lent, égal et mesuré, jusqu'à cinquante pas de l'ennemi; alors les soldats, s'animant les uns les autres par des cris extraordinaires et excités par le bruit des instruments militaires, commençaient à courir de toutes leurs forces, quoique toujours en cadence, et arrivaient sur l'ennemi avec une rapidité d'autant plus étonnante que les parties de cette masse, n'en demeurant pas moins unies et serrées qu'auparavant, la vitesse acquise par la course servait à rendre la violence du choc plus impétueuse et plus terrible.

L'art de faire mouvoir et marcher avec tant de justesse et d'égalité des corps si nombreux et si épais, si nécessaire à la tactique des anciens, était peut-être aussi ce qu'elle avait de plus sublime, sans quoi ces files, si profondes, se seraient ouvertes; il s'y fût fait des jours dangereux, et les premiers rangs, destitués de l'impulsion des derniers, se

seraient brisés contre la plus faible résistance. Les Lacédémoniens le connurent les premiers et lui durent une partie de leurs victoires: de chez eux il passa dans le reste de la Grèce, et lorsqu'ils le négligèrent, ils en furent aussitôt punis par plus d'une défaite.

Ce qui a rendu les Romains victorieux, c'est la pratique continuelle des exercices militaires, c'est l'excellence de leur discipline: ces deux points essentiels sont la base de tout système de guerre. Dans quelque arrangement qu'on suppose de pareilles troupes, elles l'emporteront toujours, tôt ou tard, sur celles qui leur seront inférieures à cet égard, quelle que soit leur ordonnance. Voilà ce qu'on ne saurait trop imiter dans les Romains: c'est l'esprit de la légion que nous devons faire revivre parmi nous, et dont il nous est mille fois plus utile de nous pénétrer, que d'emprunter la disposition de ses différents corps.

Il est incontestable que plus tôt on joint l'ennemi, plus on diminue l'effet de son feu; que pour le choquer avec avantage, il faut pouvoir tomber sur lui avec un excès de poids et de vitesse; que dans l'attaque, comme dans la défense, il est utile d'avoir quelques armes de longueur, ou pour mieux enfoncer l'ennemi, ou pour le tenir plus éloigné de soi; il sera préférable à tout autre manière de combattre, de le faire sur une ordonnance épaisse et très-serrée et de donner aux soldats, afin d'augmenter le poids et la résistance d'une troupe, des armes défensives, et de mêler parmi les offensives un certain nombre d'armes de longueur.

Nuls autres n'étaient capables comme les Grecs, de faire en présence de l'ennemi, sans confusion et sans embarras, de ces grands mouvements qui changent entièrement la première disposition d'une armée.

Il fallait nécessairement, que dans la tactique des anciens, ils eussent dans leurs pas militaires des pas en arrière, de même que des pas en avant.

On doit savoir se réduire aux manoeuvres les plus faciles et les plus simples: en effet, plus le danger est pressant, plus les situations sont critiques, et moins l'on doit employer des mouvements trop composés.

Les grandes fautes contre le service ou la discipline ne doivent guère éprouver moins de rigidité: on doit avoir pour principe qu'un soldat qui ne craint pas son officier plus que l'ennemi, ne peut être redoutable à celui-ci, ni utile à sa patrie.

Cette austère discipline doit s'étendre sur toutes les actions du soldat: les plus essentielles, ainsi que toutes ses occupations, doivent être soumises à un ordre invariable.

Après un combat, on ne devrait jamais manquer de faire une exacte recherche des actions dignes de blâme ou de récompense: on devrait donner aussitôt à celles-ci de justes éloges, et prononcer des peines contre les autres.

1) Dans la guerre l'alternative est telle, que ce qui vous est avantageux nuit à votre ennemi, et ce qui vous nuit, tourne à son avantage.

2) Il ne suffit pas à la guerre d'avoir de grandes idées; il faut embrasser tous les moyens nécessaires pour leur exécution.

3) On fait périr bien du monde inutilement par le défaut d'art, et tant qu'on fera la guerre sans l'avoir appris par théorie, on sera toujours en risque de tout perdre, et l'on

ne tirera sa sûreté que de l'ignorance pareille qu'aurait l'ennemi.

4) On est quelquefois battu sans en connaître la cause, parce qu'il n'y a aucune étude ni aucun principe d'établi.

5) Quand même ce que l'on enseigne aujourd'hui dans les exercices se ferait avec règles, on n'en serait, pour ainsi dire, qu'à l'alphabet; il y a bien loin de là à la capacité requise pour former de bons ordres de bataille dans toutes les situations possibles: connaissance absolument nécessaire à toutes les troupes, sans quoi ce n'est que confusion.

6) Quand une armée s'aperçoit de la faute des chefs, elle n'a plus de confiance en eux.

7) La différence des armes dont on a fait usage dans différents tems et chez les diverses nations, n'a jamais pu rien changer aux principes des ordres de bataille.

8) Si la science de la guerre de campagne était perfectionnée comme l'art de fortifier les places, de les attaquer et de les défendre, on ne donnerait pas tant de combats mal à propos, l'on éviterait de faire tuer bien des hommes inutilement et on perdrait bien moins de monde de part et d'autre dans les armées.

9) La véritable science de la guerre ne pourra s'acquérir par la pratique dans les armées, que quand cette pratique y sera établie en conséquence d'une théorie, fondée sur des principes certains.

10) Quand il ne resterait aucune personne de toutes celles qui ont attaqué ou défendu des places, par la seule théorie, on pourra s'y prendre bien pour les attaquer et les défendre; que si l'on manquait en quelque chose, on le redresserait aisément dans la pratique.

11) Dans l'étude de la fortification des places, on apprend d'abord les règles pour la fortification régulière, ensuite on applique ces règles suivant les irrégularités du terrain; il en est de même pour les ordres de bataille.

12) Il ne faut pas dans l'action exiger des troupes ce à quoi elles n'auraient pas été exercées d'avance.

13) Il n'est rien que ne doivent appréhender des généraux qui commandent des armées, quand ils n'ont pas une attention continuelle à instruire leurs troupes et à maintenir un bon ordre; car dès qu'il manque, on n'en est plus le maître.

14) César et tous les grands capitaines instruisaient leurs officiers inférieurs, et dressaient leurs troupes à tout ce qu'ils voulaient leur demander dans l'occasion; peu de généraux suivent leurs exemples, et cela durera autant qu'on fera la guerre sans art et sans une étude de la théorie.

15) La bonté d'un projet de campagne, ou seulement d'un mouvement ou transposition d'une armée, d'un canton à un autre, dépend de la science du général; la connaissance nécessaire pour cela est combinée de bien d'autres connaissances, qui doivent toujours être présentes à l'esprit; une telle opération le regarde seul: au lieu que dans les combats, les succès heureux ou malheureux sont partagés entre lui et toute l'armée.

16) Tous les projets que l'on forme ne peuvent avoir aucune sûreté, que l'on n'ait bien repassé dans son imagination et prévu tout ce que l'ennemi peut faire pour les rompre.

17) Dans les armées un peu considérables, le général ne peut pas tout conduire par lui-même, surtout un jour d'action; il faut donc qu'où il n'est pas, chaque officier inférieur fasse sa charge.

18) Il ne suffit pas d'avoir dans une armée une partie des officiers généraux qui soient capables et appliqués; il faut qu'ils le soient tous.

19) Il ne suffit pas même que le général et les officiers généraux sachent ce qu'il faut faire pour se mettre en bataille de telle ou telle façon; il faut encore que tous les brigadiers, colonels, commandants de bataillons et escadrons le sachent, et que les troupes, par un grand usage, ayent été rompues à tous ces différents mouvements.

20) L'habileté du général consiste dans le plan de tout ce qu'il lui est possible d'entreprendre, et à ne combattre que quand cela est absolument nécessaire à la réussite de ses opérations et qu'il peut l'entreprendre avec avantage.

21) Le chef-d'oeuvre d'un grand général est quand de sa tête seule il opère, et que son armée, ne faisant qu'appuyer ses entreprises, il ne laisse rien au hasard.

22) Si le fond d'un projet d'attaque ne vaut rien, les tentatives que l'on fait pour sa réussité ne le répareront pas.

23) Quand un général peut voir d'avance les lieux où il doit combattre, il ne doit pas manquer de le faire.

24) Il faudrait à la guerre que tout le monde comprît et entendît une même chose d'une même façon; cela ne peut être, que l'on n'ait constaté la valeur de tous les termes qui sont en usage pour tout ce qui est du service.

25) De toutes les figures que l'on peut faire prendre à une troupe à pied ou à cheval, à des détachements, ou à des armées entières, il n'y en a aucune qui n'ait un côté plus faible que l'autre. Le rond seul a toutes les parties également fortes; mais il ne convient que dans une défensive très-forcée, et à des petits corps de troupes.

26) Pour combattre, on présente toujours la partie la plus forte, qui est le front, et c'est même la seule partie qui est forte.

27) Ce que l'on doit appeler ordre de bataille d'une armée, c'est une disposition et un arrangement de bataillons et d'escadrons fait par rapport à la situation de tel terrain où l'on doit combattre et à tel ordre de bataille, que l'armée qui lui est opposée a pris ou peut prendre; l'armée est bien en bataille, quand elle est dans l'ordre le plus avantageux pour combattre son ennemi.

28) On nomme également ordre de bataille un premier arrangement, qui se fait en conséquence du rang que les troupes ont entre elles et de celui qu'ont les officiers généraux, qui se trouvent par là particulièrement attachés à telles divisions, lorsque le terrain ou l'ordre que prend l'ennemi ne s'y oppose point.

29) Il faut mettre dans les ordres une simplicité et une précision qui puissent ne laisser aucun doute, et que le détail que l'on fait de bouche ou par écrit, soit à la portée de tous ceux, qui sont chargés de l'exécution des ordres.

30) La supériorité d'un quart de troupes entre de petites armées de quinze ou vingt mille hommes, est plus avantageuse qu'entre celles qui sont de trente à quarante mille, et ainsi à proportion qu'elles seraient nombreuses.

31) On ne doit pas faire le dénombrement d'une armée par le nombre des bataillons ou escadrons; il doit plutôt se faire par milliers d'hommes de pied ou de cheval, comme on en use dans tous les traités.

32) Il faut chercher à se rendre supérieur en tout aux ennemis que l'on peut avoir, et ne négliger rien, s'informant chez les nations étrangères de toutes leurs pratiques, pour prendre d'elles ce qui aura été reconnu meilleur que ce qu'on pratique chez soi.

33) Il y a différentes façons de forcer son ennemi, l'une à force ouverte, et l'autre en lui ôtant ses subsistances par divers moyens.

34) Il n'y a rien de petit dans la guerre: des choses que des gens qui ne savent pas la guerre croiraient des minuties, sont de la plus grande importance.

35) Il faut bien se garder de faire son unique objet du maniement des armes du soldat, et ne faire que cela; il y a bien d'autres choses à lui apprendre.

36) Il faut que chaque chose ordonnée ait été mesurée et combinée, et que l'usage en soit scrupuleusement uniforme dans toutes les troupes.

37) L'arme, jusqu'à présent, reconnue la plus avantageuse pour le soldat, c'est le fusil avec la baïonnette; mais il ne faut pas croire que l'on soit arrivé au point de perfection sur la façon de l'arme du soldat.

38) On doit réfléchir sur toutes les situations où l'on peut se trouver pour combattre et les faire exécuter dans les exercices.

39) On ne saurait trop marquer la précision qu'il est nécessaire de connaître pour tous les mouvements des troupes; il faut qu'elle puisse être démontrée aux officiers sur le papier avec la règle et le compas, et qu'on puisse en faire sentir l'exécution sur le terrain à chaque bataillon ou escadron: pour cela il est indispensablement nécessaire de se servir pour l'école des troupes, d'alignements tracés sur le terrain et de cordeaux, jusqu'à ce qu'elles y soient formées.

40) Tant que la situation des lieux peut permettre d'en venir aux mains, il faut la préférer.

41) Celui dont les troupes sont le mieux exercées et qui sait approcher son ennemi avec une armée dont toutes les parties sont disposées à pouvoir promptement prendre tel ordre de bataille que le terrain et la disposition de l'ennemi exigent, doit nécessairement réussir dans les entreprises.

42) Quand une armée est poursuivie par une autre qui lui est très-supérieure et qu'elle est résolue de ne pas combattre et de se retirer, elle doit prendre le chemin qui l'éloigne le plus de son ennemi.

43) Il faut quelquefois qu'un général, quoique beaucoup plus faible que son ennemi, hasarde de l'attaquer, fût-il même retranché; dès lors que se livrant à un tel danger, il évite par là un plus grand mal, comme dans le cas de la jonction d'un autre corps avec celui de son ennemi.

44) Pour empêcher un ennemi supérieur de pouvoir assiéger une place, si l'on a une bonne armée, et que l'on prenne garde comme l'on campe aussi bien qu'aux mouvements de l'ennemi, le parti le plus assuré est de se tenir toujours environ à deux lieues, ou aussi de la côtoyer, si l'on a une bonne rivière entre deux; c'est le chef-d'oeuvre de la guerre. Mais il faut être tel que m-r de Turenne, rempli d'autant de connaissances que lui, pour se le proposer et l'exécuter comme il l'a fait.

45) Il ne faut jamais différer de se mettre, quand on le peut, dans la disposition que l'on veut prendre, si l'ennemi marchait pour attaquer.

46) Le trop de confiance est la cause d'un grand nombre d'accidents, qu'on ne peut éviter que par des mesures prises avec connaissance; mais quand on les pousse trop loin et sans discernement, on ruine son armée par des fatigues outrées.

47) Question résolue, en démontrant qu'il vaut mieux attaquer en ligne pleine, lorsqu'il est possible, et qu'il vaut mieux former une seule ligne pleine, que deux lignes de même étendue, tant pleines que vides.

48) Celui qui connaît sa cavalerie meilleure que celle de son ennemi, n'a pas besoin de mêler de l'infanterie dans

ses ailes; au contraire, celui qui croit celle de son ennemi supérieure doit y en mettre.

49) Quand on juge à propos de mettre de l'infanterie dans les ailes, il faut des corps assez nombreux pour être en état de faire un feu considérable et de se défendre s'ils étaient abandonnés de leur cavalerie.

50) Si la cavalerie ennemie était si supérieure, qu'on voulût aussi fortifier les secondes lignes des ailes, il faudrait aussi tirer des bataillons de la seconde ligne d'infanterie.

51) On doit regarder une seconde ligne comme une réserve.

52) Si l'ennemi si supérieur en cavalerie, voulait tourner votre aile et attaquer en même tems la première et la seconde ligne, plutôt que de sortir la seconde ligne de cavalerie de l'appui qu'elle a de l'infanterie de sa ligne et des bataillons qui l'ont renforcée, il vaudrait mieux se laisser tourner et fermer les deux extrémités des lignes en circulant, appuyées par un bataillon.

53) Le faible ne soutient pas le fort. De bonnes troupes en première ligne ne sont pas soutenues par des troupes de moins bonne trempe en seconde ligne.

54) Il vaut mieux faire de la droite la gauche, pour se mettre promptement en bataille, lorsqu'on peut par là arriver plus tôt sur l'ennemi.

55) S'il est dangereux à une troupe qui marche en avant en bataille de laisser (lorsqu'elle est prête à charger) un vide dans quelques parties de son front, il en est de même dans toute l'étendue d'une ligne de plusieurs bataillons ou escadrons, surtout si l'ennemi est en ligne pleine; l'ordre de bataille en ligne pleine est le plus fort.

56) Des deux lignes ou des deux armées en lignes, qui marchent pour se charger, si l'une peut faire quelques mou-

vement avantageux auquel l'autre ne s'attende pas, celle-ci ne sait plus comment s'y prendre pour changer sur le champ son ordre de bataille et en prendre un autre pour pouvoir résister à l'attaque qu'on lui fait, et elle est battue.

57) Quand une ligne pleine attaque une ligne tant pleine que vide, les compagnies, escouades ou brigades qui se trouvent contre le flanc de l'ennemi doivent l'attaquer; et le reste de ce qui se trouve devant l'intervalle doit y avancer de front et sans se rompre, ni le dépasser; et le fort de l'action passé, les compagnies, escouades ou brigades qui ont chargé en flanc, doivent se rejoindre à la partie du front du bataillon ou escadron, qui n'a pas combattu. Ceci doit être appris dans les exercices, et les troupes doivent être habituées à l'exécuter lorsqu'elles le doivent, sans attendre que cela leur soit commandé.

58) Si la ligne pleine, laquelle n'a nulle partie faible, est battue par une ligne tant pleine, que vide, dont chaque troupe a les flancs découverts, elle l'eût été bien plus tôt, si elle eut été tant pleine que vide, et la ressource dans une seconde ligne serait bien faible, dès que les deux lignes n'en formant qu'une, n'auraient pu résister à une seule tant pleine que vide; quand même la ligne de l'ennemi serait formée avec des distances entre les bataillons et escadrons de la moitié seulement ou du tiers du front de chaque troupe, il serait encore avantageux de former contre elle la ligne pleine pour l'attaquer ou en soutenir le choc.

59) Si l'ennemi se mettait en bataille, l'infanterie sur deux lignes chacune de trois rangs, les bataillons sans distances, la cavalerie avec des distances d'un demi-escadron, il faudrait encore l'attaquer en ligne pleine, et l'infanterie sur six et sans seconde ligne; l'on aurait alors à la fois le

double des combattants en infanterie et un tiers plus en cavalerie.

60) Celui qui veut mettre de l'infanterie dans ses ailes, ne peut le faire qu'en affaiblissant le corps d'infanterie; et il faut que la diminution qui se fait au corps de l'infanterie soit moins nuisible par comparaison, que l'avantage qu'on manquerait de se procurer en n'en fortifiant pas la cavalerie: il faut donc tirer cette infanterie d'une seconde ligne ou réserve.

61) Quand deux armées seraient égales en nombre et en qualité, tant en infanterie qu'en cavalerie, il est encore avantageux de fortifier les ailes avec de l'infanterie tirée de la seconde ligne, puisque par là on fait combattre un plus grand nombre d'hommes à la fois, et que si l'on veut marcher en avant, ces bataillons là n'y nuisent pas.

62) Les corps d'infanterie placés dans les ailes, doivent être espacés l'un de l'autre de la portée ordinaire d'un fusil et former en avant de la cavalerie comme des redans qui flanquent tout le front de huit en huit escadrons; ils doivent ne paraître que lorsque l'attaque est déterminée.

63) Si l'ennemi met également de l'infanterie dans ses ailes, il faut alors y mettre le double de bataillons dans chaque endroit; si l'ennemi alors en mettait autant, le combat deviendrait plus d'infanterie que de cavalerie.

64) La ligne qui a des intervalles entre les bataillons et escadrons, a le même défaut qu'auraient des bataillons ou escadrons qui laisseraient un vide dans l'étendue de leur front.

65) Quand on marche pour charger l'ennemi, si l'on peut ne point laisser d'intervalles entre les troupes, c'est le mieux.

66) Lorsque l'on se trouve contraint à donner des intervalles entre les bataillons et escadrons, et que l'ennemi

n'en donne pas, on doit être persuadé que ce n'est alors que le plus d'art et de courage pour combattre, qui puisse donner la victoire, l'ordre de l'ennemi étant le plus fort.

67) Toutes les fois que l'on pourra porter sur une partie de l'ordre de l'ennemi un plus grand corps que celui qui y sera pour résister, de façon que l'ennemi soit obligé de faire venir des troupes des parties éloignées pour s'y opposer, l'ennemi doit être battu, surtout en plaine, parce-qu'un moment y décide d'une action.

68) De toutes les parties de la guerre, la plus savante et la première est celle de savoir faire un bon projet de campagne; la seconde de le savoir bien exécuter. On ne peut acquérir une supériorité dans cette partie, qu'on ne possède toutes les autres.

69) La base et le fondement de tous les corps de l'art de la guerre, est: 1-o, de savoir former de bons ordres de bataille; 2-o, de faire mouvoir et agir les troupes dans les règles les plus parfaites. L'une et l'autre partie tirent leurs principes de la géométrie. Toute l'école des troupes doit être concertée en conséquence de ces principes, et il faut que tous les officiers les connaissent également, et les fassent exécuter uniformément aux troupes qu'ils ont à commander et à conduire.

70) Une armée rangée en ordre de bataille, est une fortification mouvante, dont il faut que toutes les parties se flanquent, se soutiennent et communiquent aisément; que la cavalerie soit placée dans des lieux où elle puisse agir de sorte que l'irrégularité du terrain ne la prive pas de ses avantages.

71) Deux armées en ordre de bataille sont des forces mouvantes qui vont agir l'une contre l'autre, pour se pousser et se renverser.

72) Tout corps de troupes, grand ou petit, quand il marche, décrit des lignes droites ou circulaires; deux armées par conséquent qui marchent l'une contre l'autre décrivant des lignes, on peut leur donner des règles pour le faire avec précision.

73) C'est un faux principe que de croire qu'il ne faut jamais faire de mouvement devant son ennemi; par le mot devant, il faut entendre l'éloignement nécessaire pour n'être point attaqué. Or, il y a tel mouvement à telle distance, qui peut se faire, tandis que tel autre ne peut se faire avec sûreté.

— —

ОБЪ ОДЕЖДѢ И ВООРУЖЕНІИ ВОЙСКЪ.

Намъ неизвѣстно навѣрное, принадлежитъ ли эта записка графу С. Р. Воронцову: она сохранилась въ старинномъ спискѣ. Судя по содержанію и слогу, можно думать, что она имъ писана. П. Б.

Объ одеждѣ и вооруженіи войскъ.

Въ прежнія времена въ Европѣ, когда всякъ, кто могъ, долженъ былъ ходить на войну и по образу тогдашняго бою сражаться бѣлымъ оружіемъ, каждый по мѣрѣ достатка своего и тяготилъ себя желѣзными бронями. Защиты таковыя простирались даже и до лошадей. Потомъ, предпринимая дальные походы или строясь въ эскадроны, начали себя облегчать: полныя латы премѣнились на половинныя, а наконецъ и онѣ уменьшились такъ, что въ конницѣ остались отъ сего готическаго снаряда только передняя часть и каскетъ на шляпѣ, а въ пѣхотѣ знакъ, и то только у офицеровъ.

Когда болѣе сражались по одиночкѣ, то защиты таковыя немало обороняли, особливо же отъ копій, почему не напрасное имѣли къ нимъ уваженіе, которое превратилось въ нѣкоторое военное педантство, поставило цѣну и аммуниціи, вовсе не обороняющей. А какъ все казалось легко въ разсужденіи *) желѣзнаго снаряда, то при перемѣнѣ аммуниціи ввели множество вещей излишнихъ и нескладныхъ.

Въ Россію же, когда вводилось регулярство, вошли офицеры иностранные съ педантствомъ тогдашняго времени; а наши, не зная прямой цѣны вещамъ военнаго снаряда, почли все священнымъ, и какъ будто таинственнымъ имъ

*) Т. е. въ сравненіи.

казалось, что регулярство состоитъ въ косахъ, шляпахъ, клапанахъ, обшлагахъ, въ ружейныхъ пріемахъ и проч.

Занимая же себя таковою дрянью, и до сего еще времени не знаютъ хорошо самыхъ важныхъ вещей, какъ-то: марширования, разныхъ построеній и оборотовъ; а что касается до исправности ружья, тутъ полированіе и лощеніе предпочтено добротѣ, а стрѣлять почти не умѣютъ. Словомъ, одежда войскъ нашихъ и аммуниція такова, что придумать почти нельзя лучше къ угнетенію солдата, тѣмъ паче, что онъ, взятъ будучи изъ крестьянъ, въ тридцать лѣтъ уже почти узнаётъ узкіе сапоги, множество подвязокъ, тѣсное нижнее платье и пропасть вещей, вѣкъ сокращающихъ.

Красота одежды военной состоитъ въ равенствѣ и въ соотвѣтствіи вещей съ ихъ употребленіемъ; иначе, чтобы была солдату одеждою, а не въ тяжесть. Всякое щегольство должно уничтожить; ибо оно плодъ роскоши, требуетъ много времени, иждивенія и слугъ, чего у солдата быть не можетъ. На семъ основаніи предложу по порядку о вещахъ составляющихъ аммуницію.

Шляпа—уборъ негодный; она головы не прикрываетъ и, торча концами во всѣ стороны, озабочиваетъ навсегда солдата опасностью, чтобы ея не измять, особливо мѣшаетъ положить голову, будучи треугольникомъ; препятствуетъ ей поварачиваться, да и не закрываетъ также отъ мороза ушей.

Кафтанъ и камзолъ съ рукавами, какъ сихъ вещей вдругъ не носятъ, то которая нибудь и есть излишняя; покрой кафтана подаетъ много поводу дѣлать его разнообразнымъ, слѣдовательно уравненія быть не можетъ.

Штаны въ конницѣ лосинные, которымъ срокъ положенъ весьма дологъ, такъ что, сберегая ихъ, солдатъ долженъ на свои деньги дѣлать другую пару суконныхъ: убы-

токъ несносный, коего требовать отъ него несправедливо; притомъ много заботятся чищеньемъ и трудностью надѣванія; зимою отъ нихъ холодно, а лѣтомъ жарко; подъ ними же нельзя имѣть полотняной одежды. Нынѣ лосинная одежда не нужна; въ старину ее носили для того, что употребляли желѣзныя латы, а какъ лосина больше могла сносить, нежели сукно, потому и предпочитались.

Сапоги дѣлаютъ такъ узки, что и надѣвать трудно и скидывать еще труднѣе, особливо когда намокнутъ; притомъ сколько подвязокъ, чтобъ они гладки были и сколько лакированія, чтобы лоснились!

Для пѣхотнаго шпага лишняя тягость, оружіе неупотребительное, о которомъ главное стараніе у всѣхъ какъ бы ловчѣе надѣть, чтобы маршировать свободнѣе, также и ворочаться. Многія арміи шпагъ въ пѣхотѣ не употребляютъ, а носятъ штыки.

Сѣдло Венгерское лучше всѣхъ сѣделъ; доказательствомъ тому, что всѣ націи, ѣздящія верхомъ, такія употребляютъ: Венгеры, Татары, Черкасы, казаки и Поляки. Они легки, лошадей вовсе не саднятъ, дѣлать ихъ въ полкахъ можно, и дешевле старыхъ.

О уборѣ волосъ. Завивать, пудриться, плесть косы, солдатское ли сіе дѣло? У нихъ камердинеровъ нѣтъ, на что же пукли? Всякъ долженъ согласиться, что полезнѣе голову мыть и чесать, нежели отягощать пудрою, саломъ, мукою, шпильками, косами. Туалетъ солдатскій долженъ быть таковъ, что всталъ, то готовъ; если-бъ можно было счесть, сколько выдано въ полкахъ за щегольство палокъ и сколько храбрыхъ душъ пошло отъ сего на тотъ свѣтъ! И простительно ли, что стражъ цѣлости отечества удрученъ прихотьми, происходящими отъ вертопраховъ, а часто и отъ безразсудныхъ! Употребленіе же солдатами пуколь и косъ сопряжено съ слѣдующими невыгодами.

Уноситъ у нихъ по напрасну много времени и изнуряетъ ихъ; ибо когда бываетъ отрядъ на караулѣ, то обыкновенно шесть, а когда эскадрону или цѣлому полку назначитъ строй, то до 12-ти часовъ употребить имъ непремѣнно должно для убиранія себѣ взаимно волосъ и препроводить цѣлую ночь въ семъ безпокойствіи безъ сна, отчего неминуемо должно послѣдовать неизбѣжное упущеніе въ другихъ нужныхъ исправленіяхъ; ибо, препроводивши такимъ образомъ ночь въ семъ изнуреніи, не имѣютъ они ни времени, ни силы исправить другихъ своихъ дѣлъ, какъ напримѣръ: вычистить и накормить своихъ лошадей и проч.; или ежели въ семъ упущенія не сдѣлаютъ, то, не будучи подкрѣплены сномъ, бываютъ слабы, нерасторопны и мало способны къ такимъ дѣйствіямъ, гдѣ потребны бодрость, живость и сила.

Требуетъ разорительнаго для бѣдныхъ солдатъ иждивенія, которые, нуждаясь и такъ во многомъ по малости своего жалованья, должны еще изъ того употребить на пудру, помаду и косныя ленты въ годъ каждый по меньшей мѣрѣ по 1-му р. по 5 коп.

Суконные лосинныхъ штановъ выгоднѣе тѣмъ:

Что суконные полагаются только на одинъ, а лосинные на четыре года, почему нижніе чины принуждены бываютъ замѣнять оные суконными, покупая ихъ на счетъ своего жалованья, что̀ составитъ въ годъ каждому не дешевле 60 коп.

Во время осеннихъ и дождливыхъ погодъ лосинные причиняютъ великое безпокойство, а паче вновь приверстаннымъ; зимою же они ни мало не грѣютъ.

Лосинные суконныхъ убыточнѣе для солдатъ, поелику не только потребно ихъ часто вохрить (на что въ годъ изойдетъ по меньшей мѣрѣ 20 коп.), но надлежитъ еще имѣть къ нимъ пары три штибель-манжетъ, что̀ будетъ стоить

въ годъ по крайней мѣрѣ 30 коп.; суконные же по новому образцу ничего того не требуютъ.

Просторные сапоги предъ узкими и онучи или портянки передъ чулками имѣютъ ту выгоду:

Что въ случаѣ, когда ноги намокнутъ или спотѣютъ, можно при первомъ удобномъ времени тотъ-часъ ихъ скинуть, вытереть портянкою ноги и обвертѣть ихъ опять сухимъ уже оной концемъ, въ скорости обуться, и предохранить тѣмъ ихъ отъ сырости и озно́бы; въ узкихъ же сапогахъ и чулкахъ того учинить никакъ не можно, которыхъ ни удобно скинуть, ни свободно опять надѣть нельзя, да и чулки не всегда бываетъ возможность перемѣнить, или высушить, чрезъ что бѣдные солдаты, имѣя безпрестанно ноги мокрыя, подвергаютъ себя нерѣдко простудѣ и другимъ болѣзнямъ.

Что не имѣя нужды такъ, какъ при узкихъ сапогахъ, подвязывать крѣпко своихъ ногъ, солдаты могутъ и свободнѣе ходить и болѣе перенести путеваго труда, и обращеніе крови не останавливается.

Ежели всѣ сіи столь очевидныя въ теперешнихъ мундирныхъ и другихъ вещахъ неудобства исправить, то солдатъ, сверхъ другихъ многихъ выгодъ, будетъ имѣть еще отъ своего жалованья въ остаткѣ противъ теперешнихъ издержекъ до 2-хъ р.

Каска же, сверхъ выгоды и способности въ употребленіи своемъ, имѣетъ предъ шляпою и ту предпочтительность, что и видъ даетъ пригожій солдату и есть нарядъ военный характеристическій.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

А

О моровой язвѣ въ Москвѣ.

(1771).

I.

Два письма графа А. Р. Воронцова къ графу Г. Г. Орлову.

1.

Милостивой государь графъ Григорій Григорьевичъ!

Увѣдомясь недавно о счастливомъ вашего сіятельства прибытіи въ Москву, имѣю честь васъ нижайше съ тѣмъ поздравить, и сія ваша мужеская резолюція нимало меня не удивила, будучи свойственна съ твердостью вашего духа и съ испытаннымъ уже вашимъ усердіемъ къ Отечеству, и я заранѣе увѣренъ, сколь оно будетъ полезно для бѣдныхъ Московскихъ жителей.

По преданности моей къ вамъ, я бы тотчасъ туда жъ поѣхалъ, чтобы имѣть удовольствіе ваше сіятельство увидѣть и за счастіе бъ почелъ хотя бы въ маломъ чемъ раздѣлить труды ваши; но, во первыхъ, не знаю, угодно ль оно вамъ будетъ, а потомъ и долго ль изволите пробыть въ Москвѣ, что̀ и удержало меня исполнить то, что̀ усердіе и преданность моя къ вамъ мнѣ предписывали.

Московская болѣзнь, какъ вашему сіятельству небезъизвѣстно, и по многимъ уѣздамъ развезлась, что̀ и неудивительно, когда сообразить, во первыхъ, невѣжество и без-

печность черни нашей, а при томъ и жадность ихъ на пожитки по умершихъ. А съ другой стороны изъ Москвы прежде народу много разбрелось и нездороваго; въ уѣздныхъ же городахъ не только простой народъ, но и получше ихъ понятія не имѣли о сей заразительной болѣзни, почему и судить можно, какія и принимались мѣры для отвращенія оной. Здѣсь, около вотчины, куда я прибѣжище имѣлъ, Богъ хранитъ; да и у себя, поколику малыя мои знанія допустить могли, старался я и мужикамъ растолковывать, что надо, для отвращенія оной. Но верстъ въ 20-ти отъ насъ, во многихъ жилахъ *) сія заразительная болѣзнь нынѣ оказалась, особливо въ экономическихъ деревняхъ и разнопомѣстныхъ. Въ сихъ первыхъ никакого хозяйства нѣтъ, и я не знаю, что господа казначеи дѣлаютъ; а вы сами, милостивой государь, легко себѣ представить можете, что, каково бъ стараніе ни было со стороны правительства для искорененія и отвращенія сего зла, успѣхи не могутъ соотвѣтствовать симъ добрымъ и попечительнымъ намѣреніемъ, когда со стороны сельскихъ жителей и ихъ начальниковъ равныя же мѣры приматься не станутъ. А сколько извѣстно, въ уѣздахъ подальше Володимірскаго меньше еще здѣшняго о томъ помышляютъ. А и по Касимовской дорогѣ оная болѣзнь оказалась. Правда, отъ Володимірской канцеляріи по сему случаю нерѣдкія бываютъ подтвержденія о нужной предосторожности; но какъ я и прежде доносилъ, пока сами жители прямо о томъ старательства имѣть не будутъ, то и успѣхи несовершенно будутъ соотвѣтствовать желаніямъ правительства и попечительству его о искорененіи сей бѣдственной болѣзни.

Народъ здѣшній въ превеликомъ уныніи, во первыхъ, опасностію смерти неразсудительною (ибо по большей ча-

*) Т. е. поселеніяхъ. П. Б.

сти безъ всякой надобной къ отвращенію оной осторожности) а съ другой стороны и отъ того, что всякаго промыслу лишены и плодовъ своихъ продать не могутъ: ибо само собою сообщеніе съ жила въ жило въ здѣшней мѣстности пресѣклось; а оно для народа тѣмъ чувствительнѣе, что пришло въ самое то время, когда рекрутской наборъ и сборъ подушныхъ приближается.

Простите мнѣ, милостивой государь, что такъ откровенно къ вамъ пишу; но я вѣдаю, что ваше сіятельство сами правду любите, да и она въ нынѣшнемъ вѣку кажется не очень обыкновенна и тягостна никогда быть не можетъ людямъ вашего духа и добродѣтели. Я, почитая и любя васъ, не полагаю никакой разности въ мысляхъ ли думать, или къ вашему сіятельству то писать.

Впрочемъ имѣю честь и проч.

Изъ села Андреевскаго, Володимірскаго уѣзду, 130 верстъ отъ Москвы, 8 Октября 1771 года *).

2.

Милостивой государь графъ Григорій Григорьевичъ.

Получа недавно письмо отъ дяди, графа Ивана Ларіоновича, въ коемъ меня увѣдомляетъ онъ, что ваше сіятельство у него о мнѣ милостиво спрашивать изволили, не хотѣлъ оставить я, чтобъ вамъ благодарности моей не засвидѣтельствовать. Напоминаніе ваше, будучи для меня неинако, какъ весьма ласкательно, и почитая оное опытомъ милости и дружбы вашей, не менѣе обрадовало меня

*) Графъ А. Р. Воронцовъ находился тогда въ отставкѣ послѣ своего посольства въ Голландіи.

и то, что вы, при всѣхъ вашихъ трудахъ, въ желаемомъ здравіи находитесь. Дай Боже, чтобъ и впредъ сохранены были, и нижайше прошу вашего сіятельства поберечь себя въ тѣхъ опасностяхъ, въ коихъ себя подвергаете ежедневно.

Увѣдомился я, что посланъ къ вашему сіятельству знакомецъ и пріятель мой докторъ Галеди, котораго, какъ честность, такъ и знанія въ его наукѣ мнѣ довольно извѣстны. Осмѣливаюсь его въ милость вашу рекомендовать, и я почту все то, что̀ для него сдѣлать изволите, какъ бы собственно мнѣ то учинили.

У насъ здѣсь мѣстами Московская болѣзнь оказывается, только Богъ хранитъ по сю пору вотчину, гдѣ я живу; также и въ городахъ въ недальности здѣшняго мѣста, тою же болѣзней нѣсколько людей померло, и сколь здѣсь извѣстно, то не всегда платье и вещи по умершихъ сожигаются; а иногда родня усопшихъ, метаясь на сіи вещи отъ незнанія, что въ томъ есть опасность, также заражается. А поколику я понятіе имѣю объ оной болѣзни, думаю, отъ вещей больше еще зараза умножается, нежели отъ самыхъ больныхъ. Да и въ Москвѣ, чаятельно, что еслибъ при началѣ оной болѣзни сожженіе вещей лучше соблюдалось, никогда бъ до такой степени она доведена не была. И о семъ откровенно изъясняясь съ вашимъ сіятельствомъ, осмѣливаюсь представить, не соизволите ль изъ коммиссіи приказать подтвердить во всѣ города близъ Москвы, чтобъ конечно по умершихъ, какъ платье ихъ, такъ и все то, до чего по вѣроятности дотрогиваться они могли, сожжено было. Потомъ, если вы позволите вамъ мысль мою открыть, не худо бъ и построже предписать; ибо не въ учрежденіяхъ и при началѣ сей лютой болѣзни недостатки были, но въ исполненіи оныхъ. Вы, надѣюсь, мнѣ упустите смѣлость, которую беру вашего сіятельства тѣмъ

безпокоить, особливо когда припишете прямому источнику сего поступка, который не иное какъ преданность моя къ вамъ и желаніе, чтобъ успѣхъ соотвѣтствовалъ трудамъ и стараніямъ вашимъ о сохраненіи здѣшняго народа.

Вашему сіятельству всѣ генерально обязанными почитаются, во первыхъ пріѣздомъ вашимъ въ Москву, отъ чего, (поколику въ силахъ человѣчества зависило) всю помощь сдѣлали; да и внутреннее спокойствіе тѣмъ установили, также и въ отсрочкѣ на время рекрутскаго набора въ уѣздахъ въ недальности Москвы. А по утишеніи болѣзни, когда надобность государства оныхъ людей требуетъ, натурально не только предписанное число рекрутъ, но хотя бъ и болѣе, думаю, всякой охотно отдастъ.

Позвольте вамъ вновь мою нижайшую благодарность засвидѣтельствовать за милостивое ваше стараніе о покупкѣ мѣдныхъ нашихъ заводовъ. Оное дѣло, при отъѣздѣ вашемъ изъ Петербурга, почти къ окончанію приводилось; но нынѣ остается опять въ нерѣшимости. Ежелибъ ваше сіятельство милость сдѣлать изволили при случаѣ о томъ хотя строчку отписать, спокойствіе цѣлой фамиліи даровать бы изволили; а для казны оная покупка конечно небезполезна.

Изъ села Андреевскаго.
14 Ноября 1771 года.

II.

Письмо о чумѣ къ графу Воронцову Петра Мокѣева, изъ Москвы, отъ 16-го Октября 1771 года.

Въ продолженіе времени, по строгости быстро текущей чумы, самъ я писать къ вамъ не смѣлъ. Хотя же время и нынѣ идетъ еще немного строгонько, но предъ прежнимъ далеко лучше, потому прежде ежедневно помирало подъ тысячу и болѣе, а нынѣ вполы; не оттого отнюдь, чтобъ народу не было, но думаю, что отъ начавшихся маленькихъ морозовъ и холодныхъ дней, а не меньше по счастью нашему отъ неусыпнаго старанія и строгости взысканія его сіятельства графа Григорія Григорьевича, который здѣсь съ 27-го Сентября: при немъ за людьми смотрѣніе пошло весьма лучше, нежели прежде. Но при всемъ томъ на теперешній случай еще нельзя сказать, чтобъ не было опасности отъ сего смертоноснаго яда: изъ вышняго градуса пришла только къ среднему. Здѣсь же зрѣлище для глазъ почти вездѣ ежечасно преселившихся въ вѣчность, а къ ушамъ слухъ генеральной: каждой жалуется, что вокругъ его жилища всѣ домами маленькими живущіе вымерли, и завременно здоровые исповѣдываются, пріобщаются, дабы къ отчету на всякій часъ быть готовымъ. Сіе питаетъ ли утѣшительно зрѣніе и слухъ человѣческій, предоставляю человѣколюбивому вашего сіятельства разсужденію. А къ тому въ дополненіе, что̀ еще въ столицѣ приключилось, включенное у сего приложеніе вашему-жъ сіятельству скажетъ: на одну сторону моръ, на другую оттого ежечасной въ жизни страхъ, на третью народный мятежъ, а на четвертую въ окрестности посе-

лянскихъ жилищъ, во многихъ мѣстахъ въ селеніяхъ, равнымъ образомъ чудовищное отъ чумы полымя не меньше пожираетъ и расширяется къ мѣстамъ отдаленныхъ городовъ. Есть мѣста, сказываютъ, поселеніями и такія, что съ поля хлѣба снять некому; здѣсь же стонъ и вопль, оставшихъ сиротъ (о коихъ пропитаніи и сохраненіи вообще со истребленіемъ язвы, прилежно старается и распоряжаетъ особо отъ него опредѣленными его сіятельство, не щадя на то денегъ) пронзаетъ слухъ. Нищихъ же такое число, кои къ своимъ городскимъ и изъ деревень приумножились, что по Тверской кучами; а младенцы вымочные, не разумѣя сей крайности, между собою, сидя по улицамъ на подостланномъ подъ нихъ сѣнѣ, кормясь мірскимъ подаяніемъ, играютъ. Признаюсь вашему сіятельству: все, на что бъ глаза ни оборотились, кромѣ оскорбительнаго чувства ничего другаго не составляетъ. Лиссабонское трясеніе, бывшее въ прошедшіе годы, предъ нашимъ несчастіемъ самое ничтожное; потому тамъ тогда земля пожрала только частно, единожды, а у насъ пожираетъ въ глазахъ ежедневно, безъ разбору, во всѣхъ мѣстахъ и такъ продолжительно. Въ превеликой же модѣ между нами теперь разные уксусы, хрѣнъ и чеснокъ, и до того дошли, что простаго уксусу со всѣми подвозами съ нуждою малость достать можно. Мнѣ кажется, мы живемъ на кладбищѣ, а не съ живыми въ городѣ. Какъ предки наши ни щеголяли, что они въ жизнь свою много чрезвычайностей видѣли, думаю, если бы ихъ воскресить, то со всею спѣсью и упрямствомъ первенство отдали бы намъ. Но при всемъ же томъ частно небреженіе народное и пьянство мало истребляется. Что жъ принадлежитъ до меня, то я и съ домомъ по сей часъ здоровъ.

P. S. Вотъ, милостивый государь, Римская исторія кажетъ намъ одного только Митридата, что онъ по несча-

стіямъ своимъ пріучилъ себя къ яду, коимъ послѣ и истребляя себя не могъ истребить. Теперь въ Москвѣ оставшіе живые всѣ Митридаты, напитанные отъ язвы смертоноснымъ ядомъ. Судите объ насъ, живущихъ здѣсь, по человѣчеству. Представьте только одно это, что ежедневно родители дѣтей, а дѣти родителей и родственниковъ одни другихъ погребаютъ и вытаскиваютъ какъ полтей за городъ.

Вашъ искренно любящій и покорный слуга

Петръ Мокѣевъ.

16 Октября 1771 года. Изъ Москвы. Въ Воскресенье.

III.

Описаніе о чумѣ и о бывшемъ въ Москвѣ народномъ смятеніи 1771 года.

Краткое описаніе несчастному въ Москвѣ отъ бунтовщиковъ, въ прибавокъ къ чумѣ происшествію, начавшемуся Сентября 15-го 1771 года, у Варварскихъ воротъ, въ Четвергъ въ вечеру, въ осмомъ часу.

Уповаю, въ Петербургѣ уже извѣстно, что по Москвѣ отъ черни, въ разсужденіи учрежденныхъ къ прекращенію чумы [1]) въ ихъ же и общее спасеніе карантиновъ, давно

[1]) Чума началась въ исходѣ Декабря 1770-го года за Яузою, въ генеральномъ гошпиталѣ. Тотчасъ окружа то мѣсто, истребляли ее сперва секретно, чтобъ жителей города не привесть въ робость; потомъ въ началѣ 1771 года начала она силу брать и разсыпаться по частямъ города. Восходила ежедневною потерею людямъ отъ ста и до четырехъ сотъ, а напослѣдокъ, разлившись по всему городу и уѣзду, дошла до того, что въ одной Москвѣ въ день пожирала человѣкъ по 900, по 1000 и болѣе, и происходило уже до того, что и умирать въ городѣ уже некому. Продолжалась же безъ мала годъ, т. е. по исходъ 1771 года.

ропотъ происходилъ на учредителя [2]) и сопомощниковъ [3]) сего дѣла, оставляя почти все на учредителя, отъ разныхъ имъ воображеній, почитая себѣ карантины притѣсненіемъ и раззореніемъ, разнося слухи, будто-бъ изъ числа заразившагося народу многихъ имѣніе сколько сожженію, а не меньше грабленію [4]) предается, дополняя и растравляя между таковыми же страждущими сію болячку, что и живые и мертвыми вообще зарываются въ землю, а бравшіеся въ карантины докторами и лекарями тамъ умерщвляются, а живыхъ обратно къ сожитію самая малость возвращается. Продолжалось же между ими отъ однихъ къ другимъ такое разглашеніе болѣ полутора мѣсяца. И по ежедневнымъ въ разныхъ мѣстахъ народнымъ собраніямъ кучками, довольно примѣтно было, что каковую нибудь опасную городу наглость, рано или поздно, начнутъ. Разгонять же тѣхъ кучекъ было некому; потому что главный города, сѣдиною украшенный [5]) старичокъ, препроводилъ все время отъ Москвы въ 30-ти верстахъ, въ своей Марѳинѣ деревнѣ, сберегая себя отъ усилившейся чумы. За тѣмъ оставалось бы порядокъ сохранить, а сборища и такіе противные отъ черни извѣстные всему городу слухи, не давая времени, разрушить отцамъ спосажденнымъ, смотрѣть же и все то предупреждать Московскому господину губернатору [6]) и оберъ-полицiймейстеру [7]); но къ не-

---

[2]) Истребитель чумы и учредитель карантиновъ былъ на все время главнымъ сенаторъ Петръ Дмитріевичъ Еропкинъ.

[3]) Помощники къ тому были опредѣлены изъ членовъ коллежскихъ и изъ отставныхъ, и назывались частные смотрители.

[4]) Что не все жгли, а больше грабили, съ правдою согласно; негодное жгли, а прочее съ собою брали при зрѣніи оставшихъ хозяевъ, а самыхъ хозяевъ тогда-жъ отвозили въ карантины. У смотрѣнія сего и у отсылки въ карантины были полицейскіе служители.

[5]) Главнымъ города тогда въ Москвѣ былъ фельдмаршалъ графъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ.

[6]) Губернаторомъ тогда въ Москвѣ-жъ былъ тайный совѣтникъ Иванъ Ивановичъ Юшковъ.

счастью жителей города, отцы сносажденные [8]) разъѣхались по деревнямъ и слухами чрезъ другихъ о состояніи города питались, не подавая никакого вспоможенія. А губернаторъ и оберъ-полиційместеръ заперлись въ своихъ домахъ, не пуская никого, и сами изъ дворовъ не выѣзжали; а письма и жалобы, отъ кого какія къ нимъ доходили, принимали люди ихъ и самомалѣйшіе подчиненные, сквозь рѣшетки заборныя, деревянными нарочно сдѣланными на то щипчиками; отдавались ли уже самимъ имъ, неизвѣстно; а съ такимъ удовольствіемъ приходившіе и прочь отходили. Потомъ губернаторъ и оберъ-полиційместеръ и сами изъ города по деревнямъ жить разъѣхались.

Слѣдовательно жителей предохраненіе и порядка возстановленіе по самой бунтъ предоставлено было руководству Божію, кто какъ захочетъ. До времени же сего бунта хозяева домовъ, видя умножающуюся чуму, въ предохраненіе свое, постояльцевъ своихъ (опасаясь отъ нихъ болѣзни или взятья съ ними вообще въ карантинъ) изъ дворовъ выбили; а тѣ, не имѣя покрова и пропитанія, потому что работы нѣтъ, милостыни никто не подаетъ, дворы всѣ заперты и не пускаютъ, скитаясь день и ночь по улицамъ, истоща силы, напослѣдокъ при зрѣніи всего города на улицахъ упавши, многіе и помирали, а тѣла ихъ вообще съ зараженными вывозя за городъ въ землю зарывали. Все это бѣдственное и безпризрѣльное состояніе чернь видѣла, и къ прежнему своему воображенію дополнительно злостію питала, думая, что по такому непризрѣнію нарочно мертвить стараются. Въ семъ случаѣ сохраненію ихъ жизни и безопасности въ городѣ помощникомъ былъ одинъ господинъ Еропкинъ. Но со всѣмъ его

---

7) Оберъ-полиційместеръ тогда былъ бригадиръ Николай Ивановъ сынъ Бахметевъ.

8) Т. е. сенаторы. П. Б.

трудомъ, метавшись неусыпно, силы по справедливости, безъ помощи другихъ (до кого не меньше его принадлежитъ) не доставало. А по описаннымъ обстоятельствамъ, сколько примѣтно, чернь къ дерзостному стремленію имѣя уже довольно время, и изготовилась. Напослѣдокъ отъ черни загремѣлъ бунтъ. Какимъ же способомъ 15-е число въ вечеру въ Четвергъ начался и отъ чего, слѣдующее покажетъ.

Въ нынѣшнемъ Септябрѣ, въ 9-мъ числѣ, между чернью, кто неизвѣстно, разсѣяли, будто бы на Варварскихъ воротахъ явилась Боголюбская Богоматерь; почему съ того дня отъ утра до ночи, непрерывно по часъ самаго бунта, стекалось со всѣхъ сторонъ число чернаго народа такое, какое въ городѣ отъ чумы осталось. Одни молятся, другіе внеряютъ въ народъ неудовольствіе; третьи, по неимѣнію покрова, и ночи тутъ проводили. Сіе ежечасно великое число кучами народа чернаго, отъ тѣсноты между ними, составляло бóльшую еще къ расширенію чумы опасность, прилипчивостью отъ однихъ къ другимъ. И какъ о семъ господинъ Еропкинъ, равно и о томъ, дабы сіи кучи разсыпать, изыскивалъ способы къ удаленію такого бѣдствія, не имѣя съ кѣмъ посовѣтоваться (потому что всѣ по деревнямъ разъѣхались), дабы въ такомъ случаѣ съ народомъ нѣжно поступить, не дѣлая имъ не только угрозы, но и виду. А между тѣмъ покойный преосвященный Московскій архіерей Амвросій послалъ отъ себя, 15-е число въ вечеру, въ 8-мъ часу, подъячаго съ командою [9]) къ Варварскимъ воротамъ съ тѣмъ, дабы попы собранныхъ отъ

---

[9]) Команда была 12 человѣкъ Великолуцкаго полка съ ружьемъ. Дана архіерею секретно отъ господина Еропкина, и положеніе о семъ ими сдѣлано еще накапунѣ сего несчастнаго дня, потому что архіерей у Еропкина въ домѣ былъ, и, по его духовному совѣту и просьбѣ, дозволеніе и дачу на другой день команды отъ Еропкина и получилъ; а солдаты еще были въ Москвѣ въ командѣ Еропкина отдѣленно отъ полка, ради карауловъ и осторожности отъ чумы.

подателей сему образу денегъ не обратили въ свою корысть, и деньги, лежащія при образѣ въ сундукахъ, по великости сбора, запечатать, сколько слышно, чтобъ послѣ отдать ихъ въ Воспитательный Домъ (можетъ во уповаціи, что ночью сего сборища и богомольщиковъ тутъ никого нѣтъ). Правда, что преосвященный въ семъ случаѣ нѣсколько грубо и неосторожно съ такимъ чернымъ, какъ нашъ, народомъ поступилъ; но уже онъ за свою ошибку дорого и заплатилъ, потому что тѣми жъ бунтующими, на другой день по началѣ бунта, кольемъ и отъ перилъ обломками бывъ убитъ до смерти, о чемъ ниже въ своемъ мѣстѣ и описано. Какъ же только подъячій съ командою къ воротамъ Варварскимъ къ образу, въ 8-мъ часу вечера [10]), пришелъ, гдѣ богомольщики и неимѣющіе покрова такъ какъ бы стражу ночную изъ себя составляли, коимъ на вопросъ ихъ, зачѣмъ отъ преосвященнаго присланъ, хотя и объявилъ; но они въ тоже время подъ предлогомъ, будтобъ Божію Матерь хотятъ грабить, бивши его немилосердно, взяли подъ свой караулъ, а съ командою начали драться. И въ тоже время отдѣлившіеся изъ нихъ ударили по церквамъ въ колокола въ набатъ, что̀ въ тотъ же часъ и пролилось по всему городу. И собирающимся къ тому людямъ, призывая ихъ на защищеніе образа и казны сборной, кричали, будто преосвященный прислалъ деньги взять, а образъ расколоть. Тѣмъ же временемъ, по набату въ цѣломъ городѣ при церквахъ, собрались на унятіе и разогнаніе команды, и сдѣлалась свалка-драка столь велика, что показывающіе видъ защищенія образа превозмогли и прибили команды, кои тутъ были, и драка сія продолжалась отъ исходу 8-го по 11-й часъ ночи, разумѣется только при Варварскихъ воротахъ. Какъ же чернь уловила себя

---

[10]) Въ этомъ часу въ Москвѣ въ Сентябрѣ мѣсяцѣ бываетъ уже совсѣмъ темно. П. Б.

превозможеніемъ на сей случай и, видя сообщниковъ число великое, тутъ же почти единогласно и открыла крикомъ свою злость на господина Еропкина за то, будто собою [11]) беретъ въ карантины и умершихъ заразою не погребаетъ у церквей, а бань не распечатываетъ; а на преосвященнаго, что образъ хотѣлъ расколоть и деньги взять, причитая ему въ вину, что (ради умоленія отъ чумы) въ хожденіи по улицамъ и по домамъ съ крестами и образами препятствовалъ, также и опасно больныхъ пріобщать святыхъ таинъ запретилъ. И такъ на жизнь обоихъ чернь, бывшая при дракѣ, тутъ же и условилась. Сдѣлавши такое рѣшительное между собою положеніе, какъ бы люди военные, оставя изъ себя немалое число при образѣ, остальные, въ началѣ 11-го часу ночи, пошли съ кольями, съ каменьями, съ рогатинами, а кузнецы съ молотками, прямо въ Кремль, въ Чудовъ монастырь, къ архіерею; но, не нашедъ его въ монастырѣ (потому что до ихъ приходу уѣхалъ), со злости начали не только кельи его грабить, погреба и сундуки разбивать, но въ церкви, коя была близъ кельи преосвященнаго, входя въ царскія двери и къ престолу Господню, сосуды, и ризы, и всю утварь пограбили и оклады содрали. А все то происходило при битьѣ ими въ городской и въ прочіе при церквахъ колокола съ набатомъ, по которому и еще неменьшее число такого-жъ рода бунтовщиковъ и грабителей собралось и, сообщась съ ними, въ Чудовѣ что̀ было: вещи, деньги, платья и вина разграбили, даже пухъ изъ перинъ, искавъ архіерея, по монастырю и по городу разбросали, а въ окнахъ не только стекла выбили, но и рамы выломали, и дерева, ни стола, ни стула цѣлаго не оставили; иное унесли, иное тутъ бросили.

---

11) Т. е. самовластно. П. Б.

Бригадиръ же Өеодоръ Ивановичъ Мамоновъ, по утру въ Пятницу, пришелъ къ нимъ въ кучу въ Чудовъ монастырь и началъ уговаривать. Они, усмотря, что онъ одинъ, начали бить и гнать кольями и руками, и бѣгомъ къ гаубтвахтѣ жизнь свою спасъ. Потомъ оберъ-комендантъ Московскій, царевичъ Аөонасій Грузинскій, также пришедъ, началъ ихъ уговаривать. Сего, не смотря на ленту, начали въ догонку кирпичемъ щекотить; на силу ушелъ, такъ завеселился! Найдя же въ Чудовѣ въ погребахъ великое число [12]) винъ и водки (большая половина изъ нихъ на площади у Ивана Великаго и позади монастыря къ Никольскимъ воротамъ), не только всю ночь на Пятницу, но и въ Пятницу во весь день до вечера, до 7-го часу, безъисходно грабили, пьянствовали. А въ сіе время, днемъ въ Пятницу, къ нимъ свѣженькіе приходили и въ раздѣлахъ грабежныхъ денегъ и вещей между собою множество дракъ составляли.

И такъ по всей Москвѣ холопи, раскольники, ямщики, фабричные, подъячіе, баталіонные солдаты и часть артилерійскихъ служителей, всѣ съ добычами ходили по улицамъ и жителямъ, благороднымъ людямъ, отнятіемъ жизни угрожали. Другіе, видя свою собратію добычливыхъ, а сами не имѣя, шли въ городъ за добычею, не удастся ли чего сыскать, или у товарищей кто безсильнѣе отнять. Жители города, видя толпы бунтующихъ, будучи въ трепетѣ, не имѣя никакой помощи, не могли сказать, чтобъ въ домахъ ихъ не только имѣніе, но и жизнь можно было сохранить. Чѣмъ всѣмъ, жизнію и имѣніемъ, цѣлымъ городомъ должны одному господину Еропкину, какъ ниже и усмотрите [13]).

---

[12]) Водки и виноградныя вина большею частію были купеческія, а ставимы въ погреба въ Чудовѣ по найму и платѣ монастырю денегъ.

[13]) Правда, что сохраненіемъ всего должны господину Еропкину; но симъ самымъ равно и свою жизнь и имѣніе сберегъ, потому что чернь на жизнь его

Во время грабительства въ Чудовѣ, въ Пятницу днемъ по утру, бунтующая шайка провѣдала, что архіерей въ Донскомъ монастырѣ отъ нихъ укрывается. Оставя въ Чудовѣ сотоварищей, сами, человѣкъ съ четыреста, пошли разбивать карантины, домы, а разбивъ два дома и умножа число сообщниковъ (изъ коихъ многіе по выпускѣ, на полѣ, не имѣя силъ, и жизнь кончили), прямо пошли атаковать Донской монастырь, который окружа и ворвавшись, муча тамошнихъ жителей въ отдачѣ архіерея, нашли его на хорахъ, гдѣ дали время помолиться и приложиться. Потомъ вытащили изъ монастыря и, щипавши бороду, называя Жидомъ, въ 12-мъ часу дня, неподалеку отъ монастыря, бросяна землю, кольемъ и обломками бaлясъ убили до смерти. Убійцами-жъ изъ нихъ главные были: полковника Раевскаго дворовой человѣкъ, да цѣловальникъ съ кабака по близости Донскаго монастыря [14]). Какъ убійство произвели, то съ пріумноженными карантинными пошли по городу кучами, одни пить и встрѣчающихъ грабить, другіе въ Кремль на помощь, не будетъ ли нужды, къ своимъ сотоварищамъ; а иные по домамъ, съ диспозиціею между собою такою: естьли въ колокола ударятъ въ набатъ, то-бъ всѣ съ кольями и съ подобнымъ сему, какое случится, оружіемъ, бѣжали скорѣе къ Кремлю на защищеніе. И такъ набатный колоколъ, который прежде служилъ добрымъ людямъ на оборону, сдѣлался противному сборищу ясакомъ въ ихъ оборону. Продолжалось же хозяйство ихъ до 7 го часу вечера, т. е. во весь день Пятницы.

уже по началу прежде тѣхъ условилась. Да и начатку къ такому буйству поводомъ послужила команда, посланная отъ архіерея къ Варварскимъ воротамъ; а отъ кого та команда архіерею была дана, выше въ своемъ мѣстѣ сказано.

[14]) Убійцы архіерея: Раевскаго человѣкъ Василій Андреевъ, до цѣловальникъ Московскій купецъ Иванъ Дмитріевъ.

Какъ сіе смятеніе и буйство происходило, первымъ и послѣднимъ въ городѣ одинъ былъ только господинъ Еропкинъ, потому что во время драки у Варварскихъ воротъ въ вечеру оберъ-полиціймейстеръ пріѣзжалъ посмотрѣть и уѣхалъ; а какъ услышалъ, что Чудовъ монастырь грабятъ, то съ женою уѣхалъ изъ города и явился уже чрезъ два дня, т. е. по усмиреніи, въ Субботу около полудень. Буде спросите, чтожъ господинъ Еропкинъ дѣлалъ, что такъ долгое время допущено было грабежу и убійству? Отвѣтствую: людей военныхъ, кѣмъ унять, въ городѣ, кромѣ маленькихъ командъ, и то въ разныхъ и ему неподчиненныхъ мѣстахъ, никого не было; да и тѣхъ въ скорости собрать было не можно. Однакожъ, при всемъ такомъ несчастномъ случаѣ, какъ только узналъ онъ, что монастырь грабятъ и около Сената, и чрезъ Сенатъ, взадъ и впередъ по Кремлю бѣгаютъ съ кольями и съ каменьями и собираются въ городѣ часъ отъ часу больше: тужъ ночь не спавши, началъ увѣщать однихъ строгостью, другихъ ласкою, представляя имъ этакое приключеніе, и собирать кусочками вооруженныя команды. И въ цѣлый день Пятницы, не сходя съ улицы на Остоженкѣ, на силу набралъ до 130-ти человѣкъ всякаго рода, т. е. понемногу гвардіи полковъ Московскія команды, баталіонныхъ, изъ коихъ иные и на добычѣ были, а тутъ же къ оборонѣ поспѣли, сенатскихъ, камеръ-коллежскихъ, разъѣздныхъ и Великолуцкихъ нѣсколько человѣкъ съ притиновъ; да насилу выпросили и привезли двѣ пушки, взятыя съ Бутырокъ. И въ половинѣ 6-го часу по полудни въ Пятницу, сколько успѣлъ людей собрать, и съ бывшими при томъ изъ штатскихъ членовъ волонтерами, поймавъ попа съ крестомъ, пошелъ въ Кремль, начиная входъ съ Боровицкаго моста. А во время его съ командою марша, въ близости отъ Пречистенскихъ воротъ, прискакалъ къ нему подъ защищеніе или къ подкрѣпленію

и Московскій господинъ губернаторъ, который на то время пріѣхалъ изъ подмосковной, гдѣ онъ въ 13-ти верстахъ жилъ.

Какъ же господинъ Еропкинъ началъ входить Боровицкими воротами, бунтовщики, усмотря его, кромѣ тѣхъ, кои въ городѣ, въ помощь къ сотоварищамъ съ дубьемъ кучами съ берегу на встрѣчу ему въ проломъ ударились; а другіе начали кричать съ берегу за Москву рѣку, чтобъ въ Кремль въ помощь имъ скорѣе бѣжали съ дубьемъ-же. По каковому ихъ сигналу въ Замоскворѣчьи тужъ минуту у многихъ церквей ударили въ колокола въ набатъ, и въ самое кратчайшее время къ тѣмъ, кои уже въ городѣ, во всѣ стороны на Моховую, на Тверскую и площадь къ Спасскимъ воротамъ, сбѣжалось народу тысячами на помощь бунтующимъ; но не успѣли вобраться въ городъ, потому что диспозиціею господина Еропкина вороты въ разныхъ мѣстахъ удѣломъ командъ захвачены, а пушки одна въ Спасскихъ противу моста [15]), другая въ Воскресенскихъ, лицомъ въ Тверскую, поставлены [16]). И такъ, входя въ городъ, отъ засѣвшихъ тамъ, не смотря на его команду, встрѣченъ былъ дубьемъ и кирпичами, коихъ по началу уговаривалъ, чтобъ изъ города тотчасъ выбрались; но въ соотвѣтствіе платили объясненіемъ палочнымъ и кирпичнымъ и жестоко напирали. Почему въ такой крайности принужденъ былъ по нихъ стрѣлять, а другихъ брать подъ караулъ. Но въ сіе время не умолкая, отъ 7-ми до 11-го часу, ломились въ городъ на выручку своимъ съ площади къ Спасскимъ воротамъ и съ Моховой разными кучами,

---

15) Вдоль Кремлевской стѣны на Красной площади былъ тогда небольшой ровъ, и на немъ мостъ у самыхъ Спасскихъ воротъ. П. Б.

16) При пушкахъ съ маленькими командами командиры были: у Спасскихъ воротъ Преображенскій капитанъ Семенъ Борисовичъ Волоцкій, а у Воскресенскихъ воротъ отставный полковникъ, знающій архитектуру въ построеніи домовъ, князь Петръ Васильевичъ Макуловъ.

гдѣ равномѣрно никакое уговариваніе не помогало, и принужденъ былъ также изъ ружей и съ пушекъ стрѣлять, и конными командами рубить, чему и они, даромъ что пуль и картечи не было, своимъ оружіемъ соотвѣтствовали. И такъ до смерти ихъ побито болѣе трехъ сотъ, да ранено до полутораста.

Но между тѣмъ пока въ Кремлѣ и около онаго сраженіе происходило, изъ числа бунтующихъ, какъ бы десятскіе отъ полиціи, бѣгая по улицамъ и по дворамъ (не смотря что и по набату довольно извѣстно) повѣщали, чтобъ со дворовъ по два и по три человѣка на помощь съ дубьемъ и оружіемъ шли скорѣе къ городу. Изъ нихъ же добычники, будучи пьяные, ходя кучами по улицамъ и попѣвая разными попѣвами, осматривали въ обывательскихъ домахъ что дѣлается, буде не чисто чистили. Сколь же много городскихъ жителей все то время въ трепетѣ содержалось, такъ что и свѣчи въ домахъ погасли, будто никого нѣтъ; а иные, бросая имѣніе, и домовъ отступились, спасая жизнь свою и домашнихъ, скитались по отдаленнымъ чужимъ домамъ, гдѣ больше почитали на тѣ часы безопасности. Но Всевышній видно что хотѣлъ только страхомъ наказать, а не совсѣмъ истребить. Бунтовщики, видя, что въ городъ вломиться нельзя, положили себѣ и военной командѣ отдохновеніе до утра, и такъ разбрелись, ожидая, можетъ быть, днемъ болѣе себѣ сообщниковъ; а потому въ Кремлѣ и за городомъ захвачено ихъ до 300 человѣкъ и брошены въ Кремлевскіе дворцовые погреба. По окончаніи сего сраженія съ 11-ти часовъ ночи, голоса ихъ дикіе утихли, и сіи Галлы, бунтующіе такъ какъ бы противъ Рима, ушли въ свои станы. Какъ же тихо съ 11-ти часовъ по всей Москвѣ сдѣлалось, будто бы ни одного человѣка въ городѣ и живущаго не было; а симъ самымъ жителямъ на нѣсколько часовъ той ночи въ отра-

ду и сдѣлалось успокоеніе. Чтожъ и эту ночь не спали, о томъ ни слова не говорю, а довольно, что въ чаяніи остались спасти жизнь.

Какъ же утро 17-го числа, т. е. въ Субботу, настало, то сіи толпы черни опять собрались болѣе тысячи человѣкъ и приступили прямо къ фронту [17]) къ Спаскимъ воротамъ, начали дѣлать договоръ: 1-е) чтобъ дали къ нимъ одного гвардіи офицера, называя переметчикомъ, съ которымъ-бы обо всемъ поговорили. Очень ясно видно было, чтобъ захватить въ свои руки, а потомъ требовать плѣнныхъ возвратомъ на перемѣну его; но какъ сего не дано, то 2-е) открыто требовали отдать взятыхъ ихъ товарищей, содержащихся въ Кремлѣ подъ карауломъ, дополняя 3-е) чтобъ впередъ въ карантины никого не брать; 4-е) усопшихъ зараженно при церквахъ погребать; 5-е) изъ карантиновъ всѣхъ выпустить и оные уничтожить; 6-е) бани распечатать и 7-е) докторовъ и лекарей изъ города выгнать. А наконецъ, 8-е) при кабакахъ что̀ сдѣланы были тогда для чумы рѣшетки, и чрезъ нихъ вино продавалось, выбрать, чтобъ имъ свободно было ходить въ кабаки. Но какъ кондиціи ихъ съ презрѣніемъ отринуты, а уговариваны, чтобъ шли по домамъ и кучами больше не собирались; то противу сего уговора отвѣчали бранью и напоромъ ближе къ фронту. Какъ же о томъ, что они напираютъ, будучи въ Кремлѣ, господинъ Еропкинъ узналъ, велѣлъ конной командѣ заѣхавъ сзади ихъ разогнать, кои, будучи съ обнаженными палашами, въ точности и исполнили, и отлично говорливыхъ изъ нихъ нѣсколько у моста

---

[17]) На мосту Спасскихъ воротъ поставленную пушку въ воротахъ прикрывали гвардіи Преображенскаго полка капитанъ Семенъ Борисовичъ Волоцкій, съ которымъ Преображенскихъ и другихъ гвардіи же полковъ солдатъ, всѣхъ во фронтѣ было 24 человѣка; но у нихъ въ Субботу поутру пороху и пуль уже не было, потому что въ ночь съ Пятницы на Субботу во время сраженія всѣ патроны выстрѣляли, а только во фронтѣ, штыки примкнувши, стояли.

захватили подъ караулъ; остальные же, видя предъ глазами въ воротахъ пушку и фронтъ, на время разсыпались.

А между тѣмъ, въ 12-мъ часу дня, изъ деревни въ городъ пріѣхалъ и главный города, а за нимъ чрезъ часъ и оберъ-полицiймейстеръ и, по приказанію главнаго, въ городъ около вечерень того-жъ дня вошелъ Великолуцкой полкъ, собранный съ квартиръ изъ деревень около Москвы, разстояніемъ въ 30-ти верстахъ, коихъ подъ ружьемъ числомъ до 500 было и, расположились на Красной площади, разставили пикеты, а команды отъ главнаго начальника города поручены оберъ-полицiймейстеру. Какъ во время сраженія господинъ Еропкинъ опасностью себя съ рядовыми солдатами нимало не отдѣлялъ, то онъ отъ бунтовщиковъ и ушибенъ палкою въ грудь, а камнемъ въ чашку ноги, и теперь на постелѣ лежа отдыхаетъ. Да бывшій въ командѣ его на то время при сраженіи, конной гвардіи офицеръ Московской команды, Александра Артемьева сынъ, Борисъ Загряжской, кирпичемъ въ лобъ, разсѣкши оной ему троеграпно, однако-жъ нимало не опасно: можетъ быть, будетъ только съ вѣчнымъ тавромъ. Да изъ числа бывшихъ съ ними командъ нѣсколько побито и нѣсколько жъ изувѣчено. При всемъ томъ чтобъ буйство совсѣмъ прекратилось, сказать не можно, потому что въ городѣ сіи пьяницы отъ наглыхъ рѣчей еще не умолкаютъ, а по деревнямъ въ окрестности Москвы слухи разные. Слѣдствіе же надъ взятыми въ плѣнъ, хотя и довольно времени прошло, еще не начато, и кто причиною не сыскано, да и взятые на сраженіи буйные люди, кто таковъ, ни о комъ еще и командиры не знаютъ, а сидятъ въ тѣхъ же дворцовыхъ погребахъ, въ которые посажены. Симъ только по 20-е число сего Сентября и кончилось.

Послѣ 20-го Сентября началась о буйныхъ плѣнныхъ коммиссія. Въ ней присутствовали главными статскій совѣтникъ Моисѣевъ и надворный совѣтникъ Шапкинъ, болѣе жъ никого. Сами же они зараженныхъ тѣхъ буйныхъ и допрашивали. Потомъ въ скорости пріѣхалъ въ Москву съ полномочіемъ, ради истребленія чумы и узнанія о буйствѣ, графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ, и съ нимъ господа сенаторы Мельгуновъ, Волковъ и оберъ-прокуроръ Всеволожскій. Чтобы скорѣе коммиссію допросами кончить, прикомандированы изъ разныхъ мѣстъ члены: Гурьевъ, Балашовъ, Цуриковъ и Сергѣй Рожновъ. По всему-же слѣдствію и по генеральному суду въ Грановитой Палатѣ, причинъ, отъ чего буйство началось и кѣмъ и отъ кого повѣстки о сборищахъ по дворамъ и въ уѣздѣ Московскомъ чинимы были, ничего не нашлось; а потому только смертноубійцы двое, да двое жъ по жеребью изъ числа буйныхъ повѣшены, чѣмъ и кончилось [18]), Ноября 10 дня 1771 года.

Торопились-же коммисію скорѣе кончить и народъ тѣмъ успокоить, по причинѣ, чтобъ, пресѣкши сіе зло, другому истребленію, т. е. чумѣ, болѣе имѣть спокойныхъ способовъ помочь и сохранить жизнь оставшихъ отъ чумы: ибо тогда и безъ слѣдствія коммисіи жителей города чума пожираніемъ жизни жестоко истребляла.

---

[18]) Повѣшены у Донскаго монастыря убійцы архіерея Андреевъ и Дмитріевъ; на Красной же площади изъ числа мятежниковъ, по жеребью ихъ казни доставшихся, помѣщика Молчанова дворовый человѣкъ Алексѣй Леонтьевъ, да помѣщицы Колтовской Ѳедоръ Дѣяновъ; прочіе множественнымъ числомъ наказаны на тѣлѣ и сосланы въ ссылки, а сколько и кто, въ указѣ 10-го Ноября именно сказано. Исполнено-же все сіе 11-е Ноября 1771-го года.

При экзекуціи были: у Донскаго монастыря Сыскнаго Приказа членъ надворный совѣтникъ князь Николай Ѳедоровъ сынъ Барятинской, а на Красной площади оберъ-полицiймейстеръ Николай Ивановъ сынъ Бахметьевъ.

Б.

Пугачевщина.

частное письмо *).

Яицкій городокъ, 15 Мая 1774 года.

Милостивой государь!

Что мы отъ здѣшнихъ бунтовщиковъ, съ самаго того времени, какъ обнаружился самозванецъ, имѣли наиопаснѣйшую осторожность, о томъ еще прежде осады нашей уповательно изволили вы быть извѣстны; но сія опасность наиболѣе, наконецъ, умножилась предъ Рождествомъ, когда извѣстно стало, что всѣ низовые форпосты, прибытіемъ отъ самозванца нарочно присланныхъ Толкачева съ товарищи, въ конечное поколебаніе приведены. Слухи тотчасъ распространились, что верстъ ста за два отъ Яицкаго городка имѣютъ они большой скопъ, клонящійся къ покушеніямъ точно до сущихъ измѣнниковъ принадлежащимъ; а въ скорости получены извѣстія, что уже небольшія оныхъ злодѣевъ партіи и по ближнимъ здѣсь хуторамъ разъѣзжаютъ. Для достовѣрности въ захватѣ оныхъ необходимая была надобность, чего ради пристойными командами и старались то учинить. Съ одною изъ таковыхъ 26 Декабря былъ и я отправленъ; но какъ всѣ здѣшнихъ злодѣевъ норы или тѣ убѣжища, куда скрываться они всегда могутъ, набиты людьми одного съ ними духа: то ни стоглазый

---

*) Письмо это было извѣстно А. С. Пушкину, и нѣкоторыми подробностями онъ воспользовался въ своей „Исторіи Пугачевскаго бунта". П. Б.

Аргусъ найти бы ихъ тамъ не могъ. Можетъ статься, что многіе въ самыхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ искано, и находились; но тѣ самые, которыхъ принуждено было объ нихъ выспрашивать, не могли иначе какъ дѣйствительно ихъ скрывать и всячески то утаивать. Чего ради и предуспѣть въ семъ намѣреніи было никакъ не можно.

Съ 29-го на 30-е Декабря еще въ такомъ же намѣреніи, при старшинѣ Мостовщиковѣ, немалая команда въ ночь отправлена; но чрезъ нѣсколько часовъ прискакавъ изъ оной два или три человѣка казаковъ, объявили, что въ семи отъ города верстахъ бунтовщиками команда оная вся разбита, что старшина Мостовщиковъ, думаютъ они, захваченъ же, и что число злодѣевъ команды сей количество далеко превосходитъ. При томъ видѣли они до нѣсколька съ ними значковъ; а болѣе, стараясь о сохраненіи собственной своей жизни, запримѣтить не предъуспѣли.

Толь нечаянное извѣстіе не меньше было важно, какъ чтобъ всполохъ ударить, по которому всѣ, желающіе отъ бунтовщиковъ отдѣлиться, долженствовали тотчасъ собраться въ ретраншаментъ; а между тѣмъ еще до нѣсколько человѣкъ изъ Мостовщиковой команды, выбѣжавъ, прежнихъ объявленіе подтвердили. Воинская предосторожность того-жъ момента принята; но какъ уже на дворѣ разсвѣтало, а злодѣйскаго въ городокъ прибытія не запримѣчено, то и не можно было знать, куда наклонится сія партія. Сіе безъизвѣстіе однакожъ не долго времени продолжалось.

Часа въ два или еще и ранѣе по солнечномъ восхожденіи, по здѣшнему съ называемыхъ „горокъ“ появились бунтовщики. Злодѣйская толпа распространеніемъ въ широту старалась сколько можно больше захватить степи, чтобъ тѣмъ, уповательно, свое число представить намъ въ бóльшемъ видѣ. Воровскихъ значковъ усмотрѣно до десяти; но разбойниковъ, по видимому, сотъ семь больше не было.

Трактъ держанъ былъ къ городку, и лишь только подъ увалъ спустились въ разстояніи не далѣе верстъ пяти, какъ для скорѣйшаго къ городку приближенія всѣ до одного человѣка ударомъ навскачь бросились. Таковая воровъ сихъ толпа для насъ всеконечно бы важна не была; но какъ, по двукратномъ чрезъ битье всполохъ знакѣ, въ ретраншаментъ не только изъ бывшихъ мятежниковъ, но и изъ числа послушныхъ кромѣ обязанныхъ тутъ быть къ должности никого почти не явилось: то и неможно было въ такомъ случаѣ весь городъ уже совершенно взбунтовавшимся не почитать, паче-жъ воображая всѣ тѣ подозрѣнія, которыя достовѣрно, въ разныхъ происшествіяхъ, уже были дознаны. И такъ, по обширности здѣшняго великихъ золъ источника или, яснѣе сказать, разбойническаго гнѣзда, воинскія команды, не имѣя способовъ злодѣямъ свободнаго пресѣчь входа, рѣшились защищать свой кремль; а дабы съ близь стоящихъ около онаго высокихъ строеній злодѣи не могли въ ретраншаментъ стрѣлять, то положено зажечь оныя. Но не успѣли однакожъ какъ только съ одной стороны самыя крайнія избы зажечь; ибо измѣнники, прискакавъ съ великимъ стремленіемъ, ближніе къ ретраншаменту улицы и переулки всѣ наполнили и со всѣхъ сторонъ преужасную стрѣльбу въ насъ подняли: не было ни одного двора, ниже такой подволоки, горницы, избы и иструбы изъ всѣхъ около насъ бывшихъ дворовъ, въ коихъ бы скорѣе четверти часа они ружейныхъ бойницъ не сдѣлали, а съ высокихъ связей можно имъ было стрѣлять вокругъ насъ дворовъ за десять. Въ городѣ бывшіе мятежники такого случая уже ждали, и лишь только пріѣзжіе сюда прибыли, какъ каждый съ такимъ, какое имѣли, оружіемъ ревностно въ содѣйствіе имъ вступилъ. Отцы поощряли дѣтей, старики внучатъ, а всѣ къ нашему истребленію единодушно устремились; дробь отъ десяти барабан-

щиковъ вдругъ не можетъ быть чаще бита, какъ въ то время отъ злодѣйской стрѣльбы ружейный залпъ гремѣлъ. Стрѣляли, правда, и мы, но ни въ кого не цѣлясь, затѣмъ, что ни одного человѣка изъ нашихъ злодѣевъ не могли мы видѣть: они были всѣ за стѣнами и за защитою, а ретраншаментъ нашъ былъ имъ съ избныхъ подволокъ, подобно какъ на ладонѣ, видѣнъ кромѣ тѣхъ мѣстъ, что̀ находились возлѣ вала. Мы не знали еще, убили-ль хоть одного измѣнника, когда уже на нашей сторонѣ человѣкъ до ста убитыхъ было и раненыхъ; да и дѣйствительно могли видѣть, что другаго спасенія нѣтъ, какъ сожечь тѣ избы, съ которыхъ злодѣй безъ всякой ошибки по насъ стрѣлять могъ. Сіе столь было всѣмъ очевидно, что не только весь человѣкъ свободно оказаться бъ могъ, но мгновенно и такіе были бунтовщиками тотчасъ застрѣляны, которые изъ-за заплаты приподнимали только лобъ одинъ; да и въ самыя щели, сквозь которыя иногда солдаты стрѣляли, многіе были трафлены. Толь мѣткое ихъ стрѣлянье не можетъ быть удивительно, ежели изволите представить, во первыхъ, близкое бунтовщиковъ въ тогдашнее время отъ нашей крѣпости разстояніе (такъ что иной не далѣе съ подволоки въ солдата цѣлилъ, какъ сажень за десять, т. е. чрезъ одну только улицу), а другое, что и стрѣлки изъ сихъ злодѣевъ многіе да и большею частію отмѣнно хорошо стрѣляютъ, ибо рѣдкій изъ нихъ, да и едва-ль кто сыщется, который бы гулебщикомъ не назывался; слѣдовательно, не умѣя цѣльно стрѣлять, не можно-бъ имъ было и за звѣрьми ходить. Не извольте подумать, чтобъ къ зажженію толь вреднаго намъ строенія калёныя ядра были не употреблены: все что̀ возможно было сдѣлано; но злодѣи или заливаньемъ старались затушать, либо съ удовольствіемъ, можетъ статься, видѣли, что ядра, пробивая стѣны, въ снѣгъ напослѣдокъ падали и сами отъ того по-

гасали. Словомъ сказать, ни одна изба изъ тѣхъ, которыя вреднѣе были, симъ способомъ въ тогдашнее время не зажжена, пока наконецъ сыскались изъ нашей 6-й команды три человѣка охотниковъ, которые, презирая всю опасность, требовали дозволенія изъ ретраншамента ихъ выпустить съ намѣреніемъ, чтобъ самоближайшій и наивреднѣйшій домъ руками зажечь. Они то дѣйствительно и учинили, не бывши не только злодѣями убиты, но ниже ранены. Комендантъ за такое храброе дѣло наградилъ ихъ по полуполтиннику, что̀ чрезъ мои руки имъ персонально каждому и доставлено. Не требовали, правда, они ни одной за сіе копѣйки; но если бы и пощедрѣе этого были награждены, то, кажется, не недостойны. Отъ одного дома въ скорости и другой въ одну линію съ нимъ стоящій загорѣлся, отчего больше половины непріятельскаго вреда убавилось. И такъ изволите видѣть, что не даромъ три четвертака потеряны, но польза еще тѣмъ не кончилась: солдаты, дождавъ вечера, не только тѣ, но и другіе (не на награжденія, правда, а на Божескую помощь смотря) ревность свою умножали; ибо ясно понимали, что не меньшей опасности и внутри ретраншамента были-бъ всѣ подвержены, какъ и за онымъ будучи, если около насъ стоящаго строенія не обжечь; чего ради съ удивительною ревностію многіе заключали, что лучше умереть въ храбромъ и столь полезномъ для всего общества подвигѣ, нежели застрѣленнымъ быть за стѣною лежа, или въ ретраншаментѣ съ мѣста на мѣсто по необходимости переходя. Сію похвальную ихъ отвагу само Небо благословляло; ибо того-жъ вечера еще нѣсколько домовъ сожжено безъ всякаго съ нашей стороны урона, хотя злодѣи всячески выходящимъ для зажженія и старались вредить. На другой день было уже въ ретраншаментѣ гораздо споснѣе, а особливо когда сожженъ былъ высокій Синельниковъ домъ, за что,

какъ и въ прежній день, храбрость охотниковъ безъ награжденія не осталась же. Но стрѣльба со всѣхъ сторонъ злодѣйская еще нимало не утихала, которая хотя уже не такъ какъ съ перваго разу была вредительна, но по множеству летящихъ отвсюду пуль и по мѣткости ихъ стрѣлковъ, съ дальнихъ высотъ изъ далекихъ пищалей стрѣлявшихъ, число въ ретраншаментѣ убитыхъ и раненыхъ еще не важно было. Солдаты тотчасъ согласились учинить вылазку человѣкъ до двадцати пяти и, благополучно оную окончавъ, зажгли еще нѣсколько дворовъ, которые къ ретраншаменту были ближе. Потомъ сряду дня съ три оныя вылазки продолжались, которыми и обожжено съ одной стороны сажень на сто, съ другой сажень на сорокъ, а съ третьей сажень на двадцать на пять. Сверхъ того и бунтовщиковъ въ сіе время поколото и убито (по объявленію тамо бывшихъ) не менѣе ста, да и такой по словамъ плѣнныхъ страхъ на нихъ наведенъ, что не знали уже что дѣлать; а напротивъ того наши солдаты всегда благополучно возвращались, такъ что уронъ ихъ противу злодѣйскаго ничего не стоилъ, чѣмъ всѣ они несказанно были ободрены.

Но измѣнники скоро домыслились авантажамъ симъ воспрепятствовать; того ради всю обгорѣлую площадь, а особливо улицы, чтобъ выходящихъ на вылазки въ оныя не впускать, огородили завалами, толщиною бревенъ въ восемь, а высотою человѣка въ полтора, и подѣлали вездѣ бойницы; караулы жъ на пикетахъ своихъ гораздо пріумножили, такъ что, когда уже и большими командами на вылазки выходили, не могли миновать въ разсужденіи самихъ себя чувствительнаго поврежденія, ниже непріятелю такъ вредить, какъ вредили прежде, хотя и то неоспоримо, что злодѣйскій убытокъ никогда не былъ меньше нашего, или бы иной еще нѣсколько и не превосходилъ.

Жаркій огонь ихъ ружей, съ начала осады, съ недѣлю, можно сказать, безпрерывно продолжался день и ночь; но намъ никогда уже злодѣи столько вреда не сдѣлали какъ въ первые двое сутокъ, въ которые справедливо можно сказать, что лба не можно было выставить. А потомъ легче стало; однакожъ рѣдкая проходила минута, чтобъ выстрѣловъ десяти или болѣе учинено отъ нихъ не было. Потомъ привезены изъ-подъ Оренбурга пушки и одинъ единорогъ, такожъ сперва одна, а послѣ и другая гоубицы съ чиненными гранатами и бомбами, да и самозванецъ сюда-жъ пріѣхалъ. Но пушечные и единорожные выстрѣлы почти нимало намъ не вредили, какъ и бросаніе бомбъ во все продолженіе ихъ стрѣльбы, кромѣ одного убитаго, никакого урона не причинило-жъ.

Между тѣмъ злодѣи подъ одну изъ нашихъ фланговыхъ батарей предпріяли подвесть подкопъ съ такимъ намѣреніемъ, чтобъ, нечаянно подорвавъ оный и тѣмъ учиня на батарею и въ ретраншаментъ отверстіе, броситься всею валкою къ намъ на cломъ и, не давъ намъ времени справиться, всею крѣпостью дѣйствительно завладѣть. Такое предпріятіе тѣмъ надежнѣе для злодѣевъ было, что мѣсто, чрезъ которое до батарей надлежало имъ изъ-за строенія перебѣжать, разстояніемъ больше двадцати саженъ не было; почему не безосновательно и заключали, что они у насъ прежде въ крѣпости могутъ быть, нежели на фасахъ солдаты послѣ сна въ оборонительное состояніе быть могутъ приведены, и успѣютъ хотя одинъ только разъ, не допустя до рву, по нихъ выстрѣлить. Сѣть оная и въ самой вещи для насъ наивредительнѣйшая была. Мы до самаго того момента, какъ оный подкопъ взорвало, не только никакого о томъ извѣстія не имѣли, но и представить себѣ не могли, дабы такіе разбойники, каковы есть Яицкіе казаки, въ состояніи были подобное сему какое либо дѣло сдѣлать. Самозва-

нецъ, чтобъ лучше людей къ сему предпріятію одобрить, отдалъ приказъ подъ смертною казнію, чтобъ не только служащіе, но и всѣ Русскіе мужики (которыхъ сотъ до трехъ здѣсь было), а къ тому отставные, и отъ двѣнадцати лѣтъ всѣ до одного малолѣтніе, къ сему на ретраншаментъ удару были собраны; почему, какъ сами злодѣи подтверждаютъ, собрано было всѣхъ на все больше четырехъ тысячъ человѣкъ, всѣ вооружены или огненнымъ или холоднымъ оружіемъ, да и съ такою тихостію, каковой въ разсужденіи продолжавшейся отъ бунтовщиковъ стрѣльбы до того времени никогда не бывало. Чтожъ надлежитъ до насъ, то по причинѣ знатнаго числа по то время съ начала осады побитыхъ и раненыхъ, фасы наши гораздо пообезлюдѣли, такъ что на всѣхъ четырехъ стѣнахъ надежныхъ въ оборонѣ людей едва-ль сотъ до четырехъ могло набраться съ резервомъ и нестроевыми. Помнится, часа за три до свѣта, вдругъ, совсѣмъ нечаянно подкопъ взорвало, и хотя батареѣ вреда отъ этого не сдѣлалось (потому что оной подъ самой ровъ, слѣдовательно и подъ стѣну подвести натрафили); однакожъ нѣкоторая часть контраскарпа столько на низъ обсѣла, что въ ровъ и изъ онаго свободно входить и выходить можно стало. Пыль разброшенная на воздухѣ еще не прочистилась, какъ злодѣи всѣмъ своимъ множествомъ, по ихъ обыкновенію, закричавъ, приступили ко рву, гдѣ напереди стояли съ двумя значками сотъ до четырехъ человѣкъ и бросились тотчасъ въ ровъ, и оной весь наполнили, когда еще въ такой внезапной осадѣ не успѣли по нихъ и выстрѣлить. Прочіе бунтовщики за ними бы всеконечно слѣдовали, а Русскіе мужики принесли уже лѣстницъ доста, чтобъ бросить оныя въ ровъ, по которымъ бы злодѣи могли взлѣзать на ретраншаменты; но скорѣе минуты мы, пришедъ въ себя, равно и изъ своихъ амбразуръ изъ

пушекъ ядрами и картечами толь сильную стрѣльбу производить вездѣ начали, что всѣ тѣ, которые не за стѣнами были, въ одну минуту убиты или смертельно ранены, да и не можно уже было никому изъ за строенія показаться. Чего ради, сколько-бы ихъ начальники въ ровъ на подмогу тамо бывшихъ ни высылали, понуждая къ тому орясинами и копьями (такъ что нѣкоторыхъ и до смерти за то кололи), только уже охотниковъ болѣе не было, да и никакими угрозами принудить къ тому не могли. Стрѣльба отъ злодѣевъ не только ружейная, но и пушечная во все то время производилась наисильнѣйшая со всѣхъ сторонъ, чѣмъ въ тотъ день нашихъ убитыхъ и раненыхъ прежнее число гораздо увеличилось; да и продолжалась оная далѣе половины дня. Во рву стоящіе злодѣи праздно не находились: нѣкоторые начали подкапывать ровъ, дабы уронить батарейныя стѣны; другіе заплотные столбы подрубали; иные на принесенныхъ въ ровъ лѣстницахъ становились въ такія скважины, отколь злодѣямъ, на батареѣ находящимся, способно можно было видѣть, а имъ по положенію мѣста вредить ни отколь способу не было: какъ скоро кого завидятъ, въ того стрѣляли, чему и добраго конца ожидать не слѣдовало; ибо съ умноженіемъ вреда робость во многихъ уже появилась, а если-бы въ такомъ состояніи пробыть до ночи, то бъ непріятнаго происшествія конечно не миновать.

Въ сей крайности необходимо было надобно сдѣлать вылазку; ибо инымъ образомъ не только выгнать злодѣевъ изъ рва, но и вредить онымъ ни съ которой стороны невозможно было. Никогда какъ въ то время охотниковъ для вылазки столь мало не было. Со всевозможною прилежностью и стараніемъ *) едва набралось ихъ сорокъ

*) Сію честь по справедливости приписать должно 6-й команды господину подпоручику Пустовалову.

пять человѣкъ: но помощь Божія столь очевидно намъ па измѣнниковъ споборала, что и сіе небольшое число бывшее во рву множество безвредно одолѣть могло. Сперва съ батареи, подъ которой опи были, начали бросать горячую туда золу и лить на измѣнниковъ варъ, чѣмъ какъ лишь только злодѣи въ чувствительное безпокойство приведены, то вдругъ изъ за угла батарейнаго рва спущенные па вылазку всѣмъ стремленіемъ, пулями и штыками, на пихъ ударили и въ такое бунтовщиковъ замѣшательство привели, что, по слабомъ и весьма краткомъ супротивленіи, всѣ до одного человѣка па побѣгъ ударились; по какъ за тѣснотою въ скорости бѣжать не могли, то въ послѣдпей отчаянности сами межъ себя одинъ другаго мяли. Солдаты-жъ между тѣмъ кололи ихъ какъ скотовъ, а въ тѣхъ, которые изъ рва успѣвали выбѣжать, съ батарей изъ задняго фасу ружей изъ ста стрѣляли. Сказываютъ, что въ тотъ день убито и отъ ранъ на другой и па третій день послѣ того погибло на сторопѣ самозванцовой близъ пяти сотъ человѣкъ, которой уронъ столько имъ былъ чувствителенъ, что уже въ другой разъ на сломъ идти охоту совсѣмъ опи потеряли. Нашъ уропъ въ сравненіи ихъ убыли хотя ничего пе значитъ, кромѣ что въ числѣ того дня убитыхъ потеряли мы одного поручика и артелерійскаго сержанта; по въ сравненіи-жъ оставшаго у пихъ и у насъ числа казался не неваженъ, чѣмъ тотъ депь Генваря 20-го и кончился.

Самозванецъ съ начала сего штурма и до окопчанія былъ самъ.

Спустя потомъ дней съ десять, т. е. 1-го Февраля, услышали мы въ городѣ пушечную пальбу и колокольный звонъ, который чрезъ весь день тогда продолжался. Не зная, что изъ сего заключить, иной думалъ, что самозванецъ не отъѣзжаетъ ли, и того ради на проводахъ его

они празднуютъ; другіе полагали, не имянинникъ ли онъ, а многіе догадывались, не женитъ ли онъ какого своего боярина, и въ знакъ крайней милости веселясь у него торжествуетъ. Но всѣ догадки были несправедливы. Дѣло открылось потомъ, что Емелька самъ женился: взялъ у отставнаго казака дочь. Отецъ ея прозывался Кузнецовъ, который своимъ достоинствомъ и достаткомъ сію фамилію нимало не превосходитъ. Устинья дѣвка была извѣстная, и старики сею женидьбою были въ такое замѣшательство приведены, что осмѣлились сумнѣніе свое и всего народа самозванцу персонально изъяснить; ибо они вовсе не понимали, какимъ то было образомъ, чтобъ называемый ими царь могъ жениться на такой простой дѣвкѣ, которую они сами достойною презрѣнія почитали. Однако-жъ, сказываютъ, затряслись ихъ бороды, когда отъ самозванца сказано, что впредъ кто хотя одно только слово сему подобное вымолвитъ, тому онъ отвѣтствовать будетъ висѣльницею, послѣ чего уже, не говоря ни слова, старались сего новаго идола по крайней возможности обожать, цѣловали руку, кланялись до земли, называли великою государынею и всякое рабское благоговѣніе такой глупой твари воздавать не стыдились.

Вскорѣ затѣмъ усмотрѣно, что злодѣи строятъ высокую батарею позади избъ; а какъ мѣсто сіе нашему ретраншаменту крайне вредительно быть могло, потому что и изъ ружей многихъ оттоль поранили, то нужно было помышлять, чтобъ сіе ихъ предпріятіе отвратить. Стрѣльбою пушечною ничего имъ не сдѣлано; ибо строеніе хотя и близко было, но закрывалось многими избами, чрезъ или сквозь которыя наши выстрѣлы не могли имъ вредить. Сіе на самой той же сторонѣ чинилось, а именно на яру старицы *),

---

*) Т. е. стараго теченія рѣки Урала (Яика). П. Б.

отколь и приступъ ихъ былъ, и гдѣ въ самую ту ночь какъ подкопъ взорвало, сдѣлана была отъ нашей батареи саженъ за двадцать ихъ неизмѣнная батарея-жъ, съ которой во время штурма непрестанно они стрѣляли и которая весьма вредительна-жъ оставалась. Сіи двѣ батареи и близкое около тѣхъ мѣстъ строеніе непремѣнно надлежало сжечь, чего кромѣ вылазки сдѣлать было не можно. И такъ 9-го Февраля, призвавъ Бога въ помощь, учинили оную. Сперва злодѣевъ на постахъ своихъ никого почти не было, почему высланные за завалы благополучно ихъ и перешли, да и зачали уже во многихъ мѣстахъ зажигать; но бунтовщики ударили тотчасъ всполохъ, и съ такою скоростію, великимъ многолюдствомъ и съ пушками, къ сему мѣсту бросились, имѣя съ собою предводителемъ главнаго ихъ разбойника, что солдаты не успѣли еще и части полнаго предпріятія окончить, какъ опасаясь, дабы совсѣмъ ихъ не утратить, принуждено было ударить сборъ. Что̀ касалось до предъявленныхъ батарей, иные и нѣсколько ближнихъ дворовъ, которые наиболѣе намъ опасность причиняли, безъ остатку сгорѣли, а тѣмъ и мѣсто съ сей стороны, вмѣсто двадцати пяти саженъ, уже очистилось на пятьдесятъ, да и ни съ которой стороны злодѣямъ такого способа къ причиненію намъ вреда болѣе не оставалось. Однако намѣреніе наше потому не исполнилось, что желалось до самаго такъ называемаго Кирсановскаго облома обжечь, въ разсужденіи чего сожжено очень мало. Только непріятелю малость сія гораздо была чувствительна; ибо оною всѣ предпріятія его рушились: мѣсто сіе для нихъ совершенной было важности; ни съ которой другой стороны ретраншаментъ нашъ столько близокъ не былъ, чего ради и положено у нихъ было при нижеслѣдующемъ приключеніи крѣпость нашу опять съ него штурмовать. Намъ однакожъ не дешево это стало; храбрыхъ людей при сей

вылазкѣ довольно мы потеряли, полагая и раненыхъ, которые въ скорости отъ того померли. Но вотъ особливаго примѣчанія что достойно.

7-й команды унтеръ-офицеръ Сапугальцовъ, который на всѣхъ вылазкахъ находился, въ то время самъ другъ, или самъ-третей, зажигая одну избу, такъ замедлилъ, что солдаты уже по сбору чрезъ барабанъ къ ретраншаменту возвратились, а онъ въ той избѣ злодѣями окруженъ и отъ прочихъ совсѣмъ отрѣзанъ. Весь тотъ дворъ наполнился бунтовщиками, съ которыми, имѣя долгую перестрѣлку, товарищи его наконецъ побиты, а онъ такъ жестоко раненъ, что, зарядя ружье и болѣе продолжать отпору силы не имѣя, рѣшился лечь противъ самыхъ дверей подъ лавку, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ послѣднею сею пулею перваго, кто въ избу пойдетъ, подарить, а потомъ уже бы и умереть съ удовольствіемъ храбраго солдата. Бунтовщики нынѣ сказываютъ, что самый первый бѣжалъ туда съ обнаженною саблею самозванецъ. Унтеръ-офицеръ не упустилъ времени по немъ выстрѣлить, но или ослабшія отъ ранъ руки его дрожали, или опредѣленная мѣра золъ не конечно еще исполнилась, въ злодѣя не трафилъ. Пуля, нѣсколько платья его задѣвъ, пролетѣла мимо, а Пугачевъ, предускоривъ смерть сего храбро-умирающаго воина, изрубилъ въ части.

Я о соборной колокольнѣ ничего еще не объявилъ. Оная Оренбургской несравненно выше, а особливо тѣмъ, что подъ самый ея верхъ свободный ходъ былъ, такъ что выше колоколовъ еще было въ ней два подмоста, и на послѣднемъ во всѣ стороны восемь оконъ. Оная не только была у насъ въ ретраншаментѣ, но съ валомъ передняго фаса, такъ какъ и самая церковь, одну линію составляла; она-жъ служила намъ наивредительнѣйшею для непріятеля батареею: ибо подняты были на нее двѣ трехъ-фунтовыя пушки,

одна подъ самые колокола, которые за тѣмъ и сняты были, а другая на самой верхній подмостъ. Высота ихъ отъ земли не менѣе была какъ первой девяти, а другой тринадцати саженъ; тамъ-же дённо и ночно содержаны были искусные стрѣлки, почему во всемъ тутошнемъ округѣ ни пѣшему, ни конному проходу давано не было, а пушки вредили кругомъ на версту. Сказываютъ, не проходило такого дня, чтобъ съ сей колокольни изъ злодѣевъ кого убито не было, а часто случалось человѣкъ по шести и болѣе на виду падали; особливо-жъ вредъ причиненъ имъ тогда, какъ, подорвавши подкопъ, батарею они штурмовали: ибо всѣ около лежащіе тутъ дворы наполнены тогда были тѣснымъ многолюдствомъ, и потому ни одного выстрѣла не учинено безъ нарочитаго ихъ урону, а и самозванецъ въ одинъ случай оттоль едва былъ не убитъ. Къ тому-жъ всѣ ихъ движенія съ сея колокольни всегда видны были. Бунтовщики, примѣтя во время штурма, сколь великій вредъ она имъ наносила, рѣшились, во что бы то ни стало, ее опровергнуть; для того принялись опять за подкопъ, послѣ подорванія перваго одного дня не мѣшкавъ. Чрезъ дезертировъ нашихъ увѣдомились они, что всѣ артилерійскіе заряды, для безопасности отъ бомбъ, складены подъ колокольню, а какъ злодѣи думали, что ихъ превеликое множество, то и полагали, что подорваніемъ сего зданія: 1-е, лишатъ насъ толь выгодной, а себя избавятъ вредной сей батареи; 2-е, сожгутъ нашъ порохъ и пушки чрезъ что приведутъ въ недѣйствіе; 3-е, силою-жъ какъ своего, такъ и нашего въ сихъ зарядахъ зелья, думали толь сильному быть импету, что колокольню по ретраншаменту всю размечетъ, и людей тутъ большую половину побьетъ; а 4-е, въ самое такое время учиня приступъ и нашедъ насъ въ совершенной по мнѣнію ихъ разстройкѣ, уже безъ всякаго супротивленія могутъ ретраншаментомъ овладѣть; да и ударъ

сей намѣрены были учинить изъ-за самыхъ тѣхъ избъ, которыя послѣднею вылазкою къ такой великой досадѣ нхъ сожгли. Сіе злодѣйское предпріятіе для насъ не лучше могло быть перваго. То и самая правда, что зарядовъ пушечныхъ и единорожныхъ большая половина подъ колокольнею была складена, а сверхъ того и фузейные запасные патроны почти всѣ тутъ-же были, котораго всего лишась, конечно-бы мы опѣшили, да и подрывъ болѣе-бъ могъ быть вреденъ; но Господь, благоволя насъ сохранить, устроилъ тому противное.

Подкопъ работанъ былъ по 18-е Февраля, а между тѣмъ съ двухъ сторонъ три батареи они построили. Мы на мѣсто сіе и сами подозрѣвали, и потому приказано было начать работу-жъ, дабы, извнутри крѣпости прорывшись на внѣшнюю сторону, противу церкви и колокольни сколько можно глубже во всю ихъ дистанцію подземный ходъ вырыть; а сіе въ такую точно предосторожность и было дѣлано, чтобъ злодѣи подъ сіи зданія подкоповъ не подвели; ибо тутъ рва, которой впрочемъ кромѣ задняго фасу весь ретраншаментъ окружалъ, совсѣмъ не было. Но сей ходъ начатъ прежде рытьемъ въ ту сторону, гдѣ стоитъ церковь, въ которую чтобъ подкопомъ они не вошли и въ ней-бы ко вреду нашему не засѣли, больше всего опасаться надлежало. Оную противъ церкви сторону совсѣмъ уже мы проходили, какъ на помянутое 18-е Февраля, въ самую почти полночь, выбѣжалъ къ ретраншаменту Яицкой казакъ, тотъ что̀ въ Оренбургѣ Коммисіею розыскиванъ (гдѣ и умеръ), казака Неулыбина родной сынъ. Самъ Богъ, какъ видно, его послалъ къ предупрежденію нашего злополучія, ибо онъ съ тѣмъ и выбѣжалъ, чтобъ объявить коменданту о злодѣйскомъ, въ самую ту ночь къ исполненію назначенномъ, предпріятіи, который сказалъ, что подкопъ, веденный подъ колокольню, думаетъ онъ, бунтовщики

уже окончали; ибо еще вчерашняго дня дошли до фундаментнаго бута и тогда-жъ пробивать оный начали; а въ вечеру былъ у нихъ кругъ, на которомъ положено, чтобъ предъ свѣтомъ къ штурму нашей крѣпости, такъ какъ и въ прежнемъ было случаѣ, всѣмъ туда собираться; да и объявлено съ наикрѣпчайшимъ отъ самозванца подтвержденіемъ, чтобъ, какъ скоро колокольню взорветъ, того-жъ момента со всѣхъ сторонъ въ проломъ, отъ того учиненный, всѣмъ стремленіемъ броситься и прямо-бъ бѣжать къ намъ въ крѣпость. Прибавилъ онъ къ тому еще, что хотя и положено у нихъ все то учинить на разсвѣтѣ; но можетъ статься, что и скорѣе то учинятъ. Толь нечаянная вѣдомость, какъ сами представить изволите, не неважна намъ показалась.

Тотчасъ приказано людямъ всѣмъ быть съ ружьями, а офицерамъ при своихъ фасахъ, фитили всѣ до одного зажечь и къ храброму отпору въ ежеминутной состоять готовности. Порохъ изъ-подъ колокольни вынесенъ того-жъ момента; а дабы злодѣйскому намѣренію воспрепятствовать, то, разобравъ кирпичный тамъ полъ, во всю переднюю стѣну рыть начали борозду, въ надеждѣ, не можно-ль будетъ въ подкопъ ихъ успѣть прорыться и тѣмъ настоящій вредъ дѣйствительно предотвратить, что̀ и совершенно могло-бы статься; но измѣнники, какъ уже послѣ о семъ мы свѣдали, работу нашу тотчасъ подстерегли, и того ради намѣреніе свое какъ можно поскорѣе поспѣшили ко окончанію привесть. Сказываютъ, не хотѣли и такого допустить промедленія, сколько потребно было на привезеніе пороху, но, подложа тутъ случившійся, старались со всею возможною ревностію устье каморы накрѣпко завалить; а между тѣмъ начальники бунтовщиковъ сгоняли спѣшно народъ, который по повѣсткѣ немедленно и собрался. Наконецъ, наше стараніе злодѣйскимъ предупреждено, подкопъ

взорвало; колокольня, зашатавшись, въ ретраншаментъ до основанія вся обрушилась, и хотя валилась съ такою удивительною тихостію, что человѣка съ три на самомъ верху оной спавшихъ, почти не разбудя, на земь и съ постелями ихъ снесло (чему въ разсужденіи мною уже описанной высоты почти вѣрить трудно), да и пушку, которая также на самомъ верху была съ ея лафетомъ, безвредно на низъ составило, а при томъ каменьевъ по крѣпости ни мало не разбросало (ибо по тихости сего паденія, всѣ они повалились въ одну груду); однакожъ по отмѣнной огромности высокаго толь строенія не могло обойтись, дабы близъ сорока пяти человѣкъ до смерти не задавило *). Сіи несчастные большею частію были егери седьмой команды, изъ которыхъ нѣсколько человѣкъ на самой колокольнѣ для смотрѣнія непріятельскихъ въ городкѣ движеній и въ нихъ стрѣлянія особой пикетъ имѣли, другіе между церковью и колокольнею на сдѣланной каменной стѣнѣ на часахъ стояли и въ особомъ тутъ-же шелашикѣ подъ часами спали; а прочіе изъ нихъ съ сержантомъ были въ своей кибиткѣ, которая подлѣ самой же колокольни была. Кромѣ сихъ подавлены и тѣ канонеры, которые при бывшихъ на колокольнѣ пушкахъ находились, казаки и погонщики, которые въ колокольнѣ борозду прорывали и кои были при сей работѣ у присмотру; а нѣсколько подавлено и зѣвакъ, которыхъ куріозность тутъ для одного смотрѣнія завела. Всѣ они, кажется, могутъ несчастными наиболѣе потому назваться, что умереть имъ, по видимому, нужды никакой не было; ибо со всѣхъ сихъ мѣстъ, во ожиданіи будущаго подрыва, можно-бъ было ихъ свесть, да и въ работу оную лучше-бъ, думается, употребить тѣхъ злодѣевъ, которые у

---

*) Сверхъ до смерти подавленныхъ были еще и такіе, человѣкъ, я думаю, до 20-ти, которые хотя и живы, но нѣкоторые члены повреждены, зачѣмъ и въ госпиталь отосланы.

насъ въ ретраншаментѣ человѣкъ до тридцати, по основательному подозрѣнію и по многимъ явнымъ уже открытіямъ, скованы, содержались и о смерти которыхъ какъ по злодѣйскимъ ихъ намѣреніямъ, премного того достойныхъ, сожалѣть никакой-бы причины не было; а особливо что бъ и приключилось имъ, то отъ ихъ-же въ злодѣйствѣ единомышленниковъ. Но, какъ говорится, ихъ не срокъ, а нашъ грѣхъ былъ, чтобъ произошло сіе такимъ образомъ, какъ выше я описалъ.

Лишь только отъ подрыва раздался ударъ, еще и колокольня валившись столько медленно не совсѣмъ упала, какъ на всѣхъ фасахъ загорѣлся у насъ огонь, а особливо на тѣхъ, съ которыхъ сторонъ наиболѣе ожидаемо было злодѣйское нападеніе. Пушки разомъ всѣ загремѣли, такъ что казалось, будто не злодѣй насъ, но мы ихъ нечаянно атаковать предпріяли; ибо когда все сіе учинено, то отъ нихъ не только на насъ удара, но еще и зыку никакого слышно не было. Кажется, не въ одно удивленіе, но и не въ малой страхъ они приведены, когда, противу чаянія и вопреки всякаго отъ ихъ злодѣйскихъ предводителей увѣренія, нашли насъ симъ колокольни паденіемъ не только не обробѣвшихъ, но и къ отпору такъ готовыхъ, что еще не успѣли съ мѣста тронуться, какъ летящій противъ себя нашихъ пуль и ядеръ во всѣ стороны градъ они ощутили; да и не смотря на то, что находились всѣ внутри заваловъ и въ ближнихъ около ретраншамента дворахъ, пушечными и единорожными выстрѣлами вредъ уже имъ чинился. Нѣсколько прошло минутъ, пока бунтовщики одумались; на послѣдокъ, подняли они визгъ, который обыкновенно чинятъ при всякомъ на кого либо нападеніи, однако кричали изъза заваловъ не выходя. Главные ихъ разбойники всемѣстно къ удару ихъ поощряли, непрестанно кричавъ: „На сломъ, на сломъ, атаманы молодцы, ступайте!“ Но послушанія

мы не видѣли, а только слышно было, что нѣкоторые изъ казаковъ отзывались, чтобъ сами они отвѣдали со лбомъ туда бѣжать. Сіе запримѣтя, стрѣльбу свою мы умалили; но солдаты всѣ лежали на прикладѣ, готовы будучи гостей сихъ принять пулями и штыками. Визгъ продолжался до свѣта, и по множеству голосовъ можно было думать, что собраніе ихъ немалое. Самозванецъ опять тутъ былъ же; но какъ и первый штурмъ вырвалъ у нихъ кожу съ мясомъ (ибо рѣдкій дворъ остался тогда безъ покойника), то къ новой теперь атакѣ никакія побужденія не могли уже ихъ склонить. И тако повизжавъ, замолчали, а на разсвѣтѣ и по домамъ своимъ разошлись, съ немалымъ, какъ слышно было, роптаніемъ, что ихъ въ другой уже разъ обманываютъ. Сперва же сказывали, что, подорвавъ батарею, солдатъ размечетъ во всѣ стороны за десять верстъ и ретраншаментъ землею засыплетъ; а нынѣ же говорили, будто, взорвавъ колокольню, упадетъ на нихъ каменный градъ и всѣхъ живыхъ подавитъ; но въ самой же вещи не такъ все строится, и мы же сами видимъ, что какъ тогда, такъ и нынѣ, солдатамъ въ кремлѣ ничего не сдѣлалось.

О уронѣ злодѣевъ точнаго извѣстія не имѣемъ; однакожъ сказываютъ, что пушечными ядрами да и стрѣляніемъ изъ фузей немало ихъ перебило. У насъ, по благости Божіей, чрезъ все время продолжавшейся отъ нихъ стрѣльбы никакого урона не было. И такъ кромѣ побитыхъ или подавленныхъ колокольнею сей случай намъ былъ безвреденъ, а и того-бъ совершенно бы мы избѣжали, если-бъ вѣстниково заблаговременное объявленіе было еще поранѣе, или бы съ опасныхъ толь мѣстъ люди всѣ были сняты. Малой сей отъ чистаго усердія своего это сдѣлалъ. Намѣреніе, какъ сказывалъ, онъ имѣлъ еще за сутки до того къ намъ выбѣжать; но въ прошедшую ночь, въ самое то время, какъ онъ идти намѣренъ былъ, за всѣми у злодѣевъ зава-

лами произошла тревога; а оная послѣдовала отъ того, что отъ насъ до нѣсколько человѣкъ были высланы за дровами, которыхъ усмотря подумали они, что чинится вылазка, и того ради всю ту ночь съ отмѣнною осторожностью караулили. Но какъ бы то ни было, только выбѣгшій сей казакъ великую причинилъ намъ пользу; ибо не только бывшій подъ колокольнею пушечный и ружейный припасъ тѣмъ отъ истребленія предохраненъ, но, можетъ статься, что и вся въ предпріятіи злодѣйская неудача единственно отъ сего зависѣла. Въ награду за сію услугу опредѣлено ему выдать двадцать рублей. Пороху, сказываютъ, было подъ колокольнею подложено пудовъ съ двѣнадцать; а хотя намѣреніе и было употребить онаго пудовъ до тридцати, но изъясненная торопливость сдѣлать того не дозволила, и иные-жъ объявляютъ, что дѣйствительно тридцать пудовъ его сожжено, котораго на тѣхъ дняхъ привезено бунтовщиками изъ Гурьева городка до семидесяти пудовъ.

На оставшей отъ колокольни части сдѣлали мы возвышенную батарею, а пониже ея на томъ же фасѣ и другую поставили, чѣмъ то мѣсто паки въ безопасное состояніе приведено.

19-го числа примѣчено необычное въ городкѣ непріятельское движеніе, значущее, какъ бы куда въ отъѣздъ они собирались; а на другой день и дѣйствительно выѣхало, съ значками по двѣ лошади, человѣкъ до пяти сотъ по дорогѣ, что къ Оренбургу; на третій и на четвертый день выѣзжали изъ городка непрестанно, только уже въ упряжахъ, а не верхомъ, такъ что въ сіи и въ слѣдующіе потомъ три или четыре дня насчитано всего на все упряжекъ до полуторы тысячи. Самъ Емелька въ числѣ былъ первовыѣзжихъ. Выбѣжавшій къ намъ въ крѣпость изъ городка казакъ заподлинно удостовѣрилъ, что сіе движеніе для

возмущенія идущихъ къ Оренбургу войскъ сдѣлано; ибо самозванецъ на тѣхъ самыхъ дняхъ чрезъ нарочнаго былъ увѣдомленъ, что оныя, по Самарской дистанціи слѣдуя, прошли уже Бузулукъ. Толь пріятное извѣстіе, конечно, насъ ободрило. Сикурсомъ такъ скоро были мы обнадежены, какъ только войска къ Оренбургу прійдутъ и, предъисчисляя время, находили по вѣрнымъ выкладкамъ, что ежели не въ окончаніи Сырной, то уже на первой недѣлѣ великаго поста оной неотмѣнно къ намъ будетъ. Которые заикались выговорить, что не худо-бъ было, если бы на второй недѣлѣ сіе сбылось, такіе считались за легкомысленныхъ, да и были иногда за то бранены, какъ незнающіе кривотолки. Время однакожъ ихъ оправдало, и они даваемый имъ титулъ по самой справедливости уступили первымъ. Кажется, въ такихъ отрадныхъ обстоятельствахъ, заботы-бъ у насъ поубыло; но мы отъ часу новымъ безпокойствамъ подвергались. Злодѣи по ночамъ четвертую батарею начали строить; къ тому-жъ усмотрѣно, что по рѣчному яру, на которомъ ретраншаментъ нашъ стоитъ, въ двухъ противныхъ межъ собою мѣстахъ, они землю роютъ, завалы свои наиболѣе укрѣпляли, и вмѣсто низкихъ высокіе вездѣ ставили; словомъ сказать, работа продолжалась безпрерывная. Но намъ земляная казалась другихъ опаснѣе; ибо подкопы ихъ, правду сказать, насъ уже безпокоили. Надлежало всемѣрно оные предупреждать. Работниковъ и матеріаловъ у нашихъ злодѣевъ не недоставало; ибо Русскіе мужики, сколько въ городкѣ ихъ ни было, да и вновь сколько ни пріѣзжало, всѣ для того задержаны; кузницъ и кузнецовъ на сдѣланіе земляныхъ инструментовъ превеликое множество; лѣсу всякаго на подставки и подмостки предовольно; а у насъ, напротивъ того, и всего нужнаго совершенно не доставало. Люди всегдашнимъ бдѣніемъ, а притомъ будучи въ зимнее время на стужѣ,

всегда безъ дровъ, уже и безъ работъ были въ крайнее изнуреніе приведены; земляныхъ инструментовъ годныхъ къ такой работѣ почти совсѣмъ не было кромѣ обыкновенныхъ, да и то небольшаго числа лопатокъ и топоровъ, которые большею частію были уже изломаны, или такъ вытуплены, что никуды не годились; а лѣсу у насъ совсѣмъ почти никакого не было, ибо солдатамъ и каши сварить часто случалось нечѣмъ. При всѣхъ таковыхъ невозможностяхъ работать нужно было по всему рву, имѣющему протяженія саженъ на сто; ибо выбѣгшіе объявляли, что злодѣи въ своемъ намѣреніи на многія мѣста къ намъ цѣлили, кромѣ тѣхъ, противу коихъ усмотрѣли мы ихъ работу. Но какъ, исключая предъявленныя неудобности, и земля такъ далеко въ глубину промерзла, что на цѣлый аршинъ надлежало ее рубить, какъ какой твердый камень, то ни по которому образу не можно было о томъ и думать, чтобъ всѣ вкругъ ретраншамента мѣста привесть въ безопасное состояніе. Должно было помышлять уже о самонужнѣйшихъ, а таковыхъ не меньше было пяти. 1-е) Ровъ нашъ, какъ уже я выше доносилъ, противу церкви и колокольни продолженіемъ прерывался по примѣру саженъ на двадцать; тутъ отъ одного до другаго нужно было вырыть подземной проходъ. 2-е) Около каменныхъ палатъ, которыя къ одному углу нашего ретраншамента примыкали, и гдѣ чрезъ всю осаду содержанъ былъ отъ насъ важный весьма пикетъ, надлежало глубокій окопъ же сдѣлать. 3-е) Да противу трехъ батарей надобно было глубокія прорыть во рву борозды, подъ которыя-бъ злодѣи своими подкопами подойти не могли. Таковая работа почти выше была возможности; но мы, сколько силъ имѣли, за оную принялись, хотя и видѣли, что окончаніе всего нашего провіанта прежде имѣетъ послѣдовать, нежели успѣемъ мы ту работу кончить.

Бунтовщики, запримѣтя, что мы противъ ихъ также землю роемъ, нѣсколько было въ своихъ работахъ поослабѣли; имъ подумалось, что уже и мы подъ ихъ батареи подкопы подводить начали, а потому и были они въ такую опасность приведены, что въ ночное время, опасаясь, дабы которое либо мѣсто у нихъ не взорвало, сказываютъ, многіе на батареяхъ и въ караулѣ не могли быть, но отъ заваловъ далѣе уходили. Еще примѣтили мы, что и начатую батарею, которая обширностью прочихъ превосходила, возвысивъ саженъ до трехъ, безъ окончанія, такъ оставили. Все сіе и ожиданіе, не со дня уже на день, но съ часу на часъ прибытія уповаемаго сикурса лишь только пріятною надеждою и нѣкоторою отрадою питать насъ начинало, какъ двое изъ содержащихся въ ретраншаментѣ Яицкихъ колодниковъ съ работы отъ нихъ бѣжали. Они, какъ видно, злодѣевъ увѣрили, что мы сами болѣе ихъ боимся, нежели сколько имъ насъ опасаться долженствовало; да и о земляной работѣ, какая она была, думать надобно, обстоятельно извѣстили, о наступающемъ недостаткѣ пищи, чтó уже каждому въ ретраншаментѣ могло быть свѣдомо, какъ и о всѣхъ постигающихъ уже насъ крайностяхъ умолчано также, конечно, не было; словомъ сказать, оныя злодѣйскія ихъ всего нашего состоянія объясненія произвели въ бунтовщикахъ мгновенную перемѣну. Того ради какъ будто вновь тамъ ожили, и того-жъ еще дня ружейную въ насъ стрѣльбу, которая нѣсколько дней до того затихла, паки возобновили, продолжая оную изъ-за заваловъ, съ высокихъ избъ, со всѣхъ сторонъ, а ночью и за батарею опять принялись, которую въ скорости построили другихъ несравненно выше. Намъ потому наиболѣе предъ прочими сія опасною представлялась, что по отмѣнной своей вышинѣ на весь почти ретраншаментъ свободно могла дѣйствовать. Для того нужно было подѣлать вездѣ защиты,

перегораживая нашу крѣпость каменными поперекъ стѣнами, да и самый валъ съ той стороны насыпанными пескомъ кулями, сколько можно возвышая болѣе кирпичей. Къ сему отъ разсыпанной колокольни имѣли безнедостаточно. Злодѣи, наше стараніе упреждая, помянутую батарею еще съ 20 вѣнцовъ возвысили, и тѣмъ на подобіе высокой башни ее сдѣлали. А прямо передняго крѣпости нашей фаса увидѣли мы, что и еще возвышенную-жъ батарею они строить начали. Оная-бъ была, конечно, той не ниже; ибо Чаганскую башню на сіе они употребили, которую уже въ ровень съ высокими избами и подняли. Земляной работы съ оной стороны, съ которой первой приступъ ихъ былъ, хотя мы болѣе не видали, но съ другой, гдѣ три батареи уже было сдѣлано, непрестанно продолжали почти день и ночь. Многолюдства у нихъ въ городѣ не запримѣчено, почему и заключили, что казаки съ самозванцемъ изъ городка всѣ выѣхали, кромѣ небольшаго числа оставшихся около нашей крѣпости въ караулахъ, но ревностное вкругъ всего ретраншамента продолженіе ихъ работъ по мнѣнію нашему нѣчто въ себѣ такое значило, чего опасаться долженствовало. Мы не могли не полагать, что такія приготовленія дѣлаются противу насъ, въ ожиданіи скораго злодѣевъ въ городокъ съ ихъ самозванцемъ возвращенія (чтó ни исполняется, то все дѣйствительно по его приказу) и что, какъ бы обратно они ни прибыли, т. е. съ удачею, или совсѣмъ разбиты, не оставятъ однакожъ надъ нами въ такомъ случаѣ послѣднихъ силъ своихъ испытать. Того ради разсуждено всѣмъ, сколько выискаться можетъ, охотникамъ позволить еще вылазку. Причины, побуждающія къ сему, были: 1-е) не удастся ли еще нѣсколько близлежащаго вкругъ строенія, а особливо высокія батареи ихъ сжечь, которыя въ случаѣ могущаго послѣдовать отъ злодѣевъ штурма неизъясни-

мымъ вредомъ угрожали; 2-е) чрезъ языковъ или очевидно, буде случай подастся, изслѣдовать, куда именно и сколько подкоповъ они ведутъ; ибо къ предупрежденію отъ того бѣдственныхъ приключеній знать сіе необходимо было нужно; 3-е) стараться изъ злодѣевъ кого нибудь захватить и чрезъ то увѣдомиться точнѣе о самозванцѣ, о нашихъ противъ его войскахъ, о числѣ оставшихся въ городкѣ людей, и о чемъ въ тогдашнихъ обстоятельствахъ вѣдать было надобно; а 4-е) что и случаи къ сему повидимому удобно тогда представились, ибо сами солдаты охотно на то напрашивались. Охотниковъ набралось до двухъ сотъ пятидесяти человѣкъ, въ коемъ числѣ многіе находились выпользованные изъ раненыхъ. Можно безпристрастно сказать, что храбрость здѣшнихъ солдатъ, конечно, достойна славы; кромѣ сего случая никогда ихъ столько на вылазку не выпускали, сколько было желающихъ; и я вѣрно могу донесть, что исключая здоровьемъ слабыхъ, въ нашей 6-й командѣ ни одного солдата нѣтъ, который бы не однажды, но по нѣскольку разъ съ прочими изъ ретраншамента не выходилъ, а такихъ очень много, которые на всѣхъ вылязкахъ безъ изъятія находились. Въ сей случай положено атаковать злодѣевъ съ двухъ сторонъ, и для того охотники на двѣ части раздѣлены: туда, гдѣ бо́льшему непріятеля многолюдству быть думалось, послано 150 *), а въ другое мѣсто 100 **) человѣкъ. Вылазка учинена Марта 9-го на разсвѣтѣ такимъ образомъ, что еще до свѣта солдаты изъ ретраншамента за ровъ перепроважены, а какъ только нѣсколько стало видно, то подошедъ сперва къ заваламъ со всею возможною тихостію, нечаянно на оные ударили.

---

*) При сей части командиромъ былъ 6-й команды г-нъ адъютантъ Стрѣльниковъ.

**) А при сихъ 7-й команды прапорщикъ г-нъ Пасмуровъ.

Дабы не распространиться въ описаніи сей вылазки, которая не соотвѣтствовала предположенному намѣренію, донесу только то, что злодѣйскіе пикеты нашлись противу чаянія многолюдны, а всѣ мѣстные ихъ завалы и перегородки такое нашимъ солдатамъ воспрещеніе вездѣ ставили, что добраться до бунтовщиковъ никакого способа не было. Проходы туда столько были тѣсны, что иначе какъ по одному человѣку въ рядъ проходить невозможно было, да и тѣ со всѣхъ сторонъ злодѣями пресильно защищались, такъ что въ каждое такое мѣсто они ружей изъ тридцати разомъ стрѣлять могли. Наши солдаты по нихъ стрѣляли, но за стѣнами такого вреда, какъ желалось, причинять не могли. Бунтовщиковъ собраніе по битью всполохъ отъ часу умножалось; а какъ уже далѣе приходить къ нимъ возможности ни малѣйшей не было, да и строеніе зажигать по жестокой отъ всѣхъ сторонъ въ нашихъ людей стрѣльбѣ невозможно стало, а уронъ и число раненыхъ отъ часу больше умножалось, то и принуждены были возвращаться въ ретраншаментъ.

Случай сей представилъ намъ наижалостнѣйшее позорище. Злодѣи, ретираду нашихъ видя, смѣлость свою умножили и подняли такую изъ всѣхъ мѣстъ стрѣльбу, что солдаты, возвращаясь изъ за заваловъ, бѣжали кто какъ успѣлъ. Офицеры, бывшіе при сей вылазкѣ, въ порядокъ ихъ привесть ни малѣйшаго способа не имѣли; ибо не было нигдѣ такого безопаснаго мѣста, гдѣ-бъ остановясь сождаться было можно: бунтовщики всѣ тѣ мѣста, гдѣ и небольшое собраніе нашихъ видѣли, пулями такъ какъ градомъ осыпали со всѣхъ сторонъ, почему и надлежало бѣжать всѣмъ порознь. Тѣ, которые были цѣлы и не столь далеко въ злодѣйскія жилища зашли, выбѣжали напередъ и благополучно въ ретраншаментъ возвратились; но раненые съ такою скоростію имъ послѣдовать не могли, чего

ради какъ и тѣ, которые внутрь заваловъ пробѣжали, далѣе уже напослѣдъ выбирались. Измѣнники старались всячески ихъ отрѣзать и погубить, что̀ съ нѣкоторыми дѣйствительно и учинили. Иныхъ захватили они на самыхъ переходахъ чрезъ завалъ, другихъ на тѣхъ дворахъ, гдѣ были для зажигательства, а многихъ перестрѣляли такихъ, которые уже изъ за заваловъ вышедъ спѣшили добраться въ ретраншаментъ; но что̀ больше всего наичувствительнаго сожалѣнія достойно, то сіе, что злодѣи, по сю сторону заваловъ бѣгая и съ нашими въ одинъ видъ смѣшавшись, многихъ изъ бѣжавшихъ оттоль задерживая, таскали въ свои толпы, и ра́неныхъ, которые отъ безсилія падали, варварски въ нашемъ виду кололи, давая имъ сверхъ уже полученныхъ еще по множеству ранъ, нѣкоторыхъ-же рубили и топорами, мучительски таская за волосы и прочь головы отсѣкая. Помощи симъ страждущимъ подать уже мы не могли; ибо, по великому многолюдству бунтовщиковъ, надлежало-бъ не меньшему быть сикурсу какъ человѣкахъ стахъ въ трехъ; но такого количества во первыхъ негдѣ было и взять, а къ тому ясно было видно, что не столько-бы мы отъ смерти своихъ избавили, сколько бъ чрезъ то вновь еще потеряли.

Никогда съ такимъ урономъ люди наши съ вылазки не возвращались. Одныхъ дѣйствительно тамъ убитыхъ насчитали мы болѣе тридцати человѣкъ, да раненыхъ человѣкъ съ восемьдесятъ, изъ коихъ нѣкоторые того самаго дня, а другіе въ скорости потомъ и умерли. Прибытокъ нашъ съ такою убылью весьма не сходствовалъ: удалось нашимъ сжечь только ту одну батарею, что̀ изъ Чаганской башни была застроена, и еще нѣсколько ближнихъ, однакожъ не весьма намъ вредныхъ дворовъ, а прочее все осталось у злодѣевъ въ цѣлости. До высокой батареи они далеко не допустили, а до подкопа, отколѣ оной вели, еще и

того далѣе; словомъ сказать, изъ намѣреннаго нами почти не сдѣлано ничего, кромѣ что изъ бунтовщиковъ захватили тамъ трехъ языковъ, однако и тѣ основательнаго ничего не сказали. Они только что опасность нашу умножили: ибо по объявленію ихъ открылось, что на злодѣйскихъ около насъ пикетахъ людей у нихъ въ городкѣ оставлено болѣе тысячи человѣкъ, что подкопы ведутъ къ намъ отъ двухъ сторонъ, а намѣреніе имѣли еще и съ третьей тожъ учинить; что рытой ими отъ стороны высокой батареи подкопъ уже приходитъ къ окончанію, да и намѣрены въ два мѣста оный провесть: одинъ подъ стоящія на томъ фасѣ пушки, а другой подъ ту камеру, въ которой комендатъ съ офицерами находился, дабы тѣмъ удобнѣе (какъ они проговаривали), истребя начальниковъ, на однихъ солдатъ уже и нападеніе учинить. Сказывали-жъ еще, что самозванца ожидаютъ сюда со дня на день, и для того всячески начальники ихъ спѣшатъ всѣ работы скорѣе окончать, дабы къ возвращенію его все готово было, и что наконецъ о приближеніи къ намъ сикурса они ничего и ни отъ кого не слышали, а въ прочемъ во всемъ незнаніемъ отреклись.

Спасенія опричь сикурса мы ни въ чемъ не видѣли. Провіанта уже и по той скудной пропорціи, которая получалась, оставалось только дней на десять, чего ради принуждено было оную еще умалить. Лазареты больными и ранеными преисполнились, а фасы и прочіе въ ретраншаментѣ посты служивыми гораздо рѣдки стали. Земляная работа еще прибавилась-же, ибо разсуждено помянутую камору съ той стороны, отколь злодѣи распростирались, предохранить подкопомъ-же, во всю стѣну, подъ которую имъ подрыть было можно. У насъ то и дѣло пробовали въ ней долгими буровами землю, нѣтъ-ли уже той пустоты, которая отъ подведенія подкопа долженствовала-бъ

тутъ быть; ибо многимъ казалось, что дрожитъ уже полъ, по каковой причинѣ иные въ той каморѣ болѣе и ночевать не могли. Какъ быть! Смерть, по пословицѣ, и праведника страшитъ; а посему у насъ хотя нѣкоторые и во ожиданіи близкой смерти уже совсѣмъ въ благочестіе облеклись, но переселенія на тотъ свѣтъ подобно какъ огня боялись, о чемъ со временемъ обстоятельнѣе, уповаю, извѣстно быть можетъ.

Бунтовщики завалы свои укрѣпили болѣе, да и сдѣлали такъ, чтобъ уже ни въ которомъ мѣстѣ свободнаго приступа къ нимъ не было. На сей конецъ сверхъ бывшихъ вездѣ бойницъ прорубили пушечныя амбразуры, да и пушки противъ ихъ поставили, а на мѣсто сожженной въ другомъ мѣстѣ на самомъ яру старицы батарею-же сдѣлали. Что̀ надлежитъ до насъ, то больше не оставалось что̀ дѣлать какъ во ожиданіи подорванія ихъ подкоповъ совсѣмъ почти ночи не спать, людямъ быть половинѣ въ ружьѣ, а другой дремать сидя. Однако было еще гораздо холодно, чтобъ въ кибиткахъ быть безъ дровъ, да и пополамъ бывши съ голодомъ сонъ насъ безпокоилъ. Чѣмъ далѣе продолжалось время, тѣмъ отчаяніе больше множилось. Уже наступало и Благовѣщеніе, а сикурсу къ намъ нѣтъ. Голодъ, который еще до того былъ сносенъ, сдѣлался напослѣдокъ отягощенъ, а особливо женщинамъ, которыхъ съ малыми ребятами въ крѣпости у насъ почти до ста было. Фунтъ толчи продавали уже копѣекъ въ 70-тъ, муку 50-тъ, овса 25 коп., да и того въ покупкѣ доставать не могли. Многіе начали просить о выпискѣ ихъ въ городокъ, что̀ по необходимости таковымъ и дозволено; но злодѣи требовали, чтобъ съ нашими бабами и колодниковъ имъ всѣхъ выдать, а сіе не для чего предлагали, какъ только хотѣли насъ обмануть: ибо чрезъ сей случай о наступившемъ въ нашей крѣпости въ пропитаніи недостаткѣ можно было

и безтолковому бъ уразумѣть, имѣя давно въ намѣреніи принудить насъ къ сдачѣ ретраншамента голодомъ. Ни для какихъ причинъ нашихъ женщинъ допустить бы къ себѣ не согласились, хотя-бы и колодниковъ имъ мы отдали. Они и дѣйствительно два резона къ тому имѣли: первое, что, будучи въ городкѣ, какъ уповаемо думали, могутъ какимъ ни есть образомъ къ намъ отъ нихъ вѣсти переносить; а другое, что и хлѣбъ тотъ, который бы они ѣли, можно будетъ въ пищу солдатамъ употребить, и чрезъ то далѣе удержаться сдачею. Небезъизвѣстно еще и то, что опасность они имѣли, не ради ли зажигательства наши женщины къ нимъ подосланы. Сіе воображая и дабы свободою колодниковъ не умножить еще злодѣевъ, паче не допустить-бы чрезъ то такимъ мошенникамъ и въ обманѣ своемъ успѣть, оное предложеніе ихъ отвергнуто, а они подъ симъ претекстомъ бабъ нашихъ, только одну ночь, да и то подъ карауломъ, у себя продержавъ, обратно къ намъ прогнали.

Голодъ съ сего времени отъ часу умножаться началъ; солдаты получали въ сутки только по четверти фунта муки, что̀ одна десятая часть надлежащей ихъ выдачи, слѣдовательно самою такою порціею, какою положено солдату быть сыту одинъ только день, надлежало питать себя полторы недѣли. Можно-ли быть скуднѣйшей еще препорціи? При томъ не только что крупъ, но и соли золотника не было. Но одинъ-ли голодъ мучилъ тогда людей? Они, будучи съ начала еще самой осени безсмѣнно въ караулѣ, никогда столь много принужденія не имѣли какъ въ послѣднее сіе время, когда, всечасно непріятельскаго нападенія ожидая, цѣлыя ночи должно было не имѣть сна, а днемъ упражняться въ земляной и въ прочихъ до укрѣпленія ретраншамента касающихся работахъ.

Рѣдкая проходила ночь, чтобъ тревоги не было всѣмъ до одного человѣка быть въ ружьѣ и такимъ образомъ сряду по нѣскольку часовъ препровождать. Такая крайность съ наступленіемъ времени наиболѣе усугублялась.

Представьте, милостивый государь, къ какимъ средствамъ голодные солдаты ни прибѣгали? Горсть муки въ большемъ количествѣ горячей воды размѣшанная могла ли кого насытить? И вотъ какимъ образомъ пищи они чередили: сварятъ артельный котелъ воды, а потомъ, когда уже оная бѣлымъ ключемъ выкипитъ, то съ небольшія пригоршни всыплютъ туда муки, отчего свѣжая вода только что побѣлѣетъ; и такъ снявши съ огня каждый свою порцію, наливая въ чашку, пилъ. Можно сказать, что сытымъ имъ быть надлежало съ одной горячей воды, отъ чего большею частію у нашихъ солдатъ только брюхо дуло. Сначала осады злодѣи многихъ перестрѣляли у насъ въ крѣпости лошадей; а какъ тогда ихъ въ пищу употребляемо еще не было, то и выбрасывали таковыхъ изъ ретраншамента на ледъ; послѣ того миновало уже три мѣсяца, въ которое время собаками были они всѣ обглоданы; но голодъ на собачье первенство не смотрѣлъ: солдаты съ великимъ апетитомъ стерву сію догладывали. Когдажъ и того не стало, то подбирали оставшіяся отъ того кости и оныя раза по два и болѣе въ баламыкахъ своихъ вываривали. Нѣсколько саповатыхъ лошадей содержано было на ближнихъ къ ретраншаменту квартирахъ, а когда дворы оные зажжены, то и лошади тѣ сгорѣли; сіи обгорѣлые остатки забыты въ то время не были, но хотя уже по стаяніи напослѣдокъ снѣгу великой смрадъ въ себѣ содержали, однако въ вареніе и въ пищу употреблены; да наконецъ и сія провизія совсѣмъ кончилась.

Между тѣмъ наступило Вербное Воскресенье. У коменданта оставалась еще корова, которую на праздникъ сей

и зарѣзали; но по множеству нашего многолюдства не больше каждому досталось какъ по куску. Надобно знать, что сія крайность началась почти отъ самаго Благовѣщенія, и такъ продолжаясь недѣли съ три, людей нашихъ въ такое наконецъ безсиліе привела, что, можно сказать, вѣтромъ уже ихъ шатало, а многіе и ходить не могли. Женщины солдатскія съ малолѣтними ихъ дѣтьми, въ надеждѣ, не сжалятся-ль иногда бунтовщики, глядя на ихъ слабость, выходили къ нимъ раза по три и, валяясь у всѣхъ въ ногахъ съ пролитіемъ непритворныхъ слезъ, милости сей просили, чтобъ въ городкѣ пребываніе имъ позволить; но были всегда назадъ прогнаны съ требованіемъ, чтобъ прежде ихъ злодѣйскихъ сообщниковъ освободить. Одни только Яицкія бабы приняты. Жалко было на бѣдныхъ младенцевъ тогда смотрѣть; многіе въ постелю уже слегли, другіе подобно какъ тѣнь шатались, а всѣ безъ изъятія наступившій голодъ до крайняго безсилія должны были чувствовать. У которыхъ имѣлись деньги, тѣ всячески старались пропитаніе себѣ сыскивать; но какъ запаснаго провіанта ни у кого почти не было, а и бывшій еще за долго до того времени въ казну весь отобранъ, то не могли болѣе какъ самое небольшое число находить, да и покупали толчи одинъ фунтъ по два рубли съ полтиной и болѣе. Изволите видѣть, сколь дешевъ у насъ былъ хлѣбъ! За меньшую солдатской дневной порціи надобно было платить цѣлую треть его годоваго жалованья. Возможно-ль было такимъ пропитаніемъ солдаткамъ себя содержать? Но сіе все происходило еще до Вербнаго, а къ Страстной недѣлѣ, словомъ однимъ сказать, ничего не оставалось!

Сикурса ожидать мы начали еще гораздо рано. Сначала нашей осады и помыслить никто не смѣлъ, дабы въ Генварѣ мѣсяцѣ онаго не получить; но Февраль наступилъ, а сикурса однакожъ не было. Многіе, такой мед-

лености находя на угадъ причины, вѣрно заключали, что къ половинѣ сего мѣсяца уже неотмѣнно быть ему надлежитъ; когда и того не сбылось, то отсрочили еще до Масляницы, потомъ до первой и второй недѣли, а уже къ Благовѣщенію чтобъ совершенно онъ былъ, того и самыя наши обстоятельства всемѣрно, казалось, требовали; но еще три недѣли прошло, считая отъ Благовѣщенія до Страстной седмицы, а о сикурсѣ ниже достовѣрное какое либо извѣстіе получено.

Злодѣи, наступившую нашу крайность вѣдая, не переставали чрезъ кричаніе съ разныхъ сторонъ возмущать солдатство; они клятвенно увѣряли, что самозванецъ имъ ничего не сдѣлаетъ, а развѣ могутъ быть отъ него всѣ жалованы, когда добровольно изъ ретраншамента выдутъ, что̀ и солдаткамъ, когда тѣ ходили проситься къ нимъ въ городокъ, съ наивеличайшимъ обнадеживаніемъ внушать не оставляли, прибавляя къ тому, чтобъ мужьямъ своимъ они совѣтовали комендапта и офицеровъ посажать всѣхъ въ воду, а самимъ безъ всякаго опасенія выходить. Тѣмъ злодѣйскіе крикуны всегда почти увѣряли, что команды, къ Оренбургу слѣдующія (по примѣру тѣхъ, о коихъ уже давно извѣстно здѣсь было) почти всѣ разбиты; что Оренбургъ въ послѣдней находится крайности; а иногда кричали, что оной уже и взятъ, что сикурсъ къ себѣ напрасно мы ожидаемъ, ибо всѣ мѣста наполняются войсками самозванца; что многіе города, какъ-то: Казань, Уфа, Самара и прочіе, къ нему уже преклонились, и что въ скорости наконецъ они ждутъ къ себѣ сильной арміи, которой по прибытіи не можемъ мы отпюдь въ этой нашей крѣпости отсидѣться, да и поздно уже будетъ ожидать помилованія, когда самозванецъ силою насъ возметъ. Такія плевелы утверждали они свидѣтельствомъ нашихъ бывшихъ у нихъ солдатъ, которые захвачены на

приступахъ и которые не могли иного объявлять какъ что мошенники имъ приказывали, а нѣкоторые и изъ бѣглыхъ отъ насъ солдатъ, погонщиковъ и казаковъ ревностно ихъ объявленіе подтверждали; такъ что все сіе, съ крайностью наступившаго голода совокупясь, о поколебаніи нѣкоторыхъ уже вѣроятное сумнѣніе наводило. Напоминаніе о ускореніи къ намъ сикурса не только нижнимъ чинамъ, но и офицерамъ наконецъ прискучило; а солдаты безъ явнаго негодованія, что эту пѣсню поютъ уже имъ съ самаго Рождества, не хотѣли о томъ и слышать. Надобно было, къ увѣщанію оставаться каждому до послѣдняго издыханія въ своей должности, совсѣмъ другія изъясненія представлять. Доказать надлежало, что тѣ, конечно, ничего не выиграютъ, которые, учиня измѣну и наруша данную предъ Богомъ клятву, въ городокъ отъ насъ побѣгутъ; что такіе клятвопреступники, убѣгая, какъ негодные трусы, смерти, оной всеконечно не избѣгнутъ; ибо злодѣи многократными вылазками столько на всѣхъ озлоблены, что ни одного солдата пощадить не стерпятъ; а хотя бы кого и оставили, то, въ случаѣ прибытія нашихъ войскъ, не преминутъ таковыхъ къ злодѣйскому себѣ содѣйствію напередъ всѣхъ выставить; пачежъ въ такомъ мѣстѣ и случаѣ то учинятъ, гдѣ наисильнѣйшее противу ихъ устремленіе или огонь быть можетъ; что смерть всякому человѣку дѣло необходимое, но намъ въ теперешнемъ случаѣ должно избрать такую, которая бы сходствовала съ Божескими законами, и непостыдно-бъ каждому было на страшномъ судѣ отчетъ въ ней дать. Солдаты безъ сумнѣнія понимали, какая великая разность умереть за присягу и вѣрность, или убитому быть въ злодѣйской измѣнѣ клятвопреступникомъ, т. е. умереть за свою природную Государыню и за свое отечество, или умереть за Емельку, какъ за сущаго разбойника и государственнаго злодѣя. Не оставляемо было

и такого мнѣнія въ нихъ влагать, что мы, не имѣя помощи отъ людей, можемъ еще ожидать помощи себѣ отъ Бога, Который, видя благое наше намѣреніе, что лучше желаемъ мы умереть нежели нарушить данную Ему въ нашей присягѣ клятву, по Своему всемогуществу много имѣетъ способовъ отъ предстоящей опасности насъ избавить противу всякаго чаянія; впротчемъ-же что весьма безбожно роптать противу святѣйшихъ Его уставовъ, а должно всему тому съ благоговѣніемъ повиноваться, въ чемъ Его святая воля есть: ибо оной противиться никому не можно, и что съ нами все то да и съ каждымъ изъ насъ неотмѣнно долженствуетъ сбыться, въ чемъ предѣлъ уже положенъ. Словомъ заключить, изъясняемо прилежно было, что лучше предать себя волѣ Божіей, да и быть въ животѣ и въ смерти сущими Его рабами, нежели отъ Него отрекшись прилѣпиться къ дьяволу, служить разбойнику, и при томъ всечасно неминуемой и весьма поносной смерти себѣ тамъ ждать. Сіи и подобныя тѣмъ внушенія солдатъ, повидимому, къ христіанской ревности побуждали. Справедливость такихъ истинныхъ предложеній была для нихъ неоспорима, чего ради усердно и отзывались, что лучше хотятъ они умереть, нежели пренебречь солдатскую свою должность, измѣнить Государынѣ и тѣмъ справедливо подвинуть на себя гнѣвъ Божій. Доказательство усердности ихъ было явное; ибо, претерпѣвая толь долгое время голодъ, почти никого бѣглыхъ изъ ретраншамента не было, кромѣ двоихъ или трехъ человѣкъ, которыхъ такое малое число и объяснить не слѣдуетъ.

И въ такихъ-то, милостивой государь, обстоятельствахъ настала наконецъ Страстная недѣля.

Я еще и позабылъ дополнить, что къ числу выше изображенной пищи жестокой голодъ новую изобрѣлъ: нѣкоторые въ Черномъ яру усмотрѣли глину, и по ея отмѣн-

ной мягкости, положа па зубъ, увидѣли, что совсѣмъ она не хруститъ, отвѣдали положить ее въ кипятокъ и сваря па подобіе киселя или жидкой каши, нашли къ пищѣ себѣ способною; а пакопецъ рѣдкой уже остался кто-бъ землю сію не ѣлъ. Вотъ послѣдняя мѣра нашей крайности! Возможпо-ль кому повѣрить, чтобъ въ самой вещи сіе дѣлалось? Но мы много имѣемъ свидѣтелей, чтобъ сему вѣрить.

Никогда Страстная недѣля прямо страстною такъ не казалась, какъ въ сіе прошедшее время памъ. Мы ясно видѣли, что землянною пищею уже долго не надышать. Если-бы голодъ нашъ начался только что съ сего времени, то-бъ пастоящіе шесть дней и безъ пищи продолжать можно; но какъ уже сей самымъ усильпымъ образомъ мучилъ пасъ дней съ пятнадцать, и люди такъ всѣ отощали, что совсѣмъ почти обезсилили, то и помыслить было нельзя, чтобъ до Святой Пасхи могли дожить. Умереть въ ретраншаментѣ сидя, солдаты не соглашались, а говорили: падобно что пибудь да дѣлать. Сіе съ нашимъ предпріятіемъ было сходно; по дѣлать другаго уже было печего, какъ взявши ружья, всѣ до одного человѣка идти па вылазку. О совершенной побѣдѣ пикакой надежды мы пе имѣли, а только желали, чтобъ храбро окончить жизнь и, сколько можно будетъ, злодѣямъ своимъ и всего отечества достойпое при концѣ нашей жизни отмщепіе сдѣлать. Основаніемъ сей отчаянности наиболѣе было то, что храбрыхъ людей, па которыхъ мужество и проворство положиться-бы надлежало, не оставалось уже болѣе человѣкъ ста, да и то съ нуждою набраться едва моглось; прочіе были совсѣмъ безсильны, или пе такъ смѣлы, чтобъ до послѣдней капли крови уступить не могли. Ударъ па бунтовщиковъ падлежало чинить къ заваламъ; и сіи, какъ уже сказапо, были парочитой величины, папол пепы

вездѣ ружейными бойницами и пушечными амбразурами, да и содержаны бóльшимъ людей количествомъ, нежели какое мы имѣли. Надлежало оные перелѣзать. Злодѣямъ въ такомъ случаѣ, не потерявъ ни одного у себя человѣка, можно бъ было большую половину у насъ побить, чтò послѣдняя вылазка, о которой выше изъяснено, неоспоримо подтверждаетъ. Между тѣмъ можно-бъ уже имъ было и со всего городка сбѣжаться, а такихъ заваловъ надлежало-бъ проходить намъ два. И такъ должно было идти на смерть, какъ то сами видите.

Время до сей отчаянной вылазки быть продолжительно не могло; ибо оставшихъ людей безсилія ожидать не долженствовало, а голодъ неотмѣнно-бы произвелъ, еслибы еще промедлить намъ дня съ четыре. И такъ на первыхъ недѣли сей дняхъ надлежало конечному судьбы нашей рѣшенію послѣдовать.

А сіе и сбылось. Но сверхъ всякаго чаянія въ нашу пользу, съ церкви на всѣ непріятельскія движенія непрестанно отъ насъ смотрѣли, откелѣ и запримѣчено, что въ Понедѣльникъ съ самаго почти утра злодѣи по городку вездѣ уже разъѣзжали, а въ скорости изъ-за города выбираться начали. Можно было видѣть, что собираются они въ партію; ибо нѣкоторые ѣздили по двѣ лошади, прочіе съ встрѣчающимися прощались, да и женщины ихъ съ ребятами отъ городскихъ воротъ, провожая отъѣзжающихъ, весь день почти не отходили. При томъ усмотрѣно, что по безпрерывному въ тотъ день обоего пола людей движенію немалое у нихъ безпокойство происходитъ. Оракулы *)

---

*) Оракулы это Яицкіе казаки, которые здѣсь почитались за пророковъ. Они, съ бывшими въ прежній мятежъ обстоятельствами настоящія соображая, такія выводили изъ сего слѣдствія, по которымъ надѣялось, что по всякому въ городкѣ движенію точныя тѣхъ причины они совершенно распознавать могли, а изъ того и о сикурсѣ, что оной прибытіемъ не закоснитъ, чинили отъ самаго Рождества почти ежедневныя предвозвѣщанія. Словомъ сказать, стуки ли

наши сказывали, что сикурсъ конечно уже близокъ. Мы и сами не понимали, какая бъ окромѣ сей могла тому быть причина: никогда подобно сему безпокойству въ злодѣяхъ еще не видано. Они-жъ и на прошедшихъ недѣляхъ многими партіями по Оренбургской дорогѣ уже отправились; чего ради въ тотъ день, какъ будто по куску хлѣба съѣвши, пріятною надеждою ободрясь, нѣсколько укрѣпились. Съ нетерпѣливостью всѣ хотѣли знать, что̀ будетъ еще на завтра; но утро съ прошедшимъ, такъ какъ и съ будущимъ своимъ вечеромъ, гораздо не согласовало: все въ бывшій день движеніе, казалось, что затихло и хотя небольшія партіи временемъ изъ городка отправлялись; но людей на улицахъ да и въ такихъ суетахъ какъ прошедшаго дня усматривано больше не было. Минуло за половину дня, а въ городкѣ все тихо было, что̀ съ близостью сикурса по общему и самыхъ нашихъ оракуловъ мнѣнію никакого сходства не могло быть; ибо думали, что не приближится оной верстъ за семдесятъ какъ здѣшніе бунтовщики съ женами и дѣтьми ихъ всѣ на побѣгъ уклонятся, а того-то въ то время совсѣмъ и не примѣчалось! Надежда, промелькнувшая въ прошедшій день, стала опять угасать. Ѣсть каждому смертельно хотѣлось; ибо голодъ, который надежды нѣсколько подкрѣпляли, паки предста-

въ городкѣ были ночью слышны, или собаки гдѣ лаяли, или изъ городка въ верхъ либо внизъ по нѣскольку когда упряжекъ выѣхало, они, выпрошены будучи, долженствовали рѣшить, что̀ было надобно о томъ думать. Сихъ-то самыхъ и въ помянутое время, т. е. въ Великой Понедѣльникъ, о происшедшемъ въ городкѣ движеніи спрашивано; но увѣренія ихъ были уже весьма не въ модѣ: ибо кто чрезъ сто разъ ни однажды навѣрно не отгадалъ, тому вѣрить трудно; и такъ самыя обстоятельства, а не они надежду намъ и ободреніе причинили. Главной изъ сихъ гадателей почитался Антонъ Ѳедоровичъ, иначе никогда его не называли, Таликовъ; по немъ войсковой писарь Михайло Михайловъ и проч. Были, правда, въ томъ числѣ и старухи; но они большею частію пророчествовали на бобахъ, сказывая явленія, толковали сны, и изъ другихъ подобныхъ сему началъ свои доказательства выводили, которымъ однакожъ не вѣрить почиталось у насъ за грѣхъ.

вился въ страшномъ своемъ видѣ, и которой, сопровождаясь унынiемъ по всему ретраншаменту разлившимся, навелъ на всѣхъ печаль, страхъ и изнеможенiе, такъ что добрыя души сими плачевными обстоятельствами содрогаться уже могли. Въ такомъ горестномъ состоянiи можно-ль было чего полезнаго ожидать? Всѣ молчали, время толь несносное однимъ вздыханiемъ препроводя. На иныхъ нападалъ сонъ; другiе ходили или сидѣли, повѣся голову; нѣкоторые то и дѣло поглядывали изъ ретраншамента на степь, отколь большею частiю сикурсъ былъ ожидаемъ; но, не видя ни малѣйшихъ признаковъ, тѣмъ наиболѣе въ унынiе погружались. Всѣ безъ изъятiя понимали, что рѣшенiе уже близко; но какой будетъ всему конецъ, того никто не вѣдалъ; а сiе самое бывшую отъ недостатка пищи слабость уже въ совершенное безсилiе претворяло; кратко сказать, если-бы толь жестокое время продолжалось далѣе, то и сами не знаемъ, что̀ бъ напослѣдокъ съ нами да и со всѣми бывшими въ ретраншаментѣ сдѣлалось.

Промыслъ Божiй нигдѣ, кажется, толь явственно не доказанъ. Проповѣдникъ изъ сего случая имѣлъ бы преизобильную матерiю почерпнуть; но я изъясниться долженъ, что премилосердый Господь въ самое такое время Свое избавленiе къ намъ послалъ, когда видѣлъ, что уже къ сношенiю обышедшихъ насъ золъ силъ человѣческихъ совершенно недоставало, да и такъ Своимъ милованiемъ ускорилъ, что не прошло болѣе трехъ часовъ, когда мы совсѣмъ противъ вышеписаннаго уже въ другомъ состоянiи находились.

Въ 5-мъ пополудни часу начали бунтовщики по тойже Оренбургской дорогѣ, по которой вчерась отъѣхали, изъза рощи кучами появляться. Жестокая отъ ѣзды ихъ пыль еще издали доказала, что скоро они бѣгутъ. Каждая толпа, прибывъ къ городку, въѣзжала тѣми воротами, кои къ

домамъ ихъ ближе. Толпа за толпою изъ за рощи почти безпрерывно слѣдовали въ поспѣшности, заднія переднихъ перегоняя, да и въ такомъ безпорядкѣ, что не только значковъ и копій видно ни у кого не было, но и ѣхали кто какъ успѣлъ, съ великой опрометью. Въ городкѣ такъ встревожились, что всѣ улицы и переулки взадъ и впередъ бѣгающими наполнились, подобно тому какъ-бы пожаръ гдѣ случился. Ночь уже наступала, а злодѣйской тревоги окончанія еще не было. Такое бунтовщиковъ замѣшательство и съ крайнею поспѣшностью въ безпорядкѣ обратный сюда пріѣздъ, хотя добраго для нихъ ничего и не значилъ, но наша опасность еще не кончилась. Мы, какъ выше предупомянуто, могли наисильнѣйшаго удара на себя ждать, который по мѣрѣ ихъ отчаянности долженствовалъ бы намъ быть всеконечно вреденъ. Для того отмѣнная въ тотъ вечеръ предосторожность предпринята; но злодѣи въ сей заботѣ долго насъ не оставили. Едва только смерклось, какъ за завалами произошелъ у нихъ шумъ, и примѣчено необыкновенное многолюдство. Мы вступили тотчасъ въ ружье, и къ тому мѣсту, отколь былъ крикъ, начали изъ пушекъ стрѣлять; а они, то видя, требовали, чтобъ въ нихъ болѣе не стрѣляли, сказывая, что они приходятъ къ Ея Величеству въ повиновеніе, и готовы тотчасъ все учинить, что̀ было-бы имъ приказано.

Велѣно было людямъ тремъ подойти ближе, которымъ объявленъ мною комендантскій приказъ, и стрѣлять между тѣмъ кончили, чтобъ атамана Каргина, придворнаго ихъ шталмейстера Толкачева и всѣхъ ихъ старшинъ, тотчасъ въ ретраншаментъ къ намъ представили, а также и самозванцеву жену съ ея ближнимъ штатомъ чтобъ конечно не упустили. Меньше получаса атаманъ съ прочими злодѣями въ числѣ семи человѣкъ уже былъ представленъ; а женщинъ, которыя въ семъ алярмѣ скрылись, вездѣ искать

послано. За Перфильевымъ и другими ему подобными, которые убѣжали изъ городка, велѣно послать партіи. Къ дому самозванцову опредѣленъ караулъ. А еще чрезъ часъ уже до нѣсколька ковригъ и хлѣба на команду принято. Сіе всеконечно не болѣе какъ пополудни въ девять часовъ; при томъ достовѣрное чрезъ нарочнаго извѣстіе получено, что слѣдующій намъ сикурсъ находится уже ту ночь на рубежномъ форпостѣ, въ разстояніи отъ Яицкаго городка сорока верстъ, что выѣзжавшіе противу онаго здѣшніе бунтовщики по двукратномъ сраженіи того и вчерашняго дня почти всѣ разбиты, а только нѣкоторые бѣгомъ спаслись, въ томъ числѣ и главный злодѣй атаманъ Овчинниковъ, и что наконецъ оный сикурсъ къ намъ послѣ завтра неотмѣнно сюда прибудетъ.

Во адѣ бывшіе узники сошествіемъ къ нимъ Спасителя обрадованы сколько ни были, но мы, кажется, въ тогдашней нашей радости имъ нимало не уступали. До Свѣтлаго Воскресенья оставалось еще четыре дни; но мы дѣйствительно, казалось, ожили. Самые тѣ, которые отъ голоду и болѣзни уже на смертномъ одрѣ лежали, сею перемѣною были мгновенно исцѣлены; да и такое во всѣхъ веселіе появилось, что отъ чрезмѣрной радости ни молчать, ниже на одномъ мѣстѣ никто стоять не могъ. Всѣ въ непрестанномъ движеніи ночь ту препроводили, воздавая отъ всего сердца Богу благодареніе и изъясняя другъ другу, отъ какой напасти они спаслись; нѣкоторые сумнѣвались еще и вѣрить, въ самой ли вещи благополучіе съ нами сдѣлалось, т. е. не сонъ ли одинъ тѣмъ льститъ. Однако истину съ пустымъ мечтаніемъ разобрать уже трудно не было. И тако въ семъ наиприіятнѣйшемъ состояніи чрезъ всю эту ночь, я думаю, ни одинъ человѣкъ глазъ своихъ не затворилъ.

На другой день къ вечеру и вожделѣнной сикурсъ къ намъ прибылъ, предускоря свое обѣщаніе цѣлыми почти сутками. Радость наша чрезъ то умножилась, и свобода несомнѣнно подтверждена. Вороты ретраншамента въ тотъ день отворились, которые Декабря 30-го дня пескомъ и землею будучи завалены, всю зиму стояли заперты. Вышли мы наконецъ изъ сего острога, въ которомъ отъ самаго Ноября мѣсяца были заключены: ибо и до осады мѣсяца еще за два столь крѣпко въ немъ были держаны, что ниже за сіи вороты безъ строгаго въ томъ взысканія выйти намъ дозволялось; да и нынѣ бѣдное солдатство мучитъ еще въ немъ жизнь, хотя вновь прибывшія сюда команды всѣ безъ изъятія по квартирамъ расположены. Офицеры наши живутъ всѣ тутъ-же въ самой той избѣ, гдѣ больные были. А только дозволено днемъ кому куда надобно отлучиться; но и сія милость единственно отъ его превосходительства, какъ сказываютъ, съ нами сдѣлана.

Вотъ, милостивой государь, происшествіе всѣхъ тѣхъ приключеній, которыя, сколько упомнить я могъ, старался одно за другимъ по порядку здѣсь представить. Искусное перо описало бъ оныя столь подробно и живо, что, я думаю, любопытства каждаго читателя они совершенно бъ стояли; я истинно не хотѣлъ оныя распространять, дабы вашему высокоблагородію долгимъ чтеніемъ не наскучить; но матерія въ сіе пространство меня неволею завела, а тѣмъ самымъ и уподобился я господину Эмину, который хотя и сказывалъ, что онъ лишняго распространенія ни въ одномъ писателѣ похвалить не можетъ, но въ самой вещи пространнѣе самого его никто еще не писалъ.

Хотя приправками повѣствованіе мое наполнено; но я великодушнаго извиненія уповаю, такъ какъ и въ томъ, гдѣ нескладно наврано, потому 1-е) что писалъ безъ черна съ ежечасными по причинѣ болѣзни моей перерывками,

а переписать затѣмъ оставилъ, дабы лишняго тѣмъ промедленія не учинить; 2-е) что многихъ толь случаевъ, признаться надобно, порядочно и описать не могу; а 3-е) что и сдѣлано сіе мною не ради изъявленія въ повѣствованіяхъ моей храбрости, но единственно въ доказательство истиннаго моего усердія и послушанія, съ которымъ въ искреннемъ высокопочитаніи я имѣю честь быть и пр.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ,

УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ШЕСТНАДЦАТОЙ КНИГѢ

АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

КНИГА СЕДЬМАЯ. Доклады Елисаветинской конференціи.—Бумаги объ измѣнѣ гр. Тотлебена.—Переписка гр. Воронцова съ Н. И. Панинымъ.—Бумаги о побѣгѣ Д. В. Волкова.—Бумаги о тайной перепискѣ имп. Елисаветы съ Людовикомъ XV-мъ.—Конференціи при Петрѣ III-мъ и въ первое полугодіе Екатерининскаго царствованія.—Переписка гр. М. Л. Воронцова съ Екатериною II-ю.—Замѣчанія княгини Дашковой на книгу Рюльера о переворотѣ 1762 г. Съ портретомъ гр. М. Л. Воронцова.

КНИГА ВОСЬМАЯ. Автобіографія графа С. Р. Воронцова и письма къ нему, къ его брату и къ его сыну графа Ѳ. В. Ростопчина.

КНИГА ДЕВЯТАЯ. Письма гр. С. Р. Воронцова къ брату его гр. А. Р. Воронцову и къ разнымъ лицамъ. 1783—1796. Съ гравированнымъ на стали портретомъ графа С. Р. Воронцова.

КНИГА ДЕСЯТАЯ. Письма гр. С. Р. Воронцова къ брату его гр. А. Р. Воронцову и къ разнымъ лицамъ, въ царствованія Павла Петровича и Александра Павловича. Со снимкомъ.

КНИГА ОДИНАДЦАТАЯ. Переписка графа С. Р. Воронцова съ графомъ Н. П. Панинымъ и съ Н. Н. Новосильцовымъ, въ царствованія Павла Петровича и Александра Павловича. Со снимкомъ.

КНИГА ДВѢНАДЦАТАЯ. Письма графа П. В. Завадовскаго къ братьямъ графамъ Воронцовымъ. Со снимкомъ.

КНИГА ТРИНАДЦАТАЯ. Письма князя А. А. Безбородко.

КНИГА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. Письма князя Кочубея, графа Маркова, князя А. И. Вяземскаго, П. А. Левашова и И. В. Страхова.

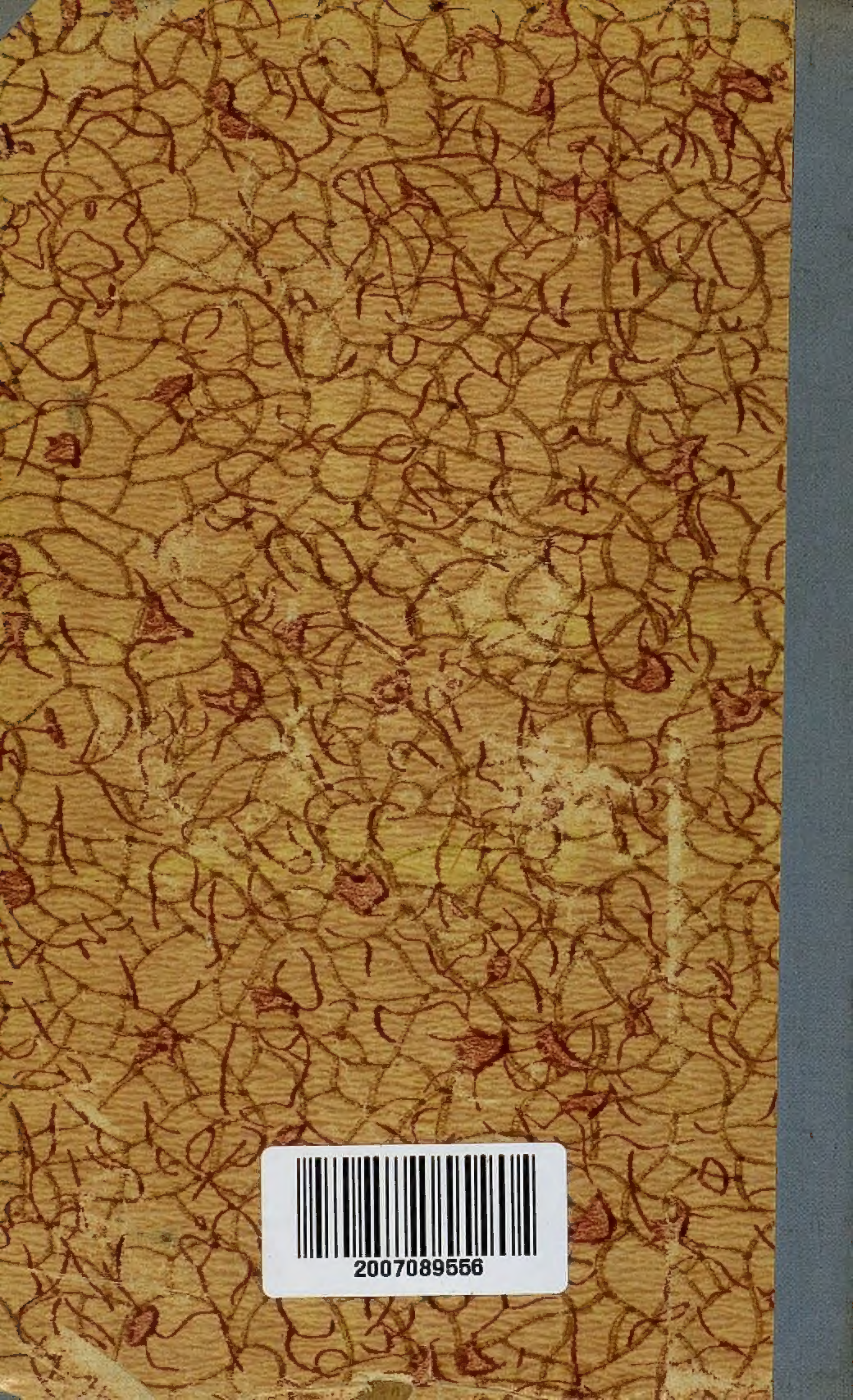
КНИГА ПЯТНАДЦАТАЯ. Письма А. Я. Протасова и князя Чарторыжскаго.

Цѣна первой книгѣ 2 р. 50 к.; книгамъ 2, 3, 4, 5, 6 и 7 по 2 рубля; остальнымъ книгамъ каждой по 3 рубля. **Складъ изданія находится** въ С.-Петербургѣ, на Мойкѣ, въ домѣ 104-мъ, въ Главной Конторѣ Князя Воронцова.

ЦѢНА ТРИ РУБЛЯ.

Складъ изданія въ С.-Петербургѣ, на Мойкѣ № 104, въ Главной Конторѣ Князя Воронцова.

Типографія А. Гатцука, Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго.

2007089556